Slavica Tartuensia XI
Slavic Eurasian Studies No.34

Славянская микрофилология

Под редакцией
Александра Д. Дуличенко
Мотоки Номати

Tartu Ülikool / Тартуский университет
Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University

I. Общетеоретические вопросы славянской микрофилологии

Дуличенко Александр Дмитриевич
Тартуский университет
Тарту, Эстония

Славянская микрофилология

Славянская филология – термины «микроязык» и «микрофилология» – классификация славянских микроязыков – сущность микрофилологий – классификация микрофилологий – образцы текстов на микроязыках

Прежде чем приступить к рассмотрению славянской микрофилологии, напомним, что термин *микроязык* появился в середине 60-х гг. XX в., а позднее и производные от него *микролингвистика* и *микрофилология*. Первоначально термин *микроязык* (правда, без употребления его) относился только к южнорусинскому, а с 70-х гг. и позже распространился на всю категорию языков этого рода (ср. Дуличенко 1981; Дуличенко I–II 2003–2004; Дуличенко I–II 2011; Дуличенко 2005; Дуличенко 2015 и др. — подробнее см.: Романчик 2006). Позднее стали развиваться и остальные два термина — *микролингвистика* включала в себя то, что касается этого рода языков, а *микрофилология* — присовокупляла еще и соответствующие микролитературы.

Таким образом, формирующаяся ныне славянская микролингвистика включает по меньшей мере около 20 таких микроязыков и делится нами по крайней мере на четыре группы:

I. автономные
II. островные
III. периферийно–островные
IV. периферийные (региональные).

Рассмотрим по указанным группам микроязыки, обратив внимание на территорию их распространения (с указанием главного места), времени появления письменности, вида этой письменности и, наконец, времени первой кодификации.

I. Автономные

верхнелужицкий: Германия (земля Саксония, ист. обл. Верхняя Лужица), г. Будышин (в.-луж. Budyšin, нем. Bautzen); письменность с XVI в. / латиница; кодификация с 1679 г.

нижнелужицкий: Германия (земля Бранденбург, ист. обл. Нижняя Лужица); г. Коттбус (н.-луж. Chóśebuz, нем. Cottbus); письменность с XVI в. / латиница; кодификация с 1650 г.

кашубский: Польша (Гданьское воев., ист. обл. Поморье Гданьское и вост. часть Западного); Картузы, Гданьск (польск. Kartuzy, Gdańsk); письменность с 40-гг. XIX в. / 1879 г. / латиница; кодификация с 1879, 1919 гг.

II. Островные

югославо-русинский (южнорусинский): Сербия (Автономная обл. Воеводина) и Хорватия; Руски Керестур (серб. Руски Крстур), Нови Сад / Загреб (хорв. Zagreb); письменность с XVIII в. / церковная и гражданская кириллица; кодификация с 1923 г.

градищанско-хорватский: Австрия (земля Бургенланд); Эйзенштадт (град.-хорв. Željezno, нем. Eisenstadt); письменность с XVI в. / латиница; кодификация с 1919 г.

молизско-славянский: Италия (обл. Молизе, пров. Кампобассо, итал. Molise, Campobasso); письменность с XIX в. / латиница; кодификация с 1968 г.

резьянский: Италия (пров. Венеция-Джулия, итал. Venezia-Giulia, долина Резья); письменность с XVIII в. / латиница; кодификация с 1999, 2005 гг. (частичная).

банатско-болгарский: Румыния (ист. обл. Банат) и Сербия (ист. обл. Банат); в XIX в. центр — Винга (румын. Vinga) / Стар Бешенов (румын. Dudeştii Vechi); письменность с XIX в. / латиница; кодификация с 1866 г.

III. Периферийно-островные

(**карпато**)**русинский**: Украина (Закарпатская область — Подкарпатская Русь, Восточная Словакия — Пряшевская Русь; Польша, Венгрия, (Румыния)); письменность с XV в. / церковная, гражданская кириллица, спорадически также латиница; кодификация преимущественно с XX в.

эгейско-македонский: Греция (Эгейская Македония); письменность с XVIII/ XIX вв. / кириллица, спорадически греческое письмо и латиница; кодификация с 1953 г.

помакский: Греция (номы Ксанти, Родопи, Эврос, ист. Зап. Фракия); Комотини; письменность с XX в. / греческое письмо, латиница; кодификация с 90-х гг. XX в.

венецианско-словенский: Италия (область Фриули — Юлийская Краина, Терская и Недижская долины); письменность с конца XVIII в. / латиница; кодификация — ?

буневский (Сербия и приграничные р-ны Венгрии); Суботица (серб.-хорв. Суботица/Subotica); письменность с XX–XXI вв. / латиница; кодификация — ?

IV. Периферийные (региональные)

чакавский: Хорватия (Адриатическое побережье и острова); гг. Сплит, Риека (хорв. Split и Rijeka); письменность с XI/XII вв. / глаголица, с XV в. — латиница; кодификация — 1604 г.

кайкавский: Хорватия (северо-запад и средняя часть); Загреб, Вараждин (хорв. Zagreb и Varaždin); письменность с XV/XVI вв. / латиница; кодификация — 1783 г.

прекмурско-словенский: Словения (область Прекмурье); г. Мурска Собота (словен. Murska Sobota); письменность с XVII в. / латиница; кодификация — ?

ляшский: Чехия (Силезия); г. Фридек-Мистек (чеш. Frýdek-Místek); письменность с XX в. / латиница; кодификация — ?

восточнословацкий: Восточная Словакия; письменность с XVIII в. / латиница; кодификация — (1875 г.).

западнополесский: Белоруссия (частично Украина); Минск (?); письменность с (XIX) / XX вв. / кириллица, спорадически — латиница; кодификация — ?

силезский: Польша, частично Чехия; письменность с XX в. / латиница; кодификация — учебная (с 2010 г.).

Современная Славия таит в себе и иные пробы создания литературных микроязыков. То есть это открытый список, который может пополняться все новыми и новыми экспериментами. Другое дело, что не каждый эксперимент может достичь определенных результатов. Мы не будем здесь останавливаться на этом вопросе — мы хотим посвятить этому вопросу специальную работу.

Относительно **микрофилологий**. Здесь ситуация сложнее: таковых оказывается шесть/семь —

1. верхне- и нижнелужицкие
2. южнорусинская
3. градищанско-хорватская
4. банатско-болгарская
5. карпаторусинская и
6. силезская.

Приближаются к ним еще пять микроязыков, в которых вторая сторона — микролитературы пока еще развивается слабее, но имеет некоторые тенденции к выравниванию: это

- чакавский и кайкавский, развивающие в основном литературно-художественную сторону (появляющиеся в печати лингвистические работы пока редки),

- резьянский и буневский, в основном выравнивающие обе стороны микрофилологий;
- что касается западнополесского, то он то затухает, то возрождается вновь.

Половина микроязыков (13 из 20) идет по тому же пути, что и «большие» славянские литературные языки. То есть, иными словами, это микрофилологии с двумя сторонами — микроязыками и микролитературами. Рассмотрим их:

1) Микрофилологиями обладают все три автономных микроязыка — верхнелижицкий, нижнелужицкий и кашубский.
2) Ситуация **с островными микрофилологиями** сложнее:
   а) часть из них развивает микрофилологии — таковы южнорусинский, градищанско-хорватский, а также банатско-болгарский;
   б) «не дотягивают» до полноценных микрофилологий молизско-славянский и резьянский.
3) **Из периферийно-островных** большая часть здесь это
   а) слабо развивающиеся микроязыки — эгейско-македонский, помакский, венецианско-словенский;
   б) два других это хорошо развивающиеся — буневский и особенно (карпато)русинский.
4) Собственно **периферийные (региональные)** распределяются следующим образом:
   а) к микрофилологиям имеют тенденции чакавский и кайкавский, а также силезский и западнополесский;
   б) слабо развивающимися остаются прекмурско-словенский и ляшский.

Литературно-языковой феномен под названием «Микрославия» переживает на рубеже XX–XXI вв. подъем (см. подробнее: Дуличенко II 2011: 315–434; см. также: Oblicza slawistyki 2013). Наблюдается функционирование не только литературных микроязыков с длительной письменной традицией, но и возникших недавно. Мы являемся свидетелями начальных ростков литературно-языковых образований, которым в будущем суждено стать литературными

микроязыками. Это также значит, что усиливается связь с малой родиной и как-то удовлетворяется ностальгия нынешнего поколения по языку своих предков, и т. д. Современная Славия еще располагает некоторыми потенциальными возможностями для возникновения новых ростков в виде литературных микроязыков, которые будут сосуществовать и функционировать в согласии и в гармонии с литературными языками крупных славянских (и не только славянских) народов.

Действительно, на рубеже XX–XXI вв. наблюдаются процессы создания новых литературных микроязыков. Так, например, в Воеводине (Сербия), буквально на наших глазах рождается так наз. буневский литературный микроязык. Буневцы проживают в исторической области Бачка — Суботица, Сомбор, Чентавир, Баймок, Чонопля и др., а также незначительно — в исторических областях Баранья и Банат. Часть их поселений оказалась также в Венгрии. В бывшей Югославии их насчитывалось примерно 80 тыс. человек, в Сербии по переписи 2002 г. — 20 тыс. Вероятно, их предки являются выходцами из Далмации. В Сербии буневцы квалифицируются как национальное меньшинство; иногда о них пишут как о народности, имевшей в качестве предков сербов-католиков. Тем не менее часть буневцев относит себя к хорватам, другая часть считает себя самостоятельным этносом. Как бы то ни было, но у них уже существует общество «Национальный Совет буневского этнического меньшинства» и даже «Буневская Матица» («Bunjevačka Matica»). Одной из задач возрождения ставится создание буневского литературного языка. Вводятся уроки буневского в некоторых начальных школах. Издающийся «Буневский журнал (-ая газета)» («Bunjevačke novine») уже печатает тексты по-буневски.

В Польше возникло и ныне развивается движение за создание силезского, а также гуральского (подгальского) литературных микроязыков. По-силезски и по-гуральски уже появляются печатные тексты. Издан, например, в форме книги перевод на гуральский «Евангелия», выходит некоторая периодики и другие издания, в том числе в электронном виде в интернете. Такие эксперименты можно назвать литературными микроязыками *in statu nascendi*, т.е. «в состоянии рождения». Предстоит еще большая работа по унифи-

кации графики и орфографии, грамматики и словаря. Однако таково начало почти любого литературного языка. Будущее покажет, сформируется ли и как будет развиваться в Силезии литературно-языковой процесс по созданию указанных микроязыков. Появляются и другие попытки оформить литературные языки для небольших этнических и культурно-языковых групп (О новых попытках создания литературных микроязыков в современной Славии см. подробнее: Дуличенко II 2011: 315–434 и др.).

Особый вопрос об интернете для микроязыков. Роль интернета в настоящее время для их развития неоценима. Большинство современных литературных микроязыков успешно используют интернет: в некоторых случаях в основном через этот канал развивается идея литературного микроязыка. Так, например, серболужицкие, южнорусинский, градищанско-хорватский, кашубский, силезский и др. успешно используются в интернете. То есть их издания можно прочитать и таким путем.

Литературные микроязыки — факт современной Славии и, шире, Европы. На социолингвистическом уровне феномен литературных микроязыков разнообразит и обогащает и Славию, и Европу в целом. В 1992 г. в Страсбурге была принята «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», согласно которой государства, в которых имеются такие языки, обязуются проявлять заботу об их поддержании и развитии. Некоторые недоразумения в связи с этой категорией языков могут быть сняты при понимании сказанного выше и при осознании того непреложного факта, что не существует и не может существовать запретов на свободу языкового выражения и свободу на языковое различие, тем более если для того имеются объективные предпосылки и возникает общественная необходимость.

Есть основания говорить о новой славистической дисциплине, названной в 2005 г. на международной конференции в Тарту «Славянские литературные микроязыки и языковые контакты» славянской микролингвистикой. На XV Международном съезде славистов в Минске в 2013 г. был поставлен уже вопрос о формировании славянской микрофилологии как особой ветви славяноведения (см. об этом подробнее: Дуличенко 2013: 17–30).

Таким образом, славянская микрофилология ныне развивается на фоне и в связи с большими славянскими филологиями и, как кажется, имеет все возможности для дальнейшего укрепления и развития.

Представим впервые образцы текстов на всех литературных микроязыках.

Образцы текстов на славянских литературных микроязыках

I. Автономные

Верхнелужицкий (Германия):

Serbskeho wědomostneho towarstwa Maćica Serbska

§1. Mjeno a sydło.

(1) Towarstwo nosy mjeno Maćica Serbska. Wone bu 1847 założene (a 1872 do Budyskeho towarstwoweho registra zapisane).

Towarstwo wjedźe tohorunja skutkowanje 1880 založeneje deljnoserbskeje Maśice Serbskeje dale. Maćica Serbska je so 1990 do Budyskeho towarstwoweho registra zapisała.

(2) Sydło towarstwa je Budyšin...

Rozhlad, lět. 41, Budyšin, 1991, č. 11, s. 303.

Нижнелужицкий (Германия):

Serbska rěc njejo pśi nich zabyta

Młogi raz se groni: Co ga to dej, tam tak a tak nicht wěcej serbski njepowěda — gaž wo někaku serbsku wěc we wjaskach Lubinskeho wokrejsa źo. Tomu pak tak njejo. Tam su Domowinske kupki — teke, gaž su žednych cłonkow w slědnem casu zgubili —, a tam su młoge dobre Serby, kotarež su se pśed wjele lětami z cysto serbskich jsow tamkor woženili...

Nowy casnik, lět. 43, Chośebuz, 4. maj 1991, s. 6.

Кашубский (Польша):

Regùlamin Radzëznë kaszëbsczégò jãzëka
kòl Kaszëbskò-Pòmòrsczégò Zrzeszeniégò

§ 1. Radzëzna Kaszëbsczégò Jãzëka kòl Kaszëbskò-Pòmòrsczégò Zrzeszeniégò, zwónô dali Radzëzną, òsta pòwòłónô Ùchwôlënkã nr 14 Przédny Radzëznë KPZ z dnia 26 zélnika 2006 rokù na spòdlim § 28 ùriwk 2 ë 4 Sztatutu Kaszëbskò-Pòmòsczégò Zrzeszeniégò a Sztrategije òchronë ë rozwiju kaszëbsczégò jãzëka ë culture...
Biuletin Radzëznë kaszëbsczégò jãzëka. Rok 2007. Gduńsk, 2007, s. 11.

II. Островные

Южнорусинский (Сербия, Хорватия):
Кудзель. Шицким нам добре познате же ше на кудзелї предло. Нашо жени у тедишнї час, часто од додня рана по саму ноц закруцали нїтки. Кудзелї правели кудзеляре зоз сухого вербового древа. Кажда часц кудзелї була окреме украшена. Остатнїх рокох XIX и на початку XX вику руски жени предли на стародавних кудзельох котри були без колєса. Трима ше же нова кудзель прийата до наших крайох прейґ нємецких фамелийох, котри були барз схопни за виробок финалних продуктох з конопи. На нєй ше могло направиц ценшу цверну, та стара кудзель цалком занєдзбана. Кудзель ма тоти часци: вершнїк, палїчку, локец, пиро, вреценко, каричку на пиру, кольче, циґанку, шнур, лабку и кудзель або рам. Грубину цверни ше одредзовало зоз пальцами док ше вицаговало нїтки з влакна. Нєшка ше кудзелї чува на пойдзе. Вецей их нїхто нє прави.

Любомир Медєши. З народней студзенки.
— Заградка, Нови Сад, 1999, ч. 1, б. 15.

Градищанско-хорватский (Австрия):

«Od Grgura Mekinića do Alojza Jembriha»
— simpozij u spomen Mekinića

«Od Grgura Mekinića do Alojza Jembriha» iliti: Protestantizam med tadašnjimi zapadnougarskimi Hrvati je bila tema simpozija u Hrvatskom centru, petak 9. junija. Pred tim, točno na podne istoga dana su u Svetom Križu pod arkada nekadašnjega Nádasdyjevoga dvorca otkrili dvojezičnu spomenploču ovomu protestantskomu pastoru, ki je tadašnjim zapadnougarskim Hrvatom u Farkaševoj tiskari u ovom dvorcu štampao prve knjige vjerskih jačak: Duševne pesne, u 1609. i 1611. ljetu. Mekinić

je doprimio današnjim gradišćanskim Hrvatom književni jezik, ki je bio ončas, naravno, razgovorni jezik u narodu...

Hrvatske novine, ljeto 108, Eisenstadt/Željezno, 2017, br. 25, 23. juni, s. 10.

Резьянский (Италия):

Sandro Quaglia Ǵuket. Näs anu zütra

Lëto 2016 jë se rivalo ano wor lëta, tej po nawadi, so leda, da ka jë bilo norët lipaa čis lëto. Nejveć so leda, da ka jë se dorivalo naredit ano pa da ka jë šćë za dëlet. Neš čirkolo, prow za prow, jë pa litos naredil karjë ni lipi rači za te jüdi wpïsane w čirkolo ano za wse rozajone: z ate domoće ano pa za te pësvitë.

Tej rüdi so jë jïskalo, tej se more, dyržet orë to rozajonsko kultüro ano nose romoninjë...

Näš Glas — La nostra voce, anno XII, Resia, 2016, nu 1, dicembre, s. 1.

Молизско-славянский (Италия):

G. B. Piccoli. Mundimitar

...Selo ima sada 870 čeljadi (u 1902 bihu 1170), ma istina još manje, aje okolo 200 čeljadi su poli raditi u Nimačku (Germania), Francusku (Francia), Belgiju (Belgio) i tako dalje. Svi u Mundimitru govore “slavenski” a nikor ne umi ni lejiti ni pisati ovi jezik, zato je zgubija čuda riči. Sada se čini štokodi za potakniti molade za se posvetiti učenju do jezika do našihi otaca. Je jena grih ke jena imovina tako znatna se gubi. Nekoliki učenjaci se interesiraju do ove problem i prvi simptomi do probudjenja (risveglio) su počeli davati koji plod...

Naš jezik — La nostra parola, anno 1, Roma, 1967, br. 1, prosinac, s. 11.

Банатско-болгарский (Румыния, Сербия):

Ud nášta istorija

Stanovnicte na banátsćite sela Bišnov, Vinga, Bréšća, Denta Telepa itd. Ud katu se znájat se daržat za balgare i balgare-palćene. Spured či smi balgare se páde da puznávam gá smi si napusnali dumuvinata, ud kuja ukulini ali ud kuja sela na Balgárija smi izlezali i kaćé se-j dugudilu da stignimi u hubavite puljéta na Banáta.

U menatite dve gudini smi pisali u Kalidárete kako znájmi za náštu menatu ud unuj vreme katu nášte prededve sa sedeli u Bulgárija...

Katuličánsći kalindár 1998. [Stár Bišnov], 1997, s. 212.

III. Периферийно-островные

(Карпато)русинский (Украина, Восточная Словакия, Польша, Венгрия, Румыния, США и Канада):

а) Василь Ябур и др. По 20 роках
од кодификации русиньского языка...

Недавно вышла цїнна научна моноґрафія — «Ґраматіка русиньского языка» (Пряшів: Выдавательство Пряшівской універзіты, 2015, 1. выданя, 328 стор.), котра має за цїль представити опис сучасного русиньского літературного языка кінця XX. I зачатку XXI. стороча. Таку потребу і задачу выкликав головно факт, же русиньский літературный язык на Словакії быв кодіфікованый уж (або іщі лем?!) перед двадцатёма роками і нормы ёго языковых ровин были творены і описованы в окремых публікаціях поступно і по частях...

Народны новинкы, р. XXVI, Prešov, 2016, ч. 2, 24. февруара, с. 2.

б) E. Peka. Koje-čto o Zakarpatskoj oblasti [1962]

D'iti školňaho vozrasta obrazovali to mňinije, čto škoda čas tratiti na izučenije geografii. To, čto sehodňa naučimesja, zavtra možet byti izmineno, — hovorjat diti. A to i pravdu majut. Pravila arifmetiki, naprimir, nikohda ne miňajutsja. Dva i dva — četyre. Sije tak bylo, tak jest i tak budet. V pisaniju, čitaniju i vo grammatiki voobšče, duže malo peremininy proischodit. No ne tak stoit d'ilo s geografijej. Oblasti, daže cily krainy, kotory včera byli častju toj imperii, ili toho hosudarstva, sehodňa stajutsja libo vpolňi nezavisimymi novymi hosudarstvami, ili prisojediňajutsja ko druhomu, etničeski im blizkomu narodu ili plemju i vmisti tvorjat novu deržavu...

The A. C. R. Y. annual 1963. — Amerikanskoj Karpato-Russkoj Molodeži Kalendar' na hod 1963. (Vol. XV), Pittsburgh Pa., [1962], s. 113.

Эгейско-македонский (Греция):

Граматика по македонски език
Предговор

Ослободваньето на голема чест на Егейска Македония од ДАГ през годините 1946–1949, дека славэномакедонскио народ стана истин-

ски господар во своите родни огнища и целата власт премина во неговите ръци, имаше за резултат да се развие и слободен национален живот во ослободените области. Своите функции на народната власт во тия области ставаа на македонски език, беа открити първите македонски училища и културнопросветни учреждения.

Граматика по македонски език. Фонетика — морфология. [Букурешт]: Издателство «Неа Елада», Македонски отдел, [1953].

Помакский (Греция):

ΠΟΥΜΑΤΣΚΕΝ ΓΙΕΖΙΚ. Ντουσα σι με πισβαλι μλοζζισς ζα Πουματσκες γιεζικ, τα σα μεχνε σας Μπουλγκαρτσκεν ι καζβαλι σι με τα αισβα γιε σεμπεπ ουτ Μπουλγκαρτσκετ ζαμαν που αιτους μλουκου γκουντινι ναπρεσς.

ΖΑΓΑΛΙΖΑ, Κομοτηνη, 1998, N 12, σ. 1.

Венецианско-словенский (Италия):

Padre Nostro

Otʼe nàš, kìr si w-nebèse (na-nebèse), posvéťenò bòdi tóje (wašo svèto) jíme, prìdi ɣ nàn tóje krejóstwo (wášo svèto krajóstwo), razodíse twója wòja (zyodì-se wàša svèta wòja), kòker jè na nebèsь, táko [tudi] na-zémji (na-zémje). Dàj-nam Bwòh [danàs] tè-wsakidání kròh. Nám Bwòh otpustì (Nan-otpùsti) nàše dòwɣe, kòker mì otpúščàmo nàšin dužnìkan (dowžnìken). Nàs ne pěji (ne péji) w škušńáwu, támiť nàs-odrjèši (támiť nás Bwòh odrjèši) od-wseɣà hudiɣa (od-wsaɣà hùdeɣa). Amin (Ámen).

Rosanna Benacchio. I dialetti sloveni del friuli tra periferia e contatto. Società Filologica Friulana. Udine, 2002, s. 135.

Буневский (Сербия, приграничные р-ны Венгрии):

Rič urednika

Poštivana čeljadi, Prija par nedilja u našoj emisiji «Spektar» mogli ste vidit dicu kako side u škuli i na času uče bunjevački jezik. Ta do samo prija par godina, tako štogod se samo klapit moglo, a sad nam je eto od sriće srce zaigralo. I ni tog ne bi bilo da nije matera, da nije njeve žrtve u rađanju i odranjivanju dice. Koliko je samo odricanja potribno da od diteta postane čeljade vridno i valjano, nadu samo matere. Tako je u

životu za sve velike i važne stvari — potribno vrime i tušta odricanja. Al zato kad taj trud sazre i stignu njegovi plodovi — ništa od njeg slađe nije.

Bunjevačke novine, Subotica, 2007, № 29, s. 3.

IV. Периферийные (региональные)

Чакавский (Хорватия):

Dobroslav Elezović. Kruh

U jono vrime kad san ja poče razumivat nismo još bili odiljeni, a jemali smo veliko stanje, oko 500 vriti zemjê. Brda i strane bili su pod maslinon i lezon oli šuma, a u poju trava i žito. Mi smo jemali oko 50 vriti pod žiton, a to je puno i za današnje prilike. Spominjen se jednog godišća kad smo mi jedini išli brodon u mlin, a to za to ča smo jemali puno zemje, pa smo našli toliko da se isplatilo poć u mlin.

Zemju smo orali drvenin ralon. Bila je to duga, čvrsta greda od tvrdog driva (rogača oli češmine). Ralo su vukli konji oli voli. Ko ni jema stoku, a jema je puno zemje za orat, uzajmi bi stoku od drugih. A ko ni jema zemje za orat, kopa je motikon, onda je bilo na pritek i motik i ruk...

Čakavska rič, god. XI, Split, 1983, br. 1–2, s. 181–182.

Кайкавский (Хорватия):

Antun Gustav Matoš. Hrastovački nokturno

Kaj da počmem, moja draga mati,
Smrt i betek — to je sinek tvoj.
Strelili su mene Smiljke zlati
Prami, Smiljka — to je betek moj!
Već je zorja, a ja ne mrem spati,
Po hiži me hinca mislih črni roj,
Kokotiček već kriči za vrati:
Hajči, Smiljček, hajči, picek moj!

Antologija novije kajkavske lirike. Uredio: Mladen Kuzmanović. — Kaj 3–5 (Časopis za kulturu. Izdavač «Kajkavsko spravišče»), Zagreb, 1975, s. 23.

Прекмурско-словенский (Словения):

Miklóš Küzmič. Slovenski Silabikár (1780)

Spitávajouči pojbíč

Niki pojbíč je pítao eden-krát svojo Mater: kama pridem jas, či bo'm z váraša vö šou? ona je odgovorila njemi: vu vünejšnji váraš. I či z vünejšnjega váraša vö pridem? na polè. Tou si je dáo raztolmačiti te pojbíč: pita pa páli znouvič: i ešče dale kama prídem? i kama teda?

Právila je njemi Mati: ka od vési do vési, od váraša do váraša, z ednoga držánja v drügo držánje; i naslejdnje k broudi velikoga mourja pride. Dáo si je pripovidávati te pojbič, ka je mourje, i drügi táli toga svejta...

Vilko Novak. Izbor prekmurskega slovstva. — Ljubljana: Zadruga katoliških duhovnikov, 1976, s.128–129.

Ляшский (Чехия):

Óndra Łysohorsky. Spiwajuco piaść (1934)

Mamě

Tak ležiš w truhle tu jak dybyś sniła
tén pérwni delši sén w žiwoće swojim.
Co był twój žiwot? — Abyś užiwiła
nas dewět dźecek, ši po nocach šiła
a do kónzumu w Pětwołdźe nośiła
a w horkych polach w potu mozoliła.
Mało ech słyšěł z twoji huby słów.
U nas śe éném spěwy rozléhały,
ty smutne ślónske spěwy śe zbirały
— nóm Łyso Hora čněła černo w krów —
do moji dźecke duše śe wpijały
a w moji kérwi nowe spěwy hrały...

Ó. Łysohorsky. Spiwajuco piaść. — Praha: Družstevní práce, 1934, s. 43.

Восточнословацкий (Словакия):

Andrej Marenčin. Rahunek (1967)

Podavam rahunek panu fararovi,
ňeznam vera teras, co on na to povi.
Možno daco zňiži, možno daco zmeňi,

no ja uš to šicko zrahoval do ceni:

Svati Jan mal jazik vonkoncom puknuti,
zl'epil som a dzvihnul mu obidva ruki.
Aji Lujže Krasnej som natrel pokaňe
a tjež na lajbl'iku som opravil kraje...

Milan Barbuš. Spišské klapancie. — Bratislava, 1990, s. 36–37.

Западнополесский (Белоруссия, част. Украина):

Мыкола Шыляговыч. [Без названия]

Выдокы краю полышчуцького,
выдокы,
мыз якых на світ був став, —
в гарунках рик, дырывыны,
розлывэј Прыпыті увэсну
старыјі —
Турув, Пынськ, Дубровыця,
такы тыпэрышны —
Бырэсьте, Біла, Луцьк,
уквітяны јітвегэј курганамы
и пушчию,
яку вартуе Біла Вэжа
гуртом з зубремы-дужакамы...

Беларусь. (Штомесячны грамадска-палітычны і літаратурна-мастацкі часопіс. Орган Саюза пісьменнікаў БССР), Мінск, 1985, № 12 (564), снежань, с. 15.

Силезский (Польша, част. Чехия):

Отче наш

Uojcze nasz, keryś je we ńebje, bydź poświjyncůne mjano Twoje. Przińdź krůlestwo Twoje, bydź wola Twoja, jako we ńebje, tak tyż na źymji. Chlyb nasz kożdodźynny dej nům dźiśo. A uodpuść nům nasze winy, jako a my uodpuszczůmy naszym wińńikům. A ńy wůdź nos na pokuszyńy, nale zbow nos uode złygo. Hamynt.

Slezština / Ślünsko godka (интернет: 26.02.2018).

Литература

Дуличенко 1981 – А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития.* Таллин: Валгус.

Дуличенко I–II 2003–2004 – А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов.* Т. I–II. Тарту: Изд-во Тартуского университета.

Дуличенко I–II 2011 – А.Д. Дуличенко. *Основы славянской филологии. Т. I–II.* Opole: Uniwersytet Opolski.

Дуличенко 2005 – А.Д. Дуличенко. *Словенский язык. Кашубский язык. Малые славянские литературные языки (микроязыки).* – Языки мира. Славянские языки. Москва: РАН. Институт языкознания – Academia, 198–233, 383–403, 595–615.

Дуличенко 2015 – А.Д. Дуличенко. *Введение в славянскую филологию.* Москва: ФЛИНТА – Наука, 568–651.

Романчик 2006 – Р.Э. Романчик. *Ординарный профессор А.Д. Дуличенко*. Вступительная статья А.Ф. Журавлева. Под ред. О.В. Никитина. Тарту: Universitas Tartuensis.

Oblicza Slawistyki 2013 – *Oblicza slawistyki. Komisje Międzynarodowego Komitetu Slawistów (1958–2013)*. Pod. red. S. Gajdy. Opole: Uniwersytet Opolski.

Dunn John
University of Glasgow
Glasgow, UK

Славянские языки и процессы языковой фрагментации в современной Европе

Славянские языки – языковая фрагментация – языковая политика Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств – Википедия

Среди процессов, влияющих на развитие языковой карты современной Европы особое значение имеют два: языковая глобализация и языковая фрагментация. Но если первый из них содействует в определенном смысле сближению языков или даже в отдельных случаях (например, дву- или даже трехъязычные каламбуры) некоторому смыванию границ между языками, языковая фрагментация имеет обратный эффект. Результатом языковой фрагментации является усиление языковой дифференциации путем появления новых языков. Очень редко бывает, что такие новые языки возникают, так сказать, на чистом поле;[1] обычно процессы фрагментация происходят в результате переосмысления или переоценки того ли иного языкового образования со стороны или самих потребителей данного образования или административных органов разных уровней или других структур, имеющих возможность вмешиваться в различные аспекты языковой жизни.

1 Редким исключением является так называемый «олбанский язык», появившийся в русскоязычном интернете в середине первого десятилетия этого века; см. Dunn (2006), Кронгауз (2013: 21–116).

Фактическое появление новых языков происходит, когда в силу разных социальных, политических или культурных сдвигов формы, которые раньше признавались составляющие элементы одного языка (например, региональные или социальные варианты, диалекты) приобретают статус отдельных языков. Из только что сказанного следует, что этот новый статус присваивается необязательно (или, может быть, вообще не) по лингвистическим критериям, а скорее с учетом экстралингвистических факторов. Право присвоения статуса отдельного языка фактически принадлежит различным политическим, социальным или культурным структурам, считающимся или считающим себя компетентными в этом вопросе. В данной статье внимание сосредоточивается на двух специфических ситуациях, в которых то или иное языковое образование может получать статус отдельного языка: административное признание языков и признание языков в энциклопедии «Википедия».

Административное признание языков

Административное признание существования того или иного языкового образования как отдельного языка может осуществляться на трех уровнях: на местном (региональном), на национальном и на международном. Кроме того, принятые решения касаются не только названия языка, но и его статуса и функций, определяя степень его употребляемости в таких сферах как образование, средства массовой информации, национальная и местная администрация и (где релевантно) межэтническая коммуникация.

В современной Европе так получается, что за исключением микрогосударств (Сан Марино, Монако и др.) почти все страны континента являются государствами многоязычными, где сосуществуют два или (чаще всего) несколько языков. Рядом с национальным, официальным или государственным языком (или языками) есть другие языки, которым присвоен статус регионального языка или языка меньшинства; такими языками могут быть официальные языки других государств или языки, нигде не имеющие статуса национального, официального или государственного языка. Существуют три механизма присвоения тому или иному языку статуса

регионального языка или языка меньшинства:

1. Ратификация «Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств» (в дальнейшем Хартия) и сопровождающая инструмент ратификации декларация;[2]
2. Национальные законы;
3. Региональные законы и постановления местных органов власти.

В тех случаях, когда государство уже ратифицировало Хартию, можно ожидать, что декларация и национальные законы, касающиеся этой темы, будут совпадать по содержанию; там, где государство еще не ратифицировало или даже не подписало Хартию, национальный закон может заменить декларацию.

Автор этой статьи уже писал о положении славянских языков в Хартии (Данн 2011), и нет здесь необходимости повторять уже сказанное. Тем не менее некоторые замечания могут оказаться уместными. Дело в том, что Хартия играет определенную роль в процессах языковой фрагментации в том смысле, что в декларациях отдельных стран включены языковые образования, которые до недавних пор считались диалектами других языков или вообще не признавались как отдельно существующие языковые образования. Эти процессы касаются не только славянских языков: например, в декларации Великобритании упоминаются шотландский (Scots) и ольстерский (Ulster Scots) языки, раньше имевшиеся только статус вариантов английского; в декларации Хорватии присутствуют Бояш румынский и Истро-румынский.[3] Из двадцати славянских языков, упомянутых в декларациях тех стран, которые ратифицировали

2 Неофициальный перевод текста Хартии на русский язык можно найти здесь: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098>; оригинальный текст на английском опубликован здесь: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680695175>. Список языков, включенных в декларациях государств, ратифицировавших Хартию, можно найти здесь: <https://rm.coe.int/-/1680770516> (на русском языке) и <https://rm.coe.int/states-parties-to-the-european-charter-for-regional-or-minority-langua/168077098c> (на английском языке).

3 Здесь и в дальнейшем воспроизводятся терминология и орфография документов, помещенных на сайте Совета Европы (см. сноску 2).

Хартию, шесть входят в категорию новопризнанных языков, а именно буневский (в декларации Сербии), бургенландско-хорватский[4] (Австрия), кашубский, лемковский (Польша), моравский хорватский (Чешская Республика) и русинский (Босния и Герцеговина, Венгрия, Румыния, Сербия, Словакия, Украина).

Здесь стоит отметить, что процессам языковой фрагментации содействует циклы мониторинга: каждые три года экспертные комиссии проверяют работу стран по выполнению обязательств, принятых при ратификации, и эти комиссии могут рекомендовать включение дополнительных языков в декларацию страны. Так, язык буневский был включен в декларацию Сербии только после первого цикла мониторинга,[5] а моравский хорватский язык в декларацию Чешской Республики после второго цикла мониторинга.[6]

Несколько сложнее судьба русинского языка: при ратификации Хартии Украина не включила русинский язык в свою декларацию, и когда экспертная комиссия, проводившая первый мониторинг, предложила в своем отчете (опубликованном в 2010 г.) пересмотреть вопрос, украинские власти дали отрицательный ответ, мотивируя свой отказ тем, что для них русины являются частью украинского этноса, а не национальным меньшинством.[7] Как бы то ни было, в 2012 г. Украина приняла новый закон о принципах государственной языковой политики, где упоминается русинский язык, после чего русинский язык был добавлен в списке языков, включенных в украинской декларации.[8] О положении русинского языка в Украине в

4 Он же градищанско-хорватский.

5 <rm.coe.int/16806dba31>

6 <rm.coe.int/16806dcc93>

7 Отчет экспертной комиссии и замечания украинских властей доступны на сайте Совета Европы на украинском (<rm.coe.int/16806dbb47>) и английском (<rm.coe.int/16806dbb45>) языках. Упомянутые замечания о русинском языке находятся на стр. 13 и 126 украинской версии и на стр. 11 и 107 английской версии.

8 *European Charter for Regional or Minority Languages: Application of the Charter in Ukraine, 2nd monitoring cycle, A. Report of the Committee of Experts on the Charter* (<rm.coe.int/16806dc600>), стр. 5. Текст закона на украинском языке (в редакции от 8 ноября 2016 г.) можно найти здесь: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/5029-17/print1331482006276224>.

последующие годы трудно судить, так как отчет экспертной комиссии по третьему мониторингу еще не опубликован.[9] Здесь надо отметить, что проблемы с признанием русинского возникли только в Украине; во всех других странах, где русинский имеет официальный статус языка меньшинства, он был включен в соответствующую декларацию с момента ратификации Хартии.

Русинский язык интересен тем, что в отношении его происходят одновременно процессы фрагментации и консолидации. С одной стороны, отделение русинского от украинского, превращение его из диалекта украинского в самостоятельный язык можно считать актом фрагментации: там, где раньше был один язык, теперь сосуществуют (более или менее мирно) два разных языка. С другой стороны, процессы консолидации усматриваются в попытках создать на основе разных вариантов русинского языка единый общепризнанный стандарт (Magocsi 2006; Baptie 2011).

Здесь интересно рассмотреть ситуацию в Италии, стране, подписавшей, но по не совсем понятным причинам еще не ратифицировавшей Хартию. Положение региональных языков и языков меньшинств регламентируется одним национальным языком (от 1999 г.)[10] и разными региональными законами. В национальном законе упоминаются два славянских языка, а именно словенский и хорватский; более детально положением словенского занимается региональный закон региона Фриули-Венеция Джулия,[11] а положением хорватского занимается региональный закон региона Молизе.[12]

---

9 <https://www.coe.int/en/web/european-charter-regional-or-minority-languages/reports-and-recommendations#{“28993157”:[23]}>. Доклад был принят 24 марта 2017 г.

10 Legge 15 dicembre 1999, n. 482: «Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche». Текст закона (на итальянском языке) доступен здесь: <http://www.camera.it/parlam/leggi/99482l.htm>.

11 Legge regionale 16 novembre 2007, n. 26: «Norme regionali per la tutela della minoranza linguistica slovena». Текст закон доступен здесь: <http://lexview-int.regione.fvg.it/FontiNormative/xml/xmlLex.aspx?anno=2007&legge=26&lista=1&fx=>.

12 Legge Regionale 14 maggio 1997, n. 15: «Tutela e valorizzazione del patrimonio culturale delle minoranze linguistiche nel Molise». Текст закон

Дело осложняется тем, что молизский вариант хорватского значительно отличается от хорватского стандартного языка и тем, что в регионе Фриули-Венеция Джулия рядом со словенским существуют другие языковые образования (например, резьянский), которые не всегда идентифицируются со словенским; значительное количество текстов разных жанров на молизско-хорватском (молизско-славянском) и резьянском литературных языках опубликовано А.Д. Дуличенко (2003: 128–206). Тем не менее в молизском региональном законе упоминается только хорватской язык без всякого указания на то, что существует специфической региональный вариант этого языка. В регионе Фриули-Венеция Джулия ситуация иная, так как во второй статье соответствующего закона упоминаются не только резьянский, но и лингвистические варианты Валле дел Натизоне, Валле дел Торре и Вал Канале,[13] и во 22 статье детально излагаются схемы финансовой поддержки этих языковых образований. Таким образом, получается, что молизско-хорватский не имеет никакого официального признания, тогда как резьянский и другие упомянутые языковые образования имеют официальное признание на региональном, но не на национальном уровне.

Самый яркий и в то же время самый сложный пример языковой фрагментации в современной Европе представляет собой судьба (бывшего?) сербохорватского языка. Вследствие распада Югославии на территории, где говорили на сербохорватском языке появились новые государства Босния и Герцеговина, Сербия, Хорватия, Черногория, и соответственно официальное признание получили боснийский, сербский, хорватский и черногорский языки (Greenberg 2001); например, согласно Конституции Республики Черногории официальным языком этого государства является черногорский.[14] Что касается миноритарных языков, то в декларациях вышеупомянутых

доступен здесь: <http://www.regione.molise.it/web/crm/lr.nsf/0/8ECC7DE8173A7175002566B2003B35E7?OpenDocument>.

13 Nel territorio di cui al comma 2 i provvedimenti della presente legge riguardano anche il resiano e le varianti linguistiche delle Valli del Natisone, del Torre e della Val Canale. (Статья 2, параграф 3).

14 <http://www.skupstina.me/images/dokumenti/ustav-crne-gore.pdf>

государств по Хартии можно усмотреть частичную, но не полную симметрию: боснийский признается в Черногории и Сербии; сербский признается в Хорватии; хорватский признается в Сербии и Черногории (сербский и хорватский имеют официальный статус в Боснии и Герцеговине).[15] Отсутствует черногорский, но и здесь есть один нюанс: в первоначальном варианте декларации Боснии и Герцеговины упоминался и черногорский, но впоследствии его убрали — но не потому что не считали черногорский отдельным языком, а на основании того, что черногорский присутствует на территории этого государства только в результате миграционных процессов, и поэтому на него не распространяется действие Хартии.[16]

Здесь стоит обратить внимание на два момента. Во-первых, фрагментация сербохорватского по понятным причинам происходит по линиям административно-политических границ, а не по языковым признакам, в результате чего политическая реальность может в некоторых случаях не совпадать с реальностью языковой. Во-вторых, это один из тех случаев, когда сатиру догнала и обогнала действительность: в конце 1980-х гг. в сатирической программе Сараевского телевидения «Топ листа надреалиста» был показан клип о «распаде» сербохорватского языка на шесть отдельных языков.[17] Однако если учесть языковую политику новых государств, появившихся на территории бывшей Югославии и некоторых соседствующих государств, то получается, что то пространство, которое раньше занимал один сербохорватский язык, теперь разделяет семь разных языков, а именно (в алфавитном порядке!) боснийский, буневский, бургенландско-хорватский, моравский хорватский, сербский, хорватский, черногорский.

---

15 <https://rm.coe.int/-/1680770516>

16 *European Charter for Regional or Minority Languages: Application of the Charter in Bosnia and Herzegovina, 2nd monitoring cycle, A. Report of the Committee of Experts on the Charter* (<rm.coe.int/16806d868e>), стр. 5.

17 Клип доступен здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=DztrX5dXmxU>.

Википедия

Так называемая Свободная энциклопедия «Википедия» тоже представляет собой структуру, содействующую процессам языковой фрагментации: если появляется версия «Википедии» на том или ином языковом образовании, то это языковое образование получает, хотя бы только в данном контексте, статус отдельного языка. И как в случае с Хартией эти процессы можно проиллюстрировать на примерах германских и романских языков: есть, например, версии «Википедии» на таких языках, как готский (!?), западнофламандский, севернофризский; лигурский, нормандский, фриульский. На сегодняшний день (январь 2018 г.) есть 20 славяноязычных вариантов «Википедии», а именно: белорусский и белорусский (тарашкевица), болгарский, боснийский, верхнелужицкий, кашубский, македонский, нижнелужицкий, польский, русинский, русский, сербохорватский, сербский, силезский, словацкий, словенский, старославянский, украинский, хорватский, чешский.[18] Если учесть, что в общей сложности есть версии «Википедии» на 288 разных языках (или языковых образований), то можно заключить, что славянские языки представлены довольно бедно, и действительно есть 33 романоязычных версии и 31 германоязычная версия. Правда, некоторые версии можно рассматривать скорее как упражнения для интеллекта, чем как серьезные попытки содействовать распространению знаний (например, старославянский, латинский, древнеанглийский и выше упомянутый готский), но эти цифры позволяют сделать вывод, что по крайней мере в этом контексте процессы фрагментации пошли дальше в романских и германских языках, чем в славянских.

Второй интересный момент заключается в том, что признание языков на «Википедии» далеко не всегда не совпадает с административным признанием языков. Есть сербохорватский, теперь, как кажется, нигде не признанный, рядом с боснийским, хорватским и сербским (последний можно читать или на кириллице или на латинице), но нет черногорского, нет и других вариантов хорватского,

18 <https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия: Список_Википедий>. Здесь и в дальнейшем сохраняются терминология и орфография самой «Википедии».

признанных в Австрии и в Чешской Республике соответственно. Есть признанный в Польше кашубский, но есть и силезский, такого признания (еще?) не получивший; нет, однако, лемковского, тоже признанного в Польше. И, наконец, есть два варианта белорусского и есть нигде не признанный старославянский.

«Википедия» называет себя «свободной энциклопедией», но здесь, как часто бывает в жизни, свобода имеет ограничения. Если каждый может редактировать любую статью, то такая же свобода не предоставляется каждому, кто хочет создать версию «Википедии» на новом языке. Процедура создания новой версии энциклопедии излагается в недрах системы, на странице под названием «Правила подачи заявок на новый языковой раздел».[19] Здесь сообщается, что для подачи заявки есть три реквизита (по терминологии сайта):

- У языка должен быть действительный код ISO 639 1–3.
- Язык должен отличаться от других языков настолько, что было бы нецелесообразно добавлять содержание на этом языке в уже существующий «более общий» языковой раздел. В большинстве случаев, это исключает региональные диалекты и различные письменные формы одного и того же языка.
- Заявка должна быть поддержана достаточным числом живых людей, говорящих на предлагаемом языке как на родном, для формирования жизнеспособного сообщества и аудитории... [Предусматриваются исключения для мертвых или искусственных языков].

После подачи заявки проект подвергается обсуждению, которое должно учитывать языковые критерии и перспективы устойчивого развития проекта; после обсуждения и в случае, что проект соответствует некоторым требованиям, касающимся подготовки материала, окончательное решение о приемлемости проекта принимает Языковой комитет.[20] В недрах «Википедии» можно найти

---

19 <https://meta.wikimedia.org/wiki/Language_proposal_policy/ru>

20 <https://meta.wikimedia.org/wiki/Language_committee/ru>. Обращается внимание на то, что материал на этой странице переведен на русский только частично.

страницы со списками проектов, проходящих стадию обсуждения, и проектов, которые уже отклонены.[21] В первой категории есть пять славянских проектов: гуцульский, кайкавский, мазовецкий, черногорский и резьянский; рядом с черногорским есть цифра 5, что указывает на то, что это уже пятая попытка «протолкнуть» этот язык. Из пяти упомянутых языков только последние два пользуются административным признанием. Славянские представлены намного богаче во второй категории: есть около 30 отклоненных проектов, среди которых нет ни одного языка со статусом административного признания.

Среди отклоненных проектов некоторые можно относить к категории литературных микроязыков, например прекмурский, западнополесский; другие представляют собой попытки «воскресить» мертвые языки, например, древнерусский, дореформенный русский, полабский, славяносербский и рутенский;[22] третьи можно считать шутками или провокациями, например, албанский (в смысле олбанского; см также сноску 1) и падонки [так], надцат,[23] русский на латинском алфавите, польский на кириллице, иллирийский и словио (последние два являются искусственными языками). Есть другие отклоненные проекты, которые не входят в вышеуказанные категории, но которые можно охарактеризовать как плоды языковой фрагментации: обиходный чешский (obecná čeština), суржик (два проекта), трасянка, далматинский, верхнесилезский, berněnský hantec, zlatiborian[24] и чалдонский сибирский, который представлен как попытка создать литературный язык на основе сибирского ста-

21 <https://meta.wikimedia.org/wiki/Requests_for_new_languages>; <https://meta.wikimedia.org/wiki/Category:Old_requests_for_new_languages>. Эти материалы доступны только на английском языке.

22 Имеется в виду то ли староукраинский, то ли старобелорусский: <https://meta.wikimedia.org/wiki/Requests_for_new_languages/Wikipedia_Ruthenian>.

23 Подростковый сленг, выдуманный английским писателем Энтони Бурджессом для романа «Заводной апельсин» [*A Clockwork Orange*]. Этот сленг построен на основе лексики русского языка.

24 Для ясности эти два примера оставлены в оригинальной форме.

рожильческого говора XVIII–XIX вв., но который является индивидуальным проектом некоего Ярослава Золотарёва.[25]

Если можно усмотреть некоторую непоследовательность в применении языковой политики «Википедии», то это скорее всего объясняется двумя факторами. Во-первых, с тех пор, как появилась «Википедия», ее языковая политика подверглась изменениям: в дискуссии о черногорском языке можно найти утверждение, что согласно теперешним правилам создание версий «Википедии» на сербском, хорватском и боснийском языках было бы неприемлемым при наличии ранее созданной сербохорватской версии.[26] Во-вторых, в самих правилах для подачи заявок используются термины, которые в известной степени допускают субъективные интерпретации: в самом деле трудно найти объективны критерии, по которым можно определить, насколько одно языковое образование отличается от другого.

Дело осложняется еще и третьим фактором: в заметках к правилам подачи заявок есть следующий текст: «[Языковой] Комитет не принимает к сведению политические разногласия...»,[27] и в первом пункте целей Языкового комитета написано, что комитет должен минимизировать политические вопросы, связанные с выпуском новых проектов, передвигая фокус на чисто квантитативные критерии для принятия решений.[28] Можно понять желание деполитизировать языковой вопрос, но в то же время можно сомневаться в его целесообразности: как было указано выше, вопрос о признании

---

25 Можно найти дальнейшую информацию об этом проекте на сайте <volgota.com>. Золотарёв также ответствен за проект рутенской версии.

26 “If the current project creation rules had been in place before, the Serbian, Croatian and Bosnian Wikipedias would not have been created as projects separate from the original Serbo-Croatian Wikipedia, for the reasons shown above” <https://meta.wikimedia.org/wiki/Requests_for_new_languages/Wikipedia_Montenegrin_5>. По косвенным данным текст написан в декабре 2017 г.

27 См. сноску 19.

28 “The goals of the committee are to: 1. minimize the political aspects connected to the release of new projects, moving the focus to purely quantitive decision criteria.” <https://meta.wikimedia.org/wiki/Language_committee>

того или иного языка может зависеть более от политических факторов, чем от лингвистических.

Заключение

Языковая фрагментация является процессом, содействующим созданию новой языковой парадигмы. Взамен традиционной структуры стандартных языков и субстандартных диалектов постепенно образуется новая структура, внутри которой разные языковые образования пользуются разными формами признания как языки и разной функциональностью: в частности, один язык может приобрести административное признание, но не найти места в «Википедии» (и наоборот). А если подключить к этому другие сферы, например, традиционные СМИ или Интернет, то можно быть уверенным в том, что картина окажется еще сложнее. Можно также быть уверенным в том, что процесс превращения языковых образований в отдельные языки будет продолжаться. Теперь труднее, чем когда-либо дать однозначный ответ на вопрос, сколько есть славянских языков.

Литература

Данн 2011 – Дж. Данн. Славянские языки и «Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств». В кн.: *Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко.* (Slavica Tartuensia IX). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 176–184.

Дуличенко 2003 – А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микорязыки.* I. Образцы текстов. Тарту: Изд-во Тартуского университета.

Кронгауз 2013 – М. Кронгауз. *Самоучитель Олбанского*. Москва: АСТ.

Baptie 2011 – G. Baptie. *Issues in Rusyn Language Standardisation*, Неопубликованная диссертация на соискание степени магистра философии, University of Glasgow; <http://theses.gla.ac.uk/2781/>.

Dunn 2006 – J. Dunn. It's Russian – but not as we know it. *Rusistika,* 31, Autumn 2006, 3–6; <http://eprints.gla.ac.uk/3376/>.

Greenberg 2001 – R. Greenberg. Language, Nationalism and the Yugoslav Successor States. In: Camille C. O'Reilly (ed.) *Language, Ethnicity and the State*, Volume Two: Minority Languages in Eastern Europe post-1989. Basingstoke and New York: Palgrave, 17–43.

Magocsi 2006 – P. R. Magocsi. Русинский язык: достижения последнего времени и предстоящие задачи. В: А.Д. Дуличенко и С. Густавссон (ред.). *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты* (Slavica Tartuensia VII). Тарту: Изд-во Тартуского университета, 207–222.

Steinke Klaus
Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg
Erlangen, Deutschland

Mikroliteratursprachen und Globalisierung

Micro literary language – globalization – Kashubian – Silesian – Goranian – Pomak – Banat Bulgarian – linguistic vitality

Ausgangspunkt für die nachfolgenden Betrachtungen ist die Frage, ob und in welchem Umfang sich die Globalisierung auf die Entwicklung und Existenz von Mikroliteratursprachen auswirken wird. Wahrscheinlich sind sie alle akut vom *Sprachtod* bedroht, um ein aktuelles Schlagwort zu gebrauchen (Crystal 2002). Welche bedauerlichen Folgen das hat, beschreibt der australische Linguist Nicholas Evans (2014) sehr eindrucksvoll in seinem Buch *Wenn Sprachen sterben und was wir mit ihnen verlieren*. Darin gibt er nicht nur eine nüchterne Analyse der bedrohlichen Situation, sondern er versucht mit viel Engagement das Bewusstsein dafür zu schärfen, was mit dem Tod einer Sprache für die Menschheit alles verloren geht und was man davon unbedingt retten sollte. Das Schicksal der von ihm aufgezeichneten schriftlosen Aborigines-Sprachen Australiens weist trotz Unterschiede auch gemeinsame Entwicklungstendenzen mit den Mikroliteratursprachen auf, oder, wenn man manchen pessimistischen Visionen glaubt, sogar mit allen anderen Standard-oder Schriftsprachen außer Englisch.[1]

1 Trabant (2014: 207) warnt in seinem Plädoyer für die europäische Mehrsprachigkeit vor einer Überbewertung der kommunikativen Funktion von Sprache, was dann zur Propagierung der neuen einheitlichen Weltsprache, des *Globalesischen*, auf der Basis des Englischen führt. Bei dieser angeblich von der

Zunächst ist grundsätzlich festzustellen, dass die Existenz von Minderheitensprachen, insbesondere, wenn sie keine eigene Schriftkultur entwickelt haben, schon immer gefährdet war. Denn es liegt in der Natur der Sache, dass die von einer kleinen Minderheit in einer mehrheitlich anderssprachigen Umgebung gepflegte Sprachform sich an der gesellschaftlichen Peripherie bewegt und darum ständig in ihrem Fortbestand bedroht ist. Generell sind eine sehr starke Motivation und viel persönlicher Einsatz erforderlich, um ihren Bestand zu sichern. Konkret soll in diesem Beitrag am Beispiel des Kaschubischen und Schlesischen im westslavischen Bereich und des Bulgarischen im Banat, des Goranischen in Albanien und des Pomakischen in Nordgriechenland im südslavischen Bereich das unterschiedliche Engagement für ihren Fortbestand und dessen Ergebnis analysiert werden. Die Auswahl stützt sich vor allem auf aktuelle Untersuchungen zu diesen Sprachen insbesondere von Duličenko (2003/2004), Henzelmann (2015), Kamusella (2016), Kamusella – Nomachi (2014), Nomachi (2016), Steinke (2014, 2016), Steinke – Ylli (2010).

Der Untergang von Sprachen ist, so bedauerlich er im Einzelfall sein mag, ein vollkommen normaler Prozess. Allein in Europa sind seit der Antike zahllose Sprachen, von denen wir noch nicht einmal die Namen kennen oder bestenfalls fragmentarische Zeugnisse haben, mehr oder weniger spurlos verschwunden. Immerhin erwähnen antike Autoren einige barbarische Sprachen, wie Illyrisch, Thrakisch, Venetisch, Oskisch, ohne Schriftkultur, von denen wir daher kaum mehr als Namen kennen. Daran hat sich wenig geändert, selbst wenn inzwischen viele Sprachen verschriftet wurden und ein umfangreiches Schrifttum besitzen, sind die meisten der gegenwärtig auf der Erde existierenden Sprachen nicht verschriftet und noch nicht einmal genau erfasst und ausführlich beschrieben.

Zweifellos scheint dieser beklagenswerte Vorgang im Zeichen der Globalisierung an Tempo zuzulegen und einen beängstigenden Umfang anzunehmen, so dass von den gegenwärtig vielleicht noch gesprochenen 6000–7000 Sprachen die meisten in unserem Jahrhundert aussterben wer-

Vernunft diktierten, zwangsläufigen Entwicklung werden aber die „kognitive und lautliche Form der Weltaneignung“ als weitere, elementare Funktionen der Sprache vergessen, weshalb er für die Mehrsprachigkeit wirbt.

den. Diese Gefahr hat Sprachwissenschaftler auf dem 15. Internationalen Linguisten-Kongresses in Quebec 1992 veranlasst, an die UNESCO einen dringenden Appell zur Aufzeichnung der bedrohten Sprachen zu richten. Darauf wurden u.a. das Programm für bedrohte Sprachen und der *Atlas of the world's languages in danger* beschlossen.

Ein weiterer wichtiger Schritt war 1997 die Gründung der *Gesellschaft für bedrohte Sprachen e.V.* mit Sitz in Köln. Ferner hat dieses bedrohliche Szenario die Volkswagen-Stiftung bewogen, die Förderinitiative *Dokumentation bedrohter Sprachen* (DobeS) zu finanzieren, welche seit 1999 auf allen Kontinenten Projekte zur Sammlung und Aufzeichnung sterbender und bedrohter Sprachen durchgeführt hat. Vor diesem Hintergrund sollen die beiden im Titel genannten Begriffe *Mikroliteratursprachen* und *Globalisierung* ausführlicher erörtert werden.

Mikroliteratursprache

Der Begriff *Mikroliteratursprache* wurde schon von Aleksandr Duličenko (1981) durch seine Habilitationsschrift *Slavjanskie literaturnye mikrojazyki* in die Diskussion eingebracht und hat seitdem eine erstaunliche Karriere gemacht. Das ist sicherlich dem verstärkten Interesse der Forschung an Minderheiten und ihren Problemen zu verdanken. Peter Rehder (1998: 12) schlägt übrigens als Ersatz *Kleinstschriftsprachen* vor, was im Deutschen in der Tat adäquater wäre.[2] Freilich hat sich inzwischen der Terminus *Mikroliteratursprache* in der deutschen Slavistik wohl weitgehend durchgesetzt. So verwendet ihn Martin Henzelmann (2015) in seiner vor kurzem erschienenen Dissertation bei der Diskussion der Begrifflichkeit, wo er sich ausführlich mit Duličenkos Arbeiten zu diesem Thema auseinandersetzt. Dabei wirft er ihm einige Ungenauigkeiten und Fehleinschätzungen in der Bewertung seiner Beispiele aus der Slavia vor. Für unsere Fragestellung sind jedoch in erster Linie die theoretischen Ausführungen über den Begriff der *Kleinsprachlichkeit* von Interesse.

Die Abgrenzung des Begriffs *Mikroliteratursprache* hat, wie die unterschiedlichen Definitionsansätze zeigen, unbedingt in zwei Rich-

2 Der russische Terminus литературный язык hat als deutsche Äquivalente *Hochsprache, Schrift-* oder *Normsprache* und nicht *Literatursprache*.

tungen zu erfolgen: auf der einen Seite zur „größeren“ Haupt-, Norm-, Standard- oder Hochsprache der gewöhnlich politisch privilegierten Mehrheit und auf der anderen Seite zu allen anderen fast ausschließlich gesprochenen und nicht verschrifteten Varietäten der Minderheiten.[3] Bei ihr handelt es im Unterschied zu den übrigen Minderheitensprachen um eine verschriftete Sprache, welche zwar auch nur von einer Minderheit gesprochen wird, aber zumindest über ein, wenn auch begrenztes Schrifttum verfügt. Das ist bei allen unten näher zu untersuchenden Sprachen aus der Slavia der Fall. Im Unterschied zu den „großen“ Schriftsprachen verfügen sie jedoch selten über institutionelle Unterstützung, und ihre Verwendung im öffentlichen Bereich ist erheblich eingeschränkt. In der Regel werden sie von hegemonialen Mehrheitssprachen dominiert, haben ein geringeres Prestige, und ihre Sprecher sind ferner überwiegend zweisprachig, können also jederzeit auf andere Sprachen ausweichen.

Bei der näheren Bestimmung der Termini ist es angebracht, zwischen *extralinguistischen* und den linguistisch relevanten, *intralinguistischen* Faktoren zu unterscheiden, welche die Existenz der Mikroliteratursprache bedingen und ihre Entfaltung steuern. Entscheidend ist zunächst aber die Haltung der Sprachbenutzer zu ihrem Idiom. Stehen sie zu ihm oder geben sie es auf? Das hängt natürlich meist vom Engagement ihrer Elite ab, welches großen Einfluss auf den Rückhalt des Idioms in der Gruppe hat und dessen Gebrauch stützt. Doch mit dem „Gebrauch“ kommen wir bereits zu messbaren Größen. Dazu gehören vor allem: die Zahl der Sprecher und ihre soziale Integration, der offizielle, eventuell zudem gesetzlich geregelte Status der Mikroliteratursprache und ihre Ressourcen sowie ferner ihre Präsenz in den Medien. Die Analyse nach diesen Kriterien zeigt ein sehr differenziertes Bild vom Istzustand der untersuchten Mikroliteratursprachen und erlaubt sogar einige vorsichtige Prognosen.

---

3 Dieser Festlegung widersprechen nicht die nur sporadisch aufgezeichneten Mundartgedichte und -lieder, weil sie kaum als Ansatz zur schriftsprachlichen Tradition zu werten sind. Allerdings kann sich aus diesen bescheidenen Anfängen, wenn es dafür Gründe gibt, eine Mikroliteratursprache entwickeln.

Extralinguistischer Zugang

Grundlegend für die Existenz einer Mikroliteratursprache ist zunächst ihre Beziehung zur übergeordneten Sprache. Denn nur in diesem Kontext und nicht per se wird sie als solche erkannt. Allerdings ist das nur eine sehr verkürzte Sprechweise, die zu Fehlschlüssen führen kann. Denn es geht in Wirklichkeit nicht um das Verhältnis von Sprachen zu einander, sondern ausschließlich um das ihrer Sprecher miteinander. Damit geraten jedoch Fragen der Soziologie ins Blickfeld, in deren Rahmen die Sprache nur ein wichtiger Parameter sein kann. Natürlich trifft das besonders für unser Problemfeld zu. Dennoch bleibt zunächst festzuhalten, dass die Analyse des Verhältnisses zwischen den Sprechern der Mehrheitssprache und denen der Minderheitssprache Aufgabe der Soziologie bleibt. Nur sie hält die entsprechende Terminologie und die geeigneten Untersuchungsansätze bereit und nicht die Linguistik. Methodisch sind daher beide Aspekte unbedingt getrennt voneinander zu behandeln.

Fraglos haben die Machtverhältnisse zwischen den beiden hier angesprochenen Gruppen einen essentiellen Einfluss auf den realen Gebrauch der verschiedenen Sprachen. Deshalb sind die jeweiligen Verwendungsmöglichkeiten der Sprachen in Politik, Wirtschaft und Kultur, ihr Zugang zu den Medien und ihre institutionelle Vertretung genau abzuklären, wenn man die konkrete Situation einer Mikroliteratursprache und ihre Vitalität beurteilen will.

Intralinguistischer Zugang

Die Trennung der beiden Zugänge, des extra- und intralinguistischen, ist nur methodisch gerechtfertigt, da für ihre komplette Analyse verschiedene wissenschaftliche Disziplinen kooperieren müssen. Denn die Fakten sind in der sprachlichen Wirklichkeit oder in der Lebenswelt der Sprecher immer untrennbar miteinander verbunden und stellen unterschiedliche Perspektiven eines gemeinsamen Gegenstands dar.

Für die Mikroliteratursprache typisch bzw. letztlich wohl sogar obligatorisch ist ihre Überdachung durch die von der Mehrheit verwendete Standardsprache. Für diese dominante Sprachform hat Rehder (1995) sein abgestuftes Dreistufen-Modell entwickelt, auf das sich

Henzelmann (2015) in seinen theoretischen Überlegungen mehrfach bezieht. Dieses Modell ist für die Überdachungssprache (Hoch-, Schrift-, Literatursprache bzw. Standardsprache oder —varietät), sicher passend und ohne Probleme anwendbar. Zu den wichtigsten Merkmalen dieser Sprachform, die in der Nachfolge des Prager Linguistenkreises in den gängigen Definitionen angeführt werden, gehören *Schriftlichkeit*, *Überregionalität, Normierheit, Kodifizierung*, allgemeine *Verbindlichkeit*, eine *schriftliche* und *mündliche Existenzform, Polyvalenz* sowie die *Vorbildfunktion*. Deshalb ist diese Varietät im formellen Bereich dominant, in Medien, Schule, Verwaltung usw., und von ihr werden gleichzeitig für die Mikroliteratursprache enge Grenzen gesetzt.

Eine echte Konkurrenz mit der Überdachungssprache, der Sprache der Mehrheit, bleibt weitgehend ausgeschlossen, und stattdessen besteht ein mehr oder weniger stark ausgeprägter Assimilationsdruck mit der Tendenz, die Sprache der Minderheit aufzugeben. Allerdings gibt es hier spezifische Unterschiede, die für die Entfaltung der kleinen Sprachen von weitreichender Bedeutung sein können. Während Kaschubisch und Schlesisch vom Polnischen, einer mit ihnen eng verwandten Sprache, überdacht werden, übernehmen Rumänisch für das Banater Bulgarische, Albanisch für das Goranische und Griechisch für das Pomakische in Griechenland diese Funktion, womit die direkten sprachlichen Austauschprozesse stärker begrenzt sind. Alle fünf Idiome haben nicht den Status von fest etablierten Schriftsprachen, ihn noch nicht erreicht oder streben ihn nicht an. Immerhin erfüllen sie aber wenigstens das Kriterium der *Schriftlichkeit,* wie u.a. die Texte in Duličenkos (2003/2004) Chrestomathie belegen.

Besondere Aktualität hat in einigen Fällen in den letzten Jahren die *Kodifizierung* eines Standards gewonnen, was oft zu hitzigen Diskussionen führte. Zwar sind die Ansätze im Einzelfall sehr unterschiedlich, aber ein Vergleich bleibt dennoch lohnend, um die typologisch relevanten Invarianten und Varianten herauszuarbeiten. Dabei sind unterschiedliche Perspektiven zu unterscheiden, die sich konkret im *linguistischen*, *politischen* oder *soziolinguistischen Ansatz* niederschlagen. Ihre Vermischung bringt Probleme mit sich, die man sich ersparen sollte, weil es sonst schnell zu wenig hilfreichen Kontroversen führt.

Globalisierung

Die Schuld am Verfall oder auch am Untergang der Sprachen trägt nach Meinung von Laien und auch mancher Spezialisten insbesondere die *Globalisierung*, und neuerdings zudem die *Digitalisierung.* Dabei wird vergessen, dass es nicht obskure, im Verborgenen wirkende Mächte sind, die über das Schicksal einer Sprache bestimmen, sondern allein der einzelne Sprecher. Primär er entscheidet, welche Sprache er benutzt. Allerdings ist er in seiner Entscheidung nicht ganz frei, sondern trifft seine Wahl in Abhängigkeit von seinen Kenntnissen, von der Situation, vom Gesprächspartner usw. Dabei beeinflussen ihn vor allem politische, wirtschaftliche, kulturelle Gründe oder Zwänge, die schließlich sogar einen vollständigen Sprachwechsel bewirken können

Zunächst ist aber noch die Frage zu erörtern, was *Globalisierung* bedeutet. Denn, wenn man den inzwischen vieldeutigen Begriff überhaupt benutzen will, muss man vorher abklären, wie man ihn versteht bzw. verstanden haben möchte. Längst hat er als Schlagwort seine scharfen Konturen verloren. Allgemein sind damit die zunehmenden und kaum noch kontrollierbaren weltweiten Verflechtungen in Wirtschaft, Politik, Kommunikation, Kultur usw. gemeint. Das ist kein neuartiges Phänomen, sondern Vergleichbares gab es bereits in der Antike und hatte schon damals Einfluss auf die Sprachen. Durch die Digitalisierung hat sich indessen die Dichte der Kommunikation und ihre Geschwindigkeit vergrößert.

Diese Entwicklung stellt wohl in der Tat eine ernsthafte Gefahr für die weitere Existenz der Mikroliteratursprachen dar. Doch dieses Schicksal teilen sie sich mit den durch staatliche Institutionen besser abgesicherten „größeren“ Sprachen. Die Situation ist für viele dieser Sprachen heute als mehr oder weniger bedrohlich einzustufen, so dass die *Gesellschaft für bedrohte Sprachen*, die sich primär um schriftlose Sprachen kümmert, vielleicht bald auch zum Schutz der Schriftsprachen aufgerufen ist.[4]

---

4 Der Report (2010: 68–71) der *Gesellschaft für bedrohte Völker* stuft übrigens Kaschubisch als „stark bedroht“ und Schlesisch als „nicht gefährdet“ ein.

In ihrer Auswirkung ist die *Digitalisierung* mit der Erfindung der Schrift und später des Buchdrucks vergleichbar, wobei sie ihre „zerstörerische“ Kraft für die Mikroliteratursprache erst mit Hilfe der Globalisierung entfaltet. Entscheidenden Einfluss auf die Sprachen gewinnt diese jedoch erst dank der Digitalisierung, weil sie besondere Anforderungen an die Sprache als Werkzeug stellt. Denn die weltweite Kommunikation zwischen Angehörigen verschiedener Völker, die sich über ihre Muttersprachen nicht ohne Probleme verständigen können, erfordert eine gemeinsame Arbeitssprache. Diese Funktion übernimmt heute gewöhnlich ein englisches Pidgin. Mit Hilfe dieser gemeinsamen Arbeitssprache wird die weltweite Kommunikation vereinfacht bzw. erst möglich, was große Befürchtungen und entsprechende Kritik hervorruft, weil sich hier die Dominanz einer Sprache zum Nachteil der übrigen abzeichnet. Daher formiert sich überall Widerstand gegen das Englische als allgemeine überregionale Verkehrssprache.

Die Situation für die Mikroliteratursprachen scheint durch die Ausweitung der Kommunikationsmöglichkeiten und durch das Internet noch bedrohlicher geworden zu sein. Doch das Internet wird zunehmend auch als Chance verstanden und zum Schutz von Minderheitensprachen genutzt. Mit seiner Hilfe entstehen Archive und Textkorpora wie das *Archiv für bedrohte Sprachen* in Nijmegen. Dieser Aspekt der Digitalisierung wird von der Forschung fraglos begrüßt, weil damit Texte von bedrohten Sprachen über Internet allgemein zugänglich archiviert werden.

Dennoch ist selbst eine grundsätzliche Bedrohung des Deutschen durch die Digitalisierung nicht ausgeschlossen. Speziell mit den großen Herausforderungen der „digitalen Revolution“ für die 23 europäischen Amtssprachen sowie für weitere wichtige nationale und regionale Sprachen Europas beschäftigt sich das von der *Europäischen Kommission* geförderte *Meta-Net*-Projekt. Dieses Spitzenforschungsnetzwerk zu den aktuellen Sprachressourcen und -technologien gibt die *Weißbuch-Serie*[5] über den aktuellen Stand der betreffenden Sprachen heraus, in der von den slavischen Standardsprachen *Bulgarisch, Kroatisch, Polnisch, Serbisch, Slowakisch, Slowenisch* und *Tschechisch* ausführlich analysiert

5 http://www.meta-net.eu/whitepapers/volumes/german-de?set_language=de Buch: http://www.meta-net.eu/whitepapers/e-book/german.pdf

und dokumentiert werden. Ausgangspunkt für die Untersuchungen sind die beiden Fragen: *Welche Bedeutung hat die Digitalisierung von Informationen, Wissen und Kommunikation für unsere Sprache*? *Wird sie sich ändern, wird sie irgendwann verschwinden*? Zwar sind Sprachen einem ständigen Wandel unterworfen und passen sich den neuen Herausforderungen an, aber durch Computer und Internet hat sich die Kommunikationssituation radikal verändert. Entscheidend für den Erhalt der Sprachen, das betrifft ebenfalls die Mikroliteratursprachen sind ihre Präsenz im digitalen Raum und der Umfang aller für sie verfügbaren Softwareprodukte.

Durch die Globalisierung und Digitalisierung hat fraglos alles eine neue Dimension bekommen, und es ist eine akute Bedrohung für unterprivilegierte Sprachen entstanden. Entscheidend werden jedoch ihr Gebrauch und ihre Entwicklung vom jeweiligen politischen Umfeld bestimmt. Das zeigt sich sehr deutlich an den hier ausgewählten Sprachen. Für sie hat sich nach der politischen Wende 1989 die rechtliche Basis zu ihren Gunsten verschoben. Denn der Wunsch Polens und Rumäniens sowie der aus Jugoslawien hervorgegangenen neuen Staaten und Albaniens der EU beizutreten, hat diese Staaten genötigt, auch die entsprechenden EU-Standards wie die *Europäische Charta der Regional- und Minderheitensprachen* zu akzeptieren.[6]

Kaschubisch und Schlesisch

Bis 1989 definierte sich Polen offiziell noch als einsprachiger und monoethnischer Staat. Die Tatsache, dass das sicher nicht stimmte, wurde vom kommunistischen System einfach tabuisiert. Nach der Wende und mit der Perspektive auf eine Mitgliedschaft in der EU änderte sich die Haltung Polens. Inzwischen hat es die *Europäische Charta der Regional- und Minderheitensprachen* nicht nur akzeptiert, sondern am 12. Februar 2009 ratifiziert und 1. Juni 2009 in Kraft gesetzt. Danach wurden die notwendigen gesetzlichen Änderungen vorgenommen, von denen die

6 Text der Charta ist unter https://www.coe.int/de/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/148 einzusehen. Sie wurde bisher von Polen und Rumänien, nicht aber von Griechenland und Albanien unterzeichnet und ratifiziert.

Kaschuben profitieren, während sie auf die Schlesier bisher kaum angewendet werden.

Über die Anzahl der Kaschuben und Schlesier gibt die Volkszählung von 2011[7] offiziell Auskunft. Als erste Identität gaben 17000 der Befragten (16000 sogar ausschließlich) *Kaschube* an und 212000 bezeichneten dies als ihre zweite Identität. Neben diesen offiziellen Angaben findet man stark abweichende Schätzungen, die von bis zu 500000 Kaschuben und darunter 53000 aktiven Sprechern sprechen.

Demgegenüber nannten 418000 der Befragten (362000 sogar ausschließlich) *Schlesier* als erste und 399000 als zweite Identität. Neben diesen offiziellen Angaben gibt es ebenfalls stark abweichende Schätzungen, die sogar von bis zu 1500000 Sprechern ausgehen.[8] Alle Zahlen sind mit gebührender Vorsicht zu behandeln. Die eklatante Diskrepanz zwischen den offiziellen Zahlen der Volkszählung von 2011 und den verschiedenen Schätzungen ist in erster Linie ein Politikum und zeigt die Schwierigkeit, zuverlässige Zahlen zu erhalten. Übrigens ist der sprunghafte Zuwachs der Schlesier in der letzten offiziellen Zählung auf 817000 von 173000 im Jahre 2002 natürlich nicht auf eine massive Einwanderung, sondern auf politische Einflussnahme zurückzuführen. Fraglos verbergen sich hinter den wesentlich höheren, nichtoffiziellen Zahlen ebenfalls politische Intentionen.

	1. Identität	nur eine	2. Identität	Summe	Auch Polnisch
Kaschubisch	17000	16000	212000	229000	213000
Schlesisch	418000	36200	399000	817000	455000

Angaben der Zählung von 2011

Die sprachlichen Fakten werden also fast nach Belieben eingesetzt und zur Not zurechtgebogen oder manipuliert. Sicher ist nur, dass nach der traditionellen Einteilung in der Slavistik Kaschubisch und Schlesisch wie auch Polnisch zum westlichen Zweig der Slavia gehören. Aller-

7 Aus *Wyniki Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2011*: www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/LUD_raport_z_wynikow_NSP2011.pdf.

8 Hentschel (2002: 437).

dings ist Kaschubisch Teil des Pomoranischen, während Schlesisch und Polnisch einen anderen Zweig bilden. Die offensichtlich größere Nähe des Schlesischen zum Polnischen wird gern als Argument genutzt, den Schlesiern das Recht auf eine eigene Sprache abzusprechen. Doch das tat man früher auch bei den Kaschuben, deren Idiom polnische Philologen ebenfalls als Dialekt ihrer Sprache deklarierten. Allein aus dieser Tatsache ist schon ersichtlich, dass die Existenz von Mikroliteratursprachen weniger ein linguistisches als ein politisches Problem ist und es wenig Sinn macht, politische Interessen mit linguistischen Argumenten zu unterfüttern und wissenschaftlich zu stützen, es sei denn man möchte als Linguist seine patriotische Gesinnung kundtun.

Das Kaschubische (*kaszëbsczi jãzëk*, *pòmòrsczi jãzëk*, *kaszëbskò-słowińskô mòwa*) wird in Pommern westlich von Danzig nach Schätzungen von etwa 50000 bis 15000 Menschen als Alltagssprache gesprochen. Im *Endangered Languages of Europe Report* wird es als ernsthaft vom Aussterben bedroht, „seriously endangered“, eingestuft.[9] Der staatlichen Anerkennung des Kaschubischen als Regionalsprache oder Regiolekt geht eine längere Auseinandersetzung voraus, wobei die Kaschuben ihre Loyalität zu Polen nicht durch Autonomieforderungen in Frage stellten. Dass die Emotionen dennoch hochkochten, zeigen Drohungen und sogar Morddrohungen, die kaschubische Aktivisten zu Beginn der 1990er Jahre erhielten.

Das in Oberschlesien gesprochene Schlesische (*ślónsko godka, ślónsko mowa*) bezeichnen Polen weiterhin nur als Dialekt (*dialekt śląski*) und betrachten es als integralen Teil ihres Dialektgebiets.[10] Das bestreiten selbstverständlich die um ihre kulturelle Autonomie ringenden Schlesier, wobei ihre Verbitterung über die ungerechte Behandlung in der Vergangenheit spürbar wird. Denn sie wurden immer wieder vor

9 http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php

10 Hier ist nur vom Oberschlesischen die Rede, da in Niederschlesien bis 1945 Deutsch gesprochen wurde und die alten polnischen Dialekte verschwunden waren. – Ausführlich beschäftigt sich Tomasz Kamusella in zahlreichen Aufsätzen und Büchern mit der schlesischen Thematik. Sein Schriftenverzeichnis unter: https://www.st-andrews.ac.uk/history/staff/tomaszkamusella.html. Ferner ist auf die Dissertation von Henzelmann (2015) hinzuweisen.

die für sie inakzeptable Wahl gestellt, sich als Polen oder Deutsche zu deklarieren. Die für sie einzig adäquate Option *Schlesier* verweigerte man ihnen. Unabhängig davon, ob man das Schlesische[11] als polnische Mundart oder als eigene Sprache ansieht, zeichnet es sich auf jeden Fall durch starke Einflüsse vom Polnischen, Deutschen und Tschechischen aus. Der Streit um die Anerkennung des Schlesischen als selbständige Sprache geht weiter und verursacht erhebliche innenpolitische Spannungen in Polen, verstärkt aber gleichzeitig den Widerstand der Schlesier gegen jede Bevormundung aus Warschau.

Wenn man ein umfangreicheres **Schrifttum** als grundlegendes Kriterium für die Existenz von Mikroliteratursprachen betrachtet, dann erfüllt sowohl Kaschubisch wie auch Schlesisch diese Bedingung. Wenn auch Kaschubisch bis heute mehr oder weniger als Mundart funktioniert und im öffentlichen Bereich vom Polnischen überlagert wird, hat es frühe schriftliche Zeugnisse aufzuweisen. Drucke in kaschubischer Sprache entstanden im Zusammenhang mit der Reformation bereits im 16. Jahrhundert, wobei man sich an der polnischen Orthographie orientierte. Die moderne Literatur beginnt dann im 19. Jahrhundert mit Florian Ceynowa, umfasst inzwischen alle Gattungen und wurde sogar schon vereinzelt in andere Sprachen übersetzt. Ferdinand Neureiter (1978) hat sogar eine *Geschichte der Kaschubischen Literatur* vorgelegt.

Die erste Schulfibel für die Grundschule (Abecadło 2000) ist erst neueren Datums. Inzwischen hat aber Kaschubisch Eingang in der Schule gefunden, und seit 2005 kann das Abitur an einigen Schulen in kaschubischer Sprache abgelegt werden. Als wichtiger Schritt zur Kodifizierung ist neben der Schulfibel und der Übersetzung des Neuen Testaments das polnisch-kaschubische Wörterbuch von Trepczyk (1994) einzustufen.

Die Anfänge des schlesischen Schrifttums sind schwerer zu ermitteln, da schlesische Autoren praktisch bis zur Wende 1989 notgedrungen auf Polnisch oder Deutsch bzw. auch Tschechisch publizierten. Da dem Idiom die offizielle Anerkennung fehlte, wurde es vorwiegend gesprochen und hat noch keine einheitliche Schriftsprache entwickelt. Erst in

11 Im Deutschen versteht man unter *Schlesisch* übrigens primär die dort gesprochenen deutschen Dialekte und verwendet für das slavische Idiom den oft negativ gefärbten Begriff *Wasserpolnisch* oder *Schlonsakisch*.

den 1990er Jahren begann man bewusst, Schlesisch zu schreiben, wobei einige Autoren an die Ansätze des Lachischen (*język laski, lašský jazyk*) von Feliks Steuer in der Zwischenkriegszeit anknüpften. Seit 2003 wartet der Verlag *Narodowa Oficyna Śląska* (NOŚ)[12] mit einem dezidiert schlesischen Programm auf. In jüngster Zeit werden zudem vermehrt Diskussionen über die Vereinheitlichung der Schreibung geführt.[13] An der Schlesischen Universität Kattowitz wurde 2008 eine Konferenz zur Standardisierung des Schlesischen veranstaltet, und 2010 wurden Regelschreiberegeln verkündet. Im selben Jahr gaben *Pro Loquela Silesiana*[14] und NOŚ die erste schlesische Fibel für Grundschulen herausgegeben. Das große polnisch-schlesische Wörterbuch (2007–2010) wendet im 3. Band (2010) bereits die neue Rechtschreibung an. Allerdings gibt es noch nicht wie bei den Kaschuben regulären schlesischen Schulunterricht.

Kaschuben und Schlesier haben eine sehr aktive, international vernetzte **Elite**, die ihre Idiome unterstützen und auch in der Praxis benutzen. Damit erfüllen sie nicht nur eine wichtige Bedingung für deren Erhalt, sondern ebenfalls für den weiteren Ausbau. Mittlerweile werden die Bestrebungen der Elite, das Kaschubische zu einer eigenen Standardsprache auszubauen, nicht mehr vom polnischen Staat behindert, sondern geduldet und bis zu einem gewissen Grade gefördert, wie die Einführung des Kaschubisch-Unterrichts an einigen Schulen und an der Universität Danzig zeigt. Ferner tragen die regelmäßigen öffentlichen Diktat-Wettbewerbe (*Dyktando Kaszubskie*) wesentlich zur Popularisierung des Kaschubischen bei. Allerdings gibt es selbst jetzt noch gelegentlich Irritationen wie erst kürzlich anlässlich der Rede des Wojewoden von Pommern zum Nationalfeiertag am 16. November 2017, der den Kaschuben separatistische Neigungen unterstellte.[15]

---

12 https://pl-pl.facebook.com/Narodowa-Oficyna-%C5%9Al%C4%85ska-123686534794870/.

13 Hierzu Roczniok – Kamusella (2011) und Henzelmann (2015: 198–240).

14 *Pro Loquela Silesiana – Towarzystwo Kultywowania i Promowania Śląskiej Mowy* (http://silesiana.org).

15 Vgl. die Meldung http://www.kaszubi.pl/media/medius/id/735_und die Reaktion von Cezary Obracht-Prondzyński http://www.kaszubi.pl/aktualnosci/aktualnosc/id/1510.

Entscheidend für die Sammlung der Kräfte und die Durchsetzung der Interessen ist das 1956 gegründete *Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie* (*Kaszëbskò-Pòmòrsczé Zrzeszenié*) mit Hauptsitz in Danzig und mit zahlreichen Filialen.[16]

Für die Schlesier sind die offiziellen Rahmenbedingungen wesentlichen ungünstiger und in ihrem bisher fruchtlosen Bemühen um Anerkennung als Minderheit in Polen haben sie sich bereits mehrfach an den Gerichtshof in Straßburg gewandt.[17] Aktuell wird die Situation wohl durch die Auseinandersetzung zwischen Madrid und Barcelona um den Status von Katalonien noch komplizierter. Für die Durchsetzung ihrer Interessen haben die Schlesier verschiedene Organisationen gegründet. Bereits 1990 wurde der *Ruch Autonomii Śląska* — RAŚ (Bewegung für die Autonomie Schlesiens) gegründet und war sogar ab 2010 für drei Jahre an der Regierung der Wojewodschaft Schlesien beteiligt. Die Bewegung kooperiert u.a. mit dem *Stowarzyszenie Młodzież Górnośląska* (Verein der oberschlesischen Jugend), *Pro Loquela Silesiana — Towarzystwo Kultywowania i Promowania Śląskiej Mowy* (Gesellschaft für die Kultivierung und Förderung der schlesischen Sprache) und dem *Śląski Związek Akademicki* (Schlesischer Akademischer Bund).

Der *Związek Ludności Narodowości Śląskiej* ZLNŚ (Bund der Bevölkerung Schlesischer Nationalität) wurde 1996 gegründet und hatte Schwierigkeiten bei der Registrierung, weil im Programm von schlesischer *Nationalität* die Rede ist. Ferner gibt es seit 2011 in Oppeln das *Stowarzyszenie Osób Narodowości Śląskiej* SONŚ (Gesellschaft der Menschen Schlesischer Nationalität). International haben die Schlesier bei der Anerkennung ihrer Sprache einen Erfolg zu verzeichnen, welche die ISO693–3–Kürzel *szl* erhielt. Außerdem führen die Schlesier nach dem Beispiel der Kaschuben, obwohl sie noch keinen regulären Sprachunterricht in der Schule haben, seit einigen Jahren auch Diktat-Wettbewerbe (*Dyktando po śląsku*) durch.

Für den Status und den Ausbau der Mikroliteratursprachen ist in unserer Zeit natürlich ihre Präsenz in den **Medien** und im **Internet** ein wesentlicher Faktor geworden. Um ihre Ausweitung bemühen sich

16 Website www.kaszubi.pl/.

17 http://slonzoki.org/2017/08/skarga-sons-przyjeta-do-rozpatrzenia-w-strasburgu/

die Vertreter beider Sprachen sehr intensiv. So wird vom *Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie* bereits seit 1963 die Monatsschrift *Pomerania* mit polnischen auch kaschubischen Texten zur Kultur, Geschichte der Kaschuben usw. herausgegeben und in ganz Polen vertrieben. Inzwischen ist dieser Bereich beträchtlich gewachsen. So strahlt seit 2004 *Radio Kaszëbë* kaschubische und polnische Sendungen aus. Außerdem hat *Radio Gdańsk* kaschubische Sendungen im Programm und ebenfalls die Danziger Filiale des Fernsehsenders *TVP*. Zudem sind die Kaschuben im Internet präsent, wobei das *Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie* (www.kaszubi.pl) eine Anlaufstelle ist. Daneben gibt es zahlreiche private Auftritte, die jedoch bei der üblichen Fluktuation in diesem Medium oft nur vorübergehend aktiv sind.

Auch Schlesisch erscheint in einigen Zeitschriften, die Henzelmann (2015: 199–206) sehr ausführlich vorstellt. Die zweisprachige, schlesisch-polnische Zeitschrift *Ślůnsko Nacyje* startete 2006, und 2011 kam *Ślunski Cajtung* hinzu. Dabei fällt auf, dass wie bei den Kaschuben das Polnische in den Beiträgen sehr dominant bleibt und das eigene Idiom oft nur dekorativ verwendet wird. Diese Gratwanderung ist für Mikroliteratursprachen wohl typisch, wenn sie noch nicht fest etabliert sind. Um ein großes Publikum und die eigenen Anhänger besser zu erreichen, weicht man auf die Schriftsprache der Mehrheit aus, weil sie im weitgehend zweisprachigen Milieu bekannter ist als die eigenen Ansätze. Der auf schlesische Literatur spezialisierte Verlag *Narodowa Oficyna Śląska* hat daher neben rein schlesischen und polnischen Werke etliche zweisprachige Ausgaben, um auf diese Weise die Leser an das Schlesische heranzuführen.

Kompliziert ist die Situation in Funk und Fernsehen, da die Sender wegen des umstrittenen Status des Idioms ihr schlesisches Programm auf Folklore- und Kabarettsendungen beschränken. Die als schlesische Sender aufgeführten Stationen *TV Silesia, Sfera TV, TVP Katowice, Slonsky Radio, Radio Piekary, Radio Silesia, Radio Fest* usw. senden ebenfalls auf Polnisch. Nur im Internet gibt es schlesischsprachige Sendungen, die freilich im Ausland zusammengestellt werden.[18]

18 http://www.slonskyradio.eu/ und www.śląskieradio.com.

Neben der Verwendung in Emails sowie zahlreichen kommerziellen und privaten Websites werden beide Sprachen häufig bei Auftritten in Foren, Blogs usw. benutzt. Ferner existieren umfangreiche Wikipedia-Versionen, Wörterbücher, literarische Texte, Zeitschriften usw. in beiden Sprachen. Samsung hat sogar für sein Menu eine schlesische Version entwickelt,[19] und als Facebook der Gruppe *Jestem Narodowości Śląskiej* am 20. Februar 2017 den Zugang sperrte, musste sie ihn nach umfangreichen Protesten in Schlesien schnell wieder öffnen.[20]

Schon aus diesem kursorischen Überblick lässt sich schließen, dass die sehr tatkräftigen Eliten der Kaschuben und Schlesier die Globalisierung und insbesondere das Internet als Herausforderung betrachten und deren Möglichkeiten nutzen, um den Status ihrer Sprachen zu verbessern und zu sichern, weshalb sie sicher noch nicht auf die Liste der *Endangered Languages of Europe* gehören.

Banater Bulgarisch — Goranisch — Pomakisch

Von den Mikroliteratursprachen *Banater Bulgarisch — Goranisch — Pomakisch* haben zumindest zwei enge Verbindungen mit dem Bulgarischen. Allerdings werden sie nicht von ihm, sondern von anderen Sprachen überdacht und haben deshalb eine gesonderte Entwicklung eingeschlagen. Während die historische Verbindung mit dem Bulgarischen für das Banater Bulgarische und das Pomakische[21] in Griechenland außer Frage stehen, ist sie beim Goranischen heikel, da es Bulgaren, Makedonen und Serben für sich beanspruchen. Für die Entstehung dieser Minderheiten spielt die Religion eine herausragende Rolle, denn alle drei gehören zu für die Balkanslaven untypischen Konfessionen. Die Banater Bulgaren sind Katholiken und die Goranen sowie Pomaken Muslime.

Die Banater Bulgaren verwenden als Eigenbezeichnung *Palćene*, das von *Paulikianer* abgeleitet ist. Darin drückt sich gleichzeitig Distanz

19 http://www.dziennikzachodni.pl/artykul/3800529,smartfon-samsung-z-godka-slaska-w-menu-zdjecia-wideo-slownik,id,t.html

20 http://slask.eska.pl/poznaj-miasto/facebook-po-slasku-juz-jest-zobacz-jak-go-odpalic-instrukcja/225388

21 Abwegig sind fraglos die Versuche griechischer Amateurphilologen, ihnen eine griechische Abstammung zu verpassen.

zu den orthodoxen Bulgaren in der Heimat aus, mit denen man bis vor kurzem keine engen Kontakte hatte (Steinke 2004). Dafür bestanden sie aber mit den katholischen Kroaten während der gemeinsamen Zugehörigkeit zum Habsburger Reich, von denen sie ihre Geistlichen erhielten.

Die Banater Bulgaren haben früh eine eigene Schriftsprache geschaffen und als Katholiken, abweichend von den orthodoxen Bulgaren, das lateinische Alphabet benutzt. Der Unterschied besteht aber nicht nur in der Schrift, sondern es wurde zudem eine andere dialektale Basis als in der bulgarischen Standardsprache gewählt. Diese neue Schriftsprache wurde 1860–1896 sogar mit eigens dafür geschaffenen Lehrbüchern in der Schule unterrichtet (Njagulov 1999: 29; Stojkov 1967: 18–21; Nomachi 2016: 403). Allerdings ist der muttersprachliche Unterricht dann von den Ungarn bis 1918 und anschließend von den Rumänen bis zum Ende des 2. Weltkriegs unterbunden worden. Erst unter dem kommunistischen Regime wurden die Banater Bulgaren als nationale Minderheit anerkannt und erhielten wieder eigene Schulen, in denen sie freilich das ihnen an sich fremde Standardbulgarische mit kyrillischem Alphabet lernten. Daher wirkt sich der muttersprachliche Unterricht nicht unbedingt positiv auf die linguistische Vitalität der Mikroliteratursprache aus, da sie in der ungewohnten bulgarischen Standardsprache unterrichtet werden.

In ihren Publikationen wie in der jüngst erschienenen neuen Übersetzung[22] des Neuen Testaments (Svetotu Pismu 1998) oder in ihren Zeitschriften *Náša Glás* und *Horizont* verwenden sie konsequent ihre Schriftsprache und das lateinische Alphabet. Neben Zeitschriften, Büchern sowie Radio- und Fernsehsendungen von Radio Timişoara und Arad sind ferner die Auftritte im Internet und YouTube zu erwähnen.[23] Dahinter steht eine sehr aktive Elite, welche die Pflege der Kultur und Sprache zu ihrem Anliegen gemacht hat. Trotzdem ist die Situation dieser kleinen Minderheit von ca. 12000 Personen mittlerweile prekär, worüber auch ihre gute Präsenz in den Medien und im Internet nicht hinwegtäuschen kann. Die Zahl der Siedlungen schrumpft, und selbst in der einst überwiegend bulgarischen Stadt Vinga leben heute nur noch

22 Die erste erschien Ende des 19. Jahrhunderts (Novija Testament 1899).

23 https://ubbr.ro/category/nasa-glas/ – https://ubbr.ro/emisiunea-radio-in-limba-bulgara/

wenige *Palćene.* Allein in *Stári Bišnov* (Dudeşti Veche)[24] überwiegt noch der bulgarische Bevölkerungsanteil.

Schwierig bleibt die ethnische und sprachliche Einordnung der slavischsprachigen *Goranen* in Albanien, die noch nicht offiziell als ethnische oder nationale Minderheit anerkannt werden. Sie wohnen im Nordwesten des Landes südlich von Kukës im Gebirge. Ein anderer Teil wohnt auf der ehemals jugoslawischen und jetzt kosovarischen Seite.[25] Während sie ursprünglich Muslime oder Christen waren, sind es inzwischen fast nur noch Muslime. Als korrekt gilt ihnen allein die Eigenbezeichnung *Gorani* bzw. *Našinci*, während sie den Terminus *Torbeši* ablehnen. Versuche zur genaueren Einordnung ihres Idioms *Našinski* (*Goranski*) eröffnen eine Möglichkeit der Zuordnung. Die einen rechnen es nämlich zum Makedonischen und die anderen zum Bulgarischen, und nur der Auffassung, dass es sich auch um einen serbischen Dialekt handeln könnte, widerspricht man heftig. In der Praxis kann das bedeuten, dass sie sich gelegentlich als Bulgaren oder als Makedonen bezeichnen, je nachdem, welcher Botschafter sie gerade besucht.[26] Das reflektiert einerseits Reminiszenzen an die Zeit vor dem 2. Weltkrieg, als sie von den Bulgaren betreut wurden, und andererseits die Einstellung auf die neue Situation nach dem 2. Weltkrieg, als anfangs sehr enge Beziehungen zu Jugoslawien bestanden.

Gegenwärtig, nach der tiefgreifenden Veränderung der politischen Verhältnisse in Albanien, bemüht sich eine sehr aktive, aber kleine goranische Elite um die Stabilisierung der von vollständiger Assimilation bedrohten Minderheit und ihrer Sprache. Einen gewissen Erfolg dieser Anstrengungen stellen die zahlreichen Veröffentlichungen in dem Idiom und das monumentale Wörterbuch von Nazif Dokle (2007) dar. Deshalb

---

24 http://dudestii-vechi.ro/

25 Im *Kosovo* war die Situation unmittelbar nach dem letzten Krieg sehr angespannt, da die Goranen von den Albanern wegen ihrer Sprache als Serben und von den Serben vorher wegen ihrer Namen und der Konfession als Albaner diskriminiert wurden. Angeblich sollen deshalb, wie die Gesellschaft für bedrohte Sprachen angibt, von 18500 ca. 11500 Goranen aus dem neuen Staat Kosova geflohen sein (http://www.gfbv.it/2c-stampa/04-1/040319ade.html).

26 Ähnliches schildert Mangalakova (2004: 311) für Golobrdo.

wird neuerdings sogar der Ruf nach eigenen Schulen laut. Denn in Albanien gibt es bisher für die Goranen nur Unterricht in der Staatssprache, d.h. auf Albanisch, während man auf der anderen Seite heute in der Schule Bosnisch unterrichtet, das nach dem Krieg nominell Serbokroatisch ersetzt hat (Mladenović 2001; Steinke 2016).

Trotz des mehr normativen als deskriptiven Charakters von Dokles Wörterbuch (2007) und der zahlreichen Sammlungen von Gedichten, Lieder und Kurzgeschichten bereitet die Schreibung des Idioms Probleme. Schwankend ist schon die Wahl des Alphabets. Im Internet benutzen die Goranen zudem ausschließlich Albanisch, Bosnisch bzw. Serbisch und Makedonisch. Ob das bisherige Schrifttum zur Etablierung einer weiteren Mikroliteratursprache ausreicht, bleibt offen bzw. ist eher unwahrscheinlich, nachdem der fraglos wichtigste Promotor der Bewegung, Nazif Dokle, 2014 verstorben ist. Zudem ist die Zahl der Sprecher mit etwa 7000 aktiven Sprechern ziemlich klein, und auch die Lebensumstände sowie die materiellen Verhältnisse der Minderheit in Gora lassen es kaum erwarten, dass sich daran Wesentliches ändern wird. Deshalb wird sich die *Shoqëria kulturore „Gora“* [Kulturverein „Gora“], in deren Namen ihr langjähriger Gründungsvorsitzender Nazif Dokle goranischsprachige Schulen und eine eigene Radiostation forderte, wohl bald auf ein folkloristisches Programm beschränken. Auch die Präsenz in den Medien und im Internet hat vielleicht das Gruppenbewusstsein, aber nicht die das Idiom gestärkt, da es dort nicht verwendet wird.

Einen Sonderfall stellen die *Pomaken* dar, die hier nur als Marginalie behandelt werden sollen, da es dazu eine ausführliche, aktuelle Untersuchung von Henzelmann (2015) gibt. Er war, was für die Darstellung wichtig ist, vor Ort und hat die komplizierten Verhältnisse dort näher studiert. Diese Gruppe lebt in Thrakien, das heute zwischen Bulgarien und Griechenland aufgeteilt ist, und besteht nur aus Muslimen. Mit ihrer vom Islam bestimmten Kultur unterscheiden sie sich fraglos von den orthodoxen Bulgaren und werden daher in Bulgarien als religiöse Minderheit eingestuft, d.h. als българи-мохамедани, Bulgaren mohammedanischen Glaubens. Da sie nicht dem normalen Bild eines Bulgaren, der orthodoxer Christ zu sein hat, entsprechen, betrachtet man sie als verlorene Schafe, die zwangsweise islamisiert wurden und wieder auf den rechten Weg zurückgeführt werden müssen. Fehlgeleitete Missionsversuche haben zu

Spannungen und zur Stärkung des Zusammenhalts unter den Pomaken und zur Solidarisierung mit den Türken geführt. Sprachlich fügen sich die von ihnen gesprochenen rupzischen Mundarten in das bulgarische Dialektkontinuum ein und werden vom Standardbulgarischen überdacht (Mitrinov 2007).

Komplizierter sind die Verhältnisse in Griechenland, wo die Pomaken zu der durch den Vertrag von Lausanne 1923 geschützten, einzigen in diesem Land offiziell anerkannten, religiös definierten Minderheit, d.h. zu den Muslimen gehören. Für diese Gruppe übernimmt die Türkei eine Schutzmachtfunktion. Prinzipiell haben die Pomaken also drei Optionen: die griechische nach der Staatsangehörigkeit, die türkische nach der Konfession und schließlich die bulgarische aufgrund ihrer Sprache. Für die stark religiös orientierte, slavischsprachige Minderheit ist davon jedoch allein die türkische Option erfolgversprechend, um sich gegen massive Assimilations- und Missionsversuche zu wehren.

Nachdem der griechische Staat diesen Zustand lange Zeit mehr oder weniger akzeptiert hatte, zeichnet sich in den 1990er Jahren — wohl auch unter dem Druck der europäischen *Charta zum Schutz der Minderheiten- und Regionalsprachen* — eine veränderte Position ab (Ioannidou — Voß 2001). In diesem Kontext entstanden einige, freilich meist sehr dilettantische normative Grammatiken, darunter sogar eine von der griechischen Armee initiierte (Karahodza 1996), welche nicht in den Buchhandel kam. Die Autoren waren fast ausnahmslos Griechen, was bereits deutlich auf ein mangelndes Interesse der eigentlich von dieser Initiative Betroffenen hindeutet. Es gibt zwar das Lehrbuch *Úchem so pomátsko* (Kokkas 2004), das aber in den Schulen keine Verwendung findet, da dort nur Griechisch und Türkisch unterrichtet wird.

In den vom türkischen Konsulat in Xanthi intensiv betreuten größeren Orten behaupten die Pomaken inzwischen sogar, sie seien ethnische Türken und sprächen nur Türkisch, obwohl sie diese Sprache meist gar nicht beherrschen. Nur in den entlegeneren Ortschaften bezeichnet man sich noch als Pomake und das Idiom meist sogar als „Bulgarisch“, das aber nur in der mündlichen Kommunikation benutzt wird. Die Beziehung zum Bulgarischen wird also nicht geleugnet, jedoch die Option *Pomakisch*, da sie durch die Griechen diskreditiert ist, kaum gewählt. Allerdings führt die Sprache nicht zur ethnischen oder nationalen Identi-

fikation mit den Bulgaren. Bezeichnend ist ferner, dass gerade die pomakische Elite, insbesondere die pomakischen Lehrer gar kein Interesse an der Einführung des Unterrichts in der Muttersprache haben, obwohl sich dadurch die schwierige Situation der Schüler sicher verbessern würde, die gegenwärtig vom ersten Schultag an in zwei ihnen unbekannten Sprachen unterrichtet werden. Die bisherigen Versuche zur Normierung und Kodifizierung sind daher wegen mangelnder Akzeptanz bei der Minderheit zum Scheitern verurteilt, wenn sich die Elite nicht neu orientiert. Wahrscheinlich haben die Pomaken aber ihren Homer im Griechischunterricht aufmerksam gelesen und betrachten die ihnen geschenkte Schriftsprache als „Danaergeschenk". Gegenwärtig ist es eine Schriftsprache ohne Benutzer, oder wie es Henzelmann (2015) ausdrückt und im Unterschied zu den anderen hier behandelten Beispielen, eine ohne *Authentizität*.

Fazit

Wie die Beispiele zeigen, bleibt für den Erfolg aller Initiativen zum Ausbau und zur Kodifizierung von Mikroliteratursprachen in erster Linie ihre uneingeschränkte Akzeptanz durch die Minderheit selber und ihre Elite entscheidend. Wo sie fehlt, sind alle Versuche zu ihrem Ausbau fruchtlos. Aber selbst wenn günstige Voraussetzungen für ihre Entwicklung vorliegen, stellt sich heute im Zeichen von Globalisierung und Digitalisierung die von V. M. Alpatov (2006) formulierte Frage „Что делать с малыми языками?" mit noch mehr Nachdruck. Sie lässt eine deutliche Skepsis vor überzogenen oder realitätsfernen Hoffnungen und Forderungen mancher Theoretiker erkennen. Konkret stehen die Angehörigen der kleinen Sprachgruppen heute nach seiner Meinung vor der schmerzhaften Alternative: „либо потерять язык, либо жить отсталой сельской жизнью" (Alpatov 2006: 79). Vor dem Hintergrund der Globalisierung und Digitalisierung scheint das Schicksal der Mikroliteratursprachen nun endgültig besiegelt zu sein. Doch haben sie keine Chance zum Überleben? Die Gefahren sind keineswegs neu und reduzieren sich letztlich auf die übliche Bedrohung, der kleinere und selbst größere Sprachen schon immer ausgesetzt waren. Die Digitalisierung kann zudem auch als Chance aufgefasst werden und neue Kommunikationsräume erschließen,

wie oben gezeigt wurde. Schließlich schätzt man mittlerweile selbst die Konsequenzen der Globalisierung neu ein, und *Glokalisierung* macht als neues Schlagwort die Runde. Die Besinnung auf das Regionale, nicht als Alternative zum Globalen, sondern als komplementäre Dimension kommt hier zu ihrem Recht. Denn mit „*Glokalisierung* [wird] *auch eine Form der Weltoffenheit* [bezeichnet]*, bei der alle Kulturen anerkannt und respektiert werden und dennoch regionale Verwurzelungen erhalten bleiben*.“ (https://de.wikipedia.org/wiki/Glokalisierung).

Literatur

Alpatov 2006 – V. M. Alpatov. Čto delat' s malymi jazykami? In: A. D. Duličenko, S. Gustavsson (red.). *Slavjanskie literaturnye mikrojazyki i jazykovye kontakty*. Tartu: Izdatel'stvo tartuskogo universiteta, 73–81.

Abecadło 2000 – W. Bòbrowsczi, K. Kwiatkòwskô. *Kaszëbsczé Abecadło twój pierszi elemeńtôrz*. Gdańsk: Wydawnictwo Jaskółka.

Crystal 2002 – D. Crystal. *Language Death*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dokle 2007 – N. Dokle. *Reçnik goranski (nashinski) – allbanski. Fjalor gorançe* (*nashke*) – *shqip*. Sofija: Peçatnica naukini akademiji „Prof. Marin Drinov".

Duličenko 1981 – A. D. Duličenko. *Slavjanskie literaturnye mikrojazyki. Voprosy formirovanija i razvitija*. Tallin: Valgus.

Duličenko 1998 – A. D. Duličenko. Das Banater Bulgarische. In: P. Rehder (hrsg.). *Einführung in die slavischen Sprachen*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 326–330.

Duličenko 2003/2004 – A. D. Duličenko. *Slavjanskie literaturnye mikrojazyki. Obrazcy tekstov*. I–II. Tartu: Izdatel'stvo tartuskogo universiteta.

Evans 2014 – N. Evans. *Wenn Sprachen sterben und was wir mit ihnen verlieren*. München: C. H. Beck.

Hentschel 2002 – G. Hentschel. Schlesisch. *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*, 10. Klagenfurt: Wieser Verlag, 437–441.

Henzelmann 2015 – M. Henzelmann. *Authentizität als treibende Kraft bei der Herausbildung slavischer Mikroliteratursprachen* (*am Beispiel des Pomakischen und des Schlesischen*). München – Berlin [u.a.].

Ioannidou – Voß 2001 – Al. Ioannidou, Chr. Voß. Kodifizierungsversuche des Pomakischen und ihre ethnopolitische Dimension. *Welt der Slaven* XLVI,1, 233–250.

Kamusella – Nomachi 2014 – T. Kamusella, M. Nomachi. The Long Shadow of Borders: The Cases of Kashubian and Silesian in Poland. *The Eurasia Border Review*, vol. 5, no. 2, 35–60.

Kamusella 1998 – T. Kamusella. Das oberschlesische Kreol: Sprache und Nationalismus in Oberschlesien im 19. und 20. Jahrhundert. In: M. Krzoska, P. Tokarski (hrsg.). *Die Geschichte Polens und Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert. Ausgewählte Beiträge*. Osnabrück: Fibre, 142–161.

Kamusella 2004 – T. Kamusella. The Szlonzokian Ethnolect in the Context of German and Polish Nationalisms 1. *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 4, no. 1, 19–39.

Kamusella 2014 – T. Kamusella. *Ślōnsko godka / The Silesian Language*. Zabrze: Narodowa Oficyna Śląska.

Karahodza 1996 – R. Karahodza. Γραμματική πομακικής γλώσσας. ο.Ο. Δ΄ Σώμα Στρατού (εκδ.).

Kokkas 2004 – N. Th. Kokkas. *Úchem so pomátsko.* Xanthi: Pakethra.

Mangalakova 2004 – T. Mangalakova. Bălgarite v Mala Prespa i Golo Bărdo. In: A. Željazkova (red.). *Problemi na multietničnostta v zapadnite Balkani. Terenni proučvanija*. Sofija: IMIR, 276–319.

Mitrinov 2007 – G. Mitrinov. Die Mundartensituation in den Rhodopen. In: K. Steinke, Ch. Voss (eds.). *The Pomaks in Greece and Bulgaria. A Model Case for Borderland Minorities in the Balkans*. München: Verlag Otto Sagner, 149–159.

Mladenović 2001 – R. Mladenović. *Govor šarplaninske župe Gora*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.

Neureiter 1978 – F. Neureiter. *Geschichte der Kaschubischen Literatur. Versuch einer zusammenfassenden Darstellung.* München: Otto Sagner.

Njagulov 1999 – B. Njagulov. *Banatskite Bălgari. Istorijata na edna malcinstvena obštnost văv vremeto na nacionalnite dăržavi*. Sofija: Paradigma.

Nomachi 2016 – M. Nomachi. *The Rise, Fall, and Revival of the Banat Bulgarian Literary Language: Sociolinguistic History from the Perspective of Trans-Border Interactions.* In: T. Kamusella, M. Nomachi, C. Gibson (eds.). The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 394–428.

Novija Testament 1899. *Ivanvotu Evangjeli ubarnatu na Paulićenśći jazić*. Budapest.

Rehder 1984/5 – P. Rehder. Slavische Mikro-Literatursprachen? *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku* 27/28, 665–670.

Rehder 1995 – P. Rehder. Standardsprache Versuch eines dreistufigen Modells. *Die Welt der Slaven* XL, 2, 352–366.

Rehder 1998 – P. Rehder. Vorwort. In: P. Rehder (hrsg.). *Einführung in die slavischen Sprachen*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 9–16.

Report 2010 – Menschenrechtsreport Nr. 63 der *Gesellschaft für bedrohte Völker* vom März 2010. https://www.gfbv.de/fileadmin/redaktion/Reporte_Memoranden/2010/MR-Report_Nr.63.-BedrohteSprachen.pdf

Roczniok – Kamusella 2011 – A. Roczniok, T. Kamusella. Sztandaryzacyjo ślōnski godki / Standaryzacja języka śląskiego. *Slavica Tartuensis*, 9, 288–294.

Steinke 2004 – K. Steinke. Zum Status des Banater Bulgarischen. In: M. Okuka, U. Schweier (hrsg.). *Germano-Slavistische Beiträge*. München: Kubon and Sagner, 277–285.

Steinke 2014 – K. Steinke. Konflikt jazyka i identičnosti (na primere slavjanskix men'šinstv v Albanii, Bolgarii, Grecii, Pol'še i Rumynii). In: G.P. Neščmenko (red.). *Aktual'nye ėtnojazykovye i ėtnokul'turnye problemy sovremennostej*. Kn. 1. Moskva: Fond „Razvitija fundamental'nyx lingvističeskix issledovanij", 219–233.

Steinke 2016 – K. Steinke. Identity Problems of the Gorani in Eastern Albania and Kosovo. In: T. Kamusella, M. Nomachi, C. Gibson (eds.). *The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 360–375.

Steinke – Ylli 2010 – K. Steinke, Xh. Ylli. *Die slavischen Minderheiten in Albanien* (*SMA*) *3. Teil Gora.* München: Otto Sagner.

Stojkov 1967 – St. Stojkov. *Banatskijat govor*. Sofija: BAN.

Svetotu Pismu 1998. *Novija Zákun*. 2 Bde. Timişoara.

Trabant 2014 – J. Trabant. *Globalesisch*, *oder was? Ein Plädoyer für Europas Sprachen*. München: C. H. Beck.

Trepczyk 1994. – J. Trepczyk. *Słownik polsko-kaszubski*. I–II. Gdańsk: Zrzeszenie Pomorsko-Kaszubskie.

Ylli 2007 – Xh. Ylli. Sprache und Identität bei den slavischsprechenden Goranen in Albanien: 'Nie sme nasinci'. In: K. Steinke, Ch. Voss (eds.). *The Pomaks in Greece and Bulgaria. A Model Case for Borderland Minorities in the Balkans*. München: Otto Sagner, 193–200.

Tamaš Julijan
Univerzitet u Novom Sadu
Novi Sad, Srbija

Književnost, filozofija, kultura, istorija i aspekti bezbednosti nacionalnih manjina

Nacionalne manjine – Srbija – Vojvodina – Rusini – manjinska književnost

U radu se istražuju funkcije privatizacije u konstitucionalnim ekonomijama zemalja postsocijalističke tranzicije i efekti tih funkcija na društvo i pojedinca (Cerović 2012: 678–679). Osnovna hipoteza je da je reč o homologiji sa prvobitnom akumulacijom kapitala, samo daleko sofisticiranijom. Na delu je nova raspodela ekonomske moći, s tim što su sistemi manipulacije centara ekonomske i političke moći usavršeni i teže čitljivi. Produbuljuje se jaz između siromašnih i bogatih, uništava se srednji građanski sloj, troše se društveni resursi, a država i njene institucije ne čine potrebnu ravnotežu interesa za profitom i društvom socijalne pravde. Bačeni na tržište, kultura, umetnost i nacionalne manjine prve su i najveće žrtve privatizacije, ukoliko je ne prate adekvatni zakoni i jake institucije. Kultura i umetnost završavaju u kiču kao stabilizacija „prividne sreće“, a među tajkunima nema pripadnika nacionalnih manjina iako evropski standardi o ljudskim pravima nastoje da se ti efekti izbegnu.

U zaključku se dokazuje da ekonomija podleže objašnjenju u kome simbolizacija i matematizacija fenomena čini tzv. realne i monotone nizove činjenica (Pap 2008: 40–49), a društveni i politikološki efekti privatizacije iziskuju razumevanje fenomena, u smislu pojmovnih i ter-

minoloških razgraničenja fon Rihta (Riht 1975: 65, 137, 184, 204). To faktički znači da same demokratske procedure nisu dovoljne da brane optimalni sistem vrednosti jednog društva. Često su mimikrija koja prikriva interesno upravljanje pojavama pod plaštom demokratije. U tom smislu zakoni su važniji od ustava, zato što preciznije ograničavaju prostor za manipulaciju otuđenim centrima moći jer, matematičkim jezikom rečeno, smanjuju mesta *neodređenosti* (Pap 2005: 2) u lineralnim i monotonim nizovima činjenica, odnosno jačaju i šire racionalnu osnovu samog objašnjenja pa je i razumevanje preciznije. Precizan opis razumevanje politikoloških efekata čini tačnijim. U opisnom smislu ovaj pre svega matematički pojam koriste i pravo i politikologija.

U metodološkoj dimenziji, rad koristi tzv. negativnu metodu (Tamaš 1975: 12–17), do danas pretežno korišćenu u istočnim filozofijama, retko ili neizvesno u ekonomiji i politikologiji. Negativna metoda nastoji da fenomen tumači ne samo po onome što pojam podrazumeva u smislu stvarnosti koja jeste, nego i po tome što on nije, u optimalnoj projekciji horizonta očekivanja definisanog pojma. U tom metodološkom vidiku pojam privatizacije je veoma transparentnan.

Doduše, taj sadržaj domišlja tri, ne manje važna rukavca za osnovni tok. To su: istorija privatizacija u svim zemljama postsocijalističke tranzicije; uloga tajkuna i sprega politike sa državnim institucijama koje nisu arbitrirale u korist tzv. opšteg dobra, nego u ime interesa pojedinaca i, otuđenih od naroda i društva, centara političke moći. Konačno, nacionalne i kreativne, posebno kulturne a ne interesno nacionalno opredeljene, odnosno sve manjine u tranziciji su prva žrtvena „jagnjad“. Šira osnova tih žrtava je Vojvodina. Od AP postaje „Srpska Vojvodina“ i brišu se tekovine od AVNOJ-a do Miloševića.

1) Institucije koje se bave problemom korupcije, a to je najčitljivije područje svega, uglavnom lošeg, što nam je donela privatizacija, nisu imale snage da nametnu svoja saznanja državnim institucijama koje su trebale da štite opšte dobro. Preko stranaka tajkuni su upravljali opštim dobrom kao ličnim interesom. Agencija za privatizaciju i Agencija za borbu protiv korupcije načelno su bile saglasne o osnovnim problemima, ali kada je dolazilo do rešavanja „slučaj po slučaj“ uvek su u interesu tajkuna, ili centara političke

moći, zaboravljali šta je interes društva i „opšteg dobra“. Procedura za dokazivanje kako je sticana ekonomska moć i opravdanje za nečija enormna brza bogaćenja vrlo je jednostavna. Dokazati kako je ko zaradio prvih milion evra. Jer upravo dalje je novac pravio novac, pogotovu što su banke tražile uloge i garancije. Pojedinci su to mogli da ostvare, a većina građana je morala da siromaši i gladuje. To je veći zločin protiv sopstvenog naroda svih onih koji su se u privatizaciji obogatili, od ratova u ime tzv. nerealizovanih nacionalnih interesa, kako se uglavnom retorički opravdava raspad poslednje Jugoslavije.

2) Spoljni dug Srbije čini onaj kapital koji su domaće banke, pod imenom stranih, dale tajkunima da kupe preduzeća u bescenje tako što je realna vrednost prikazivana knjigovodstveno niskom. Posle svega, ako novi vlasnici treba da budu bogati, nek progresivnim oporezivanjem vrate sav spoljni dug Srbije koja ih je servisirala, mimo interesa društva, da se lično obogate.
3) Prema objavljenim nalazima siva ekonomija, a tu spadaju i javna preduzeća, uz bezobzirnu podršku države i stranaka, čini od trideset do četrdeset procenata ekonomije Srbije. Sivu ekonomiju vratiti u legalne ekonomske tokove, gde se plaćaju porezi privatnih vlasnika državi i uplaćuju prava upošljenih radnika na elementarnu egzistenciju. Poreze uplaćivati Srbiji, a ne raznim manevrima izbegavati to registrovanjem firmi u tzv. „neoporezivim carstvima“. Time ne bi bili potrebni zajmovi za oživljavanje srpske privrede, uz velike kamate, dugove, obaveze, a ekonomija i dalje stoji jer se krediti troše na interese pojedinaca i otuđenih centara političke moći. Siva ekonomija je unutrašnji zamajac koji vlasti, svejedno da li tzv. demokratske odnosno navodno proevropske, ili one sa viškom patriotizma, koriste zarad ličnih interesa, a ne zarad opšteg dobra, bez obzira na javnu retoriku kakva god ona bila.
4) Vratiti profesionalnu kompetenciju u javni život Srbije. Danas pametni ljudi predlažu, a odlučuju ljudi dovedeni po političkoj liniji upravo o onome što lično ne poznaju i što je van njihovih kompetencija i intelektualnih dometa. Naravno, odlučuju po stranačkim nalozima, a stranke su limitirane pragom znanja i svesti samih lidera. Nažalost, ti lideri su i sami skromnih znanja, intelektualnih

kapaciteta, moći i interesa za opšte dobro društva i države. Rešenje je dakle vrlo jednostavno: u visoku politiku niko ne bi smeo da uđe ako nije pokazao da vlada određenim problemima bar jednog segmenta društva, pa makar na celinu društva i aktuelnih problema gledao sa aspekta sopstvenog iskustva. Danas imamo ljude u visokoj politici koji ništa konkretno ne znaju, ali su prošli izbornu stranačku proceduru.

5) U Srbiji latentni problem jeste što se lakše donose ustavi nego zakoni. Razlog je što zakoni preciziraju sistem vrednosti, obaveze i odgovornosti vlasti, a ustavi se tumače paušalno, uglavnom onako kako to strankama i ljudima na vlasti trenutno odgovara bez obzira na opšti interes društva. Često, mada bi arbitri morali da uvažavaju zakone, čita se samo osnovni tekst. Stari Rimljani su znali: nije važno ko vlada, samo neka vlada po zakonima. Kod nas se sve izrodilo, zakoni obavezuju opoziciju a ne vlast, a o sistemu vrednosti koje jedna država brani više niko ne brine, bez obzira na potpisane međunarodne konvencije. Bez zakona, demokratija, stranke, itd., ne garantuju ostvarivanje elementarnih građanskih prava niti ekonomsku efikasnost društva i države. U ovom trenutku Srbija nije vrednosno uređena država. Ona je haotična istočna despotija gde lošiji vladaju boljima i odlučuju o navodnom interesu države. U zemlji u kojoj je osnovno iskustvo predsednika države jeste iskustvo direktora groblja (bivši predsednik Srbije Tomislav Nikolić), može se samo očekivati da sve živo sahrani, jer se mrtvi još uvek ne mogu oživeti, izuzev ako je to umeće stekao, što je malo verovatno.
6) Svet bi umeo i želi da pomogne ekonomski oporavak i bolji život građana Srbije, ali sve stranke na vlasti, i te tzv. demokratske i proevropske, i te navodno patriotske sa viškom patriotizma, u suštini ne žele ulazak Srbije u EU, zato što se time ekonomskim i političkim tajkunima smanjuje prostor za manipulacije u ličnu korist.
7) Apsolutno neosporno potrebno je vratiti profesionalnu kompetenciju u javni život ovih prostora i svih tranzicijskih zemalja. Stranački, nacionalni, i bilo kakvi drugi kriterijumi u stvarima gde se odlučuje o prirodi tih stvari, ne mogu prevazići onaj prostor gde se odlučuje u kom pravcu ide rešenje. Ideologija i emocije u praktičnim stvarima nisu merilo iako dolaze iz područja ljudskih prava na emo-

cije i uverenja. Pragmatična rešenja ljudima pomažu samo onoliko koliko su utemeljena u iskustvu svakodnevice odnosno stvarnosti. Tu nema prevare. Jedini tvrdi kriterijum jeste proverena profesionalna kompetencija pa i tada kada se na druga područja ljudske delatnosti gleda iz izkustava određene profesije. Nažalost, u Srbiji ljudi dovedeni figurativno sa ulice, odlučuju o preperukama ljudi sa iskustvom u određenim profesijama. To koristi održanju vlasti po formalnoj proceduri gde i budale mogu da nadglasaju pametne, ali to ne rešava u stvarnosti ni jedan postojeći problem. Pogubni su i jednostranački i pravoslavni populizam koji manipuliše nacionalnim emocijama.

8) Javna preduzeća izazivaju čitav niz domino efekata. Prvo, ona s obzirom da raspolažu monopolom na opšti društveni interes, iako se danas najmanje precizira mišljenje šta je to opšte dobro, služe za namirivanje partijskih potreba da bi se određeni ljudi ili pojedinci više sa sopstvenim interesima nego načelnim i partijskim, održali na vlasti i imali finansijski prostor za uzimanje od naroda onoliko novca koliko je njima i strankama potrebno. Potrebna je departizacija odnosno, oslobađanje uticaja stranaka i njihovih interesa na javna preduzeća. Ekonomskim parametrima može se dokazati da su javna preduzeća po prirodi stvari u monopolskom položaju i da bi ona mogla da budu ekonomski vrlo, vrlo, profitabilna da nije stranačke grabeži i grabeži otuđenih centara moći i pojedinaca.

Problem privatizacije u Srbiji jeste retorički. Svi navodno rade u korist društva i države. Činjenice govore da su narod i društvo samo retorički ornament i da se realizovani efekti privatizacije bezobzirno slivaju u privatne džepove, moralno problematičnih pojedinaca i interesnih grupa, a vitalnost građana, naroda ili države nije u privatizaciji nikakav obavezujući kriterijum. *Stvaralačka ličnost, pesnik, pisac, saglasno svom životnom i književnom iskustvu, graničnim situacijama u kojima se našao, vrši izbor iz književne tradicije i ponovo je rekreira nastojeći da je oplodi ili ospori inovacijom, sopstvenim doprinosom razlikom u odnosu na književna dela prethodnika. Složeni sistemi o trajanju književnosti u vremenu opet se svode na nekolike mitove ili pesničke slike, kako to već biva kada na racionalna pitanja nema racionalnih odgovora: kod*

hrišćana na mit o Postanju; kod marksista na ideju progresa predstavljenu uzlaznom linijom; kod ciklista na skriveni krug; kod Tojnbija na točkove koji se okreću oko sospstvene osovine ali se „kola“ ipak kreću, doduše, pitanje odakle i kuda takođe je bez odgovora. Ovome izvestiocu se čini, nakon proučavanja regionalnih i malih književnih tradicija, a to homologno važi i za „velike“, jer smo nastojali da demonstriramo istovremeni izmaknuti integralni pogled kojim se u istovremenoj koegzistenciji obuhvata i sagledava trajanje i funkcionisanje i „malih“ i „velikih“ književnih i kulturnih zajednica — dakle nismo za pogled na „male“ sa stanovišta „velikih“, niti za pogled na „velike“ sa stanovišta „malih“ — od ideje skrivenog kruga ne možemo pobeći, ali nismo za povratak ciklizmu u filozofiji istorije, već za teoriju hitnutog belutka i koncentrične krugove koje svaki kreativno potentni pesnik ili pisac stvaraju. Vratimo se na malopre spomenuti primer sa jezerom. Velika voda koja se unutar sebe pokreće je sada kulturna i književna tradicija. Na obali voda talasima ispire belutke. Za Vaska Popu belutak je biće. Za pesnika to su granične situacije, jezikom pretvorene u biće, pesme, pripovetke, romani, eseji, koje on bira, uzima u ruke; sledi hitac tako usmeren da belutak odskače po vodi i stvara koncentrične krugove. Veličina i broj odskoka, a to znači veličina i broj koncentričnih krugova, ne zavise samo od snage pesnikovog individualnog talenta, da upotrebimo T. S. E1iotov termin i pojam, nego i od velike vode, od tradicije i njenih nosilaca. A nosioci nisu samo oni koji poznaju jedan jezik, oni živi. Nosioci su svi pripadnici čovečanstva. U tome je univerzalni značaj regionalnih i malih jezika i književnih tradicija, kao zlatnih resursa čovečanstva, jer na njihovim iskustvima bitna saznanja o nastajanju, trajanju i funkcionisanju fenomena, znači priroda stvari, priroda književnosti, transparentniji su i lakše se saznaju. Uz to, istorijsko vreme je omeđeno: mitsko nije i obuhvata istorijsko. Književna dela jesu istorijska objava, ali njihova značenja su nadvremena. Književno delo, pesnik, jesu talas što samo jednom inovacijom dodirnu obalu tradicije i naoko mrtvi, kao belutak, kao biće, hiljadama značenja, koncentričnih krugova, umnoženi vrate se na pučinu (Tamaš 2008: 174–175).

Da apliciram temu na odnos aktuelne vlasti, posebno prema mislećim i kreativnim ljudima danas. Prvi zaključak: zasuti masovnim informaci-

jama obični ljudi ne razlikuju bitne od nebitnih činjenica i gube orijentaciju u stvarnosti koja ih okružuje. Drugi zaključak: nauka tzv. mislećih ljudi bira činjenice s obzirom na sugerisane potrebe aktuelnih centara moći da bi se proširila mesta neodređenosti i time uvećao prostor za manipulacije ljudima. Oba zaključka zbog nacionalističke ostrašćenosti aktuelnih vlasti bitno ugrožavaju bezbednost ljudi i pojedinaca, posebno mislećih i kreativnih, da bi se povećao prostor za manipulaciju ljudima, što bitno smanjuje bezbednost ostalih običnih građana. Sofisticirana mimikrija institucijama privid je demokratije, u funkciji samovolje pojedinaca i otuđenih centara moći. Osnovna hipoteza je da se granice država menjaju, ali zavičaji i individualne poetike u umetnosti nose se u duši i uz poetiku prostora najdublja su veza umetnika i univerzuma. Aktuelna vlast Srbije i Vojvodine otvoreno, nizom javno čitljivih postupaka, preferira u kulturi nacionalnu srpsku poetiku, zatire poetiku prostora i smišljeno uništava kulturu i književnost nacionalnih zajednica u manjinskom položaju. Nakon tri kolonizacije Srba u Vojvodinu i izgon Nemaca iz Vojvodine, etnički sastav promenjen je za milion ljudi u korist Srba, a cilj je čista srpska Vojvodina, mada je ona vekovima kulturni prostor svih etničkih zajednica koje u njoj žive. Kultura manjina svodi se na folklor, a, po mišljenju A. D. Duličenka — tako zaključujem iz brojnih radova slovenske mikrofilologije (Tamaš 2002:14–15) — samo su one manjinske kulture uhvatile korak sa svetom koje su razvile književnosti na maternjim jezicima i profesionalne institucije, čuvajući izvorne vrednosti, ali krećući se u svetskoj kulturi kao u sopstvenoj kući. Primer su Lužički Srbi, vojvođanski Rusini i,možda, Kašubi. Kažem, možda, jer ih kao regionalni identitet (Tamaš 1975: 193–201) nalazimo u romanu Vladislava Rejmonta *Chłopi* ‘Seljaci’, ali postoji i izvorna tradicija kašupske književnosti (Drzeżdżon 1986: 15, 334–337).

Smrtnonosni udar u kreativni potencijal manjinskih zajednica je ukidanje književnosti na njihovim jezicima, a to upravo, evo već treću godinu, čini aktuelna vlast ne finansirajući književnosti nacionalnih zajednica u manjinskom položaju. Manjine i autohtoni vojvođanski Srbi — prekršteni po drugi put u „prečane“ — ostali su tako, u ime srpske sabornosti, bez zavičaja. Novac vojvođanske kulture, sistematski minimalizovan poslednjih godina, troši se na štampanje knjiga, nagrade i priznanja umetnicima i piscima sa donesenim zavičajima, kao da ih dosad

Beograd nije dovoljno finansirao pa treba uzeti i ono malo od manjina (razni hercegovački, crnogorski, lički itd. lobiji). Tako neki pisci imaju po dva zavičaja, a neki ni jedan. A tokom vekova od S. Miletića, L. Kostića, V. Petrovića. M. Crnjanskog, I. Sekulić, do B. Čiplića, M. Antića, M. Markova, A. Tišme, V. Pope, D. Kiša, B. Ivkova... nije bilo tako.

Drugi smrtni udar aktuelne vlasti na Vojvodinu i getoizirane manjine, pozivanjem na izmišljenu floskulu o tzv. vojvođanskom separatizmu — a vojvođanski identitet je uvek definisan kao kulturni a ne državni identitet — jeste trošenje velike većine novca za kulturu na muziku i razne amaterske kulturne manifestacije i nove institucije koje podržavaju aktuelnu vlast. Deci se finansira naučni razvoj a nisu naučila još ni jedan prirodni zakon. Razlog: u tim delatnostima ne misli se kritički i tako se aktuelna vlast čuva od utemeljene kritike stvarnosti koja nas okružuje i koju svakodnevno živimo u elementarnoj oskudici. Dokaz je gašenje VANU iako regionalne akademije postoje u brojnim evropskim zemljama. Sve to demaskira titulu Novog Sada kao prestonice evropske kulture za 2021. godinu jer su postupci aktuelne vlasti destruktivne i suprotne temeljnim vrednosnim orijentacijama savremene Evrope.

Ovu laskavu titulu Novi Sad je zaslužio, ali ne pod apsolutističkom vlašću, tipa istočne despotije, koju oličava SNS.

Da ne bi ostali samo na verbalnoj eksplikaciji stanja, predlažem postupke i korake praktične naravi primenjive na promenu zatečene stvarnosti koja uništava sve što misli i kreativno je. Naglašavam da je kritički odnos prema stvarnosti svog okruženja najviši izraz patriotizma jer podrazumeva uvid u stvari i moralni integritet lekara. Bez dijagnoze i gorkog leka na bolnu ranu nema ozdravljenja. Patriotizam koji se u praksi prikazuje kao služenje nauke politici lažni je, a isplativi patriotizam i poslednje utočište naučnim i političkim huljama. Dakle:

1. Vratiti profesionalnu kompetenciju kao osnovu sticanja prava na položaj pojedinaca, profesija i zajednica u društvu.
2. Ako Vojvodina ne može ili neće da bude država, može biti republika, unutar federativne Srbije, posle Berlinskog kongresa 1878. građani imaju pravo na izjašnjavanje s kim i kako žele da žive. Suvereni se rađaju pojedinci, a ne države. Ako ni to ne može, zbog rasporeda političkih snaga i političkog nasilja apsolutističke vlasti pokrivene

formalnim demokratskim institucijama, Vojvodina može da bude jedna izborna jedinica i neće biti ignorisani ili uvek preglasani njeni predlozi i specifični interesi. Autonomija je izraz elementarnih ljudskih prava a ne pitanje srpske ili mađarske državnosti nad njom.

3. Zakonima smanjiti mesta neodređenosti važnije je od ustava koji se prave „sproću opoziciju“, kako se u šali parafrazira Pašić, a ne za tumačenja i primenu od strane aktuelnih vlasti. Od partijske odnosno prividno višepartijske, a u stvari jednopartijske, države napraviti pravnu državu.
4. Crkva svojim dogmama i prividno simulirano nacionalističko višestranačje završavaju u populizmu, u ime tzv. jedinstvenih nacionalnih interesa.
5. Demokratija matematički nije moguća, jer po Papovoj adjungovanoj teoremi uvek se svodi na tri građanina, gde dve budale nadglasaju jednog pametnog, a u funkcionalno primitivnim i populističkim društvima, kakvo je srbijansko, sa uništenom srednjom klasom, uvek je većina skromne kulture sećanja. O znanju, poštovanju činjenica, i moralnom integritetu da i ne govorimo, njih se ne pridržavaju ni članovi SANU.
6. Potrebno je javno obznaniti argumente zašto je neko za određenu vrednosnu orijentaciju, alternativno, zašto je protiv. Zbog toga bilo bi „demokratskije“ ukinuti tajno glasanje kao dominantni demokratski postupak koji otvara prostor mestima neodređenosti i bežanje je od javne odgovornosti.
7. Umesto da vlasti uzimaju stečena prava penzionerima i na toj pljački vrše finansijsku stabilizaciju države, privatizujući usput državni budžet, urediti javna preduzeća u monopolskom položaju da ne bi bili mesto stranačkog i pojedinačnog grabeža, a ne oduzeto namirivati od osiromašenih građana, i oporezivati tajkune srazmerno ostvarenom profitu. Tada nam ne bi trebali krediti, strane investicije čije radnike plaćaju siromašni građani, ne bi bilo stranih dugova i imali bi ekonomsku supstancu za nezavisni zamajac srpske ekonomije.
8. Identitet političkoj stranci daje praksa a ne javno deklarisani program i on se proverava kao sistem na pojedincu, a ne na rečima i emocijama.

9. Kultura se u nas smatra potrošnjom i uvek je na periferiji društvenog interesa. Na vrhu aktuelne vlasti su ekonomija, što bi bilo u redu, da nije u funkciji interesa otuđenih centara moći, pa potom policija i služba bezbednosti. Istina prosperitetnih zemalja, poput nordijskih, ili Nemačke i Švajcarske, dokazuje da je kultura građanina, bez populizma ruskog i srpskog tipa, osnova efikasne ekonomije.

Literatura

Cerović 2012 – B. Cerović. *Tranzicija, zamisli i ostvarenja*. Beograd: Ekonomski fakultet.

Drzeżdżon 1986 – J. Drzeżdżon. *Współczesna literatura kaszubska 1945–1980*. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.

Pap 2005 – E. Pap. *Matematička analiza nelinearnosti i neodređenosti.* Novi Sad: VANU.

Pap 2008 – E. Pap. *Monotone realne operacije i njihova primena*. Novi Sad: VANU.

Riht 1975 – G. H. von Wright. *Objašnjenje i razumevanje*. Beograd: Nolit.

Tamaš 1975 – J. Tamaš. *Ukrajinska književnost između Istoka i Zapada*. Novi Sad: Matica srpska.

Tamaš 2002 – J. Tamaš. *Istorija rusinske književnosti*. Novi Sad: Prometej/ Ruske slovo.

Tamaš 2008 – J. Tamaš. *Veličina malih, poetika regionalnih i malih književnih tradicija*. Novi Sad: VANU.

Csenar-Schuster Agnjica
Sveučilišće u Beču
Beč, Austrija

Kakove izglede ima gradišćanskohrvatski jezik za svoj opstanak?

Manjinska zaštita – jezično planiranje – jezična Čarta – nacionalnojezična država – folklorizacija – asimilizacija – identifikacijski jezik

Gradišćanskohrvatski jezik je ugrožen

Polag UNESCO-a (2003) je gradišćanskohrvatski ugrožen jezik. Iako nacionalni i internacionalni dokumenti čuvaju recesivne jezike širom svita, su autohtoni jeziki ipak ugroženi. Uzrok postoji u tom, da zaštita manjin u principu ima teške mane, ke su za opstanak autohtonih manjin kontraproduktivne i fatalne.

Internacionalna zaštita manjin je puna dobre volje, ali u slučaju da na nacionalnoj razini čuvanje odredjene manjine nije zakonski fiksirano, nije garantirana pravomoćnost. Odlučujuće je, kako kvalitetna je zaštita manjin u nekoj državi i kako koncilijantno se ona ponaša prema svojim jezičnim zajednicam, da bi se mogla odvrnuti smrt ugroženih jezikov, ki su udomaćeni na teritoriju konkretne države.

Jezična prava su zvećega formulirana kot prava pojedinca. Svaki pojedini človik ima pravo na to, da o svoji posli odlučuje sam i da slobodno bira svoje osvidočenje. Tako dugo dokle neka država zaštitu neke svoje manjine povezuje s pravom individuuma, nije moguće razvezati gordijski uzao u pogledu na čuvanje manjinskoga kolektiva. Jezik je opće dobro i tako se cijeloj zajednici mora dati šansa, da jezik hasnuje.

Jezik se more ostvariti samo u socijalnoj interakciji. Uskratiti manjini kolektivnu zaštitu znači, zeti joj *conditio sine qua non* komunikacije, naime jezik kot skupno imanje. Nažalost država Austrija u svojem zadnjem izvještaju Vijeću Europe (2015: 28) kategorično naglašava pravo individuuma u vezi sa zaštitom gradišćanskohrvatske manjine. Ako pripadniki manjine, ki imaju želju komunicirati u svojem jeziku, već ne moru najti razgovornih partnerov (Grin 2009/2006: 81), njev jezik nima hasni, kad već ništ nije vridan.

Jezična prava prez planiranja jezika su samo slove na papiru

Zaštita manjin je u Austriji zapisana u Ustavu, Državnom ugovoru i u Zakonu o narodni grupa. U odredbi državnoga cilja država priznaje svoje manjine uz uvjet da sama po vlašćoj želji odlučuje, kada i kako revitalizirati neki jezik. Na temelju politike „hands off“ ili „Ne zabadaj nos u posle manjin!“ je gradišćanskohrvatski jezik sa zakašnjenjem od već nego 30 ljet proglašen službenim jezikom. Iz toga proizlazi, da su jezična prava sama prez eficijentnoga planiranja jezika u Austriji samo prazna obećanja.

Na nacionalnoj razini je Odredba državnoga cilja žuki pelin za podredjene autohtone jezike Austrije. Ali i Jezična čarta Vijeća Europe (prisp. *Europska Povelja o regionalni i manjinski jeziki* iz ljeta 1992.), ka je u pravnom pogledu obavezna, ima mane, ke su ravno tako gorke za manjine kot pelin.

Zemlje potpisnice one mjere, ke im se činu relevantne za svoje manjine, moru birati kot jiliše na jelovniku. Zato se na Jezičnu čartu mnogi tužu, da je ona konvencija po izboru. Mjere, za ke neka država misli, da su vridne podupiranja, za manjinu ne tribaju obavezno biti od hasni. Vladajuća elita odredjuje modus operandi, a manjina sama nima pravo da se izrazi.

Jezična čarta je koncipirana kot priručnik za jezično planiranje. To znači, da je jezičnim manjinam potribna vlašća državna služba za planiranje jezika, kot na priliku jezična akademija (Fishman 2009/2006: 312; Janich 2005: 14), da bi mogle potpuno ishasnovati potencijal Čarte (Darquennes 2012: 4). Austrijanska država zasad gradišćanskohrvatskoj

manjini nije dodilila takovu državnu službu. To je uzrok, zbog čega će Jezična čarta u gradišćanskohrvatskom kontekstu relativno sigurno biti prez učinka. Po mojem mišljenju ona barem dosad nije imala vidljivoga uspjeha. U vezi s jezičnim planiranjem se kot uspjeh interpretira ojačanje jezične zajednice.

Jezično planiranje je temeljni kamen za revitalizaciju jezika

Država s jasnom nakanom za očuvanje jezikov, ki su prošireni na nje teritoriju, ali podredjeni državnomu jeziku, u idealnom slučaju odredi dobronamjeran i praktikabilan jezični režim i pritom temeljito planira svoj jezičnopolitički postupak. Da bi se to ugodalo, ona implementira državnu službu za jezično planiranje, ka pak izdjela širok, ali ipak ostvariv progam menedžmenta s jasno odredjenimi cilji. U odnosu na vitalnost konkretnoga jezika se informuliraju cilji i kontinuirano realiziraju. U svi projekti, ki služu revitalizaciji jezika, je uvezana i jezična zajednica. Pritom se svenek moraju zeti u obzir ekolingvističke okolnosti u korelaciji sa sociokulturnom lokacijom. U to su uključene komunikativnopolitičke mjere za komercijaliziranje produkta, ki je u ovom slučaju „jezik“, ki za govornika mora biti upotribljiv, drugačije mu se ne more odvrnuti smrt (Harbert 2011: 404). Govorniki obično napušćaju svoj jezik, kad jezik okolice u ekonomskom pogledu nosi već profita. U gradišćanskohrvatskom settingu govorniki preuzimaju dominantni nimški jezik, kad im pruža egzistencijski temelj, a gradišćanskohrvatskomu jeziku fali gospodarska moć (Csenar-Schuster 2014: 70). Stoprv kad se manjinski jezik komercijalizira, on nastaje ekonomska resursa.

Na temelju eficijentne jezične politike i jezičnoga planiranja se jezik, ki je ugrožen, more revitalizirati. Mjere su potribne na različni područji. Najvažnije domene, u ki se jezik triba hasnovati, su zvana da se on ukoreni u gospodartvu, vlasti, obrazovne institucije, tiskani i elektronički mediji. Društvena sredina je podvrgnuta neprestanoj promjeni. Zato se stalno javljaju nova područja pak se jezik mora širiti i na ti oblasti. To znači da se ugroženomu jeziku mora povećati doseg (Csenar-Schuster 2014: 42). Od jezika se potribuje, da drži korak s društvenim razvitkom i da se udomaći u novo nastali domena. Za to mu je potribno, da je fit za te oblasti i da se za nje osposobi. To se more dostignuti tako, da mu se

poboljšaju i aktualiziraju resurse jezičnoga sistema. Ugroženomu jeziku se u prvom redu mora proširiti rječnik. Tako se more pokrenuti pozitivan trend u vezi jezičnoga razvitka, ar pisci i govorniki najednoč imaju na raspolaganju riči, za ke su pred tim postojale samo leksičke praznine. Jezik, ki je u dobroj formi i upotribljiv, more prem svoje podredjene uloge u društvu, privlačiti potencijalne govornike i tako nastati živiji i atraktiviniji. Ako se opsolescirajući i zaostali jezik more izgraditi tako da nastane patentan komunikativni medij, ga dominantni i prestižni jezik tako brzo ne more pogaziti. Jezik, ki je fit i upotribljiv u mnogi domena je sam za sebe najbolja reklama za učnju (Csenar-Schuster 2014: 34).

Hasnovanjem jezika u javnosti se more poboljšati budući razvitak jezika. To naime more prouzrokovati trend, da roditelji počnu tradirati jezik budućim generacijam. Oficijaliziranje jezika ima za posljedicu neizmjernu dinamiku, ka jeziku nosi adekvatan status u društvu. Čim veći prestiž ima jezik, tim veća je želja manjincev, da se ga nauču.

Ako jezik nije dorastao modernim izazovom odredjenih oblasti i se na ti područji ne more hasnovati, je irelevantan. Utisnuta mu je negativna društvena stigma. Onda se osebito mladi ljudi ne kanu učiti starodavni jezik, koga u modernom svitu ne moru hasnovati. Jezik, ki živi samo još u stari običaji, nije privlačan za mlade ljude. Simptomatična za to je činjenica, da u gradišćanskohrvatskom jeziku ne postoji osebujan govor mladine. Uzrok za to je jezična slabost mladih ljudi, ki nisu u stanju stvarati riči i tim generirati novi vokabular, ki je otkvačen, lud, inovativan, sve u svem megasuper. Obično, to znači u štabilnom sociolingvističkom okruženju, je to zvana svita medijev i mladina, ka inducira kreativno-eksperimentalne jezične promjene s novimi jezičnimi i misaonimi mustri i ka jezik drži na žitku.

Ako govorniki svoj jezik moru hasnovati samo u privatnoj sferi i pri folklorni manifestacija, ne moremo govoriti o tom, da su manjinska prava ostvarena. O realizaciji manjinskih prav moremo govoriti stoprv kad se neki jezik more hasnovati u javnom žitku, u kom se je etablirao.

Da bi se mogao revitalizirati jezik, je potribno poduzeti prikladne mjere, svezane u cijelom paketu. U idealnom slučaju se u to inkludiraju sve važne dimenzije jezičnoga planiranja (Csenar-Schuster 2014: 82), ke su prepletene i ke u ovom članku ne moremo temeljito pretresti. Na svaki način je potribno pod pokroviteljstvom države poboljšati i intra-

lingvalnu i ekstralingvalnu situaciju gradišćanskohrvatskoga jezika, ki je klasificiran kot ugrožen jezik. Potribno je podupirati i jezični sistem i ekolingvističke okolnosti, u ki je jezik zažiljen. Ovde moramo upozoriti i na optimiranje učnje jezika i na poboljšanje njegovoga statusa u javnosti, ne samo kod većincev nego i kod manjincev, kim je gradišćanskohrvatski jezik diskriminirajuć i inferioran.

Moru kulturna društva nadomjestiti državnu pasivnost?

Laissez faire ponašanje ili „no-policy policy“, geslo, ko je poznato po Fishmanu (2009/2006: 318) egzemplarno odgovara austrijanskoj državi, ka u pogledu na očuvanje gradišćanskohrvatskoga jezika svoj nemar još i ne pokušava tajiti. Posljedica toga je bespomoćan pokušaj manjine, da jezik oslobodi od smrti. Tako se unutar zajednice svenek nanovič formiraju nova društva kot male iskre ufanja, iako je društav ionako već neg dost. Uzrok za utemeljivanje svenek novih društav je opće nezadovoljstvo s manjinskom situacijom, odgovornost prema vlašćemu jeziku i zanemarivanje dužnosti države Austrije. Da kulturna društva kot interesne zajednice moru prepričiti propast gradišćanskohrvatskoga jezika, je fatalna zabluda aktivistov. Interesna zajednica, ka bazira na djelu dobrovoljcev nek s kulturnimi inicijativami ne more nadomjestiti jezično planiranje, ko bi morala metodički narediti država. Jezik se mora planirati na temelju intenzivnih mjerov unutar cijeloga paketa, u kom su odvisno od unajper sastavnom profilu potriboć strukturirane i hijerarhijski fiksirane zadaće (Prys Jones 2013: 37). Prez državne službe za jezično planiranje se to ne more ugodati (Darquennes 2012: 5).

Iako je austrijanska savezna vlada utemeljila takozvani Savjet za narodnu grupu, ki bi morao postojati od kroatofilnih kotrigov, ovomu gremiju po mojem mišljenju fali stručna kvalifikacija, da bi mogao ocijeniti projekte kulturnih društav, je li su potribni i hitni. Djelovanje ovoga Savjeta je ograničeno na podiljenje subvencijov gradišćanskohrvatskim društvom po metodi kante za poljivanje.

Austrijanska nacionalna država, ka je vezana uz etnicitet, zvećega podupira projekte, ki se odnašaju na obdržanje običajev i na izvedbu folklora i ki principijelno ignoriraju jezik kot komunikacijsko sredstvo. Tako se podupiraju projekti prez praktične hasni za gradišćanskohrvat-

ski jezik. Zato ozbiljno moramo sumljati u djelotvornost ovoga savjetodavnoga organa. U slučaju da je podiljenje subvencije intendirano kot koordinirana intervencija usmirena na jezični razvitak, moramo odvagati relevantnost ovoga gremija, drugačije naime izgleda tako, da država subvenciju dili samo, da bi simulirala podupiranje manjine. Kulturna društva, ka su zastupana u Savjetu za narodnu grupu, su zvana toga *non-governmental organizations*, tako da austrijanska država njeve preporuke svako vrime more odbiti, ar nije dužna da ih se drži. Iz toga proizlazi facit, ki nam razbija iluziju, da kulturna društva na bazi dobrovoljcev moru nadoknaditi to, ča je dužnost i odgovornost države, naime da bi se u pogledu na uspješan jezični menedžment odlučila za stratešku top-down-metodu. Gradišćanskohrvatska jezična zajednica nije autonoman kolektiv. Ona nima još ni manjinskopolitičko pravo na to, da suodlučuje o vlašći posli i da bi si izvojevala takovo postupanje zakonodavca, ko odgovara vlašćim potribećam.

Austrija folklorizira

Vidi se jasno, da austrijanska država nije jako motivirana, da bi dopustila da se gradišćanskohrvatstski jezik razvije u onoj mjeri, da bi mogao služiti kot jezik komunikacije med pripadniki manjine. S jedne strani je to zbog toga kad nacionalna i internacionalna manjinska prava nisu dost drastično formulirana, a s druge strani zbog koncepta jednojezičnosti, ki potiče još iz vrimena, kad su se u 19. stoljeću počele formirati nacionalne države u Europi i ki je i dandanas još diboko zakorenjen u europski država. Zbog toga Austrija danas još svenek ima samo jedan jedini oficijelni državni jezik, iako se na nje teritoriju govoru i drugi autohtoni jeziki (Riehl 2009: 63). Prošireno je krivo mišeljnje, da se nacionalno jedinstvo more dostignuti na temelju jedinoga i idealiziranoga nacionalnoga jezika. Suprotivno, jezik ne konstituira nacionalnu i društvenu koheziju, nego skupna politička, sociokulturna i povijesna tradicija. Ljudi, ki su udomaćeni u nekoj nacionalnoj državi, imaju pogled na svit, ki je nacionalno uvjetovan. To se odnosi i na semantičku, a i na pragmatičku dimenziju jezika. Jeziku nisu jur unajper utisnute norme i vridnosti. Suprotivno, on je tabula rasa, na koj nacionalni kompas vridnosti mora ostaviti stoprv svoje semantičke slijede. Jezik je još nepopisana hartica i primljiva za

koncepte svake vrsti. Ako je volja nacionalne države, svi na nje teritoriju udomaćeni jeziki moru biti reprezentanti nacionalne svisti. Švicarska je prototip većjezične države. Hansen (2009: 12) veli: „Jede Nation besitzt ihre staatlich überwachte Nationalsprache. In besonderen Fällen können das, wie in der Schweiz, mehrere Sprachen sein“. Kad bi Austrija kanila, bi na nje teritoriju i drugi jeziki mogli biti priznati kot nacionalni jeziki.

Ali Austrija je konzervativna nacionalnojezična država (Jahn 2015: 32). Polag Heckmanna (1991: 42) je asimilacijska politika nacionalnojezičnim državam imanentna. Kot ideal se u Austriji gaji dominantni nimški jezik, ki tako more generirati neizmjernu sugestivnu moć. To istovrimeno znači, da se u ovoj zemlji manjinska prava moraju energično potribovati, ar se ne daju eo ipso. To je bio slučaj i prilikom upeljanja službenoga jezika, postavljanja seoskih tablic, a i prilikom izdavanja dvih *Rječnikov* (Bencsics et al. 1982; 1991) i *Gramatike* (Benčić et al. 2003). Zvana toga etnička nacionalna država svojom manjinskom politikom naglašava tudja porijekla i tudje narodne karakteristike, po ki se prepoznaje stranjska jezična zajednica (Bukow 1996: 136–142; Ermisch 2000: 10–14). Kad se neka manjina kani služiti manjinske zaštite, ona mora dokazati, da je različna, drugačije joj nije dodiljen manjinski status. To je uzrok, zač se Gradišćanski Hrvati prezentiraju etničko-folkloristički, kot u nošnja uz tamburašku muziku jaču i tancaju. Iz Hrvatske importiraju narodne jačke i tance i u javnosti je prikazuju pompozno i gloriozno. Dokumentiraju singularnost i ekskluzivnost, naime to, ča država kani. U istom dahu Gradišćanski Hrvati austrijanskoj državi dopušćaju da svoju manjinskopolitičku taktiku omedjivanja pretvori u politiku odvajanja, na temelju čega klije etnocentrizam.

Akcentuiranje etniciteta korespondira s folkloriziranjem. Širenje folklornoga duha ima za posljedicu da manjinski jezik zgublja svoj komunikativni efekt. To za jezik znači, da mu se je otvorio circulus vitiosus, koga se kumaj more osloboditi. Aktualni status quo kaže gigantično folkloriziranje, ar ipak skoro svako gradišćanskohrvatsko selo ima vlašće folklorno i/ili tamburaško društvo. Dost teško bi se moglo dokazati, da gradišćanskohrvatski jezik nije jezik starih običajev.

Identifikacijski jezik protiv komunikativnoga jezika

Dihotomiziranje med dominantnim uticajnim i recesivnim moribundnim jezikom u nacionalnoj državi (Ricento 2009: 233) ima za posljedicu fatalnu navadu, kako se hasnuje jezik: S jedne strani pripadniki manjine laviraju med dominantnim jezikom, ki je u stanju zadovoljiti multifunkcionalne komunikativne potriboće u javnosti, a s druge strani med recesivnim jezikom sa svojom identifikacijskom ulogom, ki je ograničen na gajenje običajev i ki zbog svoje funkcionalne opsolescentnosti u moderni životni područji nije upotribljiv.

Kade se identitet i etnicitet stiliziraju u društvene vridnosti, negativno opažamo folkloriziranje manjinskih jezikov, s čim je usko povezano komunikativno nazadovanje. Etnička nacionalna država je Gradišćanske Hrvate indoktrinirala, tako da su zbog svojega etničkoga osvidočenja ambiciozni pristalice i kotrigi tamburaških i folklornih društav, ka iz različnih geografskih područjev Hrvatske prezentiraju tance i muziku. To austrijanska država demonstrativno podupira.

Kad se jezik samo već asocira sa starimi običaji, narodnimi jačkami, nošnjami i pravicami, nikako ne moremo govoriti o gajenju i kultiviranju jezika, ki se med govorniki hasnuje produktivno i receptivno pak i u skladu s fiksiranimi normami. Jezik u folkloriziranom okviru ima samo periferno značenje. Mnogi kotrigi tamburaških i folklornih društav imaju slabo i pasivno jezično znanje i gradišćanskohrvatski hasnuju samo za umjetno dozvane kulise, a to su upravo folklorne prezentacije. Zbog rudimentarnoga jezičnoga znanja im manjinski jezik već ne more služiti kot komunikativno sredstvo. Ipak se koč i terminalni spikeri i neospikeri ćutu kot pripadniki gradišćanshohrvatske manjine. Zato moremo, pozivajući se na Földesa (2005: 3), gradišćanskohrvatski manjinski jezik opisati kot identifikacijski jezik, ča je u korelaciji s padom komunikativne jezične snage. U toj mjeri, u koj je jezik reduciran na identifikacijsko sredstvo, se on sve rjedje hasnuje za komunikaciju. Izvrsna pelda za to su Gradišćanski Hrvati.

Gradišćanskohrvatski jezik je diboko usadjen u austrijanskoj nacionalnoj državi

Jezik, ki se je prirodno razvio na teritoriju nacionalne države, u sebi sadržava nacionalno duhovno dobro, zbog čega govorimo o autohtonom jeziku. Autohtoni jezik je diboko ukorenjen u životnom prostoru svojih govornikov i piscev. Gradišćanskim Hrvatom je životna sredina u austrijanskoj nacionalnoj državi, u koj su si jezik semantički prilagodili na svoju kulturnonacionalnu okolicu. To je bio uzrok, zač prem mnogih diskusijov nikada nisu bili pripravni preuzeti standardnohrvatski jezik kot se govori u Hrvatskoj. Agar (2002: 28) veli u pogledu na spomenutu tvrdnju: „Culture is in language, and language is loaded with culture“. To znači, da je u komunikativni situacija med govorniki svenek nazoči i kulturni kontekst. Svaki jezik ima svoju vlašću kulturnu memoriju, u koj je pohranjeno sve potribno znanje i konvencije, da bi se mogla ostvariti socijalna interakcija med pripadniki jezične zajednice. U komunikativni situacija govorniki iskopaju i aktualiziraju sve u jeziku sadržane informacije o konkretnom društvu. Kod Gradišćanskih Hrvatov je sve to u teamworku stečeno znanje, ko je sažeto u jeziku, usko povezano s austrijanskom nacionalnom državom. Zato nije moguće gradišćanskohrvatski jezik nadomjestiti standardnim hrvatskim jezikom, iako to morebit neki krugi vehementno potribuju. Autohtoni jezik se ne more povoljno razvijati, ako se odvoji od društvenih, kulturnih i ekoloških faktorov udomaćene države. Jeziki su živi onda, ako se u nekoj zajednici govoru kot materinski jeziki. Kako živ ili mrtav je gradišćanskohrvatski jezik? Je on već mrtav nego žitv? Koliko dice se još uči i nauči gradišćanskohrvatski, da bi se ga pominalo kot materinski jezik? Da bi se mogla odrediti vitalnost gradišćanskohrvatskoga jezika, bi bilo potribno zeti u obzir još i druge parametre, ča bi prekoračilo okvir ovoga članka.

Jeziki ne skrsnu sami od sebe. Oni su istribljeni u javni domena, u ki se probije dominantni jezik, ili pak nisu prošireni na nove domene, za ke im falu registri. U autohtonoj jezičnoj zajednici nije moguće nadomjestiti gradišćanskohrvatski jezik hrvatskim standardom, ki se govori u Hrvatskoj. Hrvatski standardni jezik se u najboljem slučaju more podučavati kot strani jezik, ča se ionako prakticira. Špecifična gradišćanskohrvatska ekolingvistička sredina je stvorila jezik s jedinstvenim pogledom na svit.

Ov jezik se more razvijati dalje samo u toj osebujnoj sedini (Grenoble 2011: 31). Upeljanjem hrvatskoga standardnoga jezika kot podučavnoga predmeta u škola pak eliminiranjem gradišćanskohrvatskoga jezika se je počela obraćati špirala smrti, ka će se kumaj moći zaustaviti. Da je bilo nakanjeno, da se upravo to prepriči, je skurilan dezaster. Odreći se gradišćanskohrvatskoga jezika znači, odustati od nacionalne i internacionalne zaštite, ka je isformulirana za autohtone manjine kot su to Gradišćanski Hrvati. Državi Austriji nije žao.

Zaključak

Gradišćanskohrvatski jezik u Austriji po mojem mišljenju ima relativno čemerne izglede za opstanak. Odgovornost za to ima država, ka svojom politikom dobroćudnoga nemara, „benign neglect“, dopušća da gradišćanskohrvatski jezik propada. Gradišćanskohrvatski je do kraja austrijanski jezik, ki se u njegovom svojevrsnom jezičnom biotopu kumaj već kultivira, podučava i daljedaje. Ne poduzima se dost mjerov u pogledu na razvitak jezičnoga sistema, a niti ne postoji želja da učnja gradišćanskohrvatskoga jezika u škola nosi dugotrajan sad. Da jeziku fali prestiž, je samo logična konzekvencija, ka iz toga proizlazi. Propast gradišćanskohrvatskoga jezika, koga smo prikazali kot špiralu smrti, bi se mogla zaustaviti implementiranjem jezične politike i jezičnoga planiranja. Mogao bi se jezik još i revitalizirati. Na korake u ov smir se polag mojega znanja nije još ni mislilo. Austrijanskoj etničko-nacionalno-jezičnoj državi je folklor, ki oduševljava publiku, očevidno dost kot surogat za komunikativno hasnovanje jezika i za njegovu revitalizaciju.

Citirane literature

Agar 2002 – M. Agar. *Language Shock. Understanding the Culture of Conversation.* New York: Harper Collins.

Benčić et al. 2003 – N. Benčić et al. *Gramatika gradišćanskohrvatskoga jezika*. Željezno: Znanstveni institut Gradišćanskih Hrvatov.

Bencsics et al. 1982 – N. Bencsics et al. *Deutsch-burgenländisch-kroatisches Wörterbuch.* Amt der Burgenländischen Landesregierung, Landesarchiv – Landesbibliothek, Kommission für kulturelle Auslandsbeziehungen der

SR Kroatien, Institut für Sprachwissenschaft IFF. Eisenstadt – Zagreb: Edition Roetzer.

Bencsics et al. 1991 – N. Bencsics et al. *Burgenländisch-kroatisch-deutsches Wörterbuch*. Kommission für kulturelle Auslandsbeziehungen der R Kroatien, Institut für kroatische Sprache, Amt der Burgenländischen Landesregierung, Landesarchiv – Landesbibliothek. Zagreb – Eisenstadt: Grafički zavod Hrvatske.

Bukow 1996 – W-D. Bukow. *Feindbild Minderheit. Ethnisierung und ihre Ziele.* Opladen: Leske und Budrich.

Bundeskanzleramt 2015 – Bundeskamzleramt 4. Bericht der Republik Österreich gemäß Artikel 25 Abs. 2 des Rahmenübereinkommens zum Schutz nationaler Minderheiten, online: http://archiv.bundeskanzleramt.at/DocView.axd?CobId=61834 [Stand: 28.06.2017].

Council of Europe 1992 – Council of Europe. Europäische Charta der Regional- oder Minderheitensprachen, Sammlung Europäischer Verträge – Nr. 148, Straßburg, online: https://rm.coe.int/168007c089 [Stand: 28.06.2017].

Csenar-Schuster 2014 – A. Csenar-Schuster. *Sprachplanung für die burgenlandkroatische Sprache in Österreich. Ein soziolinguistischer Befund und Beitrag zur Sprachrevitalisierung,* Masterarbeit, Wien.

Darquennes 2012 – J. Darquennes. *Kompendium Sprachplanung.* RML2future – Netzwerk für Mehrsprachigkeit und sprachliche Vielfalt in Europa unter Leitung der Föderalistischen Union Europäischer Volksgruppen (FUEV), Flensburg, online: http://www.rml2future.eu/NR/rdonlyres/4229ABB9-692B-4CF5-B10A-868489D444BC/0/341SprachplanungKompendium.pdf [Stand: 20.062.2017].

Ermisch 2000 – H. Ermisch. *Minderheitenschutz ins Grundgesetz? Die politische Diskussion über den Schutz ethnischer Minderheiten in der BRD im Rahmen der Beratungen der Gemeinsamen Verfassungskommission von Bundestag und Bundesrat*. Münster: LIT Verlag.

Fishman 2009/2006 – J. Fishman. *Language Policy and Language Shift*. In: T. Ricento (ed.). *An Introduction to Language Policy, Theory and Method*. Malden/Oxford/Carlton: Blackwell Publishing.

Földes 2005 – C. Földes. *Synkretismus und Hybridität in Sonderbereichen zweisprachiger Redeweise: Notizen zum deutsch-ungarischen Sprachenkontakt*. In: M. Orosz, T. Albracht (Hrsg.). *Jahrbuch der ungarischen Germanistik.* Budapest / Bonn: Reihe Germanistik, online: https://core.ac.uk/download/pdf/14509935.pdf?repositoryId=542 [Stand: 7:4:2017]

Grenoble 2011 – L. A. Grenoble. *Language Ecology and Endangerment*. In:

P. Austin, J. Sallabank (eds.). *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. New York: Cambridge University Press.

Grin 2009/2006 – F. Grin. *Economic Considerations in Language Policy*. In: T. Ricento (ed.). *An Introduction to Language Policy, Theory and Method.* Malden/Oxford/Carlton: Blackwell Publishing.

Hansen 2009 – K. Hansen. *Zulässige und unzulässige Komplexitätsreduktion beim Kulturträger Nation*. In: J. Bolten, S. Rathje (Hrsg.). *Interculture Journal, Online-Zeitschrift für interkulturelle Studien,* online: http://www.interculture-journal.com/download/issues/2009_08.pdf [Stand: 10.05.2017].

Harbert 2011 – W. Harbert. *Endangered Languages and Economic Development*. In: P. Austin, J. Sallabank (eds.). *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. New York: Cambridge University Press.

Heckmann 1991 – F. Heckmann. *Nationalstaat, multikulturelle Gesellschaft und ethnische Minderheitenpolitik.* Eine Tagung der Friedrich-Ebert-Stiftung am 9. und 10. Dezember 1991 in Bonn / Forschungsinst. der Friedrich-Ebert-Stiftung, Abt. Arbeits- und Sozialforschung: *Multikulturelle Gesellschaft: der Weg zwischen Ausgrenzung und Vereinnahmung?,* in: Digitale Bibliothek, online: http://library.fes.de/fulltext/asfo/01009004.htm#LOCE9E5 [Stand: 8.4.2017].

Jahn 2014 – E. Jahn. *Politische Streitfragen. Band 4: Weltpolitische Herausforderungen.* Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Janich 2005 – N. Janich. *Sprachpolitik – Sprachplanung – Sprachkultur.* In: P. Haslinger, N. Janich (Hrsg.). *Die Sprache der Politik – Politik mit der Sprache.* München, Forschungsverbund Ost- und Südosteuropa (forost) Arbeitspapier Nr. 29, online: http://www.forost.lmu.de/fo_library/forost_Arbeitspapier_29.pdf [Stand: 10.07.2017].

Näßl 2003 – S. Näßl. *Die Rolle der deutschen Sprache im internationalen Kontext. Zusammenfassung einer Podiumsdiskussion mit Statements von Gunter Narr, Csaba Földes, Margot Heinemann, Rudolf Hoberg, Heinrich Löffler und Peter Wiesinger*. In: N. Janich, Ch. Thim-Mabrey (Hrsg.). *Sprachidentität – Identität durch Sprache.* Tübingen: Gunter Narr Verlag.

Prys Jones 2013 – M. Prys Jones. *Endangered Languages and Linguistic Diversity in the European Union,* Directorate General for Internal Policies, Policy Department B: Structural and Cohesion Policies, Culture and Education (ed.), online: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/495851/IPOL-CULT_NT(2013)495851_EN.pdf [Stand: 12.02.2014].

Ricento 2009 – T. Ricento. *Topical Areas in Language Policy: An Overview*. In: T. Ricento (ed.). *An Introduction to Language Policy, Theory and Method*. Malden/Oxford/Carlton: Blackwell Publishing.

Riehl 2009 – C. M. Riehl. *Sprachkontaktforschung. Eine Einführung.* 2.,

überarb. Auflage. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
UNESCO 2003 – UNESCO. Atlas of the World's Languages in Danger: http://www.unesco.org/languages-atlas/ [Stand: 31.05.2017].

II. Из мира современных славянских микроязыков

Magocsi Paul Robert
University of Toronto
Toronto, Canada

The Rusyn Language: Recent Achievements and Challenges

Carpatho-Rusyns – Cyrillic alphabet – language planning – Rusyn language

The goal of this study is rather modest: to survey publications devoted to the Rusyn language that have appeared since 2004. In that year a 480-page monograph on the Rusyn language—as one of the fourteen volumes in the series, A Modern History of the Slavonic Languages—was published by Opole University in Poland under the auspices of an international committee of Slavic linguists (Magocsi 2004). The appearance of this volume meant, in effect, that Rusyn was recognized as a distinct language, not simply a dialect or branch of another language, in other words a new reality that has been accepted since then by Slavists in many countries.[1] Three years later marked another milestone. In 2007, the first center of higher education in Carpatho-Rusyn Studies anywhere in the world was established: the Institute of Rusyn Language and Culture at Prešov University in Slovakia. It is from this period, the middle of the first decade of the twenty-first century, that this study takes its start. But before looking at the achievements and challenges faced by the

1 Among the best conceptual discussions is that of Stefan Pugh (2007); see also Kushko (2007), Magocsi (2016), and Vaňko (2007).

Rusyn language since that time, first a few words of context would seem appropriate.

Geo-Political Context

The area where Rusyn has traditionally been spoken by the indigenous population—historic Carpathian Rus'—is a territory covering about 18,000 square kilometers. At present, historic Carpathian Rus' is located within four countries: Poland (the southeastern corner known as the Lemko Region); Slovakia (the northeastern corner known as the Prešov Region); Ukraine (the far western Transcarpathian oblast/Zakarpattia); and Romania (the Maramureş Region along the southern bank of the upper Tisza/Tisa River). Aside from this geographically contiguous territory divided by the borders of the above-mentioned four countries, Rusyn was in the past also spoken by the indigenous population in several villages of what is now northeastern Hungary. Finally, there were (and still are) a small number of Rusyn speakers in the Vojvodina region of Serbia and the Srem region of Croatia, but these diaspora communities which date back to the mid-eighteenth century, as well as immigrant communities that from the 1880s settled in the United States and Canada, will not be discussed in this study.

There is no question that the number of people who declare themselves of Carpatho-Rusyn nationality or who declare their mother tongue as Rusyn declined precipitously during the nearly half century since the close of World War II. The reason is quite simple. After 1945, when all countries where Carpatho-Rusyns live came under Communist rule, their nationality and language were banned. This was in keeping with Soviet policy (first adopted in 1924) that was implemented throughout the region after 1945; namely, that Rusyn speech consists of dialects of the Ukrainian language, and that Carpatho-Rusyns are a branch of the Ukrainian nationality.

It was only after the collapse of Communist domination throughout central and eastern Europe in 1989 and the demise of the Soviet Union in 1991 that the political environment changed. Carpatho-Rusyns were permitted once again—as they had before World War II—to exist as a distinct people and allowed the possibility to develop a codified

literary language. Many speak of the post-1989 period as the third Carpatho-Rusyn national awakening. An awakening has indeed occurred although with varying deques of intensity and with differing degrees of success.

In the present-day era of ubiquitous globalization, it may seem surprising that the number of people who identify as Carpatho-Rusyn and who declare their mother tongue as Rusyn have actually increased. This is most evident from data provided by censuses undertaken in post-Communist Czechoslovakia/Slovakia, Poland, and Hungary. By contrast, the number of Carpatho-Rusyns has not increased in Romania (the Maramureş), and their number is impossible to gauge from the one census undertaken by Ukraine in 2001.[2]

The largest number of Carpatho-Rusyns is in Slovakia, where they continue to increase in size. There have also been some modest numerical increases in Poland and Hungary.[3]

TABLE 1: Census data on Rusyn nationality/ethnicity

	SLOVAKIA	POLAND	HUNGARY
1991	17,200	—	—
2001	24,200	5,900	1,100
2011	33,500	10,500	3,900

2 Not only are there any comparable figures for Ukraine, but the one census that was taken tells us little about the number of Carpatho-Rystns in the Transcarpathian region. Despite promises before the census that Rusyn would be an official nationality category, the State Bureau of Statistics created no code for the response "Rusyn"; therefore, Ukraine's published in national statistical data Rusyns do not exist. Despite the negative environment before the 2001 census, nevertheless as many as 10,100 inhabitants of Transcarpathia identified their nationality as Rusyn, although that figure remains buried in difficult to access regional statistical reports and not in published national census data (Deržavnyj komitet 2003: 62).

3 The data in Tables 1 and 2 are drawn from official census reports published by the governments of Slovakia, Poland, and Hungary.

TABLE 2: Census data on Rusyn as mother tongue

	SLOVAKIA	POLAND	HUNGARY
1991	49,100	—	—
2001	54,900	5,600	1,100
2011	55,500	6,300	1,000

A key feature of the post-1989 national revival has been a call by new civic organizations in all countries in the Carpathian region to codify a Rusyn literary language. An important step in this regard was the convocation in November 1992 of a "working seminar"—subsequently known as the First Congress of the Rusyn Language—that was held in Bardejovské Kúpele, Slovakia. Scholars, writers, journalists, and civic activists from Carpatho-Rusyn communities in Poland, Czechoslovakia (Slovakia), Ukraine, Hungary, Yugoslavia (Serbia), the United States, and Canada were in attendance, as well as several world renowned sociolinguists and Slavic linguists from other countries.[4]

After two days of deliberations, the "First Congress" adopted a set of principles, which since then have guided the work of Carpatho-Rusyn language planners: (1) that the Rusyn literary language should be codified on the basis of the spoken vernacular; (2) that the alphabet should be Cyrillic; and (3) that initially there should not be a single literary language, but rather a different variant for each of the four communities where Carpatho-Rusyns live: Ukraine, Slovakia, Poland, and Serbia (whose standard language already existed). The third principle came to be known as the Romansch model, after the experience of the fourth nationality in Switzerland which earlier in the twentieth century had created five variants and then a sixth variant (koiné) for general use among all Romansch speakers. Analogously, it was felt that at some unspecified time in the future a Rusyn koiné would be created based on the four regional variants.[5] The First Congress also called for the creation

4 Among the notables present was the twentieth-century dean in the field of sociolinguistics, Joshua Fishman from the United States, and the respected Slavic linguist from Sweden, Sven Gustavsson.

5 The Romansch model was already proposed a year earlier in the programmatic statement, "Carpatho-Rusyns: A New or Revived People?" delivered in March 1991 at the First Word Congress of Rusyns (Magocsi 1999).

of various linguistic publications, the establishment of research and pedagogical institutes, and for the use of the "new Rusyn languages" in schools. Subsequent Rusyn language congresses held in 1999, 2007, and 2015 re-assessed the goals set out in 1992 and identified the progress and challenges that still faced language planners and teachers.[6]

Recent Language Publications

The major goal announced in 1992 at the First Congress of the Rusyn Language was basically achieved within the next decade That goal, which called for the creation of a codified literary language, was realized after the appearance of standard grammars for Rusyn communities in the Prešov Region of Slovakia (Jabur and Pan'ko 1994), in Ukraine's Transcarpathian region (Almašij et al. 1999), in the Lemko Region of Poland (Fontánski and Chomiak 2000), and in the Vojvodina of Serbia (Ramač 2002).

Even before, and certainly after, the appearance of these standard grammars, the "new" Rusyn languages were being used in a wide range of publications (books, newspapers, journals). Two bibliographies covering the years 1989 through 2014, which exclude works published in Serbia and Croatia (Il'čenko and Lendjel 2007; Il'čenko and Padjak 2015), list no less than 600 Rusyn-language publications, the majority of which are scholarly works, language textbooks, and bellettres.

a. Dictionaries

Perhaps the most remarkable achievement during the past decade has been the completion of several large-scale dictionary projects. Transcarpathia has been the leader in this regard: Igor Kerča published a two-volume 58,000 word Rusyn-Russian dictionary (Kerča 2007) and a two-volume 65,000 word Russian-Rusyn dictionary (Kerča 2012); while Jurij Čori has published a five-volume 250,000 word Rusyn-Ukrainian dictionary (Čori 2013–2016) and a five-volume compilation of Rusyn

6 The work of the first four Rusyn language congresses has recently been surveyed in Pljiškova and Citrjakova (2017). The presentations at the third and fourth congresses are found in Pljiškova (2008a) and *Rusyn'skyj literaturnŷj jazŷk* 2015.

phrases with their equivalents in Ukrainian (Čori 2015–2017). The monumental dictionaries of Kerča and Čori provide explanations in Russian or Ukrainian as well as examples of Rusyn-language phrases for each lexical entry. More modest in scope is the dictionary under the editorial direction of Dmytrij Pop, which is more properly a compilation of two word lists each of about 20,000 words: the first in Rusyn is followed by equivalents in Ukrainian and Russian; the second in Russian is followed by their equivalents in Ukrainian and Rusyn (Pop 2007). D. Pop also compiled with several students and retired people a volume that includes two lists of phrases: one in Russian with their equivalents in Rusyn and Ukrainian, the other in Rusyn with their equivalents in Ukrainian and Russian (Pop 2011).

Dictionaries of a more specialized kind have also appeared. Mychayl Almašij published two smaller-sized works: a Rusyn orthographic-orthoepic (pronunciation) dictionary (Almašij 2014a); a list of Rusyn linguistic terms with their equivalents in Russian, Ukrainian, and Latin (Almašij and Uchal' 2014); and the truly ambitious Rusyn-Slavic lexicon, which consists of over 4,700 Rusyn words followed by definitions and illustrative phrases for each in Rusyn as well as the equivalent word in ten Slavic languages: Belarusan, Ukrainian, Russian, Polish, Slovak, Czech, Bulgarian, Serbian, Slovenian, and Macedonian (Almašij 2015). Finally, several scholars from Transcarpathia (none of whom supports the view that Rusyn is or even could be a distinct language) have enriched our knowledge of the region's dialects with an etymological dictionary of 11,500 family names (Čučka 2005), a 15,900-word dictionary of the lowland Maramoroš Rusyn dialect (with definitions in Ukrainian) spoken in the village of Sokyrnycja just east of Chust (Sabadoš 2008), and a list of words from two Hutsul villages near Rachiv in the far eastern Maramaroš region (Pipaš and Halas 2005).

Dictionary projects in other Rusyn-inhabited regions have been less extensive. For the Prešov Region in Slovakia, Jurij Pan'ko published 45,000 word Slovak-Rusyn dictionary (Paňko 2012–2015), while the staff at Prešov University's Institute of Rusyn Language and Culture released a revised version of the earlier 1994 orthographic lexicon which takes into account the Prešov Region Rusyn language reform adopted in 2005 (Jabur et al. 2007).

Scholars in the Lemko Region of Poland have been working on two large-scale still unpublished dictionary projects since the 1990s. To date only a few other works have appeared, the most extensive of which is the Lemko-Polish dictionary of Jarosław Horoszczak. This is actually two lists of words (with no explanations or linguistic examples): Lemko-Rusyn with their equivalents in Polish, and Polish with their equivalents in Lemko-Rusyn (Horoszczak 2004). The only other dictionaries of the contemporary Lemko-Rusyn literary language are a series of small-scale Polish-Lemko-English/English-Lemko-Polish school texts of words and phrases on specific topics (Chomiak and Górska 2004; Chomiak, Górska and Sandowicz-Bakowska 2006; Chomiak and Górska 2003). More scholarly in nature is the detailed dictionary compiled by the respected Polish dialectologist, Janusz Rieger, which focusses on the Lemko-Rusyn dialect (with definitions and linguistic examples in Polish) spoken in the village of Bartne (Rieger 2016). Finally, cultural enthusiasts among the post-World War II Lemko diaspora in Ukraine (former eastern Galicia) have tried to preserve the speech of their forefathers in what are described as dictionaries of "the Lemko dialect of the Ukrainian language."[7] These include: a compilation of Lemko-Rusyn words (Pyrtej 2004); a collection of 2,600 phrases (Stupins'ka and Bytkivs'ka 2013) with explanations in Ukrainian; and something called a "Lemko" dictionary, which, in effect, is a compilation of over 10,700 Ukrainian words explained by using nearly 26,000 "rare and most often used" Lemko words (Duda 2011).

Diasporan cultural activists in North America have also been busy trying to record the Rusyn lexical heritage. Clearly the most ambitious project is that of Nancy Kelly who published in three volumes a list of over 39,000 Rusyn words with their equivalents in English and a list of over 48,000 English words with their equivalents in Rusyn (Kelly 2016).

b. Grammars

The past decade has witnessed the publication of several grammars whose existence reflects the on-going work of standardization. The grammar of Mirosława Chomiak and Henryk Fontański, first published in 2000, was

7 Cited in Duda (2011: 2).

reissued four years later but with no changes (Chomiak and Fontański 2004). Much different is the situation in the Prešov Region of Slovakia, where the staff of Prešov University's Institute of Rusyn Language and Culture introduced revisions to the standard that was first adopted in 1995. The changes were initially outlined in a new rule book (Jabur and Pljiškova 2005), then in a university textbook (Jabur and Pljiškova 2009), and finally elaborated in a 325-page revised grammar compiled by Vasyl' Jabur, Anna Pljiškova, and Kvetoslava Koporova (Jabur et al. 2015). It is the 2005 revised version of the Rusyn literary language in Slovakia which forms the basis of the descriptive grammar written by the recently deceased American Slavist Stefan Pugh for Germany's Lincom Europa series, Languages of the World/Materials (Pugh 2009), as well as for the revised and expanded edition of a popular phrasebook with grammatical notes that was first published in 1976 for use primarily in North America (Magocsi 2015).

In contrast to Poland's Lemko Region and Slovakia's Prešov Region, where Rusyn grammars form the basis for a language used in schools and other spheres of public life, the work of grammarians (none of whom are trained linguists) in Ukraine's Transcarpathia are little used, even unknown, and have become little more than cultural artifacts. Since the first attempt at a standard grammar for Transcarpathia was published in 1999, two other grammars have appeared, one by the Orthodox priest Dymytrij Sydor (2005), the other by the retired elementary school teacher Anna Mehela (2014). Each author implies that his or her grammar is destined to become the new standard for Transcarpathia, but neither has been able to fulfill that role.[8]

c. School Textbooks

Aside from dictionaries and grammars, even greater numbers of Rusyn-language school textbooks have appeared during the past decade. In Ukraine's Transcarpathia there existed for just over a decade a non-governmental funded extracurricular Rusyn School Program. From 2003/2004 to 2012/2013 it operated weekly Rusyn-language and culture

8 Sydor's grammar has, in particular, been the subject of justified criticism (Pfandl 2008; Nimčuk 2013).

classes in 24 to 40 schools in the region.[9] For that program a few grammars (Almaši 2004; Padjak 2012) were published, and more recently a small rule-book appeared (Almašij 2014b).

Not surprisingly, it is in those countries where the Rusyn language is recognized and taught in state schools that many more student texts have appeared. For Poland's Lemko-Rusyn schools there is a new pre-school drawing book (Prokopczak 2003) and elementary primer (Murjanka 2003). Particularly productive is the teacher Mirosława Chomiak, who has published three school grammars and readers (Chomiak 2003; Chomiak 2005a; Chomiak 2005b) and a fourth designed for use with computers (Chomiak and Matała 2003).

Whereas published language textbooks in the Lemko Region are directed primarily at pre-school and elementary level students, in the Prešov Region there is now available a full gamut of Rusyn-language textbooks for all levels of the educational system. These include handsomely designed and colorful textbooks for the elementary level (Pljiškova and Koporova 2011; Glosíková 2011; Varšova et al. 2014; Melničakova 2015; Gicova-Micovčinova 2015), and a systematic series of grammars, readers, and workbooks commissioned by the Slovak Ministry of Education for use in Rusyn-language classes at the elementary level (grades 1 through 9) and the middle school level (grades 1 through 4). No less than 19 textbooks devoted to grammar (*Rusyn'skŷj jazŷk*), 17 readers with literary texts (*Čitanka*/*Lyteraturna vŷchova*/*Rusyns'ka literatura*), a music textbook (*Muzyčna vŷchova*), and several workbooks (*Robočii zošŷt*) have been published since 2004, some in more than one edition.[10] There are even conversation or phrasebooks designed to introduce elementary and middle-level school children to foreign languages, whether Slovak or English, through the medium of Rusyn (Koporova et al. 2009; Magocsi 2014). Finally, there are university-level textbooks (Jabur and Pljiškova 2009), including one designed specifically for foreign students enrolled at Prešov University, whether during the standard academic year

9 Details about Transcarpathia's decade-long Rusyn School Program are found in Padjak (2013).

10 The Prešov Region Rusyn-language textbooks are listed in Il'čenko and Padjak (2013: 23–30).

or at the intensive Studium Carpato-Ruthenorum International Summer School (Pliškova and Koporova 2015).

On-Going Challenges

As with any literary language, standardization is by definition an on-going process that can never ever be complete. The reason is obvious: languages are living organisms which by their very nature evolve in response to the ever-changing societies of which they are a part. The Rusyn language is no exception as is evident in the discussions that have taken place during the last decade and a half as they relate to revisions of existing literary norms or even the creation of new norms.

a. The Koiné Project

Aside from the conceptual decision to develop four Rusyn literary variants, one each for Poland, Slovakia, Ukraine, and Serbia, the First Congress of the Rusyn Language also anticipated creating at some point in the future a koiné, or general standard for the entire Rusyn linguistic area.

Of all the proposals put forth at the first (1992) and subsequent (1999, 2007, 2016) Rusyn language congresses, the idea of a koiné has proven to be the most problematic. There was an experiment in this direction by the Transcarpathian philologist and publisher, Valerii Padjak, who created a koiné based on the Transcarpathian and Prešov Region variants to translate the popular history book, *The People from Nowhere* (Magočij 2007). This effort—not surprisingly the fate of most initial experiments—was criticized at the Third Rusyn Language Congress in 2007. Other congress papers addressed linguistic issues, which arguably needed to be resolved before koiné planning could move forward.[11]

11 The speaker who analyzed the koiné translation was Anna Pljiškova, "Hljadanja konsenzu pry formovanju kojne na prykladji perekladu tekstu knyžkŷ 'Narod nyvŷdkŷ'"; despite her often justified criticisms Pljiškova nonetheless "welcomed this first effort on the path toward the creation of a future [Rusyn] koiné" (Pljiškova 2008a: 219–232). Other papers at the Third Congress dealt with the general koiné phenomenon—Jurij Van'ko, Rusyn writing systems—Vasyl' Jabur, and Rusyn linguistic terminology—Henryk Fontański and Mirosława Chomiak (Pljiškova 2008a: 15–24, 178–191).

Since 2007 an air of skepticism seems to be dominant among Rusyn language-planners who argue that a koiné is impractical and not likely to happen. Nor is the present reality encouraging for the koiné project, especially when some regions (in particular Transcarpathia in Ukraine) have not yet agreed on their own standard. Despite discussions, language planners in various countries with Carpatho-Rusyn inhabitants have been unable to adopt a common alphabet whose number of letters, as reflected in current grammars, range from 34 to 39. Similarly, there is not yet agreement on a common linguistic terminology, let alone grammatical rules and lexicon. Since most language planners favor the phonetic instead of etymological principles, the adjectival endings in some variants use the soft sign (*-ськый* in Transcarpathia and Hungary), while others do not (*-скый* in the Prešov Region; *-скій* in the Lemko Region). How to render the one vowel which has plagued Rusyn-language writers since the late nineteenth century remains an unresolved problem, so that present-day literary standards in the Prešov and Lemko regions use **i** (regardless of how the phoneme is pronounced); Transcarpathian grammars may use some combination of up to six letters (**i**, **y**, **ÿ/î**, **o**, **ô**) for the one phoneme.

b. The Roman Alphabet (Latynyka)

Whereas the call at the first language congress to use the Cyrillic alphabet has basically been accepted, Rusyn communities located in countries where the Roman alphabet is used by the official state language face a serious problem. In the pre-1989 era of Communist rule, Russian was a required subject beginning already in elementary schools. The result was that all students had at the very least the ability to read Cyrillic. This is no longer the case in post-Communist schools in Poland which face this same handicap but have not been swayed from publishing Rusyn only in Cyrillic. In Slovakia, however, Greek Catholic clerical supporters of the Rusyn language led by Reverend František Krajňak (who together with his colleagues are a minority in their own church) generally use the Roman alphabet (*latynyka*), sometimes with parallel texts in Cyrillic (*azbuka*), in their religious books and serial publications.[12] Their reason-

12 The most widespread Rusyn-language church publications are catechisms (Krajňak 1992), service books (*Malŷj trebnyk* 2013; *Apostoly* 1997, 2017), and

ing is simple: at least one generation of young people in Slovakia are unable to read the Cyrillic alphabet; therefore, it is better to bring them the Word of God not in Slovak but in their native Rusyn, even it has to be done through the medium of the Roman alphabet.

Revisions of Grammatical Standards

Whereas there are standard grammars and dictionaries for the Rusyn language in Poland, Slovak, and Ukraine, not all publications, including school textbooks, necessarily follow the proposed standards. For instance, in Poland some school texts authored by the teacher Mirosława Chomiak do not follow the norms used in the standard grammar of which she was co-author (Fontański and Chomiak 2000).

Controversies over an acceptable standard have been especially problematic in Slovakia following the adoption in 2005 of a revised standard by the staff at Prešov University's Institute of Rusyn Language and Culture. Since then more than a decade has passed, yet the disputes continue.[13] The Prešov Institute has a monopoly on producing school textbooks, so that they as well as some publishers and periodicals (*Rusyn*, 1991-present) use the new 2005 standard. On the other hand, Slovakia's oldest and largest Carpatho-Rusyn civic society, the Rusyn Renaissance Society/Rusyn'ska obroda and its official organ (*Info Rusyn*, 2001-present) basically use the "original" 1995 standard.

Ukraine's Transcarpathian Region faces the worse situation of all, not in the least because the Rusyn language, while not banned, is generally ostracized by Ukraine's governing authorities. Rusyn is not part of the state-approved curriculum for Transcarpathia's educational system,

---

the Book of Gospels (*Tetrajevanhelije* 2009), all with parallel texts in the Roman and Cyrillic alphabets. The monthly magazines Artos (2005-present) of the Greek Catholic Society of St. John Chrysostom and *Blahovîstnyk* of the Basilian Monastery in Prešov (1995–2001) and in Krasnyj Brid (2001-present) publish articles either in the Roman alphabet (the majority) or the Cyrillic alphabet.

13 For a summary of the conflicting views on this matter, see Pan'ko 2008, Vasyl' Jabur, "Orfografičnŷ problemŷ" (Plišková 2007: 93–103, Pljiškova 2008a: 57–62).

and it is used only in a few publications and in newspapers that appear at best haphazardly. Considering such conditions, none of the existing grammars produced in Transcarpathia (Almašij et al. 1999; Sydor 2005; Pečora 2013; Mehela 2014) has been accepted as a norm, so that each author and publisher writes in his or her own form of Rusyn. The result is linguistic chaos.

The Hungarian Variant of Rusyn

The newest and somewhat unexpected developments have occurred in Hungary. At the First Language Congress back in 1992, the Hungarian delegation argued that it did not favor creating a separate Rusyn standard for Hungary, but that instead it would likely adopt the standard in Slovakia. By the end of the 1990s, and with an increasing number of immigrants from Ukraine settling permanently in Hungary, the few Rusyn serial publications that appeared in Budapest (*Rusyns'kyj svit*, 2003-present; *Kalendar-Al'manach*/*Rusyns'kyj al'manach*, 2000-present) were written in a language that more and more resembled what was used in Transcarpathia. But when the Transcarpathians failed to develop a commonly accepted standard, Hungary's Rusyn civic leaders decided to create a new fifth standard language based in part on dialects from Transcarpathia as well as orthography that reflected the way words are pronounced by older generation Rusyns in villages like Komlóska and Múcsony in northeastern Hungary.

The announcement that a Rusyn norm for Hungary was in the making came in 2007 from Mykhayl Kapral', at the time lecturer in the former Department of Ukrainian and Rusyn Philology at the Nyíregyháza School of Advanced Education.[14] The first attempts at creating the new standard came a few years later with a Rusyn-Hungarian phrasebook (Giric 2010), an elementary school primer (Ljavynec 2011), but most especially since 2011 the bi-monthly magazine *Rusyns'kŷj svit*. The culmination of Hungary's Rusyn standardization efforts—all under the language editorship

14 The reasons for codifying a fifth Rusyn standard are discussed in three articles by Mykhayl Kapral' (Plišková 2007: 85–91; Pljiškova 2008: 73–79; *Rusyn'skyj literaturnŷj jazŷk* 2015: 90–97).

of Mykhayl Kapral'—came with the publication readers and workbooks for the first four years of elementary school (Bajsa 2015a; Bajsa 2015b; Zajakovs'ka and Giric 2015) and an orthographic dictionary with grammatical tables (Kapral et al. 2017).

Conclusions

There is no question that the Rusyn language has made significant advances since the outset of the twenty-first century. This essay, basically bibliographical in nature, hopefully has succeeded in informing the Slavic scholarly world of the numerous, through little known, body of language texts that exist for what are now five variants of the Rusyn literary language.

It is important to note that Rusyn is not only to be found in publications. It is a living medium employed in daily oral communication and also in schools, churches, the print media, radio, television, internet social media, literary and scholarly publications, and at civic, cultural, and academic events. Its use in each of these domains varies from country to country and its success depends in large part on how various governments do, or do not, accord respect and financial support for the language's development. The already existing scholarly literature on how Rusyn functions in certain countries is in itself a testimony to the achievements it has made since the Revolutions of 1989 and in particular during the first decade and a half of the twenty-first century.[15]

References

Almašij 2004 – M. Almašij. *Žyvoje slovo*: *čytanka dlja rusyns'koji nedil'noji narodnoji školŷ.* Užhorod: Vŷd-vo V. Padjaka.

15 On the functional use of the Rusyn language in Slovakia, Poland, and Ukraine, see Pljiškova (2008b: 74–123), Pljiškova (2009: 87–145); Misiak (2006: 111–130). See also studies by Olena Duć-Fajfer, Kvetoslava Koporova, František Krajnjak, Marianna Ljavynec-Uhryn, Valerij Padjak, and Aleksander Zozuljak in Pljiškova (2008: 96–126), and *Rusyn'skyj literaturnŷj jazŷk* (2015: 116–200).

Almašij 2014a – M. Almašij. *Orfohrafyčno-orfoepyčnŷj slovar' rusyns'koho jazŷka.* Užhorod: Zakarpats'koje oblastnoje naučno-kul'turolohyčnoje obščestvo ym. A. Duchnovyča.

Almašij 2014b – M. Almašij. *Pravyla rusyns'koho pravopysanja.* Užhorod: Zakarpats'koje oblastnoje naučno-kul'turolohyčnoje obščestvo ym. A. Duchnovyča.

Almašij 2015 – M. Almašij. *Rusyns'ko-slavjans'kŷj leksykon*. Užhorod: Karpats'ka veža.

Almašij et al. 1999 – M. Almašij et al. *Materyns'kŷj jazŷk: pysemnycja rusyns'koho jazŷka.* Mukačevo: Obščestvo Dukhnovyča.

Almašij – Uchal' 2014 – M. Almašij and M. Uchal'. *Rusyns'ko-rosijs'ko-ukrajyns'ko-latyns'kŷj slovar' lingvistyčnoji terminologiji*. Užhorod: Zakarpats'koje oblastnoje naučno-kul'turolohyčnoje obščestvo ym. A. Duchnovyča.

Apostoly 1997, 2017 – *Apostoly na ned'il'i i svjata ciloho roku* (1997, 2017). Pereklad: František Krajňak. Medzilaborce: Obščestvo Sv. Joana Krestitel'a.

Bajsa 2015a – N. Bajsa. *Naš materyns'kŷj jažyk*: *čytanka pro I. klasu*. Budapest: Croatica.

Bajsa 2015b – N. Bajsa. *Naš materyns'kŷj jažyk*: *čytanka pro II. klasu*. Budapest: Croatica.

Chomiak 2003 – M. Chomiak. *Język łemkowski*: *kurs podstawowy/Lemkivskij jazŷk: osnovnyj kurs.* Warszawa/Legnica: Rutenika.

Chomiak 2005a – M. Chomiak. *Lemkivskij jazŷk/Język łemkowski*. Warszawa: Rutenika.

Chomiak 2005b – M. Chomiak. *Lemkivskij jazŷk*: *II čast dlja gimnazyi/Język łemkowski: część II dla gimnazjum*. Warszawa: Rutenika.

Chomiak – Górska 2003 – M. Chomiak and M. Górska. *Słowniczek tematyczny – szkoła: polsko-łemkowsko-angielski, angielsko-łemkowsko-polski*. Warszawa: Rutenika.

Chomiak – Górska 2004 – M. Chomiak and M. Górska. *Słowniczek tematyczny – dom, człowiek, przyroda: polsko-łemkowsko-angielski, angielsko-łemkowsko-polski.* Warszawa: Rutenika.

Chomiak – Matała 2003 – M. Chomiak and B. Matała. *Język łemkowski z komputerem/Lemkivskij jazŷk z komputerom.* Warszawa/Legnica: Rutenika.

Chomiak et al. 2006 – M. Chomiak et al. *Słowniczek tematyczny – praca: polsko-łemkowsko-angielski.* Warszawa: Rutenika.

Čori 2013–2016 – J. Čori. *Slovar' rusyns'koho jazŷka*. 5 vols. Užhorod: TOV "IVA."

Čori 2015–2017 – J. Čori. *Frazeologizmŷ rusyns'koho jazŷka*. 5 vols. Užhorod: TOV "IVA."

Čučka 2005 – P. Čučka. *Prizvyšča zakarpats'kych ukrajinciv: istoryko-etymolohičnyj slovnyk.* L'viv: Svit.

Deržavnyj komitet statystyky 2003 – *Nacional'nyj sklad naselennja ta joho movni oznaky.* Užhorod: Zakarpats'ke oblasne upravlinnja statystyky.

Duda 2011 – I. Duda. *Lemkivs'kyj slovnyk*. Ternopil': Aston.

Fontański and Chomiak 2000 – H. Fontański and M. Chomiak. *Gramatyka języka łemkowskiego/Gramatŷka lemkivskoho jazŷka*. Katowice: Śląsk. Reprint: 2004: Warszawa: Rutenika.

Gicova-Micovčinova 2015 – H. Gicova-Micovčinova. *Školjaryk*. Prešov: Občan'ske združinja Kolŷsočka-Kolíska.

Giric 2010 – V. Giric. *Rusyns'ka konverzacija/Ruszin Társalgás*. Aszód: Rusyns'ki Menšynovi Samospavovanja Asovda, Gëdëllë, Njired'hazŷ y Šarošpotoka.

Glosíková 2011 – O. Glosíková (ed.). *Lienka-Babarunka/Babarunka-Bobrunka: učebnŷj pomičnyk pro djity i molodež.* Prešov: Slovenské narodné museum/ Múzeum rusínskej kultúry.

Horoszczak 2004 – J. Horoszczak. *Slovnyk lemkivsko-pol'skyj, pol'sko-lemkivskij/Słownik łemkowsko-polski, polsko-łemkowski.* Warszawa: Rutenika.

Il'čenko – Lendjel 2007 – L. Il'čenko and M. Lendjel. *Bibliografija rusyns'kojazŷčnŷch vŷdan*: *1989–2004*. Užhorod: Vŷd-vo V. Padjaka.

Il'čenko – Lendjel 2015 – L. Il'čenko and M. Lendjel. *Bibliografija rusyns'kojazŷčnŷch vŷdan*: *2005–2014*. Užhorod: Vŷd-vo V. Padjaka.

Jabur – Pan'ko 1994 – V. Jabur and J. Pan'ko. *Pravyla rusyn'skoho pravopysu*. Prešov: Rusyn'ska obroda.

Jabur – Pljiškova 2009 – V. Jabur and A. Pljiškova. *Sučasnŷj rusyn'skŷj spysovnŷj jazŷk.* Prešov: Prjašivska univerzita, Inštitut rusyn'skoho jazŷka i kul'turŷ.

Jabur – Pljiškova 2015 – V. Jabur and A. Pljiškova. *Rusyn'skŷj jazŷk u zerkalji novych pravyl pro osnovnŷ i serednji školŷ z navčanëm rusyn'skoho jazŷka.* Prešov: Rusyn i Narodnŷ novynkŷ.

Jabur et al. 2007 – V. Jabur et al. *Rusyn'ska leksika na osnovi zmin u pravylach rusyn'skoho jazŷka*: *pravopysnŷj i gramatičnŷj slovnyk*. Prešov: Rusyn i Narodnŷ novynkŷ.

Jabur et al. 2015 – V. Jabur et al. *Gramatika rusyn'skoho jazŷka.* Prešov: Vyd-vo Prešovskej univerzity.

Kapral' et al. 2017 – M. Kapral' et al. *Rusyns'kŷj ortografičnŷj slovar'/Ruszin helyesírási szotár*. Budapest: Ciloderžavna Rusyns'ka samosprava i Naučnŷj instytut Antonija Hodynkŷ.

Kelly 2016 – N. J. Kelly. *Rusin/Rusyn-American Dictionary*. 3 vols. Syracuse: Hale Mary Press.

Kerča 2007 – I. Kerča. *Slovnyk rusyns'ko-rus'kŷj*. 2 vols. Užhorod: PoliPrint.

Kerča 2012 – I. Kerča. *Slovnyk rus'ko-rusyns'kŷj*. 2 vols. Užhorod: PoliPrint.

Koporova et al. 2009 – K. Koporova et al. *Rusyn'skŷj jazŷk u konverzaciji pro II. stupin' osnovnŷch škol i serednji školŷ*. Prešov: Rusyn i Narodnŷ novynŷ.

Krajňak 1992 – F. Krajňak. *Malŷj grekokatolyc'kŷj katechizm pro rusyns'kŷ dity*. Prešov: Rusyns'ka obroda.

Kushko 2007 – N. Kushko. Literary Standards of the Rusyn Language: The Historical Context and Contemporary Situation. *Slavic and East European Journal*, Vol. 51, No. 1, 111–132.

Ljavynec 2011 – M. A. Ljavynec. *Rusyns'kŷj bukvar' pro školaruv Madjarščynŷ*. Budapest: Stolyčnoje Rusyns'koje Menšŷnovoje Samospravovanja Madjarščynŷ.

Magoči 2007 – P. R. Magoči. *Narod nyvŷdkŷ: ilustrovana istorija karpatorusynôv*. Užhorod: Vŷd-vo V. Padjaka.

Magocsi 1999 – P. R. Magocsi. "Carpatho-Rusyns: A New or Revived People?" [1991]. Paul Robert Magocsi, *Of the Making of Nationalities There is No End*, Vol. 2. New York: Columbia University Press/East European Monographs, 249–274.

Magocsi 2004 – P. R. Magocsi (ed.). *Rusyn'skŷj jazŷk. Najnowsze dzieje języków słowiańskich*, *Vol. 14*). Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej. Reprinted with emendations 2007.

Magocsi 2014–2015 – P. R. Magocsi. *Let's Speak Rusyn/Bisyidujme po rusyn'skŷ*. Prešov Region Edition. New York: Carpatho-Rusyn Research Center and Prešov: Academy of Rusyn Culture in the Slovak Republic.

Magocsi 2016 – P. R. Magocsi. *"A Borderland of Borders: The Search for a Literary Language in Carpathian Rus'."* In: T. Kamusella et al. (eds.). The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities, and Borders. New York: Palgrave Macmillan, 101–123.

Malŷj trebnyk 2013 – *Malŷj trebnyk*. Pereklad: František Krajňak and Josif Kudzej. Prešov: Obščestvo Sv. Joana Krestytelja.

Mehela 2014 – A. Mehela. *Hramatyka rusyns'koho lyteraturnoho jazyka*. Užhorod: Zakarpats'koje oblastnoje naučno-kul'turolohyčnoje obščestvo ym. A. Duchnovyča.

Melničakova 2015 – I. Melničakova. *Z prypovidkŷ svit*. Prešov: Občan'ske združinja Kolŷsočka-Kolíska.

Misiak 2006 – M. Misiak. *Łemkowie*: *We kręgu badań nad mniejszościami etnolingwistycznymi w Europie.* Wrocław: Wyd-wo Uniwersytetu Wrocławskiego.

Murjanka 2003 – P. Murjanka. *A-Ja znam azbuku*: *lemkivskij bukvar*. Warszawa/Legnica: Rutenika.

Nimčuk 2013 – V. Nimčuk. "Kodyfikuvaty" novi literaturni movy?: zberehty j zaxystyty ukrajins'ki hovory! *Ukrajins'ka mova,* Vol. 13, No. 3/2013, 3–26.

Padjak 2012 – V. Padjak. *Literaturnŷj košyčok*: *čytanka, 2.-3. cvit, pro rusyns'ki školŷ pjat'rîčnoj sistemŷ narodnoj osvitŷ.* Užhorod: Vŷd-vo V. Padjaka.

Padjak 2013 – V. Padjak. *Rusyns'ka škola*: *vidrodžennja narodnoji osvitŷ*. Užhorod: Vŷd-vo V. Padjaka.

Pan'ko 2008 – J. Pan'ko. "K orfografiji rusyn'skoho jazŷka." *InfoRusyn,* č. 5/2008, 8.

Paňko 2012–2015 – J. Paňko. *Slovensko-rusínsky slovník/Slovac'ko-rusyn'skŷj slovnyk*. 2 vols. Prešov: Rusínska obroda na Slovensku.

Pečora 2013 – N. Pečora. *Rusyns'kŷj jazŷk 1.–3. cvit, pro rusyns'ki školŷ pjat'rîčnoj sistemŷ narodnoj osvitŷ.* Užhorod: Vŷd-vo V. Padjaka.

Pfandl 2008 – H. Pfandl. "Die Windischen der Ukrainer oder die Kurden Europas?: *Uberlegungen zu Ethnos und Spache der Russinen*." *Wiener slavistisches Jahrbuch*, Vol. LIV/2008, 105–123.

Pipaš – Halas 2005 – J. Pipaš and B. Halas. *Materialy do slovnyka hucul's'kych hovirok: Kosivs'ka Poljana i Rosiška Rachivs'koho rajonu Zakarpats'koji oblasti.* Užhorod: Užhorods'kyj nacional'nyj universytet.

Pljiškova 2007 – A. Pljiškova (ed.). *Jazyková kultúra a jazyková norma v rusínskom jazyku/Jazŷkova kultura i jazŷkova norma v rusyn'skim jazŷku.* Prešov: Prešovská univerzita, Ústav regionálnych a národnostných štúdií.

Pljiškova 2008a – A. Pljiškova (ed.). *Rusyn'skŷj jazŷk medži dvoma kongresamy*. Prešov: Svitovŷj kongres Rusyniv/Inštitut rusyn'skoho jazŷka i kulturŷ.

Pljiškova 2008b – A. Pljiškova. *Rusyn'skŷj jazŷk na Sloven'sku*: *korotkŷj narys istoriji i sučasnosty.* Prešov: Svitovŷj кongres Rusyniv.

Plishkova 2009 – A. Plishkova. *Language and National Identity*: *Rusyns South of Carpathians*. New York: Columbia University Press/East European Monographs.

Pljiškova – Citrjakova 2017 – A. Pljiškova and Z. Citrjakova. "Rusyn'skŷj literaturnŷj jazŷk u koncepcijach učenŷch i strategijach jazŷkovŷch kongresiv." *Rusyn*, vol. XVII, č. 4/2017, 6–10 and č. 5/2017, 5–10.

Pljiškova – Koporova 2011 – A. Pljiškova and K. Koporova. *Rusyn'skŷj jazŷk pro začatočnykiv*. Prešov: Sloven'ska asociacija rusyn'skŷch organizacij – Rusyn i Narodnŷ novynkŷ.

Pljiškova – Koporova 2015 – A. Pljiškova and K. Koporova. *Rusyn'skŷj jazŷk pro čudžinciv*. Prešov: Prjašivska univerzita, Inštitut rusyn'skoho jazŷka i kulturŷ.

Pop 2007 – D. Pop (ed.). *Rusyns'ko-ukrajyns'ko-rus'kŷj y russko-ukrainsko-rusinskij slovar'*. Užhorod: ПП «Повч Р.М.».

Pop 2011 – D. Pop (ed.). *Rusyns'ko-ukrajyns'ko-rus'kŷj y russko-rusinsko-ukrainskii frazeologičeskie slovari*. Užhorod: ПП «Повч Р.М.».

Prokopczak 2003 – J. Prokopczak. *Bukvŷ maljuvankŷ*. Warszawa/Legnica: Oficyna Wydawnicza ATUT.

Pugh 2007 – S. M. Pugh. *A New Historical Grammar of the East Slavic Languages, Vol. 1: Introduction and Phonology*. Munich: Lincom Europa.

Pugh 2009 – S. M. Pugh. *The Rusyn Language.* München: Lincom Europa.

Pyrtej 2004 – P. Pytrej. *Korotkyj slovnyk lemkivs'kych hovirok*. Ivano-Frankivs'k: Siversija MV.

Ramač 2002 – J. Ramač. *Gramatika ruskoho jazika za I, II, III, IV klasu gimnaziji*. Beograd: Zavod za učebnike i nastavna sredstva.

Rieger 2016 – J. Riegler. *Mały słownik łemkowskiej wsi Bartne*. Warszawa: "Artes Liberales" Uniwersytetu Warszawskiego.

Rusyn'skŷj literaturnŷj jazŷk na Slovakiji: zbornyk referativ z IV Midžinarodnoho kongresu rusyn'skoho jazŷka, Prjašiv, 23.–25.2015. Prešov: Prjašivska univerzita, Inštitut rusyn'skoho jazŷka i kulturŷ.

Sabadoš 2008 – I. Sabadoš. *Slovnyk zakarpats'koji hovirky sela Sokyrnycja Chusts'koho rajonu*. Užhorod: Lira.

Stupins'ka – Bytkivs'ka 2013 – H. Stupins'ka and J. Bytkivs'ka. *Frazeolohičnyj slovnyk lemkivs'kych hovirok.* Ternopil': Navčal'na knyha.

Sydor 2005 – D. Sydor. *Hramatyka rusyns'koho jazŷka dlja rusynôv Ukrájynŷ, central'noji Jevropŷ y Amerykŷ*. Užhorod: Karpatskaja Rus'.

Tetrajevanhelije 2009 – *Tetrajevanhelije*: *Maftej, Marek, Luka, Joan*. Pereklad: František Krajňak and Josyf Kudzej. Prešov: Svitovŷj kongres Rusyniv.

Vaňko 2007 – J. Vaňko. "The Rusyn Language in Slovakia: Between a Rock and a Hard Place." *International Journal for the Sociology of Language*, No. 183, 75–96.

Varšova et al. 2015 – K. Varšova et al. *Rusyn'skŷj jazŷk pro najmenšych*. Prešov: Občan'ske združinja Kolŷsočka-Kolíska.

Zajakovs'ka – Giric 2015 – M. B. Zajakovs'ka and G. Giric. *Narodopys*: *učebnyk rusyns'koho narodopysa npo učenykuv I–IV. klasŷ.* Budapest: Croatica.

Ломакина Ольга Валентиновна
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия
Мокиенко Валерий Михайлович
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне*

(*карпато*)*русинский язык – фразеологизм – паремиология – пословица – сопоставительная фразеология*

Фразеология и паремиология, как известно, имплицируют значимую информацию о культуре, истории, быте и других аспектах жизни соответствующего народа. Русинский язык (далее – так!) в этом отношении не исключение. Познавательный потенциал русинских паремий особенно четко вырисовывается на фоне межъязыкового сопоставления — особенно на фоне русского и украинского языков (Ломакина, Мокиенко 2016). При этом важно учитывать, что разные группы фразеологии и паремиологии имеют различные качественные и количественные квоты познавательного потенциала.

Для их разграничения, как кажется, необходимо использовать теоретическую дифференциацию фразеологии на **конвенциональную** и **натуральную**. Какие представления во фразеологии разных языков имеют яркую национальную окраску, а какие остаются универсальными — вот главный вопрос, на который пытались и пытаются ответить представители этой лингвистической дисциплины. Разграничение фразеологических массивов славянских языков на

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01062).

эти две категории было предложено Ст. Скорупкой в докладе на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. (Skorupka 1958: 124–155; см. также Skorupka 1965: 119–130). Это было время, когда фразеологический «бум» еще лишь начинался и многие теоретические и практические вопросы фразеологии как специальной лингвистической дисциплины только ставились. Один из них — взаимодействие универсального и уникального, общечеловеческого и национально специфического, объективно-материального и субъективно-социального — и попытался поставить польский лексикограф. Разграничение фразеологизмов на конвенциональные и натуральные для него было разграничением диахроническим, ориентированным на их «генезис» (что, между прочим, подчеркнуто и в заглавиях его статей).

> «Фразеологические сочетания, которые я называю **натуральными**, — писал он, — часто являются общими для многих языков, возникают независимо друг от друга, поскольку имеют общую основу в явлениях природы, в наблюдениях человека над природой, ее проявлениями и жизнью, в общих физических и психологических видах деятельности человека, в общих условиях развития. Фразеологические же сочетания, которые я называю **конвенциональными**, отражают специфические условия развития данного народа: его занятия, условия существования, обычаи, религиозные и культурные различия, — словом, развитие материальной и духовной культуры человека» (Skorupka 1958: 123).

Этот тезис был проиллюстрирован обильным количеством примеров из разных языков — как славянских, так и неславянских. Эти примеры также даются им с диахронической направленностью, ибо «tertium comparationis» разграничения является их внутренняя форма. Вот почему его классификация фразеологизмов достаточно прямолинейно переросла в классификацию их опорных компонентов. Так, к **натуральным** фразеологизмам исследователь относит в основном выражения и обороты, построенные на аналогиях с названиями частей человеческого тела, его внутренних органов, его деятельности и чувств. Соматизмы (т.е. названия частей человеческого тела типа «голова», «рука»), географические и метеорологические термины («море», «океан», «туча»), анимализмы (т.е.

названия животных типа «конь», «собака», «вол») — вот основной набор компонентов, который описывается им в разделе о **натуральной** фразеологии.

Методологическую эффективность разграничения, предложенного Ст. Скорупкой, в последнее время доказывают многие фразеологи-русисты и слависты. Важно теперь прагматически оценить массив русской натуральной и конвенциональной фразеологии с точки зрения ее лингвистической обоснованности и объективности. Основным концептуальным raison d'être разграничения «натуральности» и «конвенциональности» является оппозиция «**универсальность: индивидуальность**». Было бы заманчиво выявить для каждого отдельно взятого языка набор фразеологизмов, относящихся либо к первой, либо ко второй части этой оппозиции. Сделать это, однако, чрезвычайно трудно и для многих фразеологизмов на данном этапе их изученности в принципе невозможно.

В то же время приблизиться к этой цели можно на основе конкретного анализа фразеологии и паремиологии отдельных групп. Соматическая фразеология в этом отношении — благодатное поле исследования, ибо человеческое тело хотя универсально (что делает причисление соответствующих фразеологизмов и паремий к «натуральным» оправданным), но в то же время в процессе культурно-исторических «переживаний» обрастает национально-специфическими, мифологическими, акциональными и др. коннотациями (Валодзіна 2009). В процессе фразообразования соматическая лексика, наряду с зоонимамами, фитонимами, колоративами, числительными, терминами родства и др., является одной из приоритетных для использования. Это объясняется универсальными для всех языков понятиями, в отличие, например, от этнолингвомаркёров — компонентов фразеологизмов и паремий (имен собственных, названий артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа, этнонимов — названия народов и племен), отражающих национальное своеобразие, «культурную память» и зачастую не имеющих прямых аналогов в другом языке, «благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» (Ломакина 2015: 94–95).

В современной фразеологии используется различный терминологический аппарат для обозначения фразеогрупп. В.Н. Телия

применяет термин *культурный код* для обозначения системы материальных и духовных знаков, ставших носителями культурных смыслов (Гудков, Ковшова 2007: 9). Так, трактование соматической фразеологии происходит через телесный код культуры (Гудков, Ковшова 2007) как объекты кросс-культурного описания (Брагина 2016).

Здесь диалектически возможен двойной подход к соматической фразеологии — горизонтальный и вертикальный. Горизонтальный предполагает исследование максимально полного набора фразеологических единиц (ФЕ), «нанизанных» на тот или иной стержневой соматический компонент. В таком направлении в основном и ведется анализ соматизмов разных языков (Горды 2010; Городецкая 2007; Долгополов 1973; Кравчик-Тырпа 1987; Русецкая 2012; Тунси 1984 и др.). Масштабность исследуемой таким образом фразеологии может быть весьма внушительной. Так, А.Р. Попова, проанализировав полисемант *рука* на широком пространстве русского языка, включая и его периферию, сделала его объектом специальной монографии. Ею разработана проблема креативного потенциала лексико-фразеологического комплекса как «совокупности всех лексических и фразеологических единиц, непосредственно или опосредованно восходящих к базовой лексеме» (Попова 2012: 6), что позволило выявить влияние отдельной фразеолексемы на систему языка в целом.

Вертикальный подход, менее используемый при анализе соматической фразеологии, предполагает детализированный диахронический и сопоставительный анализ одного фразеологизма со всеми его вариантами на диалектном и межъязыковом пространстве с целью реконструкции его внутренней формы. Таков, например, анализ фразеологических европеизмов рус. *делать ноги*, укр. *робити ноги* ‘быстро убегать’, чеш. *dělat nohy komu* ‘держать кого-л. в напряжении, принуждая к бегству’, нем. *j-n Bein machen* ‘заставлять кого-л. убегать’, рус. *взять ноги на плечи, взять ноги в руки,* белор. *ногі за пояс, узяць ногі ў рукі,* укр. *брати ноги в руки (на плечі, за пояс)* ‘быстро убегать’, пол. *wziąć nogi za pas,* словацк. *vziať nohy na plecia*, чеш. *vzít nohy na ramena*, словен. *vzel je noge pod pazduho*, нем. *die Beine unter die Arme nehmen,* фр. *prendre ses jambes à son cou* и др. (Мокиенко 2010).

Изучению фразообразовательного потенциала соматизмов посвящены исследования ряда ученых, анализирующих как малые, так и большие языки. Назовем некоторые современные направления подобных работ. Так, Тянь Цзюнь сопоставляет соматическую фразеологию русского и китайского (2001), Цай Мин Шин — русского и японского (1998), И.Е. Городецкая — русского и французского (2007), Й.Я. Русецкая — русского и литовского (2010), К.В. Ошроева — русского и кабардино-черкесского (2014), О.С. Шумилина — русского и английского (2014), А.В. Егоров — удмуртского и венгерского языков (2011). Немногочисленны исследования «поведения» соматизмов в паремиологии отдельных языков (Иштрикова 2016; Ойноткинова 2011; Самедов, Гасанова 2016). Ряд публикаций посвящен изучению функционирования соматической фразеологии в текстах отдельных авторов: О.В. Ломакина — в языке Л.Н. Толстого (2009), С.С. Микова — в баснях И.А. Крылова (2009), Е.Н. Сычева — в поэзии Ф.И. Тютчева (2012). В большей части публикаций по данной тематике рассматривается потенциал отдельного соматизма в процессе фразообразования, т.е. исследование ведется в русле упомянутого выше горизонтального подхода.

Фразеологические единицы (ФЕ) с соматизмами воспроизводят в языке «универсалии человеческого существования — общий облик человека, строение его тела одинаковы у всех людей независимо от расовых, национальных или возрастных признаков» (Хайруллина 1996: 81). В зависимости от анализируемого языка может изменяться репертуар соматической лексики, участвующей в процессе фразообразования.

По наблюдениям Н.В. Уфимцевой,

> «...при восприятии человеческого тела как культурного предмета русские отдают предпочтение (неосознанно) социальной характеристике той или иной части тела. При этом социальная характеристика в сознании русских наиболее важна для фигуры, головы, лица, глаз, рук» (Уфимцева 1998: 160).

Эта особенность мировосприятия русских отражается в языке. Как увидим ниже, такая «предпочитаемость» свойственна и соматической фразеологии русинского языка, ставшая объектом исследования в нашей статье.

В капитальный двухтомный «Русинско-русском словарь» И. Керча (2007), где лексика представлена весьма полно — в количестве 58 000 слов, естественно, вошла и фразеология. Тем не менее, фразеологизмы здесь включены достаточно выборочно, что легко заметить по отражению в ней соматической фразеологии. Перечислим с максимальной полнотой материал, вошедший в этот словарь для нескольких соматических компонентов:

ГОЛОВА (Керча 2007 1: 171): *числити (держати) в голові — считать, держать в уме; не йде (не стає) у голову* — выше понимания, непостижимо; *високо носити голову* — кичиться, держаться свысока, зазнаваться; *тверда голова* — упрямец; *не забивай собі у голову* — не бери в голову; *голову собі сушити из чим* — ломать себе голову над чем, терзаться, мучиться; *сушити голову, ганучи* — терзаться в догадках; *на чум му голова сохне* — что его гложет; *маву того поверх головы* — я этим сыт по горло; *голова ми ся обертат (сохне) уд работы* — хлопот полон рот, дел выше головы, голова идет кругом; *затяг голову межі плечі* сидит тише воды, ниже травы; *най тя голова не болит* — не твоя забота; *[и]спустити голову* — повесить нос; *голова не голова* — невзирая на лица, сплеча, не глядя, без разбора. Под этим компонентом включена и одна пословица — *Уд головы рыба смердит* — Рыба с головы портится.

НУС (НОС) (Керча 2007 1: 607): *тігати за нус* — водить за нос; *пхати нус до дачого* — совать нос во что; *мати нус на што* — держать нос по ветру; *на нус падати* — валиться с ног от усталости.

НОГА (Керча 2007 1: 604): *горі ногами* — вверх тормашками; *вступила обома ногами до живота* — решительно вошла в жизнь; *заплітати ногами* — выписывать кренделя; *стати на ногы* — выбиться в люди; *жити на великих ногах* — жить на широкую ногу; *дати ногам знати, взяти ся у ногы, ногы пуд себе — дать дёру (стрекача, драла), побежать со всех ног; ногы дустати* — плохо лежать.

РУКА (Керча 2007 2: 303): *дати собі руки* — обручится, замириться; *свигнути на ся рукы* — наложить на себя руки*; што очима видит, руками не лишит* (флк) — на чужую кашку у него рот нараспашку. Здесь же отражены и две пословицы: *Кажда рука ид собі*

крива — Своя рубашка ближе к телу; *Рука руку миє — обі білі* — Рука руку моет, чтобы обе белы были.

УХО (Керча 2007 2: 518): *уха терпнут слухати* (флк) — уши вянут слушать; *у єдно ухо зайде, а у другоє уйде* — в одно ухо вошло, в другое вышло.

ЯЗЫК (Керча 2007 2: 604): *то язык цнота над цнотами* — держи язык за зубами; *языком плескати* — балясничать; *язык за зубы! завяжи собі язык! чей тя язык свербит?* — помалкивай, держи язык за зубами; *язык ся му завязав* (флк) — язык пришей к гортани; *пустити язык из ланца* (флк) — дать волю языку; *з языка сьте ми зо взяв* (флк) — я как раз об этом только что говорил; *взяти на язык кого* (флк) — перемывать косточки кому, склонять во всех падежах; *сякое повісти язык ся не покряне* (флк) — язык не повернется сказать так; *лем на язык го є* (флк) — большой говорун — плохой работник; *язык гурше пубє, як меч* — жестоко слово слушает сердце.

Как видим, несмотря на достаточную неполноту фразеологического материала под компонентами приведенных соматизмов, он дает информацию о сходствах и различиях русинской и русской фразеологии. Сходств довольно много, но даже в близких по структуре и компонентному составу вариантах легко обнаружить и различия. Таковы, например, фразеологические параллели *не забивай собі у голову* — не бери в голову, *[и]спустити голову* — повесить нос, *тігати за нус* — водить за нос*, свигнути на ся рукы* — наложить на себя руки, *уха терпнут слухати* — уши вянут слушать.

Обращение к другим славянским языка обнаруживает и переклички русинских фразеологизмов с украинскими, белорусскими, чешскими, словацкими, польскими и др. Так, единый восточнославянско-западнославянский ареал обнаруживает фразеологизм *горі ногами* — белор. *дагары нагамі* — укр. *догори ногами* — пол. *do góry nogami*. словацк. *hore nohami* — чеш. *vzhůru nohama.* Можно найти и более широкие фразеологические связи русинской фразеологии. Оборот *язык за зубы!,* зафиксированный И. Керча, например, имеет общеславянскую пространственную проекцию: рус. *держать язык за зубами* ‘молчать, не болтать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях*’,* бел. *трымаць (дзяр-*

жаць) язык за зубамі, укр. *тримати (держати) язик за зубами,* пол. *trzymać język za zębami;* чеш. *držet jazyk za zuby,* словацк. *držať jazyk za zubami,* болг. *дръж си езика <зад зъбите>,* хорв.-серб. *metnuti jezik za zube,* словен. *držati jezik za zobmi.* О древности и вероятном общеславянском происхождении таких идиом свидетельствует хронология их фиксации. Так, пол. *mieć język za zęby* зафиксировано уже в 1527 г., *chować język za zęby* — в 1614-м, а *trzymać język za zęby* — в 1650-м (NKP 1: 869–870), а др.-чеш. *mievaj (jměj) jazyk za zuby* — еще раньше, в 1457 г. (Flajšhans 1911 1: 436). Характерно и то, что образность неславянских европейских эквивалентов этого фразеологизма иная, чем в приведенных славянских: нем. *seine Zunge hüten (im Zaum halten), den Mund halten;* англ. *to keep one's mouth shut;* фр. *tenir sa langue;* итал. *tenere la lingua a freno; tenere la lingua a casa* и под.

Понятно также, что во фразеологическом и паремиологическом фонде русинского языка немало и единиц, унаследованных от книжной общеевропейской культуры. Явно такого происхождения пословица с соматизмом *рука — Рука руку миє — обі білі.* Она восходит к античности — ср. греч. *Cheir cheira niptei*, лат. *Manus manum lavat*. Исследователи приписывают ее древнегреческому писателю Эпихарму, латинское выражение встречается у Сенеки и Петрония. В результате эксплицирования выражения *рука руку моет* в русском, так же, как и в русинском языке возникли посл. *Рука руку моет — обе белы живут; Рука руку моет, а обе хотят белы быть; Рука руку моет, вор вора кроет* (Тимошенко 1897: 34; Михельсон 1905 2: 203; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 434). Пословица относится к древним паремиологическим универсалиям и известна большинству европейских языков, удаленных друг от друга по происхождению и географии, — например, армянскому, английскому, датскому, шведскому, испанскому, итальянскому, португальскому, греческому, венгерскому, эстонскому, карельскому, финскому, литовскому, ливскому, латышскому и др. Ср. англ. *One hand washes another;* ср. *To scratch my back and I'll scratch yours;* нем. *Eine Hand wäscht die andere.* Наличие ее в арабском («Рука моет руку») и в персидском («Когда одна рука моет другую руку, то последняя в свою очередь моет лицо») отвергает возможность

отнесения ее к определенному античному автору (Paczolay 1997: 174–178). Варианты же, подобные русинскому и русскому, давно зафиксированы и в других славянских языках, на пример: бел. *Рука руку мые, каб абедзве белыя былі; Нага нагу падпірае, рука руку абмывае;* укр. *Рука руку миє;* болг. *Ръка ръка мие, да бъдат и двете бели;* серб. *Рука руку миje, образ обадвиje* (Котова 2000: 132).

Несомненным примером русинско-общеевропейского фразеологического наследия является и выражение *тігати за нус*. Оно известно, как славянским, так и неславянским языкам: бел. *вадзіць за нос,* укр. *водити за ніс,* в.-луж. *za nós wodźić,* болг. *водя за носа някого,* хорв.-серб. *vući / povući (voditi) za nos;* нем. *an der Nase herumziehen (herumtanzen)*; фр. *mener par le nez qn*.; *mener qn par le bout du nez;* англ. *to lead one by the nose* и др. Выражение древнее, известно уже в др.-греч. τής ρινο ‘έλχειν (у Лукиана и других писателей) — отсюда и его широкая употребительность в современных языках (Михельсон 1903 1: 112). Метафора связана со способом управлять животными (быками, лошадьми и т.п.), которых водят при помощи кольца, продетого в ноздри. В европейской традиции этот образ актуализировался сравнением с медведями, которых водили напоказ за кольцо, продетое в нос. (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 478).

Отражает русинская фразеология и славяно-общеевропейские языковые контакты, овеянные культурологическими ассоциациями более позднего времени. Таково, например, выражение *жити на великих ногах,* имеющее и варианты, зафиксированные фразеологическим словарем Д. Попа: *жити на́широко — жити на широку ногу* (Поп 2011: 124, 28). Как и рус. *жить на широкую (большую) ногу (на большой ноге)* ‘жить богато, широко, не считаясь с затратами’, оно активно употребляется во многих европейских языках — например, нем. *auf grosser Fuß leben; auf gutem Fuße leben (etw. tun);* и фр. *vivre sur un grand pied [dans le monde]; être sur un grand pied*.

История выражения связывается с модой на обувь с длинными, острыми, загнутыми кверху носками, возникшей в Англии XII в. при короле Генрихе II. У короля был болезненный нарост на большом пальце правой ноги, и поэтому он заказал себе башмаки с длинными носами. Придворные подхватили эту моду. По размерам обуви

начали судить о зажиточности и знатности ее владельцев, причем единицей измерения служил фут (25–40 см). В XII в., когда такая мода достигла в Европе кульминации, обувь князя, например, была длиной 2,5 фута, барона — 2 фута, рыцаря — 1,5 фута, а у простых горожан — всего лишь 1 фут. У аристократов и каблуки полагалось иметь повыше — в противоположность простому люду. Лишь при Карле V эта мода была упразднена. Историю такой моды, а соответственно и выражения историки европейской фразеологии связывают и с другими известными лицами — особенно Дж. Плантагенетом, графом Анжуйским, обладавшим якобы тем же недостатком, что и английский король. Такие башмаки французы называли *chaussure à la poulaine* — «башмаки с клювом» (Röhrich 1991 1: 491).

При всей «исторической» красочности и общепризнанности этой версии, она с лингвистической точки зрения может быть опровергнута как этимологический анекдот. Во многих языках (в том числе в русском) по данной модели образовано множество фразеологизмов типа: *на большую ногу, на босу ногу, на военную ногу, на короткую ногу, на родственную ногу, на вольную ногу, на барскую ногу, на новую ногу, на холостяцкую (холостую) ногу* и т.п. Важно, что такие варианты распространены и в просторечии, и в народных говорах. Вполне возможно поэтому, что выражение *на большую ногу* и его варианты возникло в народной речи и отталкивается от универсальной метрической символики ноги, отраженной и метрической терминологией разных языков — англ. *фут*, рус. *стопа* и др. *На большую* или *широкую ногу* первоначально служило мерилом расстояния и лишь потом развило переносное значение на основе естественной ассоциации «мощноногого» человека и широкого шага с сильным и влиятельным человеком (ср. *исполинскими шагами, семимильными шагами* или *одна нога здесь — другая там*). Собственно, и внутренняя логика исторического анекдота о башмаках Генриха II противоречит логике выражения: последнее имело бы форму *жить на длинную* (или *остроносую*) *ногу*, а не *на большую и широкую* (Мелерович, Мокиенко 1997: 456–457; Рязановский 2002: 298–299). Славянские параллели — бел. *на шырокую ногу,* укр. *на широку ногу,* болг. *не ще допусна да ме настъпиш по крака,* хорв.-серб. *živjeti na velikoj (visokej) nozi* и др. позволяют предпо-

честь именно «метрическую» версию о происхождении фразеологизма (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 475–476). И русинские выражения *жити на великих ногах, жити на широку ногу* и *жити нáшироко* — один из убедительных аргументов в ее пользу.

При всей универсальности (в терминологии Ст. Скорупки «натуральности») соматических фразеологизмов, отраженной, как мы видели, и в русинском языке, некоторые из приведенных фразеологизмов и пословиц, описанных в словаре И. Керча, отражают и специализированные языковые связи данного региона. Показателен в этом отношении фразеологизм *голова не голова.* Он не зафиксирован ни в русском, ни в белорусском, ни в украинском языках и даже ни в их диалектах, но активно употребляется в словацком и чешском: *hlava nehlava* в том же значении, что и в русинском. В чешском он сочетается как с ударными глаголами *(bít, bušit, mlátit, řezat, tlouci* и под.), так и с глаголами движения (*běžet, jet* и под.) (Mokienko, Wurm 2002: 159; SČF 1994 3: 210). Судя по всему, в русинском языке этот оборот — наследие русинско-чешских языковых контактов, следы которых отражаются во фразеологии разных тематических групп (Ломакина, Мокиенко 2016). К такому же типу языковых контактов, как кажется, относится и пословица, играющая в русинском языке роль поговорки — *Кажда рука ид собі крива.* Ср. чеш. *má obě ruce levé, má obě ruce dozadu* — ‘о неумелом, неловком человеке’ (Mokienko, Wurm 2002: 445). Можно в приводимом ряду примеров найти и собственно русинские фразеологизмы — к токовым, как кажется, относятся выражения *ногы дустати, сякое повісти язык ся не покряне* (флк), *што очима видит, руками не лишит* (флк). Не случайно И. Керча маркирует два последних оборота пометой «фольклорное».

Русино-славянские и русино-общеевропейские фразеологические параллели особенно четко выявляются при сосредоточении анализа на какой-либо одной группе соматизмов. Остановимся в этом ракурсе на русинской фразеологии с компонентом *око (воко).* Фразеологизмы такого рода уже подвергались анализу на материале других языков — напр., русского (Власова 1997; Ломакина 2009; Рябинина 2005), русского в сопоставлении с литовским (Русецкая 2010), русского в сопоставлении с польским (Горды 2010), русского

в сопоставлении с сербским и французским (Милутинович 2017) и др. Эти исследования демонстрируют весьма большие схождения фразеологии этой группы в разных языках, что вызвано как универсальностью избранного соматизма, так и активными межъязыковыми и культурными контактами соответствующих народов.

Приведем сначала русинский материал, отраженный в словаре И. Керча, который исчисляется 10 фразеологизмами (Керча 2007 2: 16):

ОКО (ВОКО): *курячє око* — мозоль с глазком; *морское око* — плесо; *краём ока* — мельком; бегло; *позирати на едно око* — смотреть одним глазом; *впасти в око* — приглянугься; *про око* — для отвода глаз; внешне, для видимости; для виду; *мати око на кым* — следить за кем-л.; *быстрое око* — наблюдательность; *дуже кривым оком позирав* — относился с большой неприязнью; не поощрял; *сокотити, ги око в голові* (флк) — беречь, как зеницу ока.

В отличие от лексического словаря И. Керча фразеологический словарь Д. Попа (2011) включает в свой словник гораздо больше выражений и пословиц с компонентом «глаз» — их общее число (включая варианты) около 60. Поскольку они расположены в словаре не по гнездовому принципу, а по порядку первого компонента фразеологизма, поэтому мы ниже концентрируем их по ориентации на стержневое слово *око,* давая в круглых скобках указание на страницу словаря. При этом делается попытка сгруппировать их тематически, т.е. по семантике, формируемой метонимическим переосмыслением слова «око».

По результатам сопоставительного анализа русской, сербской и французской фразеологии с компонентом «глаз» (Милутинович 2017: 89–90), самой продуктивной во всех языках является группа «Человек как живое существо» с подгруппой «Зрительное восприятие», а самое большое несоответствие наблюдается в подгруппе «Самочувствие», что подтверждает общую закономерность фразеологии, в которой отрицательно коннотированные поля всегда являются более мощными (в количественном соотношении), чем поля с положительной коннотацией.

Материалы русинской фразеологии с соматизмов «око» подтверждают это наблюдение. Тематика «Зрительного восприятия» отражена во многих выражениях:

на свōї вōчи відіти, бачити на власні очі — видеть собственными глазами (81, 172); *миче ся у вōчи, кидається у вічі* — бросается в глаза (7, 165); *упáсти у воко, кинутись у вічі* — броситься в глаза (223); *умітовати у вōчи, жбурляти межи очі* — бросать в глаза (223); *не мож удорвати вōчи, очей не відірвати* — глаз не оторвать (15, 174, 180); *упертися вȳчмú, уп'ялитися очима* — уставиться глазами (86, 224); *нíнашто и побзерати, ніде й оком зачепитись* — не на чем и глаз остановить (186); *і в очі не бачити* — и в глаза не видеть (33, 133); *ніде й оком зачепитись* — не на чем и глаз остановить (58–59); *впасти у (в) воко* — приглянуться (74); *упозерати усі вōчи, видивити всі очі* — проглядеть все глаза (224); *позерати ги коза на дубак, робити великі очі* — смотреть большими глазами (80, 192). Эта же семантическая доминанта характерна и для некоторых пословиц: *Што вōчи видали, тото руки не лишали — очі бачили* — руки хватали — глаза видали — руки хватали (232); *Бачать очі, та ба* — Видит око, да зуб неймет (10); *Ко має вōчи-око бачить далеко, а розум ще далі* — Видит око далеко, а ум еще дальше — не каждый видит (10).

Естественно, что семантика «зрительное восприятие» проявляется имплицитно и в таких фразеологизмах, где она не выражается столь прямолинейно, как в приведенных примерах. Так, в выражениях *іли бы вōчи, а рот не хоче, їли б очі, та рот не хоче* — глаза бы ели, да рот не хочет (15, 140); *лем бы вōчи іли, їли би очі, та губа не хоче* — сам-то наелся, да глаза не сыты (158); *лем бы вōчи іли, їли би очі, та губа не хоче* — сам-то наелся, да глаза не сыты (77) глаза как бы исполняют функцию рта *(*ср. *есть глазами)*, но, в сущности, — это лишь метафорическая перифраза, усиливающая значение 'смотреть', т.е. 'смотреть с жадностью, вожделенно'. Иначе имплицируется та же семантика в выражениях *и не кліпне, і оком не моргне* — глазом не моргнет (15, 138); *бреше у живі вōчи, бреше і оком не моргне* — врет, и глазом не моргнет (12, 100): здесь неморгающий взгляд характеризует способность бесстыдно лгать, ибо стыдливый и правдивый человек отворачивает взгляд, говоря неправду.

У трусливого человека зрительное восприятие нарушается его расплывчивостью: *Хто боїться, у того в очах двоїться, Ко ся*

бойить, тому ся и привиджять — У страха глаза велики (86, 154, 209), И наоборот, — правдивый и отважный человек своего взгляда не отворачивает: *ставати віч-на-віч з правдою* — смотреть правде в глаза (80, 192). В оборотах же *лізти у вочи, лізти у вічі* — лезть в глаза (46, 159); *лізе в очі, мов оса, пхаєся у вõчи ги оса,* — лезет в глаза как оса (199) зрительное восприятие обозначается, так сказать, ad adversum: объект такого действия навязывает себя его субъекту. Такое восприятие «искривляется», если что-л. делается для обмана, для видимости действия: *про людське око (робити)* — для отвода глаз (делать) (197, 201). Обман достигается и нарушением способности видеть с помощью затуманивания глаз: *лем обы вочи замастити*, *напустити в очі туману* — лишь бы в глаза пыль пустить (46, 158).

Пространственную характеристику зрительного восприятия выражают фразеологизмы *на очах* — на глазах (206) и его относительные антонимы *иди ми з вўч! геть з-перед очей!* — с глаз долой! (78, 135). Направленность в некое неопределенное пространство характеризуется выражениями *ити у світ куда вõчи ведуть (куды ширє, туды дале)*, *ити у світ — іти (піти) світ зá очі, куди очі світять* — куда глаза глядят (44, 139, 156, 199), *податись світ за очі* — податься куда глаза глядят (198). Пожалуй, сюда можно отнести и такой оригинальный русинский оборот, как *ишли вõчи, де были снõчи, пішли очі світ за очі* — пошли глаза туда, где были вчера (74, 139).

Русинская фразеология с соматизмом *око* выражает и физические свойства органа зрения: *такі вõчи ги цибулі, очі мов цибулі* — глаза как луковицы (214), *такоє лем ги чортово воко*, *як чортове око* — как чертов глаз (216) и под. Чрезмерное расширение, увеличение глаз оценивается обычно негативно — как рефлекс необычного удивления или состояния аффекта: *вирячувати, вирячити очі, упулити вõчи* — таращить глаза (83, 224). Необычные ситуации (сильный удар, гнев и под.) также вызывают необычную реакцию органов зрения: *аж му искры з вўч фыркавуть*, *аж іскри з очей полетіли* — у него аж искры из глаз посыпались (86, 95); *аж звізды увідьўв — аж каганці в очах засвітилися* — аж искры из глаз посыпались (95). Повреждение глаз, вызывающее нарушение

их основной функции, воспринимается как досадная помеха как в прямом, так и в переносном смысле: *ги більмо на оці, як більмо в оці* — как бельмо на глазу (38). И, наконец, с полным повреждением органа зрения сравнивается абсолютная темнота: *темно ся ги бы за вдчи имив, темно, хоч око виколи* — темно, хоть глаз выколи (218).

Образ болезненных уколов глаз используются и в пословицах о трудностях, связанных с правдивой прямолинейностью (*Правда вдчи коле, правда очі коле* — правда глаза колет — 195) или отплатой мне благодарностью за благодеяния: *Споможи сироту — укоплетти вдчи, Допоможи сироті — очі виколе* — Помоги сироте — глаза выколет (208). Кстати, в этом плане в животном мире такое поведение исключается, ибо особи своего вида, по пословице, не могут друг друга лишать способности зрительного восприятия: *Ворона вороні воко не удовбать, Ворон ворону ока не видовбає* — ворон ворону глаз не выклюет, Ворона вороне глаз не выклюет (103, 231).

Легко увидеть, что русинская фразеология и паремиология с компонентом *око (воко)* столь же во многом универсальна, как и приводимые выше другие соматические фразеологизмы. Здесь есть и фразеологизмы, ограниченные локально русинским, восточнославянским или русинско-чешско-словацким ареалом с одной стороны, и пословицы и поговорки, имеющие древние общеевропейские параллели.

К типу русинских регионализмов можно, пожалуй, отнести *дуже кривым оком позирав, про око, ніде й оком зачепитись, Ишли вдчи, де были сндчи — пішли очі світ за очі, маты око на кым, Хто боїться, у того в очах двоїться* и под. Но и здесь необходим специализированный анализ для констатации собственно регионального характера таких фразеологизмов. Так, *маты око на кым* ‘следить за кем-л.’ мы отнесли к собственно русинским, хотя оно перекликается с чеш. *má oko na co* ‘у него наметанный глаз’ (Mokienko, Wurm 2002: 346).

Осторожный подход необходим и при диагностике русинско-чешско-словацких фразеологических схождений. Несомненны такие ареальные переклички, как *впасти в око* ‘приглянуться кому-л.’ — чеш. *padnout do oka komu* ‘приглянуться, понравиться

кому-л.’, ‘броситься в глаза кому-л.’ (Mokienko, Wurm 2002: 346), *куряче око* ‘мозоль с глазом’ — *kuří oko* ‘мозоль на пальце ноги’ (Павлович 1959: 236), *морское око* ‘плесо’ — словацк. *morské oko* ‘небольшое горное озеро’ (Исаченко 1957). Как кажется, они действительно проникли в русинский язык из чешско-словацкой языковой среды. Но — если продолжить лингвистические изыскания даже таких случаев, то мы обнаружим и более широкие ареальные проекции самого чешского или словацкого первоисточника. Так, *kuří oko* хотя и давно уже активно употребляется в чешском языке, порождая даже шутливые переделки вроде «загадки» *Proč kuří oko nespí?* (Почему «куриный глаз» не спит?) с ответом: *Protože ve dne v noci na nohou* (Потому что он днем и ночью на ногах). Однако, оно — не исконно чешское, а является калькой с нем. *Hühnerauge* (SČF 2: 214). Еще более широкие межъязыковые границы имеют русинское *морское око* ‘плесо’ и словацк. *morské oko* ‘небольшое горное озеро’. А.В. Исаченко, посвятивший специальный очерк этому выражению, ставшему топонимом — названием горного озера в Татрах, привел широкие индоевропейские параллели подобных обозначений водных источников на основе древней метафоры «глаз» → «водный источник» (Исаченко 1957). Тем не менее, как кажется, исследователь межъязыковых контактов русинского языка и здесь имеет право констатировать именно «ближние» связи, т.е. взаимодействие с чешским и словацким.

Активные контакты с западно-славянским ареалом (как и заимствования из венгерского и других соседних языков) не изменили, разумеется, генетическую принадлежность русинского языка к восточнославянской языковой группе. Фразеологический материал предлагает убедительные свидетельства этому. Выражение *темно ся ги бы за вōчи имив, темно, хоч око виколи* — темно, хоть глаз выколи — один из подобных типичных примеров. Оно известно в бел. *цёмна хоць вока выкалі* (РБС 1995 1: 256), в украинских диалектах — *темно, хоч очі виколи* (ПП 1989: 52), *хоч око виколь, так темная ніч* (ПП 1989: 78), но в чешском и словацком его эквиваленты строятся на иной образности: *tma jako v pytli; (je) tma jako v ranci; tma jako v holínce; není na krok vidět* (Stěpanova 2007: 131). Столь же отличаются и фразеологизмы *лізти у вōчи, лізти у вічі* — бел. *лезці*

ў вочы, укр. *лізті на очі (в очі, у вічі)* от чешских оборотов, которым приходится этот фразеологизм передавать описательным эквивалентом: *snažit se být komu na očích, poutat pozornost, ukazovat se komu* (VRČS 2: 151). При этом словацк. *liezť na očí komu* (VRSS 2: 190) практически тождествен восточнославянским фразеологизмам.

Восточнославянский ареал имеют и русинские фразеологизмы *упозерати усі вõчи, видивити всі очі* — проглядеть все глаза — ср. бел. *прагльядзець усе вочы,* укр. *видивити (выглядіти) всі очі*. К этой группе можно отнести и фразеологизмы: *аж му искры з вўч фыркавуть, аж іскри з очей полетіли, аж звізды увідьўв, аж каганці в очах засвітилися* — аж искры из глаз посыпались − ср. бел. *іскры з вачэй пасыпаліся,* укр. *аж в очах заїскрилося, аж зірниці засвітили (засвітилися) в очах; аж їскри з очей полетіли, аж свічки (каганці) в очах засвітилися.* Ср. также *ити у світ куда вõчи ведуть (куды ширє, туды дале)*, *ити у світ — іти (піти*) *світ зá очі, куди очі світять, податись світ за очі* — куда глаза глядят — ср. бел. *куды вочы глядзяць*, укр. *куди очі дивляться (бачать, світять).*

Широта ареала русинских фразеологизмов, естественно, как выше уже было отмечено, во многом обусловлена и культурологическими факторами. Одним из них, естественно, было и влияние Библии. Но даже прямые библеизмы могут отличаться в разных славянских языках, отражая различия как в конфессии, так и в источнике заимствования. Типичен в этом отношении сравнительный оборот *беречь (хранить) пуще глаза кого, что* ‘относиться к кому-, чему-л. исключительно бережно, усиленно хранить, оберегать кого-, что-л.’, который является производным от выражения *беречь как зеницу ока.* Он имеет параллели во многих языках — например, бел. *берагчы як зрынку вока;* укр. *паче ока стерегти, берегти більше зіниці ока, берегти як зіницю ока, берегти як (більш ніж) ока в лобі (в голові),* словцк. *chrániť ako oko v hlave,* чеш. *jako oko v hlavě,* болг. *пазя повече от очите си;* хорв.-серб. *čuvati (paziti, voljeti) kao oka (oči) u glavi* и др. Но, как видим, если белорусский и украинский языки сохраняют в составе этого фразеологизма слово «зеница», то в западнославянских языках употребляется близкий, но не тождественный образ — «глаз в голове».

Немало русинских (как и других славянских) фразеологизмов приобщились к европейскому ареалу благодаря калькированию с неславянских языков. Особое влияние на чешский, польский, словацкий, украинский и русский языки оказал, как известно, немецкий. Один из следов такого влияния на русинскую фразеологию находим в обороте *робити великі очі* — смотреть більшими глазами. Ср. бел. *глядзець вялікімі вачамі, дзелаць бальшыя (бальшэя) вочы*, укр. *дивитися великими очима, робити великі очі,* в.-луж. *wulke woči činić,* чеш. *dělat velké oči,* слвцк. *vyvalovať oči* и др. Предполагается, что все они — результат калькирования с нем. *grosse Augen machen* (Опыт 1987: 53) и являются, вероятно общим германоязычным наследием — ср. англ. *to make big eyes*.

Русинские фразеологизмы и пословицы с компонентом *око* могут иметь и еще более широкий иноязычный ареал, выходящий даже за пределы общеевропейского. Таковы, например, пословицы *Ворона вороні воко не удовбать* и *Ворон ворону ока не видовбає.* Как и русская *Ворон ворону глаз (глаза) не выклюет (не выклюнет)*, она имеет древнее происхождение и в европейских языках известна с античных времен. Характерно, что, как и в русинских, *ворон* в таких пословицах легко заменяется на *ворону*: укр. *Ворон воронові ока не виклює, Ворона вороні око не виклює*; польск. *Kruk krukowi oka nie wykole (nie wydziobie)*; чеш. *Vrána vráně oka nevykline;* в.-лужицк. *Karwona karwonje wocy njewudrapjo, Róna druhej woči njewudrapa, Róna rónu njedypnje; Jadna karwona tej druhej tej wocy njewudrapjo, Wróna wrónje woči niewudupa*; болг. *Гарван гарвану око не вади*; *Гарга на гарга око не вади;* словен. *Kdaj vrana vrano piple?, Kdaj vrana vrani oči izkluje?;* хорв. *Vrana vrani neće oči skopati;* литовск. *Warno warnôs akkies ne kerta;* нем. *Eine Krähe wackt der andern die Augen nicht aus;* голланд. *De eene kraai pikt de andere geene oogen uit;* швед. *Den ena korpen hackar ej ögat ur den andra;* фр. *Corbeaux avec corbeaux ne se crèvent jamais les yeux, Un corbeau n'arrache point l'oeil à l'autre*; испан. *Con un lobo no se mata un otro;* итал. *Corvi con corvi non si cavano gli occhj;* португал. *Corvos a corvos não se tirão os olhos*. венг. *Holló a' hollónak ki nem vajja szemét;* лат.*Cornicum oculos configere, Cornix cornici nunquam confodit ocellum* и др. (Walter 2013: 140–141). В основе этой пословицы — народное наблюдение за хищниками одной породы, которые редко увечат друг друга.

Русинский язык сохранил и одну из реликтовых, древнейших пословиц — *Хаща — вухо, поле — воко — ліс — вухо,* которая, как и русская *Лес слышит, а поле видит,* предупреждает об опасностях, подстерегающих человека в лесу и безлесом пространстве. Она известна в разных вариантах многим индоевропейским и неиндоевропейским языкам, на пример: бел. *Лес чуе, а поле бачыць,* пол. *Pole má oczy, a las uszy;* нем. (диалектн.) *Das Feld hat Äugen, die Winckel ynd Wäld ohrn;* англ. *Field has eyes and wood ears* лит. *Laukas akylas, miškas ausylas*, *Laukas mato, miškas girdi:* латыш. *Mežs ar ausīm, lauks ar acīm;* фр. *Le bois a oreilles et le champ des yeux, Les haies louket, les bouhons houtet*; исп. *Montes ven, paredes oyen;* лат. *Campus videt et nemus audit*, *Campus oculos habet et nemus aures* и др. Зафиксирована она и в чешском, португальском, эстонском, карельском, финском, водском, исландском, шведском, турецком, грузинском, санскритском и других языках.

Можно выделить несколько ее доминантных синтаксических моделей-«версий»: 1. Поле глазастое, лес ушастый. 2. Поле видит, лес слышит. 3. Поле имеет глаза, лес уши. 4. Поле с глазами, лес с ушами. 5. Глаз поля, ухо леса. 6. В поле глаза, в лесу уши. 7. В поле далеко видно, в лесу далеко слышно (Grigas 1987: 321).

Как видим, русинская фразеология и паремиология дает богатый материал для широких межъязыковых сопоставлений, ареальный диапазон которых соизмерим с ареальным диапазоном других литературных славянских языков — от узко регионального до общеевропейского и — шире — до ностратического. Понятно, что в любом конкретном случае сопоставительная амплитуда каждого фразеологизма и пословицы требует специализированного историко-этимологического анализа. И здесь также русинская фразеология может дать историкам славянской фразеологии весьма ценные аргументы в пользу той или иной этимологии.

Такова, например, пословица *Коло многих баб дьитина голодна,* зафиксированная русинскими источниками в разных вариантах: *Де багацько няньок, там дитя без голов, Сім баб, сім рад, а дитя безпупе, Де дві ґаздыні, там їсти ніштo, Де дві ґаздыні, там хижа не метена.* Они эквивалентны известной русской пословице *У семи нянек дитя без глаза*.

Историко-этимологическая интерпретация этой русской пословицы различна. Слово *глаз* в ней, по прочтению некоторых фразеологов, имеет не прямое соматическое значение, а переносное — ‘присмотр, надзор’ (Пермяков 1985: 52; Фелицына, Прохоров 1988: 104; Зимин, Спирин 1996: 135). Другие историки русского языка и фольклористы возводят пословицу к конкретному эпизоду русской истории — так называемой Семибоярщине в Смутное время (1610–1611 гг.). Тогда в Москве был от царствования отрешен и заключен в Чудовский монастырь Василий Шуйский, а семь членов Боярской думы (князья Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, Лыков, два Голицына, Иван Никитич Романов и боярин Шереметьев) образовали правительство, которое в народе назвали «седьмочисленные бояре» или «Семибоярщина». Именно они впустили в Москву польские войска под командованием канцлера Станислава Жолкевского и были готовы признать русским царем сына Сигизмунда III Владислава — «конкурента» лже-Дмитрия II. Скоро оказалось, что «седьмочисленные бояре» являются фиктивным правительством и вынуждены своим именем подписывать указы и распоряжения оккупационных властей. Каждый из них, отстаивая собственные интересы, ввергал Россию в общую беду. Народное ополчение Минина и Пожарского, разгромив польское войско, положило конец и семибоярщине, которая оставила в народе долгую и недобрую память. Любую порожденную властью неурядицу на Руси стали называть *московской разнобоярщиной,* а пословица *Лучше грозный царь, чем семибоярщина* отдает предпочтение жесткому единовластию перед нерешительным и коррумпированным многоправством. Семь бояр при таком прочтении якобы и есть те самые «семь нянек» в пословице (Михельсон 1905 2: 423; Муравьев 1997: 77–79; Грушко, Медведев 2000: 477–478).

Русинские варианты этой пословицы позволяют убедительно отвергнуть оба приведенных объяснений. Во-первых, *дитя без голов* и *дитя безпупе* никак не укладываются ни в логику переносного значения слова *глаз* ‘надзор, присмотр’, ибо эти русинские пословицы основаны именно на соматизмах, хотя и иных, т.е. это именно соматическая, а не иная паремиологическая модель. Во-вторых, фиксация русинских вариантов исключает прямую связь с рус-

ской исторической Семибоярщиной не только потому, что русины к ней никакого отношения не имеют, но и потому, что в пословице с компонентами *дитя без голов* числительное отсутствует, а в пословице с сочетанием *дитя безпупе* речь идет всего об одном детском соматизме — пупе. Тем самым остается признать иное буквальное прочтение пословицы: при большом количестве присматривающих ребенок легче может лишиться глаза, стать безглазым (Цвиллинг 1984: 87; Влахов 1980: 237). О таком прочтении свидетельствуют и другие славянские соответствия русской пословицы: бел. *У сямі нянек дзіця без носа*; укр. *Де багато няньок, там дитя без голови (каліка); Сім баб — сім рад, а дитя безпупе*; пол. *Gdzie nianiek wiele, tam dziecko bez nosa (garbate)*; болг. *Девет баби — хилаво дете* и т.п. (Котова 2000: 102–103). В одном лишь польском, кроме уже названной пословицы, есть и такие варианты, как «Где много нянек, там ребенок без руки или без ноги», «Где много нянек, там ребенок без головы», «Где много нянек, там ребенок горбатый (хромой, кривой, калека, больной)». Показательно, что и в современном русском фольклоре, в жанре так наз. «антипословиц» у этой паремии эксплицируется именно соматический компонент: *У семи нянек дитя без глазу, а у четырнадцати — без двух! У семи нянек... четырнадцать сисек* (Walter, Mokienko 2002: 98–99).

Фразеологизмы с компонентами-соматизмами отражают органическое единство душевной, психической и телесной характеристики человека, что дает возможность шире описать концепт «Человек», затрагивая такие стороны, как эмоционально-психические особенности, физическую и речевую деятельность, интеллектуальные свойства, физиологическое состояние и т.п. Русинская соматическая фразеология и паремиология убедительно доказывает значимость такой характеристики языковыми средствами. Отражая концептуальную универсальность соматизмов, они в то же время демонстрируют как конкретные межъязыковые и культурные связи с фразеологией других народов, так и собственную национальную специфику, сформировавшуюся на конкретной территории в конкретный исторический период.

Литература

Берков – Мокиенко – Шулежкова 2000 – В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. *Большой словарь крылатых слов русского языка.* Москва: Русские словари.

Бирих – Мокиенко – Степанова 2005 – А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов.* (СПбГУ. Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина). Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель.

Брагина 2016 – Н.Г. Брагина. Кросс-культурный тематический классификатор: принципы составления. В.Г. Костомаров (ред.). *Русская грамматика 4.0: Сборник тезисов Международного научного симпозиума*. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 363–366.

Валодзіна 2009 – Т.В. Валодзіна. *Цела чалавека*: *слова, міф, рытуал*. Мінск: Тэхналогія.

Власова 1997 – Н.А. Власова. *Фразеологическое гнездо с вершиной глаз в общенародном языке и говорах.* Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Орел.

Влахов 1980 – С. Влахов. *Руски пословици*. София: Наука и изкуство.

Горды 2010 – М. Горды. *Соматическая фразеология современных русского и польского языков.* Щецин: Изд-во Щецинского ун-та.

Городецкая 2007 – И.Е. Городецкая. *Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках*. Диссертация ... канд. филол. наук. Пятигорск.

Грушко – Медведев 2000 – Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. *Современные крылатые слова и выражения.* Москва: Рольф, Априс Пресс.

Гудков – Ковшова 2007 – Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. *Телесный код русской культуры: материалы к словарю*. Москва: Гнозис.

Долгополов 1973 – Ю.А. Долгополов. *Сопоставительный анализ соматической фразеологии* (*на материале русского, английского и немецкого языков*). Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Казань.

Егоров 2011 – А.В. Егоров. *Удмуртская соматическая фразеология* (*в сопоставлении с венгерской*). Екатеринбург: Уральское отделение Российской академии наук.

Зимин – Спирин 1996 – В.И. Зимин, А.С. Спирин. *Пословицы и поговорки русского народа.* Москва: Сюита.

Исаченко 1957 – А.В. Исаченко. *Morské oko* – небольшое горное озеро. *Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. Бъл-*

гарска академия на науките, Отделение за езикознание, етнография и литература. Т. 1. София: БАН, 313–315.

Иштрикова 2016 – Т.М. Иштрикова. Оценочность английских и французских паремий с компонентом-соматизмом. *Богатство финно-угорских народов. Материалы III Международного финно-угорского студенческого форума.* Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 71–74.

Керча 2007 – І. Керча. *Русиньско-російський словник*: *у 2 т. Понад 58 000 слів*. Ужгород: ПоліПрінт.

Котова 2000 – М.Ю. Котова. *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Ломакина 2009 – О.В. Ломакина. Фразеографический потенциал соматизма «глаз» (на материале текстологии Л.Н. Толстого). *Проблемы истории, филологии, культуры*, вып. 2 (24), 832–836.

Ломакина 2015 – О.В. Ломакина. *Фразеология в языке Л.Н. Толстого*: *лингвистический комментарий и лексикографическое описание*. Диссертация ... доктора филологических наук. Санкт-Петербург.

Ломакина – Мокиенко 2016 – О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков. *Русин* 3 (45), 119–129.

Мелерович – Мокиенко 2001 – А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. *Фразеологизмы в русской речи. Словарь.* Москва: Русские словари.

Микова 2009 – С.С. Микова. *Соматические речения в баснях И.А. Крылова*. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, № 1, 36–41.

Милутинович 2017 – Т. Милутинович. *Соматическая фразеология русского, сербского и французского языков* (*историко-этимологический анализ*). Выпускная квалификационная работа магистра филологии. Рук. проф. В.М. Мокиенко. СПбГУ.

Михельсон 1903–1905 – М.И. Михельсон. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. СПб.: Типография Императорской академии наук.

Мокиенко 2010 – В.М. Мокиенко. Из истории европейской соматической фразеологии (Kam s nohama?). In: D. Baláková, H. Walter (Hrsg.). *Phraseologische Studien. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitaet Greifswald, 252–267.

Муравьев 1997 – В.Б. Муравьев. *Московские слова и словечки. Происхождение московских пословиц, поговорок, речений, песен, топонимика московских улиц, площадей и переулков.* Москва: Изограф.

Ойноткинова 2011 – Н.Р. Ойноткинова. Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев. *Сибирский филологический журнал*, № 3, 5–14.

Ошроева 2014 – К.В. Ошроева. Соматизмы в компаративных фразеологических единицах (на материале кабардино-черкесского и русского языков). *Вопросы кавказской филологии*, № 10, 182–186.

Павлович 1959 – А.И. Павлович. *Чешско-русский словарь. С приложением краткого очерка грамматики чешского языка, составленного А.Г. Широковой. 52 000 слов.* Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Пермяков 1985 – Г.Л. Пермяков. *300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок* (*для говорящих на болгарском языке*). Москва – София: Русский язык.

Поп 2011 – Д. Поп. *Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари.* Ужгород: ББК.

Попова 2012 – А.Р. Попова. *Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы.* Орел: Горизонт.

ПП 1991 – *Прислів'я та приказки. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини.* Киев: Наукова думка.

РБС 1995 – *Русско-белорусский словарь. В 3 тт*. Мінск: Ин-т языкознания им. Я. Коласа.

Русецкая 2010 – Й.Я. Русецкая. Фразеологические соматизмы русского и литовского языков. *Мир русского слова*, № 3, 27–30.

Русецкая 2012 – Й.Я. Русецкая. *Концептуализация культурных стереотипов* ***душа*** *и* ***тело*** *в русской соматической фразеологии* (*с привлечением литовских параллелей*). Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Москва.

Рябинина 2005 – Н.А. Рябинина. *Когнитивная модель восприятия в русском языке* (*на материале фразеологизмов с компонентами «глаз», «ухо», «нос»*). Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Томск.

Рязановский 2002 – Л.М. Рязановский. «Быть на дружеской ноге» по-немецки. В: В. Мокиенко и др (ред.). *Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию М.А. Алексеенко*. Москва: Азбуковник, 295–300.

Самедов 2016 – Д.С. Самедов, М.А. Гасанова. Арчинские паремиологические единицы с телесным кодом культуры. *Мир науки, культуры, образования*, № 3 (58), 257–260.

Сычёва 2012 – Е.Н. Сычёва. Соматизмы в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и в составе фразеологических единиц (ФЕ). *Вестник Брянского государственного университета*, № 2, 289–293.

Тимошенко 1897 – И.Е. Тимошенко. *Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок.* Киев: Типография Петра Барского.

Тунси 1984 – М. Тунси. *Лингвострановедческий анализ русских соматических фразеологизмов.* – Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Москва.

Фелицына – Прохоров 1988 – В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения*. Москва: Русский язык.

Хайруллина 1996 – Р.Х. Хайруллина. *Картина мира в русской фразеологии*. Москва: Прометей.

Цвиллинг 1984 – М.Я. Цвиллинг. *Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок*. Москва: Русский язык.

Цзюнь 2001 – Т. Цзюнь. *Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках*. Диссертация ... канд. филол. наук. Волгоград.

Шин 1998: – Ц.М. Шин. *Структурно-семантическая характеристика русских соматических фразеологических единиц и их эквиваленты в японском языке*. Диссертация ... канд. филол. наук. Москва.

Шумилина 2014 – О.С. Шумилина. Универсальное и национальное в соматической фразеологии английского и русского языков. *Иностранные языки*, № 25, 150–158.

Flajšhans 1911 – V. Flajšhans. *Česká přísloví. Sbírka přísloví, přípovídek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru).* Praha, 1911–1913; V. Flajšhans. *Ceská přísloví. Sbírka přísloví, přípovídek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru). 2-é, rozšířené vydání.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

Grigas 1987 – K. Grigas. *Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvuių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis*. Vilnius: Leydykla “Vaga”.

Krawczyk-Tyrpa 1987 – A. Krawczyk-Tyrpa. *Frazeologia somatyczna w gwarach polskich: związki frazeologiczne motywowane nazwami części ciała*. Wrocław: Zakład Narodowy. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Mokienko – Wurm 2002 – V.M. Mokienko, A. Wurm. *Česko-ruský frazeologický slovník.* Olomouc: Univerzita Palaského v Olomouci.

NKP 1969–1978 – *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* T. 1–4. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Paczolay 1997 – Gy. Paczolay. *European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese*. Veszprem: Nyomda Rt.

Röhrich 1991–1993 – L. Röhrich. *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Bd. 1–IV. Freiburg: Herder Freiburg.

SČF 1983–1994 – *Slovník české frazeologie a idiomatiky.* Díl 1–4. Praha: Academia.

Stěpanova 2007 – L. Stěpanova. *Rusko-český frazeologický slovník.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

VRČS 1952–1964 – *Velký rusko-český slovník.* Díl 1–6. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.

VRSS 1960–1970 – *Veľký rusko-slovenský slovník*. Diel 1–5. Bratislava: Vydstvo Slovenskej Akademie Vied.

Walter 2013 – H. Walter. *Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen.* Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald.

Walter – Mokienko 2002 – H. Walter, V. M. Mokienko. *Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik*. Greifswald: Institut für Slawistik.

Падяк Валерий
Пряшевский университет
Пряшев, Словакия

Повышение статуса карпато-русинского языка до уровня литературного (письменного) стандарта в Украине (2004–2014)

Литературный (письменный) стандарт – подкарпатские русины – кодификация

Данная публикация продолжает многолетние социолингвистические наблюдения автора за становлением литературного (письменного) стандарта карпаторусинского языка в Закарпатской области Украины после 1991 года (ПИльченкоИльченкоИльченкоадяк 2003а, 2003б, 2005). В 1944 г. была ликвидирована национальность «русин» как устаревший (по мнению советско-украинских идеологов) этнический самоидентификатор, уступивший место украинскому национальному самосознанию местного населения (Падяк 2016). Запрет на национальность повлек за собой запрет на карпаторусинский язык — полное исключение из употребления его письменных проявлений и максимальная локализация устной речи исключительно в сфере межличностных неформальных отношений и бытования фольклора.

Предметом настоящего исследования является период украинского общества — между 1991 и 2014 гг. Что касается непризнания карпаторусинского языка уже после Майдана (в так называемый период постмайданной Украины) и усиления русино-

фобских тенденций в последний год-два, данное явление нельзя относить исключительно на возросшую роль праворадикальных настроений политических элит. Вероятно, речь идет о пролонгации предыдущей государственной политики, нацеленной на полную и

---

1 Назовем несколько, на наш взгляд, наиболее существенных инициатив украинского политикума и общественных организаций праворадикальной ориентации, начиная с февраля 2014 г., направленных на ликвидацию статуса карпаторусинского языка в Украине: (1) 23 февраля 2014 г. (в первые же дни после победы Майдана) Верховная Рада (парламент) отменила закон «Об основах государственной языковой политики» (2012). Данный закон гарантировал карпаторусинскому языку статус регионального языка. (Впервые в своей истории этим законом Украина признавала существование карпаторусинского языка отдельно от украинского). 3 марта 2014 года и.о. президента Украины А. Турчинов на решение парламента наложил вето — до принятия нового закона о языковой политике. Новый закон не принят, а старый не действует, так как был принят с нарушением Конституции Украины. Добавим, что отмена закона в 2014 г. спровоцировала русский сепаратизм на востоке страны. (2) 17 ноября 2016 г. Конституционный Суд Украины начал рассмотрение дела относительно конституционности Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» 2012 г. Заслушаны эксперты-украинисты. Так, директор Института украинского языка НАН Украины д.ф.н., проф. П. Гриценко подчеркнул, что «русинство на Закарпатье — это результат целенаправленной деятельности ЦРУ», а «русинское самосознание в плане чисто языковом — это абсолютная фикция». Также д.ф.н. И. Фарион подчеркнула, что «русинский язык не имеет ни фонетической, ни лексико-семантической, ни грамматической самостоятельной системы и является одним из юго-западных диалектов украинского языка». И хотя суд еще не закончился, ожидается, что карпаторусинский язык будет вычеркнут из перечня языков национальных меньшинств Украины. (3) В 2017 г. вышла книга украиниста Л. Белея «Русинський сепаратизм: націєтворення in vitro» (2017; 392 с.), работа над которой профинансирована Государственным фондом фундаментальных исследований (130 тысяч грн., эквивалент $6190). Кроме всего прочего, автор предложил во время будущей Всеукраинской переписи населения 2020 г. подкарпатским русинам, кто не желает себя идентифицировать украинцем, в судебном порядке запретить записываться русинами, поскольку термин «русин» является... «достоянием украинской культуры».

безвозвратную ассимиляцию карпатских русин в Украине.[1]

Несмотря на то, что данные статистической переписи населения, которая в последний раз проводилась в 2001 г., устарели, эксперты предполагают, что демографическая ситуация в Закарпатской области кардинальным образом не изменилась и сохранились старые тенденции к незначительному снижению численности населения, главным образом, за счет падения рождаемости и сезонной трудовой миграции.[2] Можно предполагать, что баланс этносов в регионе при этом (до результатов следующей переписи, которая неоднократно переносилась, а ныне запланирована на 2020 г.) сохранился.

Нет никакой уверенности, что во время будущей переписи населения карпатские русины будут учтены отдельно от украинцев. Скорее всего, украинская власть, как и прежде, даже тех, кто будет декларировать свою карпаторусинскую национальность, в соответствии с заключением Национальной Академии наук Украины отнесет к украинской национальности («отдельная этнографическая группа украинского этноса»).

Эксперты предполагают, что в Закарпатской области ныне проживают приблизительно 800–850 тысяч этнических карпаторусин, что составляет около 67% от общей численности населения Закарпатской области. Карпаторусины проживают в более чем 500 селениях края и являются доминирующим большинством почти во всех районах области. Соответственно детей школьного возраста карпаторусинской национальности в области около 115 тысяч учеников. При этом официальная статистика по результатам переписи 2001 г. зафиксировала всего 10100 жителей карпаторусинской национальности (С точки зрения карпаторусинских общественных организаций и экспертов, эта цифра явно занижена).

В данной статье мы сосредоточим внимание на временном отрезке в десять лет — с 2004 по 2014 гг., поскольку ранний этап, т.е. время с 1991 по 2004 гг., уже был объектом нашего исследова-

---

2 Закарпатское государственное управление статистики по состоянию на ноябрь 2017 г. оценивает численность населения Закарпатской области в 1 млн 258 тысяч человек.

ния, а его результаты опубликованы (Падяк 2006).

Необходимо отметить, что данная проблематика характерна также для иных сопредельных регионов (как в составе Евросоюза — Словакия, Польша, Венгрия, Чехия, Румыния, Хорватия, так и вне его — Сербия), где также на своих исторических территориях проживают (карпато)русины. Однако в силу признания национальности «русин» после 1989 г. (для Сербии и Хорватии — в 1920-х г.) и ряда позитивных перемен (кодификация регионального стандарта карпаторусинского языка, финансовая и моральная поддержка, внедрение школьной системы образования и т.д.), карпаторусинские национальные меньшинства в тех державах добились впечатляющих результатов. Дальнейшие результаты развития карпаторусинского литературного (письменного) стандарта зависят на территориях вне Украины исключительно от инициативности карпаторусинской интеллигенции в этих странах.

Что касается Украины, то ни о какой государственной поддержке карпаторусинского национального меньшинства здесь речь не идет.[3] Равно как и о финансировании (из государственного или местных бюджетов) карпаторусинских школьного и университетского образования, книгоиздания, периодической печати и т.д. Хотя как на уровне государства, так и в местном бюджете Закарпатской области предусмотрена поддержка регионального книгоиздания — в рамках Программы поддержки произведений местных авто-

3 Исключение составляет ежегодное разовое финансирование в Закарпатской области областного карпаторусинского фестиваля. Впрочем, средства разово выделяются на все национальные фестивали края — словацкий, венгерский, румынский, еврейский и немецкий.

4 Известен лишь один факт государственной поддержки карпаторусинского книгоиздания. Закарпатский областной совет (местный парламент Закарпатской области) по инициативе депутатов-русин в начале 2011 г. принял решение выделить 100000 гривен на издание шеститомного «Словаря Русинского языка» Ю. Чори, что вызвало недовольство в русинофобских кругах и явный бойкот профильного (подотчетного) управления — областного управления информации (В. Дрогальчук). Были подготовлены экспертные оценки — в Ужгородском университете и Институте украинского языка в Киеве. Их авторами стали специалисты-украинисты,

ров.[4] В этой связи каждый карпаторусинский писатель, публицист, ученый должен уметь проявить менеджерские способности или же жертвовать на издание своей печатной продукции часть личных сбережений.

Несмотря на неблагоприятные политико-правовые последствия непризнания карпаторусинского этноса в Украине и, соответственно, непризнания карпаторусинского языка, за последние почти тридцать лет язык уверенно осваивает многие важные ниши литературного (письменного) стандарта. Ниже рассмотрим эти ниши формирования письменного стандарта, а именно:

– развитие художественной литературы;
– лексикографическая деятельность;
– подготовка грамматик;
– расширение ареала использования письменного стандарта:
  а) воскресные школы;
  б) периодическая печать;
  в) научная печатная продукция;
  г) издательские центры.

Развитие художественной литературы

На данном этапе карпаторусинская художественная литература в Закарпатской области Украины представлена творчеством двух десятков писателей, как известных и популярных, например: Василий Сочка-Боржавин (1922–2010), Михаил Чухран, Михаил Кеминь, Владимир Танчинец (1956–2016), Юрий Чори, Василий Молнар, Иван Ситар, Владимир Новак, Иван Петровций (1945–2016), Василий Матола, Иосиф Лемко, Михаил Град, Дмитрий Кешеля, так и менее известных или начинающих, например, Иван Фотул, О. Русин-Яринич, Ирина Жменяк, Клара Коворданий, Михаил Турок

однозначно выступающие против признания статуса карпаторусинского языка как самостоятельного. Благодаря жесткой позиции председателя областного совета Ивана Балоги, который во время очередной сессии заострил внимание на этой нерешаемой проблеме, было начато издание словаря в соответствии с уже осуществленным финансированием.

и др. Ими издано в 2004–2014 гг. более сорока книг поэзии и прозы.

Среди наиболее плодотворных писателей, чье творчество представлено несколькими томиками поэзии и прозы, важно отметить И. Петровция, И. Ситара, И. Лемка, Ю. Чори, В. Матолу и В. Новака. Так И. Петровций издал семь книг поэзии и прозы, например: «Послїднї спїванкы» (2004, 168 с.), «Переклади» (2005, 444 с.), «Спїванкы» (2006, 466 с.), «Сто двадцять два стихы, написані восени 2008 года» (2009, 144 с.), «Троє з Осою» (2010, 170 с.), «Давні русинські слова. Давні русинські спїванкы. Днишні мої спїванкы» (2013, 344 с.), «Бумбурішкы» (2014, 270 с.).

Настоящим открытием стали переводы на карпаторусинский язык творческого наследия Сергея Есенина и перепевы украинского классика Степана Руданского, изданные поэтом И. Ситаром. Два полноформатных поэтических сборника, изданные им, выносят на суд читателя художественные переводы, но также оригинальную поэзию русинского автора («Товмацтва. Руданки. Стихи» (2010, 218 с.) и «Смійтеся, смійте з того, Русины!..» (2012, 306 с.)).

По-своему уникален В. Новак: его поэтическое творчество представлено на трех языках — карпаторусинском, украинском и русском. Автор очень продуктивен: почти ежегодно издает томик поэзии. Вышли восемь его книг, например: «Смерековий камінь» (2008, 138 с.), «Де вихор ходить спати» (2010, 100 с.), «Сонети для вас» (2012, 72 с.), «Тихий берег» (2013, 120 с.) и др.

Достойны более пристального внимания литературоведов и рецензентов также роман в стихах патриарха карпаторусинской литературы М. Кеминя «Изянська русалка» (2006, 192 с.), «народный роман» Д. Кешели «Пацаловська республіка» (2011, 256 с.), трилогия малой прозы В. Молнара, куда вошли книги «Цукрикы з материньков наповнянков» (2009, 94 с.), «Запискы старого вандролюба» (2010, 94 с.) и «Потятка гнізда Голубиного» (2011, 154 с.), а также томик стихов и прозы В. Танчинца «Русине, віруй!» (2010, 64 с.).

Менее удачлив в плане издания своих поэтических сборников сатирик М. Чухран. Такое впечатление, что кроме одной тонкой книжицы для детей «Пітятко» (2010, 12 с.) и сборника стихов «Сім тайстринок» (2014, 522 с.), он ничего больше не издал. Вместе с тем его стихи давно заполонили интернет, завоевывая как старшую

читательскую аудиторию, так и молодежь. Легкий юмор, иронические нотки, интерес к пикантной тематике, никогда не переходящий черту фривольности, — свидетельство глубокого таланта. Вот почему составители литературных сборников и антологий отдают под творчество сатирика десятки страниц, например, антология, составленная И. Петровцием (Петровций 2009).

Появились в литературе новые имена. Иван Бинячовский, пишущий под псевдонимом Джон Бузаш, еще только пробует найти себя в поэзии. Не так давно появился его дебютный стихотворный сборник «Русинська тайстра» (2015, 40 с.). Опытный ученый-биолог, заведующий кафедрой энтомологии Ужгородского университета Владимир Рошко также недавно дебютировал; его поэтический сборник «Я дуркаву у ваші двері» (2015, 190 с.) демонстрирует читателю безграничные возможности карпаторусинского поэтического языка.

Безусловно, в современной русинской литературе доминирует поэзия, ее малые формы, хотя присутствуют также произведения большого формата — поэма и роман в стихах. Вместе с тем писатели в последние годы пробуют себя в прозе (В. Молнар, В. Танчинец, А. Купар и др.), а Ю. Чори — в драматургии. Он издал две книги сценических миниатюр, а именно: «Чорт на вечорницях» (2010, 76 с.) и «Нечуваноє місто» (2011, 264 с.).

К несомненным успехам следует также отнести издание в Закарпатье двух антологий, дающих общее представление о развитии современной карпаторусинскоязычной литературы и творчестве ее представителей. Речь идет об «Антології днишньої русинської літературы», составленной И. Петровцием (2009, 472 с.), и сборнике «Русинська пажить: Антологія русинськых поетўв Закарпатя» (2012, 400 с.). Для сравнения озвучим результат за этот же период в соседней Словакии, где также имеется карпаторусинская община. Согласно переписи населения 2011 г., карпаторусинский своим материнским языком в Словакии назвали 55 469 граждан. С 2004 по 2014 гг. там издано 6 антологий и литературных сборников, а также свыше 70 книг русинской поэзии и прозы (Ильченко 2007; Ильченко, Падяк 2015).

Лексикографическая деятельность

Хороших словарей никогда не бывает много. Особенно если учесть что именно лексикографические издания (наравне с академическими грамматиками) являются важным аргументом в вопросе кодификации литературного (письменного) стандарта языка. В Сербии и Хорватии, а также в Словакии и Польше (карпато)русинский язык кодифицирован. Так или иначе, раньше или позже, в зависимости от политической составляющей национальной политики Украины, процесс кодификации карпаторусинского языка в Закарпатье окажется на повестке дня. Современные лексикографические издания — важное свидетельство богатства языка; они фиксируют современное состояние и процессы, происходящие в нем. Участие в создании современных словарей принимали Игорь Керча, Юрий Чори, Дмитрий Поп, Михаил Алмаший, Михаил Ухаль, Иван Сабадош и другие.

За последнее десятилетие издано более десяти всевозможных словарей — дву-, трех-, четырехъязычных, орфографических и фразеологических, одно- двух- и даже пятитомных и даже словарей, фиксирующих лексику одного населенного пункта.

Отменно зарекомендовали себя два словаря, изданные в Ужгороде лексикографом Игорем Керчой. Двуязычный (в двух томах) «Словник русинсько-руськый. Русинско-русский словарь» (2007, т. 1, 608 с.; т. 2, 608 с.) включает более 58 тысяч слов. Также обратный словарь (в двух томах) «Русско-русинский словарь. Словник русько-русинськый» (2012, т. 1, 580 с.; т. 2, 596 с.) включает 65 тысяч слов. Поскольку практически вся интеллигенция края среднего и старшего возраста владеет русским языком (языком межнационального общения в СССР), то воспользоваться словарем могут и те, кто пишет на карпаторусинском, но нуждается в дополнительной словарной информации, которую он почерпнет в обратном, русско-русинском словаре, но и те русскоговорящие исследователи, кто заинтересуется словарным богатством карпаторусинского языка. Ниже, в качестве примера, приведем одну словарную статью (имя существительное) из словаря И. Керчи:

бе́тярь m БС ЛЧ ОБ СП ЯГ =мо́лодец, сокол; лихач, ухарь; *(збуйни́к) =разбойник; повольник; *(дїтва́к) =жулик; сорвиголова; *~ я паро́бок, // бо мам калап набук; // а я ~ -дївка, // бо я му фраи́рка [Гшв]; **~ -дї́вка =бой-баба; сорвиголова; ***f *~ка=разбойница;

От других словарей русинского языка издания И. Керчи выгодно отличает академический подход. Слова размещены в гнездах (словарных статьях). Таких гнезд в русинско-русском словаре 54710. В каждом гнезде в строго регламентированном порядке вслед за заглавным словом подаются грамматические и стилистические пометки, альтернативные варианты, синонимические соответствия, стилистические варианты, идиомы, устойчивые выражения, пословицы и поговорки, и наконец — производные слова или вариант заглавного слова, исполняющий функцию самостоятельной части речи или семантической единицы.

Что важно, в подавляющем большинстве случаев в каждом гнезде вслед за соответствием (русским переводом) следуют цитаты, иллюстрирующие употребление слова, либо пометки, указывающие на основные источники (как правило, иные словари. Например, ЕБ — Е. Бокшай и кол. «Мадярсько-руський словарь», 1928). Как признается сам автор словаря во вступительной статье, «в совокупности более 85% гнезд содержит подтверждение из основных источников или в виде цитаты, менее 15% не имеет его. Это в значительной мере производные слова, отвечающие правилам русинского словообразования, т.е. косвенно подтвержденные» (Керча 2007: 39). Важно и качество цитат — они взяты из авторитетных литературных источников. Цитаты наглядным образом свидетельствуют о специфике словоупотребления, но зачастую также несут информацию о нюансах стиля и семантики, отсутствующих в основном списке.

Два двухтомных словаря Игоря Керчи — достойный вклад в развитие современной карпаторусинской лексикографии и, на наш взгляд, прекрасный пример верного служения своему народу. Автору удалось достигнуть качественного результата, поэтому карпаторусины ныне «могут убедиться воочию, что предки оставили нам самобытную, щедрую и красивую основу, пригодную для раз-

вития собственной литературы» (Керча 2007: 6). Остается только сожалеть, что средств, собранных автором, хватило на издание всего 150-ти (в первом случае) и двухсот (во втором) экземпляров. Тираж был раскуплен в считаные недели и сразу же стал библиографической редкостью.

Следующим словарем данного типа стал изданный в 2007 г. в Ужгороде «Русинсько-украйинсько-руський и русско-украинско-русинский словарь», составленный Д. Попом (формат А4; 310 с.). В сравнении со словарями И. Керчи, данный трехъязычный словарь можно отнести к разряду дилетантских. Это, скорее, подготовительный проект будущего словаря. Ниже, в качестве примера приведем одну словарную запись (имя прилагательное) из русинско-украинско-русской части словаря Д. Попа:

да́лшый – наступний – последующий (с. 57).

В словаре, во-первых, отсутствует какое-либо предисловие, объясняющее принцип составления словаря. Вместо введения, автор опубликовал внушительного объема (3 авторских листа) очерк истории Подкарпатской Руси. Нет также никакой дополнительной информации об объеме словарного состава, о правилах оформления словарной записи и о том, какой же целевой аудитории он адресован. Во-вторых, в самом тексте словаря после заглавного слова отсутствуют грамматические и стилистические пометки. Иногда, правда, автор снабжает заглавные слова дополнительными пометками, например: *пер., спорт*., *церк*. и другими, что обозначает «переносное значение», «спортивный термин», «церковный» и т.д. В-третьих, лексемы приведены почему-то не в начальной форме. Например, для имен существительных это всегда — единственное число, для глаголов — инфинитив, для прилагательных — мужской род единственного числа. По какой-то странной причине автор параллельно (впрочем, не всегда) вносит в словарь имена существительные и в единственном числе, и во множественном, имена прилагательные — и в мужском роде, и в среднем, глаголы (зачастую, но ве всегда) — в инфинитиве и в иной форме. Например:

амбрела – зонтик – зонтик;
амбрелы – парасольки – зонтики (с. 41).

буйвол – буйвол – буйвол;
буйволы – буйволи – буйволы (с. 45).

гўркий – гіркий – горький;
гўркоє – гірке – горькое (с. 55).

буде – буде – будет;
была – була – была;
былáм – я була – я была;
быти – бути – быть (с. 45–46).

трафити – вцілити – попасть;
трафив – трапив – попал (с. 154).

упасти – впасти – упасть;
упав – упав – упал (с. 162).

Наконец, на месте заглавного слова в словаре Д. Попа может стоять что угодно: и слово, и словосочетание, и предложение, и идиома, и фразеологический оборот. Складывается впечатление, что автор решил соединить три в одном: и орфографический словарь, и русинско-украинско-русский, и словарь фразеологизмов. Например:

бараняча кожа – овеча шкура – овчина (с. 42);
деревляна хижа – дерев'яна хата – бревенчатый дом (с. 57);
дуже силный – дуже сильний – очень сильный (с. 62);
взяти на ся шапку – одягнути шапку – одеть шапку (с. 48).
Кідь давуть та бери, а кідь бють та утікай – Як дають – бери, а як б'ють, то тікай – Если дают – бери, а бьют – беги (с. 81).

Безусловно, словарь иллюстрирует сходство общеславянской лексики в трех близкородственных языках — русском, украинском и карпаторусинском. С другой стороны, он красноречиво демонстрирует лексические отличия (а также частично отличия на уровне идиом) карпаторусинского языка как от русского, так и украинского. Словарь Д. Попа является еще одним доказательством самодостаточности карпаторусинского языка и основой для будущего академического трехъязычного словаря.

Следующее издание — «Словарь русинського языка» в пяти томах[5] Юрия Чори — относится к разряду солидных многотомных изданий большого формата (А4). Впечатляет и объем изданного в Ужгороде пятитомника — 2848 страниц печатного текста. По томам он выглядит так:

Том 1: А–Б–В–Г–Ґ–Д–Е–Є–Ж (2013, 444 с.) – тираж 100 экз.;
Том 2: З–И–І–Ї–Ы–К–Л–М (2014, 568 с.) – тираж 150 экз.;
Том 3: Н–О–П (2015, 596 с.) – тираж 80 экз.;
Том 4: П–Р (2015, 692 с.) – тираж 80 экз.;
Том 5: С–Т–У–Ф–Х–Ц–Ч–Ш–Щ–Ю–Я (2016, 548 с.) – тираж 80 экз.

Ниже, в качестве примера, приведем словарные записи (имя существительное, имя прилагательное и глагол) из словаря Ю. Чори:

кли́нець (-ця), ч. = **кли́ниць** (-я), ч. – гвіздок: *Клинець (клиниць) быв доста великый из файнов головков*.

клишоно́гый (-а, -ое, -і) = **клешоно́гый** (-а, -ое, -і) – клишоногий: *З гавры виліз клишоногый (клешоногый) ведмідь*. [ошибка, правильно: *медвідь* – В. Падяк]

кліпати (-ву, -єш, -є, -єме, -єте, -вуть) = **кліпкати** (-ву, -єш, -є, -єме, -єте, -вуть) – 1) кліпати: *Баба мовчкы слухала фіґлі молодых и лем кліпала (кліпкала), ги сова*. 2) При повчанні: *Не кліпай (кліпкай) фрайирці очима, кіть жона за плечима*. 3) У переносному значенні – а) мигтіти: *В нўчному небі заворожено кліпали (кліпкали) звізды*; б) мигати: *На жону сіпать, а на любку кліпать (кліпкать)*; *В Хыжи на припічку слабо кліпала (кліпкала) лампа*; **-ся**: *Ледвы ўв кліпалося (кліпкалося) заспаными очима*.

Как видим, после каждого заглавного имени существительного подается форма склонения в родительном падеже, для имени

5 Необходимо заметить, что до этого (для ознакомления общественности) предварительная версия того же «Словаря русинського языка» (в 6 томах) в 2002–2009 гг. была распечатана на принтере (и сшита в тетради) символическим тиражем — около десяти экземпляров, один из которых находится в фондах Закарпатской обласной универсальной научной библиотеки в Ужгороде.

прилагательного — парадигма склонения по родам и числам, а для глаголов — спряжения по лицам и числам. И хотя данная дополнительная информация является скорее прерогативой грамматик, помещенная в словаре, она существенно облегчит работу пользователю, особенно если для него карпаторусинский язык — не родной.

Автор словаря Юрий Чори — писатель с многолетним опытом. Поэт, прозаик, драматург, публицист, фольклорист — спектр его творческих интересов достаточно широк, а владение языком не вызывает сомнений. Объем «Словаря русинського языка» Ю. Чори составил около 250 тысяч слов. В какой-то степени это утверждение автора настораживает; к нему необходимо отнестись скептически. Например, одиннадцатитомный «Словник української мови», изданный в 1970–1980 гг. в Киеве солидным коллективом авторов Института языковедения АН УССР под редакцией акад. Ивана Билодида, насчитывает всего 134 тысячи слов (в т.ч. устаревшая лексика). Лексемы подтверждены употреблением в произведениях украинской художественной и переводной, научной, научно-популярной и учебной литературы, фольклора, публицистики, в справочниках, мемуарах и т.д. и опираются на многомиллионную картотеку лексем украинского языка.

Не ставим под сомнение важность данного типа карпаторусинских словарей, фиксирующих состояние языка на сегодняшний момент. Отметим однако, что, на наш взгляд, такой словарь должен был бы стать заключительным аккордом возрождения карпаторусинской лексикографии. Ему должны были бы предшествовать солидная работа по составлению картотеки лексем языка на основе богатого литературного наследия. В этом процессе (и составления картотеки, и написания словаря) должны были бы ангажироваться многие языковеды, а не один писатель Ю. Чори. К тому же не имеющий опыта лексикографической работы. В данном же случае словарь никоим образом не опирается на картотеку лексем карпаторусинского языка, поскольку ее у автора нет. Поэтому в качестве цитат в словаре находим предложения, придуманные самим автором. И не всегда удачно. Это же условие (когда автор не опирается на опыт предшественников) является причиной многих иных негативных последствий, которые наблюдательный лексикограф легко обнаружит в словаре.

Поскольку отсутствует какое-либо болем или менее внятное вступительное слово, пользователь остался без комментариев автора, которые бы сориентировали в поиске. Грамматические пометки частично присутствуют, а стилистические — нет. Трудно сказать также, о каком типе словаря идет речь. Если двуязычный (русинско-украинский), то почему украинское соответствие стоит не после каждого заглавного слова? Например, из четырех заглавных слов (*автопортрет*, *автопортретіст*, *автопортретістка*, *автопортретный*) переводом на украинский язык снабжено лишь первое слово. Но тут же (по соседству) все четыре заглавных слова (*автор*, *авторка*, *авторство*, *авторськый*) снабжены украинским соответствием.

Речь также не идет о толковом словаре. Если же данный словарь (пусть с натяжками) отнести к иной группе — нормативным словарям, возникает вопрос, действительно ли он фиксирует реальную норму карпаторусинского языка? Свои опасения проиллюстрируем несколькими примерами.

Слово из русского языка ***посетить*** и его производное *посетитель (-ница)* имеет в русинском языке несколько соответствий, например: *навщивити*, *навидїти*, *візітовати* и производное *навщивитель (-ка)*. Автор фиксирует (т. 3) данное слово, пусть и с ошибкой — *нащивити*, хотя при этом забывает внести в словарь производные слова *навщивитель (-ка)*. Вместе с тем в ином месте (т. 4) автор предлагает как нормативное слово (соответствие русскому слову *посетить*) глагол *посітити* и его производные *посітитель (-ка)*. Иные русинские словари (в т.ч. Керчи и Попа) не фиксируют такой нормы; употребление слов *посітити, посітитель, посітителька* и подобной лексики следует рассматривать как факт ассимиляции или слабого владения родной речью, но не как норму карпаторусинского языка.

Слово из русского языка ***гравий*** вошло в обиход в советские времена и связано с разработкой камня. Даже если носитель карпаторусинского языка использовал этот русизм в официальных случаях — например, при покупке, чтобы точно обозначить фракцию дробленого камня (гравий, щебень и т.д.), в обиходе он пользовался карпаторусинской лексикой (*рінь*, *ріньча*, *шутер*, *клинцёвка*, *мучка*).

Если представить, что слово *гравій* вошло таки в словарный состав современного русинского языка, то гипотетически производным от него может быть имя прилагательное. Подчеркнем: гипотетически, но не обязательно. Ю. Чори вводит в словарь слово *гра́війный* (почему не *гравійовый*? – В. Падяк). Русинские словари не фиксируют лексемы *гравій*, ни тем более — *гравійный.* Не понятно, на каких основаниях Ю. Чори эти и сотни подобных лексем вносит в свой русинский словарь? В качестве иллюстрации автор придумал «искусственное» предложение (*Прохожовалися гравійним берегом озера*), хотя русины так не говорят. Скорее, скажут, используя словосочетания, «ходити по зарінку», «на зарінку річкы», «ріньча під ногами» и т.д.

К сожалению, факт подобного субъективизма, когда в словарь вводится явно иноязычная лексика лишь на том основании, что автор так считает, может стать причиной ассимиляции — дезориентирует носителя языка и тот отдаст предпочтение чужому — во вред своему.

Впрочем, описание словаря Ю. Чори хотелось бы завершить на позитивной ноте: надо отдать должное автору — им проделана огромная работа; фактически, это работа целого научного института.

Схожий словарь, но существенно меньший по объему, составил и издал в Тернополе Игорь Дуда. Данный «Лемківський словник» (2011, 376 с.) вмещает 26 тысяч наиболее употребляемых лемковских слов. Слова сгруппированы в 10760 статьях. Словарь адресован лемкам, поскольку они, выселенные в 1945–1946 гг. на Украину, постепенно ассимилируются и забывают свой язык.

Также, как словарь Ю. Чори, «Лемківський словник» И. Дуды можно отнести к двуязычным украинско-русинским (лемковским) словарям с той только разницей, что тут для каждой украинской опорной лексемы подается одно или больше лемковских соответствий. Поиск лемковской лексики возможен лишь по опорному (т.е. украинскому) слову. Поэтому словарь доступен, в первую очередь, пользователям, владеющим украинским литературным языком, что, впрочем, характерно для всех выселенных на Украину лемков. Однако иным пользователям работать со словарем не очень удобно — нужен обратный лемковско-украинский словарь. Что суще-

ственно бы расширило число его пользователей, особенно тех, кто работает с лемковскими текстами и нуждается в толковании лемковских слов.

Показательно, что в современной Украине никто из украинистов не пытался воспрепятствовать публикации словаря И. Дуды. Как это было, например, со словарем карпаторусинского языка Ю. Чори, которого оппоненты не раз обвиняли в попытке создать «украинско-украинский словарь» или в желании доказать существование отдельного карпаторусинского языка — четвертого восточнославянского. Экспертные заключения тогда подписывали маститые и не очень ужгородские украинисты д.ф.н. П. Чучка, д.ф.н. И. Сабадош, д.ф.н. Л. Белей, к.ф.н. Б. Галас, к.ф.н. И. Филак, к.ф.н. Г. Шумицкая, а от Института языкознания в Киеве — член-корреспондент НАН Украины В. Нимчук. Свои выводы они мотивировали тем, что «в словаре Ю. Чори этого мнимого языка подавляющее большинство слов совпадает с украинскими литературными словами (отдельные слова отличаются лишь фонетически, морфологически, но не лексически)».[6]

Однако лексические отличия, хотя и важный, не не во всем и не всегда (особенно, когда речь идет о близкородственных языках!) надежный инструмент различения языков. Хотя бы потому, что в каждом языке в большей или меньшей степени присутствует заимствованная лексика (например, полонизмы в украинском языке). Кроме того, в славянских языках основу словарного запаса составляет общеславянская лексика. Поэтому важно учитывать и особенности словообразования, и морфологические и фонетические отличия, и отличия на уровне идиом и фразеологических конструкций. Но даже в этом случае следует признать, что нет лингвистических критериев в полной мере отличить диалект от языка. Скорее

6 Нам ничего не известно о том, было ли данное экспертное заключение опубликовано в печати. Единственное, что удалось обнаружить, это публикация в интернете. Смотри: *«Експертна оцінка «Словаря русинського языка» Ю. Чорі (Ужгород, 2002–2008)»*. Online: http://zakarpattya.net.ua/News/90349-Slovar-rusynskoho-iaz%D1%8Bka-Iu.-Chori-naspravdi-iavliaie-soboiu-slovnyk-ukrainskoi-movy

речь может идти лишь о психологическом аспекте, когда этнографическая группа идентифицирует себя отдельным от соседей народом со своим языком (македонский – не болгарский, кашубский – не польский).

Идеологическая составляющая карпаторусинистики объясняет различие в позиции Украины по отношению к первому и второму автору. В понимании И. Дуды объектом его научного интереса является «лемковский диалект украинского языка», т.е. косвенно отрицается существование карпаторусинского народа и его языка. В понимании Ю. Чори — карпаторусинский язык — это четвертый восточнославянский язык.

В последнее время в Ужгороде издан ряд вспомогательных словарей. Так, М. Алмаший издал пособие для журналистов, редакторов газет и учителей — «Орфографично-орфоепичный словарь русинського языка» (2014, 176 с.). Автор подал в алфавитном порядке около 3500 слов, а в квадратных скобках — их произношение. Еще один небольшой словарь (основная часть занимает всего тридцать страниц) выпустили М. Алмаший и М. Ухаль — в Ужгороде вышел их «Русинсько-російсько-украйинсько-латинськый словарь лінґвістичної термінолоґії» (2014, 76 с.).

Появились также несколько словарей, фиксирующих лексические пласты в отдельных населенных пунктах — в Закарпатье и на Лемковине (ныне в Польше). К ним можно отнести «Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району» Ивана Сабадоша (2008, 480 с.), «Словариць: Говірка Синевірської Поляни» Михаила Бембило (2016, 96 с.) и «Словник села Тилич на Лемківщині» Евгении Турчин (2011, 384 с.). В последнем случае речь идет об уже не существующем селении, жители которого (как и все население Лемковины) были выселены на Украину в 1945 г. Также краткий словарь лемковской лексики под названием «Короткий словник лемківських говірок» Петра Пиртея подготовила к изданию и опубликовала в Ивано-Франковске Е. Турчин (2004, 364 с.), а небольшой толковый словарь карпаторусинских слов под названием «Сучасний русинський тисячослов» (2014, 208 с.) издал в Мукачеве Емельян Курта.

Закарпатские (подкарпатские) и лемковские лексикографы продемонстрировали результативную работу и в области фразеологии. В создании словарей участвовали Дмитрий Поп, Галина Ступинская и Ярина Быткивская. Также Юрий Чори готовит свой многотомный словарь под названием «Фразеолоґізмы русинського языка».[7] В Ужгороде изданы трехъязычные (объединенные в одном томе) «Русинсько-украйинсько-руськый и русско-русинско-украинский фразеологические словари» (2011, 244 с.) Д. Попа. В Тернополе издан лемковский фразеологический словарь под назвой «Фразеологічний словник лемківських говірок» (2013, 464 с.).

Лексикографические издания — результат пристального внимания языковедов к проблеме возрождения карпаторусинского языка после 1989 г. Власти всячески стараются воспрепятствовать этим процессам. И хотя запрет на национальность «(карпато)русин» в Украине протекает в мягкой форме, тем не менее научно-исследовательские институции и университеты для исследователей карпаторусинской ориентации закрыты, а приток творческой молодежи в карпаторусинскую научную среду — сильно ограничен. Все это объясняет часто полудилетантский характер научных публикаций. Хотя, с другой стороны, результаты действительно удивляют. Ведь все написано и издано не «благодаря», а «вопреки».

Подготовка грамматик

Создание грамматик — это язык компромиссов. Особенно это актуально, если говорить о нормировании подкарпаторусинского языка. В силу исторических обстоятельств и несинхронного возрождения карпаторусинской национальности в отдельных регионах проблему кодификации языка карпаторусинские общины после 1989 г. решают

7 В 2015 г. издан двухтомник «Фразеолоґизмы русинського языка» Ю. Чори, охвативший все буквы алфавита — от А до Я. Однако впоследствии вышли дополнительные материалы, собранные уже после завершения работы над двухтомником: третий том (2015 г.); четвертый том (2016 г.); пятый том (?) и шестой том (2018 г.). Данное издание трансформировалось в шеститомник. Тираж — от 80 до 100 экз.

каждый самостоятельно. В основу общей языковой политики положен принцип так называемого «третьего пути» — создания литературной (письменной) нормы на основе местных диалектов. В Сербии и Хорватии эта проблема была решена еще в 1923 г. В Словакии письменный карпаторусинский стандарт был кодифицирован в 1995 г. Свой орфографический стандарт предложили также научные карпаторусинские общества в Польше и Венгрии.

Процесс стандартизации подкарпаторусинского языка в Украине был начат еще в 1999 г., когда в Мукачеве была издана грамматика подкарпаторусинского литературного языка под названием «Материнськый язык» (Алмаший – Керча – Молнар – Попович 1999). Со временем авторский коллектив распался и никто из его членов в отдельности не продолжил начатое дело. Лидер данного авторского коллектива Игорь Керча реализовал главные наработки грамматики в своих лексикографических трудах, а также в литературно-художественном творчестве. Среди важных решений грамматики «Материнськый язык» можно считать отказ от этимологического принципа орфографии (характерного для так называемого язычия XIX – начала XX столетия) в пользу принципа морфемно-фонематического.

Главной чертой всех четырех подкарпатских диалектов (и трех языковых вариантов) карпаторусинского языка является их абсолютная близость. Различаются такие диалекты: Мараморошский, Берегский, Верховинский и Ужанский. Носитель одного диалекта легко поймет носителей остальных, и наоборот.

Особенность, вокруг которой сосредоточены почти все дискуссии об орфографической норме, сводится к адекватности обозначения на письме звука, который появляется в новозакрытом слоге, хотя в открытом слоге в данной позиции он всегда звучит как [*о*], например: ***ко́ні, но́чі, мочі́***. Троякое произношение, в каждом диалекте по-своему: то как [*у*] (*кунь, нуч, муг*), то как германский у-умлаут [*ӱ*] (*кӱнь, нӱч, мӱг*), то как [*і*] (*кінь*, *ніч*, *міг*) вызывает бурные дискуссии участников стандартизации.

И. Керча на основании того, что [*ӱ*] является лишь вариантом (аллофоном) звука [*у*], в данной позиции употребляет всегда [*у*]. Грамматика «Материнськый язык» также настаивает на этом стандарте.

В 2005 г. появилась грамматика, совмещенная с Евангелием от Матфея, да к тому же с параллельным переводом на английский язык (Сидор 2005). Автор этого издания прот. Димитрий Сидор (хотя участие в создании принимали и другие языковеды-аматоры) предполагал, что его грамматика будет полезной карпаторусинам Украины и Центральной Европы, а также американским карпаторусинам. Аляповатое издание, выполненное на очень примитивном издательско-полиграфическом уровне, с большим числом недоработок, орфографических и пунктуационных ошибок, тем не менее заполнило вакуум, образовавшийся после распада коллектива первой грамматики. Анализу грамматики Д. Сидора мы уже уделяли внимание (Падяк 2006), поэтому лишь вкратце дополним, что данное издание отдает предпочтение аллофону [*ÿ*] вместо звука [*у*]. Это не что иное как стремление «уравнять» носителей мараморошского диалекта с носителями берегского диалекта. И для этого в алфавит была внесена буква ***Ÿ-ÿ***. Она произносится двояко: одни будут выговаривать звук [*у*], в то время как другие — звук [*ÿ*].

Совсем недавно появились еще три публикации, напрямую связанные с проблемами стандартизации письменного (литературного) языка. В 2013 г. Надя Печора издала в Ужгороде учебник «Русинськый язык» для учащихся карпаторусинских народных школ (Печора 2013). Это так называемая «школьная грамматика»; учащиеся будут ею пользоваться до момента кодификации карпаторусинского языка, хотя серьезных предпосылок для кодификации в ближайшей перспективе не прослеживается. Суть школьной грамматики в том, чтобы сохранять диалектные особенности всех трех языковых вариантов (для каждого диалекта — свои черты.[8] Для этого введены два сигнальных знака — [*î*] и [*ô*]. На письме носитель, например, мараморошского диалекта вместо сигнальных знаков [*î*] и [*ô*] напишет букву ***У-у***: *свîй – свуй*, *вечîр – вечур*, *ôдходити – удходити*, *ôтцюзнина – утцюзнина* и т.д. Данное нововведение позволило приступить к массовому изданию учебников для народных школ, не дожидаясь кодификации.

8 В создании данного стандарта участие принимал также В. Падяк.

В 2014 г. в Ужгороде стараниями Анны Мегелы появилась «Граматика русинського литературного языка» (Мегела 2014). Как пишет во вступительном слове А. Мегела, ее грамматика «заточена» под кодификацию карпаторусинского языка. Третья изданная недавно брошюра — «Правила русинського правописаня» М. Алмашия (Алмаший 2014), которая также, как и и грамматика А. Мегелы, должна, по замыслу создателей, способствовать кодификации языка.

Камнем преткновения для всех ныне существующих грамматик является алфавит и, соответственно, фонетика. Даже такая деталь, как место буквы ***ы*** в азбучном порядке, не всегда находит понимание у лексикографов и авторов грамматик. Например, в словарях И. Керчи буква ***ы*** стоит в конце русинского алфавита: *ъ, ы, ь, ю, я*. А у остальных авторов она находится в первой половине азбуки — там, где ей, собственно говоря, и надлежит быть — в одной связке с буквами *і, ї, и, ы*, *й*.

Или, например, буква ъ (твердый знак). В грамматике «Материньскый язык» она отсутствует; ее функция возложена на мягкий знак: *розьяснити.* В словаре И. Керчи буква ъ присутствует (*розъясняти*). В словарях Ю. Чори и Д. Попа — ее нет (*розяснити*); то же самое наблюдаем в изданиях А. Мегелы (*зїв, зївши*) и М. Алмаши (*обєднаня, подязати, зюдити*). Наконец, Н. Печора (вслед за И. Керчой) считает, что отсутствие твердого знака усложняет произношение слов, где после префикса, оканчивающегося на согласный, стоит корень, начинающийся на йотированный гласный. Поэтому в данной позиции Н. Печора рекомендует употреблять ъ: *розъїсти, розъязати, объєдинити*.

Еще один пример несогласованности позиций грамматиков — буква ***Ё-ё***. Эту букву находим во всех грамматиках, кроме А. Мегелы и М. Алмашия.

Также находим ее во всех словарях, кроме словарей Ю. Чори и Д. Попа. Соответственно, там, где этой буквы нет, на письме ее должно заменить сочетание букв *йо* или *ьо* (*зайойкати, Турційов, район, серьозный, танцьовати, трьох, синьоє*). Сравни употребление в той же позиции: *ёго, твоёго, теоріёв, вышнёму, діёвый, боёвати, Ёлана, Ёвжі*.

Такую же (или еще большую!) несогласованность можем наблюдать при употреблении буквы ***Ї-ї***. Например, в грамматике Д. Сидора этой букве отводится чисто номинальная роль, поскольку ее дублируют реанимированная автором буква ***Ѣ-ѣ*** или же сочетание *йи* (*ьы*): *вѣчный, в пучинѣ, завѣсити, Украйина, свойим, пойити, дойити, тритьый, осінньый*. И только в род. падеже множественного числа встречаем у Д. Сидора букву *ї*: *Николаїв, олаїв, гаїв*.

Запутанным остается также употребление согласной (гортанной) буквы ***Ґ-ґ*** (*граматика – ґраматика; термінологія – терміноло*ґ*ія*), а в некоторых позициях — мягкого знака после согласной *л* (*языкознателный – корольськый; учителськый – учительськый*). Все выше упомянутое и многое другое, а также введение в алфавит «специфических карпаторусинских» букв приводит к тому, что от грамматики — к грамматике, от словаря — к словарю количество букв алфавита всегда иное. Например:

1999 г. – «Материнськый язык» (35 букв);

2005 г. – Д. Сидор. «Граматика русинського языка» (39);

2007 г. – И. Керча. «Словник русинсько-руськый...» (36);

2013 г. – Ю. Чори. «Словарь русинського языка» (35);

2013 г. – Н. Печора. «Русинськый язык» (36);

2014 г. – А. Мегела. «Граматика русинського ... языка» (35);

2014 г. – М. Алмаший. «Правила русинського правописаня» (35).

Несогласованность позиций грамматистов и лексикографов, разрозненность их усилий обусловлена изолированностью друг от друга, часто/густо идейной, методологической или возрастной несовместимостью. Трудно представить их работающими вместе — в одной языковой комиссии! Разновекторность их позиций в прогнозируемом будущем не изменится. И даже если одна группка заявит о кодификации своей нормы письменного подкарпаторусинского языка, это вряд ли станет позитивным сигналом для всех остальных грамматиков, лексикографов, писателей, поэтов, публицистов, научных работников, практикующих карпаторусинский язык и придерживающихся «своей» нормы. Чтобы побороть этот лингвоэгоизм, вероятно, необходимо, чтобы теоретические наработки были подкреплены мощной полиграфической деятельностью — изданием ежедневной газеты, поддержкой книжных проектов, переизданием

художественных произведений предыдущих эпох, содержанием интернет-ресурсов — и все это в новом языковом стандарте, который еще должен продемонстрировать свою уместность, гибкость и живучесть. Без поддержки государства добиться этого в ближайшей перспективе не представляется возможным.

Расширение ареала использования письменного стандарта

Последнее десятилетие отмечено стремлением карпаторусинских элит расширить ареал использования письменного стандарта. Таким важным начинанием стало открытие карпаторусинских воскресных (народных) школ. Школа — это один или несколько классов, которые открыты на базе общеобразовательной государственной школы в данной местности. По договоренности с дирекцией такой школы ученики один раз в неделю после уроков (по желанию родителей) оставались еще на четыре урока карпаторусинского языка, литературы и истории карпатских русин и т.д. Спонсором такой программы выступил канадский меценат карпаторусинского происхождения Стивен Чепа, который согласился поддерживать проект в течение десяти лет, начиная с 2003 г. Проблеме становления русинской народной системы образования мы посвятили отдельную публикацию (Падяк 2013). В 2007 г. системой образования было охвачено почти 900 учеников в 40 школах. После раскола в 2008 г. школ стало меньше, однако в 23–26 школах все еще обучалось почти 500 учеников. Проект должен был продемонстрировать Украинскому государству перспективность карпаторусинского школьного образования и снять опасения властей по поводу карпаторусинского образования как потенциального очага сепаратизма. Проект после 2013 г. еще какое-то время существовал без финансирования; последний школьный выпуск состоялся в июне 2017 г.

Система народного образования предполагает подготовку учебной литературы. Было выпущено шесть оригинальных учебников, таких как «Слово за словом: практична граматика русинського языка» (2004, 24 с.) и «Живоє слово: читанка для русинської недільної школы» (2004, 30 с.) (оба составил М. Алмаший); «Наша

Отцюзнина: Історія карпатськых русинув» (2005, 52 с.) и «Народ нывыдкы: ілустрована історія карпаторусинув» (2007, 120 с.) (оба составлены П.Р. Магочи). В последние годы учебная литература издавалась согласно школьной грамматики Н. Печоры «Русинськый язык» (2013). Так, Валерий Падяк подготовил книгу для чтения «Літературный кошичок: Читанка» (2013, 112 с.).

Основой народной школы стало обучение карпаторусинской молодежи родному языку. Уроки карпаторусинского языка — важный механизм внедрения письменного стандарта. Школа с 2013 г. разработала свой вариант литературного (письменного) стандарта и придерживалась его в педагогической деятельности. Время от времени в украинской прессе появлялись скандальные публикации с требованием запретить карпаторусинские школы (Падяк 2013: 5).

К сожалению, в области журналистики карпаторусинам в Украине похвастаться нечем. Единственная газета «Подкарпатский русин» (2005–) издается в Ужгороде нерегулярно, в лучшие свои времена она выходила раз в два месяца на четырех или восьми страницах. В 2005–2014 гг. вышло всего 63 номера. Газета демонстрирует нечеткую языковую политику — часто в номере доминирует украинский язык, а часть статей подается по-русски. И лишь немногие материалы написаны по-карпаторусински. Редакционная работа ведется слабо, о каком-то едином письменном стандарте карпаторусинского языка говорить не приходится. Например, от номера к номеру одну и ту же лексему можно встретить в пяти вариантах: *кінь* (укр. яз.), *конь* (рус. яз.), *кунь, кўнь, кінь*.

Сфера научных публикаций также практически не заполнена. Тут в секторе гуманитарных наук появились всего несколько изданий книжного формата, о большинстве из которых мы писали выше. Так, речь идет о публикациях А. Мегелы, Н. Печоры, В. Падяка, Д. Попа, Ю. Думнича и др.

С 2000 г. в Ужгороде существует частное предприятие — «Издательство Валерия Падяка», которое продвигает карпаторусинскую продукцию на книжном рынке. С 2005 г. тут изданы на карпаторусинском языке книги: «Николай Бескид на благо русинів», составитель Г. Бескид (2005, 180 с.), «Народ нывыдкы» П.Р. Магочи (2007, 120 с.), «Возроджіня русинського ошколованя на Подкарпатській

Руси (2003–2008)» В. Падяка (2008, 36 с.), «Украинизація школы на Пудкарпатськуй Руси пуд час Чехословацького периода» Ю. Думнича (2009, 52 с.), «Русине, віруй!» В. Танчинца (2010, 64 с.), «Пацаловська республіка» Д. Кешели (2011, 256 с.), «Авар лярмач» сербского поэта Секуле Шарича в переводах Владимира Бесермини (2012, 40 с.), «Зоз писню поведзене» В. Бесермини (2013, 96 с.), «Літературный кошичок: Читанка» В. Падяка (2013, 112 с.), «Русинськый язык» Н. Печоры (2013, 144 с.) и др.

В контексте становления письменной нормы хотелось бы также отметить еще одну книгу — солидное научное издание профессора Тартуского университета Александра Д. Дуличенко «Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)» (2008, 908 с.), которое в диахронном плане представляет более полутысячелетнюю историю становления письменности Карпатской Руси.

При «Издательстве В. Падяка» действует Центр карпаторусинских исследований; с 2013 г. он выпускает серию «Русинське факсіміле», которая знакомит современного читателя с русинскоязычными книгами предыдущих эпох (1848–1944). Вышли три книги, а именно пьесы: «Добродітель превышає богатство» Александра Духновича (2013, 68 с.), «Свадьбов ся начинат и свадьбов ся скончит» Иосифа Кизака (2013, 60 с.) и «Овчарь» Владимира Грабаря и Михаила Лугоша (2017, 112 с.). Наконец, Центр карпаторусинских исследований выпустил два тома библиографического указателя, фиксирующего все карпаторусинскоязычные издания в мире (кроме Сербии и Хорватии), начиная с 1989 и по 2014 годы (Ильченко 2007; Ильченко, Падяк 2015).

Расширение карпаторусинского книгоиздания и возрастающий спрос на продукцию карпаторусинских авторов создали ситуацию, когда иные частные издательства с интересом стали относиться к предложениям публиковать книжную продукцию, ориентированную на карпаторусин и на карпаторусинском языке. Например, оба словаря И. Керчи, о чем мы говорили выше, напечатало ужгородское издательство «ПоліПрінт», а «Словарь русинського языка» Ю. Чори — издательство «Іва».

Несмотря на неблагоприятные политико-правовые последствия непризнания карпаторусинского этноса в Украине, подкарпатору-

синская интеллигенция в Закарпатской области прилагает немалые усилия в деле возрождения своей национальности и функционирования карпаторусинского языка. Издание произведений современных писателей, открытие народных школ, подготовка школьных учебников, лексикографические издания и написание современных грамматик — все это важные атрибуты становления литературного (письменного) карпаторусинского языка в течение последнего десятилетия. И залог успешной кодификации письменного стандарта. Ничто, впрочем, карпаторусинам не обещает легкого пути.

Библиография

Алмаший 2014 – М. Алмашій. *Правила русинського правописаня*. Ужгород: Закарпатское областное научно-культурологическое общество им. А. Духновича.

Алмаший – Керча – Молнар – Попович 1999 – М. Алмашій, І. Керча, В. Молнар, С. Попович. *Материнськый язык. Писемниця русинського языка*. Мукачово: Общество им. А. Духновича.

Ильченко 2007 – Л. Ільченко. *Бібліоґрафія русинськоязычных: 1989–2004.* Ужгород: Вид-во В. Падяка.

Ильченко – Падяк 2015 – Л. Ільченко, В. Пядяк. *Бібліоґрафія русинськоязычных выдань: 2005–2014.* Ужгород: Вид-во В. Падяка.

Керча 2007 – И. Керча. *Словник русинсько-руськый. Русинско-русский словарь*. У 2-х тт.; Ужгород: ПоліПрінт.

Мегела 2014 – А. Мегела. *Граматика русинського литературного языка.* Ужгород: Закарпатское областное научно-культурологическое общество им. А. Духновича.

Падяк 2003а – В. Падяк. Проблеми, здобутки та перспективи видавничої справи на Закарпатті в контексті сучасного русинського національно-культурного Відродження. *Науковий вісник Ужгородського університету*. Серія: Історія. Вип. 8, 165–171.

Падяк 2003б – В. Падяк. Русинськомовні видання у дзеркалі української статистики (1991–2002). *Руснацький світ. Науково-популярний збірник.* Т. 3, 30–33.

Падяк 2006 – В. Падяк. Закарпатье (Подкарпатская Русь): проблемы и особенности функционирования русинского литературного языка в контексте национального возрождения. В: А.Д. Дуличенко, С. Густавссон (ред.). *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты.*

Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту: Издательство тартуского университета, 265–284.

Падяк 2013 – В. Падяк. *Русинська школа: відродження народної освіти*. Ужгород: Вид-во В. Падяка.

Падяк 2016 – V. Paďak. Odstúpenie Podkarpatskej Rusi Sovietskemu Zväzu v roku 1945 ako tragédia národnostnej menšiny podkarpatských Rusínov, ktorá trvá dodnes. *Studium Carpato-Ruthenorum 2016: Študie z karpatorusinistiky 8*, 122–133.

Петровций 2009 – *Чухран Михайил. Антологія днишньої русинської літературы.* Ушорив И. Петровцій. Ужгород, 19–90.

Печора 2013 – Н. Печора. *Русинськый язык. 1–3 цвіт: про русинські школы пятьрічной сістемы народной освіты*. Ужгород: Вид-во В. Падяка.

Сидор 2005 – Д. Сидор. *Граматика русинського языка из Євангелієм от Матфея для русинôв Украйины, центральної Європы и Америкы = Sydor D. Grammar of the Rusyn language for the Rusyns of Ukraine, Central Europe and America.* Ужгород: «Carpathian Rus».

Moser Michael
Universität Wien,
Wien, Österreich

Орієнтація на «масового читача» та наслідки для вивчення історії слов'янських мов:

«О письменном языцѣ подкарпатских русинов» Августина Волошина (Ужгород, 1921) в осучасненому виданні

Українська мова на Закарпатті – карпаторуська мова – русинська мова – Августин Волошин – критика видань новіших слов'янськомовних текстів

Сучасна українська стандартна мова та й програма її поширення потрапили на ареал сьогоднішньої Закарпатської області порівняно пізно.[1] В українськомовних комітатах Закарпаття з другої половини XIX ст. особливо сильним був рух москвофілів,[2] які дотримувалися ідеї про «единый русскій народъ» з «единымъ русскимъ литературнымъ языкомъ» та зазвичай писали сумішшю російської мови й

1 Короткий огляд «русинської» мовної історії у взаємодіях з українською та з російською подає Мозер (2016). Огляд з «русинської» перспективи дає Маґочій (2007).

2 Альтернативний термін «русофіли» не годиться для українськомовних текстів, адже й прихильники української мови й національної ідеї на всіх ареалах поза Російською імперією називали себе «русинами» й свою мову «руською», аж вони перейняли етнонім «українці» й глотонім «українська мова».

місцевих говірок, яку часом називали «карпаторусскимъ языкомъ».[3] Усі відомі прихильники стандартизації «народної мови» — себто мови, що спиралася на природню розмовну мову народу — ні в XIX ст., ані в ранньому XX ст. не обмежували свої погляди на закарпатський ареал, натомість завжди мали на увазі ширший «руський» (не російський) простір: Ласло Чопей, наприклад, написав деякі підручники для елементарних шкіл виразно місцевою мовою,[4] проте в програмі його (значно впливовішого) «русько-угорського» словника однозначно оголосив, що та мова, чиє словництво він зібрав, сягає далеко поза закарпатський ареал, обіймаючи весь українськомовний простір, та ще й білоруськомовний.[5] Гіядор Стрипський, який на початку XX ст. навчався у Львові, також писав своєму братові про «azt az igazi ruszén nyelvet, melyet 22 milliónyi nép beszél három ország közt fölosztva», тобто, в перекладі Іштвана Удварі на один з угорських різновидів русинської мови, «тот правдивый язык, котрым бесїдує 22-міліоновый народ, роздїленый меже три державы» (за Удварі 2007: 146–160). Нарешті Августин Волошин, який вже щонайпізніше з 1907 р. зробив величезні кроки в напрямку українства, швидко опинився в таборі найвідданіших поширювачів української мови як офіційної мови «Підкарпатської Русі», коли після Першої світової війни більшість колишніх угорських українськомовних територій ввійшла в склад так званої «Підкарпатської Русі», окремої адміністративної одиниці новоствореної чехословацької держави.[6] Усупереч усіляким сучасним наративам ніхто тоді не працював над створенням власної «русинської» літературної мови для 320 000 або й трохи більшої кількості людей.[7]

3 Про Олександра Духновича, якого сучасні русини представляють як свого «русинського» національного поета, див. Мозер (2008).

4 Див. приклади в антології Дуліченко (Дуличенко 2008: 144–146).

5 «Руський або малоруский языкъ дѣлить ся на чотыри нарѣчия, и то: 1) на черленоруський, 2) на полудньовый малоруський (полудне-всхо̀дный малоруский), 3) по̀вно̀чно-малоруский (по̀вно̀чно-всхо̀дный малоруский), и 4) бѣлоруский» (Чопей: XXIII–XXIV)

6 Про мовну політику див. Мозер (2011).

7 Див. чеський «Меморандум» 1920 р.: «Podle úředního soupisu z r. 1910, z doby vlády mad'arské, tvoří většinu obyvatelstva tohoto territoria

1921 р. Августин Волошин оприлюднив в Ужгороді брошурку п.н. «О письменном языцѣ подкарпатских русинов», у якій відгукнувся на москвофільську полеміку проти мовної політики в Підкарпатській Русі й української мови як такої, пишучи особливим різновидом української мові з чималою кількістю місцевих, закарпатських елементів, та окремим видом етимологічного правопису (т.зв. «панькевичівкою») (Волошин 1921).[8] Головний зміст брошурки зосереджений в цих словах:

> "Мы стоиме рѣшучо за руснацькою народною письменностю, бо она мае минувшину у насъ,[9] отже и будучность мае. Сего ради скажеме такъ: Кто хоче братися до просвѣщеня народа, тотъ повиненъ по руськи, нашимъ словомъ, руснацькимъ складомъ писати, а то такъ, якъ наші дѣды писали передъ 200 роками, однакожъ съ увагою на поступъ языкового розвою; то єсть по народному.
>
> Та что значить по народному писати? Задержаньем малоруського (руснацького) характера так пишѣмъ, якъ народъ говорить: по просту, ясно, бо сила языкова у народу; але безъ кривды нашихъ нарічій [так!]. [...]
>
> Язык долишнян переповнен мадяризмами и словакизмами, а на Верховинѣ найчистѣйше сохранився народный характер языка.

---

obyvatelstvo slovanské, a síce Rusíni počtem 319.361, na druhém místě podle sčítaní mad'arského Mad'aři 169.434 – v počtu tom zahrnuty jsou zajisté i jiné národnosti (úřednictvo atd. jiných národnosti, zejména slovanské, které bylo nuceno hlásiti se za Mad'ary), na třetím jsou židé 84.697, pak Němci 62.187, Rumuni 15.387, Slováci 4057 a jiných 1602. Domorodé obyvatelstvo slovanské, po většině drobní zemědělci, pastevci, jsou usedlí po většině na venkově, kdežto Mad'aři, židé a Němci sídlí v městech.

Větší města tohoto území jsou: Užhorod s 16.919 obyvateli, Munkačevo s 17.275 obyv., Beregsáz s 12.933 obyv., Hust s 10.292 obyv., ~~a Marmarošský Sihot s 21.370 obyv.~~» [так, кінець викреслено, адже Сигіт Марморoський після неуспішних боїв Української Галицької Армії з румунами став частиною Румунії, М. М.] (Меморандум 1920: 3).

8 Усе це відповідало офіційній мовній політиці Праги, див. Мозер 2011, див. також Маґочій (1978). Про роль Івана Панькевича в Підкарпатській Русі див. Мозер (2010).

9 Зазвичай -ъ наприкінці слів не пишеться, проте де-не-де воно виринає.

Кромѣ того сим нарѣчіем говорить огромное большинство великого 40-миліоного малоруського народа" (Волошин 1921: 35–37).[10]

Завдяки неабиякому значенню Президента «Карпатської України» (1939 р.) для Закарпаття й для всієї України деякі твори Августина Волошина перевидано і в самостійній Україні. Це було особливо важливо не останньою чергою через те, що за радянських часів Волошин, якого вбили радянські спецслужби, був суворо заборонений. «Вибрані твори» Августина Волошина вийшли 2002 р. в Ужгороді в доволі грубому виданні (528 с., з ілюстраціями), яке лягло в основу видання творів на сайті «Ізборник» (www.litopys.ua) (Волошин 2002).[11] За впорядкування, вступну статтю та примітки відповідає покійний закарпатський україніст Олекса Мишанич, який у примітках зазначає однозначно, що «видання [...] не належить до академічних, а розраховане на масового читача» (Мишанич 2002), та повідомляє про те, що «[п]ринципи мовного редагування текстів розроблені разом з професором Ужгородського національного університету П.П. Чучкою під час підготовки до друку творів 1995 р. [...]» (там-таки).

---

10 У виданні 2002 р. читаємо: «Ми стоїме рішучо за руснацькою народною письменностю, бо она має минувшину у нас, отже, і будучность має. Сего ради скажеме так: Хто хоче братися до просвіщеня народа, тот повинен по-руськи, нашим словом, руснацьким складом писати, а то так, як наші діди писали перед 200 роками, однако ж з увагою на поступ язикового розвою, то єсть по-народному.
Та што значить по-народному писати? Задержанєм малоруського (руснацького) характера, так пишім, як народ говорить: попросту, ясно, бо сила язикова у народу; але без кривди наших нарічій. [...]
Язик долішнян переповнений мадяризмами і словакізмами, а на Верховині найчистіше сохранився народний характер язика. Кромі того, сим нарічієм говорить огромноє большинство великого 40-мільйонного малоруського народа».

11 Усі приклади з осучасненого видання взято з інтернету, при цьому всі форми порівняно з паперовим виданням. Певна річ, електронне видання має ту перевагу, що всі форми можна знайти електронними пошуками (див. Волошин 2002).

«Головні засади» видання таким чином походять з кола провідних українських філологів Закарпаття.

У примітках редактор слушно відрізняє головні засади в залежності від мови Волошинових творів, при цьому на особливу увагу заслуговує вказівка редакторів на той безспірний факт, що за міжвоєнної доби Волошин — так само, як ціле покоління його сучасників — фактично лише вивчав і засвоював українську мову:

> 1. Тексти, писані А. Волошином українською літературною мовою, друкувати без будь-яких змін, аби читач на їх підставі побачив і відчув ту форму й кондицію української мови, якої Волошин досяг протягом останніх двадцяти років свого життя.
> 2. Праці, писані угорською та латинською мовами, друкувати в перекладі на сучасну українську літературну мову. Ілюстративний матеріал і цитати, які наводить А. Волошин угорською, латинською, німецькою, чеською, польською та російською мовами, подавати без перекладів (там-таки).

Стосовно третьої групи, яка нас окремо цікавить, повідомляється:

> 3. У текстах, писаних т. зв. руською мовою чи мовою карпаторуською (період до середини 20-их років), не втручатися ані в лексику, ані в фразеологію, ані в морфологію, ані в синтаксис автора, однак аби зробити ці тексти доступнішими для масового читача та уникнути можливих різночитань, графіку, а частково і правопис Волошинових праць першої чверті XX ст. приводити у відповідність до норм сучасного українського письма [...:] *ѣ — і*; *ї*, *ъ — Ø*; *ы — и*, *быти — бути*, *э — е*, *ô — і*, *е- — є-*, *его — його*, *рь > р* (*борьба > борба*). [Далі змінювати згідно з 11-томним Академічним словником:] *-ский, -цкий*; *-ут, -ют, -сме, -сте*, *господарскій, нѣмецкій, борются, робилисме — господарський, німецький, борються, робилисьме*,[12] *и- — і-* (*инший*,[13] *историчний — інший, історичний*), *нашои*, *роздвоити*, *Украина — нашої, роздвоїти, Україна*), *и* в словах іншомовного походження — *і*, *-овати — -увати*, *-ировати — -увати*, *-ий* та *-ій* [...]; *-оє — -е*, *-ѣйш- — -іш-*, написання слів із

12 Насправді в оригіналі, як і в перевиданні, форма вживається з апострофом перед закінченням: *не робили'сме* (5) / *не робили'сьме*.

13 Насправді замінено й вигляд кореня: *в иньших* (28) / *в інших*.

подвоєнням приголосних, спрощенням у групах приголосних та з уживанням апострофа [...], уживання великої літери у власних назвах та пунктуацію (там-таки).

Далі подано:

Інші редакційні втручання у правопис голосних та приголосних не є суттєвими: [змінено згідно з 11-томним Академічним словником:] *абсолутизм, ани, глубокий, горячій, єднако, жіють, імени, каждый, кто, люде, мадяре, наши, славянскій, высшій, классовый, култура, мілліон, можна, несчастье, норвежскій, от* [насправді й *от*-, М.М., див. *откликом* (36)], *почта, против, Россія, с, сближеніе, сердце, серіозный, сей, ци* [...] (Мишанич 2002).

Деінде ще вказано на те, що уодноманітнено «багато паралельних форм і написань [...] [на кшталт] *култура*/*культура, прилученє*/*прилученя, которыи*/*котрый, первый*/*перший, своего*/*свого*» (там-таки).

Редактор, Олекса Мишанич, був філологом такого формату, що не цурався зазначити, що був «свідомий тих недоглядів і сумнівних місць, які трапляються в оформленні окремих текстів А. Волошина за сучасним правописом, та пояснюються вони складністю вживаного автором правопису і недостатнім до кінця 20-х рр. володінням ним нормами української літературної мови» (там-таки). Попри все варто звернути увагу на те, як далеко насправді сягнула редакція конкретного тексту, Волошинової брошурки п.н. «О письменном языцѣ в Подкарпатской Руси»:

1. Непослідовно проведені вказані зміни (переважно щодо правопису):

Кто (4, 28, 29) / *хто* поряд з *кто*; *организовати* (3) / *орґанізувати*, *констатировала* / *констатувала* (10) поряд з *переслѣдованя* (15) / *переслідованя*; *с силою глубокого убѣжденя* (42) / *з силою глибокого убіжденя*, *глубоко* (18, 28...) / *глибоко* супроти *из причины* глубокоѣ неорієнтаціи (4) *із причини* глубокої неорієнтації; *высше помянутого закона* (19) / *вище пом'янутого закона* (див. також: *найтяжше* (6) / *найтяжче*) супроти *высших класс* (6) / *висших клас*, *высших*

понятій (22) / *висших понятій*, *ниже подписанный* (29) / *ниже подписаний*; *можно* (7, 22) супроти *можна*, *можно*. Вказано, але з недостатньою точністю, заміну твердих прикметникових основ м´якими: *из теперѣшноѣ революціи* (18) / *із теперішньої революці*, *давными* (33) / *давніми*, *посторонными* (42) / *посторонніми*, *послѣдного* (38) / *послідного*. Непослідовно редагуються рефлекси давніх груп *ьj*, які і в Волошина виступають у різних формах: *поколѣня* (28) / *покоління*, *роздвоєнье* (5) / *роздвоєня*, *описанія* [род. одн.] (15) / *описанія*, *старанія* [наз. мн.] (13) / *старанія*; *сим роздвоеньем* (4) / *сим роздвоєнєм*, див. ще: фонетичною *правописю* (29) / *фонетичною правописсю*; *статю* (13) / *статтю*, *статѣ* [наз. мн.] (26) / *статті*, *в тых статях* (26) / *у тих статтях*, *пару статьей* [!] (40) / *пару статей*. Інколи читач осучасненого видання не усвідомлює непослідовність Волошина щодо окремих форм, див. *экономично* (3) й *економичноѣ* (6) / *економічно*, *економічної*; *30-милліонный* (6) та *40-миліоного* (37) / *30-мільйонний*, *40-мільйонного*; *мадьяре* (7) поруч з *Мадяре* (25) / *мадяри*, *Галичане* [!] (14) / *Галичани*. Часом непослідовності Волошина відповідає зовсім непередбачана непослідовність в осучасненому виданні, див. *отзываєся* (4), *отвѣтила* (8), *отвѣчає* (9), *отрывок* (35) / *одзиваєся*, *одповѣдае* (5) / *отвітила*, *одвічає*, *отривок, відповідає*; див. також: *с нами в'едно робили Бескид і Гагатко* (3), *с Акад. Наук* (17), *со стороны шизматицкоѣ церкви* (16); *сдѣлав* (30) / *з нами в'єдно робили Бескид і Ґаґатко*, *з Академією Наук* // *со сторони схизматицької церкви*; *зділав*. Щодо форм з коренем *ед*(*и*)*н-*, редактори лише вказують на заміну форми *еднако*; насправді, заміни сягають далі, при цьому їх не проведено послідовно згідно з правилами сучасної стандартної мови: *едно* (*або другое правило*) (38) / *одно або другоє правило*, *един новинарь* (18) / *один новинар*; *един другого* (36) / *один другого* [...], але: *поеднѣческѣ политики* (40); *поодні чеські політики*; *от языка по едных писателей* (5) / *од язика поєдиних писателей*; *об'единити* (7, 2x) / *об'єднати* (2x); *об'единеня* (3) / *об'единеня*; *еднако* (11, 13, 30, 40) поруч із *однако* (34), *еднаку роль* (20); *однако*, *однаку роль*. Варто зазначити, що серед змін щодо подвійних приголосних окрему групу становлять дієприкметники, див. *шкода за утраченное время* (22) / *шкода за утраченоє врем'я*.

1-1. Невказані зміни щодо правопису:
(*едность*) *русских* (*племен*) (40) / (*єдность*) *руських* (*племен*); *они* (41), *оно* (22); *вони*, *воно*; *где* (11, 28, 29...) / *где* поряд з *де*; *что* (32, 40...); *чтобы* (33, 34...), *чтоб* (36), *прочто* (37, 40) / *што*, *штоби*, *штоби*, *прошто* поруч із *чтобы мы подали причины изовсѣм об'єктивно* (8) / *чтоби ми подали причини і зовсім об'єктивно*); *чѣм лѣпше* (16), *ничѣм* (42) поряд з *ничим* (42) / *чим ліпше*, *нічим*; *исполнити „неисполнимую затѣю"* (22) / *ісповнити „неисполнимую затею"*; *царь Александ**ер*** [!] (12, 14) / *цар Александр II*; *христіанство* (10) / *християнство*, *діялектологичный матеріял* (28) *діалектологічний матеріал*; *серіозна* (11) / *серйозна*; *крестьян* (16) / *крестян*; *до конца* (11, 29), *к концу* (15), *из за границы* (15), *украинцов* (16), *пословицами* (23), *лица* (41) / *до конця*, *к концю із-за границі*, *українцьов*, *пословицями*; *лиця*; *организовати* / *орґанізувати*, *урегулированя* (4) / *урегулювання*, *интеллігенцію* (4) / *інтеліґенцію*, *агитатором-шизматиком* (41) / *аґітатором схизматиком*; *далше* (18), *цѣльком* (30); *дальше*, *цілком*; *петербургскоѣ* (8), *Петербургска* (15), *норвежскій* (7), *пражскѣ централисты* (40) поруч із *ческѣ* [!] *политики* (40) / *Петербурзької*, *Петербурзька*, *норвезький*, *празькі централісти*; *чеські політики*; *поверхностно* (23), *намѣстника* (28) / *поверхносно*, *намісника*; *первыйраз* (15, 16) / *первий раз*; *в осени 1918. рока* (41) / *восени 1918 рока*; *чиж дивниця* [...] (28); *чи ж дивниця*; *Н. Устянович* (22) / *Н. Устиянович*.

2. Морфологія

2-1. Різний рід: *правопись* (39), *хаос правописи* (18), *в справах правописи* (36), *фонетичною правописю* (29) / *правопис*, *хаос правопису*, *у справах правопису* поруч із *фонетичною правописсю*; *Гукливскій лѣтопись* (23), *частину из лѣтописа* (35), *Унгварскій рукопись* (23) / *Гукливський літопис*, *частину з літописа*, *Унґварський рукопис*.

2-2. Різні форми кореня: *8. децембря 1880 р.* (14) / *8 децембра 1880 р.*; *церкви св. Юря у Львовѣ* (17) / *св. Юра у Львові*; *шизматицка* (15), *шизматицкоѣ* (16), *агитатором-шизматиком* (41) / *схизматицька*, *схизматицької*, *аґітатором схизматиком*; *игноранцію* (28)

/ *іґнорацію*; *обзнакомленый* (33) / *ознайомлений*; *середних школ* (6) / *середніх шкіл*; *подольскоѣ* (9) / *Подільської* поруч із „*руська тройця*“ (29) / „*Руська тройця*“; *перва* (11), *первою* (40), *перва заборона* (11); *перша*, *першою*, *перва*;[14] *не малу роль играе* (41) / *немалу роль грає*; *приняв* (5) / *прийняв*; *ихъ западничество нашло почву* (11) / *їх западничество найшло почву*; *осужденой* [!] *„неисполнимой затѣи“* (21), *осудженых* (12), *осуджуе* (27, 32) / *осудженой „неисполнимой затеи“*, *осуджених, осуджує*; *розберати* (15) поруч із *розбирав* (22) / *розбирати*, *розбирав*; *розвой* (36) поруч із *розвиток* (36) / *розвиток*, *розвой языка* (42) / *розвой язика*; *плыне* (34) *пливе*; ; *Орленка* (29) / *Орлика*; *Святогорська партія* (17) / *Святоюрська партія*; *брошура п. Игоря Гусьняя* (4) / *брошура п. Ігоря Гусьная*, *п. Гусьняй* (5...) / *п. Гусьнай*, *пан Гусьнай* (33...) / *пан Гусьнай*, *Гусьнаю* (22) / *Гусьнаю*.

2-3. Різні форми граматичних афіксів: *Церков* (15) / *Церква*; *графа Толстоя* (12) / *Графа Толстого*; *с помочью* (5, 17) / *з помочею*; *о Бисмаркѣ* (15) / *о Бисмарку*; *о том успѣхѣ* (29) / *о том успіху*; *еще в 1907 року* (37) / *іще в 1907 році*; *о языцѣ и правописи* (5) / *о язиці і правописі*; *москвофилов* (4), *филологов* (8), *малороссов* (14), *жандармов* (13), *писательов* (28) / *москвофілів*, *філологів*, *малоросів*, *жандармов*, *писательов*; *брошуру о русско-польськом и русско-малоруськом вопросѣ* (14) / *брошуру о російсько-польському та російсько-малоруському вопросі*; *в обширном докладѣ* (15) / *у обширному докладі*; *потом* (15) / *потому*; *в котрôй* (7) / *в котрій*, *сей задачѣ послужити* (5) / *сій задачі послужити*; [*реакція*...] *много пришкодила и самой сей письменности* (14) / [*реакція*...] *много пошкодила і сей письменности*, проте: *на нашой земли* (24) / *на нашой землі*; *нашего родного слова* (18) / *нашого родного слова*; *по нашему* (27, 28...) / *„по-нашому“*, *нашему* (35) / *нашому*, але *по нашей гадцѣ* (39) / *по нашій гадці*; *для чего* (25) / *для чого*; *грошевою наградою* (30) / *грошовою наградою*; *Харьковского университета* (12) / *Харківського університета*; *Мукачевского* (23) / *Мукачівського*; *проповѣдає* (16) / *проповідує*, *покликуються* (25) / *покликаються*; *великорусского языка они добрѣ* [тобто: *добр*[*і*]] *не знають* (18) / *великорусь-*

14 У примітках вказано на цю зміну, проте її не проведено послідовно.

кого язика они добре не знають; *дале* (26) / *далі*; *поможеме* (39) / *поможеме* [...] поруч із *радиме* (22) / *радимо*, *наведеме* (25) / *наведемо*, *згадуєме* (28) / *згадуємо*, *найдеме* (32) / *найдемо*; закінчення дієприкметників у присудку: *Язык долишнян переповнен мадяризмами и словакизмами* (37) / *Язик долішнян переповнений мадяризмами і словакізмами*; *законы великорусскоѣ правописи примѣнены до великорусского* (20) / *закони великоруської правописи примінені до великоруського*; *не были введены* (33) / *не були введені*.

2-4. Різні форми словотворчих афіксів: *энергично* (8) / *енерґійно*; *насильственных стѣсненій* (10) / *насильних стісненій*; *толковное* (23) / *толковоє*; *критизовати* (38) / *критикувати*; *розсказав* (14) / *розказав*, *одчужило* (28) / *очужило*; *стремитися к обчищенію языка* (42) / *стремитися к очищеню язика*; *обзнакомленый* (33) / *ознайомлений*; *неотпустительный грѣх* (19) / *недопустительний гріх*; *подобну игноранцію проказуе п. Гусьнай* (28) / *подобну іґнорацію показує пан Гусьнай*; *народнопросвѣтной роботѣ* (5) / *народноосвітной роботі*; [*реакція*] *пришкодила* (*и самой сей письменности*) (14) / [*реакція*] *пошкодила* (*і сей письменности*); *взнестися* (22) / *вознестися*; (*а сесим и поможеме*) *шireню* (*просвѣты*) (39) / (*а сим і поможеме*) *поширеню* (*просвіти*); *Алекс. Бонкалов* (8) / *Алекс. Бонкало*, *Петевфіого* (33) / *Петефійого* поруч із *руського „Петевфія“* (12) / *руського „Петевфія“*.

2-5. Рухома частка ся супроти постфіксу: *латинське слово minister по-великоруському може ся писати так:* „министерь“ (20) / *латинское слово „minister“ по великорусскому одповѣдно може ся писати так* (20); *мѣстна автономія русинов можеся толковати* (18) / *містна автономія русинов може ся толковати*, але: *се маєся писати так: „прійду“, ибо перед* й *не можеся писати буква* и (20) / *се має писатися так:* „прійду“*, ібо перед* й *не може писатися буква* и; *не розвивала бы ся* (33) / *не розвивалася би*; *выдаваемѣ учебники также маються держати до едноѣ нормы* (38) / *видаваємі учебники также мають держатися одної норми*; *не знаються од него одорвати* (40) / *не знають од него одорватися*.

2-6. Різні форми займенників: *у него* (20)[15] / *у нього*; *в его брошурѣ* (23) / *в єго брошурі*; *с еѣ казками* (23) / *з її казками*; *треба было еѣ плекати* (24) / *треба було її плекати*, *звѣдайте еѣ* (34) / *звідайте її*; *9* (5) / *з помочею єї*.

2-7. Різні закінчення прикметникових прикметників і займенників: *чужое незрозумѣлое* (33) / *чужое незрозумілоє*, *мягкое* і (20) / *м'ягке* і, *культурное поднесенье малороссов* (16) / *культурне поднесеня малоросов*; *то самое выповѣла* (37) / *то само виповіла*; *сія же изовсѣм утратила здорову орієнтацію* (4) / *ся же зовсім утратила здорову орієнтацію*; *сіе слово* (20) / *се слово*; *сіи споры* (3) / *сі спори*, *сіи предписано писати* (19) / *сі предписано писати*, *сѣ новѣ слова* (33) / *сі нові слова*; *св. Синод не дав своего благословенія* (14) / *св. Синод не дав свого благословенія* супроти *ворогом своего материнского слова* (42) / *ворогом свого материнського слова*.

2-8. Доданий суперлативний префікс най-: *головнѣйшими перепонами об'единеня* (3) / *найголовнішими перепонами об'єдиненя*.

2-9. Різні форми прийменника: *Сесь письменный малоруській язык во II. половинѣ XVII. в.* (11) / *Сесь письменний малоруський язик в II половині XVII в.*

2-10. Запровадження милозвучності / заміна традиційних форм прийменників і префіксів: *так в „Читанцѣ"* (8) / *так у „Читанці"*; *Петр. Академія Наук в спомянутом докладѣ* (10) / *Петроградська Академія Наук у спом'янутом докладі*; *В тых часах* (12...) / *У тих часах*; *аж в Москву* (16) / *аж у Москву*; *общим скарбом всѣх руських племен* (6) / *общим скарбом усіх руських племен*; *не удасться* (22) / *не вдасться* супроти *не удалося* (22) / *не вдалося*; *на то классично указуе Академія* (21) / *на то класично вказує Академія*; *зачали наши попы учитися в Тернавѣ* (24) / *зачали наші попи вчитися у Тернаві*; *межи давными уживаными в литературѣ* (33) / *межи давніми вживаними в літературі словами*; *спинили и розвиток малоруськоѣ*

15 У примітках згадано про цю заміну, проте її не проведно послідовно.

литературы (12) / *спинили й розвиток малоруської літератури*; *малоруського языка и народа* (15) / *малоруського язика й народа*; *розогнати и хаос правописи* (18); *розогнати й хаос правопису*; *По латинѣ они й говорили и вже смѣялися* (24) / *По-латині они й говорили і вже сміялися*; *розвой языка ишов* (42) / *розвой язика йшов*; *Кто хоть мало обзнакомленый з малоруським письменством* (33) / *Хто хоть мало ознайомлений із малоруським письменством*; *Из „Листка“ Квітки* (11) / *З „Листа“ Квітки*; *освободив Шевченка из тюрмы* (12) / *освободив Шевченка з тюрми*; *Русины из 1868 року* (26) / *Русини з 1868 року*; *Многѣ из межи ворогов* (40) / *Многі з-межи ворогов*; *полонизмы не измѣнили народного характера языка* (34) / *полонізми не змінили народного характера язика*; *измѣнити* (34) / *ізмінити*; *туй дуже мало измѣнено* (39) / *туй дуже мало змінено*; *сія же изовсѣм утратила здорову орієнтацію* (4) / *ся же зовсім утратила здорову орієнтацію*; *майже изовсѣм к такому результату дойшов* (37) / *майже зовсім к такому результату дойшов*; *чтобы мы подали причины изовсѣм об'єктивно* (8); *чтоби ми подали причини і зовсім* [ідеться про реінтерпретацію] *об'єктивно*.

2-11. Заміна функційних слів або зміна їхнього вигляду: *кождый* (7) / *каждий*, але *каждый вѣрний славянин* (6, 34) / *каждий вірний слов'янин*, *кождый* (33) / *кождий*; *жадна* (33) / *жодна*; *богато* (11) / *багато*; *куда* (34) / *куди*; *чтобы* (33, 34...) і *чтоб* (36) / *штоби*; *из юго так и западноруських элементов* ***еще*** (*в XIV. в.*) (10) / *із юго- і западноруських елементов* іще *в XIV в.*; *что* ***еще*** *в эпоху доисторичну* (10) / *что* ***іще*** *в епоху доісторичну*; *и сесим вызвала боротьбу против властей Росіи* (16) / *і сим визвала боротьбу против властей Росії*; *сесю партію* (17) / *сю партію*; *А сесим и поможеме ширеню просвѣты* (39) / *А сим і поможеме поширеню просвіти*; *тот наш самоучок* (22) / *той наш самоучок* супроти *тот интеллигент* (40) / *тот інтеліґент*, *той знае* (33) / *той знає*; *не настала еще тота свѣтлость* (18) / *не настала іще та світлость* супроти *тота стара письменность* (24) / *тота стара письменность*; *из причины* глубокоѣ неоріентаціи *нашоѣ публики в сем-то вопросѣ* (4) / *із причини* глубокої неорієнтації *нашої публіки в сьому вопросі*; *сѣм-там* (4, 19) / *сям-там*; і *вмѣсто* и (19) / і *замість* и, але *мѣсто* чужоѣ велико-

рущины (24) / *місто чужої великорущини*, *мѣсто* (34) / *місто*; *ибо* (14, 20...) / *бо*, але *ибо* (18, 20...) / *ібо*; *доколѣ* (28) / *доколь*; *против* (10, 33...) / *проти*, але *против* (16) / *против*; *хотя* (40) / *хоча*; заміна вказівних займенників: *послѣ* ***сего*** *хотяй дуже короткого описанія* (15) / *послі того хотяй дуже короткого описанія*; заміна союзів: (*лишь буквы* а) *и* (у *мають еднаку роль так в мало-, як в великорусском языцѣ*) (7); (*лиш букви* а) *та* (у *мають однаку роль так у мало-, як і в великоруськом язиці*); *говорили та писали по руськи* (24) / *говорили й писали по-руськи, тверезый та розумный голос „Верховинця“* (26) / *тверезий і розумний голос „Верховинця“*; неправильна заміна: *в справах правописи всягды у всѣх народов рѣшали лиш до того розумѣючѣ люде* (36) / *у справах правопису всюди, у всіх народов рішали лиш до того розуміючі люди*.

2-12. Різні форми й інтерпретації складених і нескладених слів: *междоусобна* (4) / *междуособна*; *так вокализм, як и морфолонія* [так] *и загально* [тобто: *загалом*] *языкова природа малороссов ближе стоить к южно-славянским, як к сѣверо-славянским народам* (15) / *так вокалізм, як і морфолоґія і загальноязикова природа малоросов ближе стоїть к южнослов'янським, як к сіверослов'янським народам*; *малоруськими учеными богословами* (11) / *малоруськими ученими-богословами*; (див. також неоднозначне *вел. русскій язык* (11) супроти однозначному *великий русский язик* (11)).

2-13. Зміна числа: *с ворогами свободы нашоѣ* (4) / *з ворогом свободи нашої* (4); *правительства* [так] *и филолог. факультеты университетов кіевского и харковского* (9) / *правительство і філолоґічні факультети університетів Київського і Харківського*.

2-14. Зміна виду дієслова: *сближалися к народному языку, желаючи* ***сохраняти*** *руську букву, руськое слово* (3) / *зближалися к народному язику, желаючи* ***сохранити*** *руську букву, руськоє слово*; *треба знати* ***розлучати*** *язык од политики* (5) / *треба знати* ***розлучити*** *язик од політики*; *Если* ***розбераеме*** *причины вытвореня сих языков из общегерманского* (7) / *Єсли* ***розбереме*** *причини витворення сих язиков із общегерманського*; *не е научных „основаній“* ***назвати***

общерусским теперѣшный „вполнѣ великорусскій“ русскій литературный язык (10) / *не є научних „основаній“* ***називати*** *общерусским теперішній „вполне великорусский“ русский литературный язык*; *их газета „Сіонъ“ первыйраз* ***обвиняла*** *украинцов в сепаратизѣ* (16) / *їх ґазета „Сіон“ первий раз* ***обвинила*** *українцьов у сепаратизмі*; *за что Духнович дуже* ***сердився*** (24) / *за что Духнович дуже* ***розсердився***; *Кто береся* ***рѣшати*** *языковый вопрос, повинен бы знати також дещо про словарцѣ* Святицького, Гнатюка *та* И. Верхратського (28) / *Кто береся* ***рішити*** *язиковий вопрос, повинен би знати також про словарці Святицького, Гнатюка та І. Верхратського*.

2-15. Часткове або повне (частково сумнівне) розшифрування скорочень і чисел: *под загл.* (40) / *под заголовком* (тут фактично йдеться про зміну вигляду кореня); на пр. (20, 40), *напр.* (37, 38, 40), *пр.* (34) / *наприклад*, *приміром* (див. вище: Волошин переважно вживав форму *примѣр*); *россійська внутр. политика и полиція* (14) / *російська внутрішня політика і поліція*; *В 4. ч. из 1867 року* (24) / *У четвертому числі з 1867 року*; *В 1. числѣ* (25) / *У першому числі*, *В 34. Числѣ* / *У 34-ому числі*, *В 19 ч.* / *У 19-ому числі*.

3. Повна заміна лексем:

Стихотворы (23) / *твори*; *на примѣр* (39) супроти *на приклад* (35) / *наприклад*; *вьєдно* ***роздувають*** *ненависть* (41) / *в'єдно* ***розвивають*** *ненависть*; *политика* ***цареславного*** *абсолутизма* (8) / *політика* ***преславного*** *абсолютизма*, пор. *цареславного абсолютизма* (15) / *цареславного абсолютизма*; *реакція Російскоѣ полиціи против* ***природного*** *розвоя малоруськоѣ письменности* (14) / *реакція Російської поліції против* ***народного*** *розвоя малоруської письменностин*; *не удалося то на Украинѣ, не удалося в Галичинѣ, даже и на православной Буковинѣ* (22) / *не вдалося то не Україні, не вдалося в Галичині, даже на православной Буковині*; *не удалося то* ***на*** *Украинѣ, не удалося в Галичинѣ, даже и на православной Буковинѣ* (22) / *не вдалося то* ***не*** *Україні, не вдалося в Галичині, даже на православной Буковині*; однозначно помилково: *в дѣлѣ урегулированя* ***почтовоѣ*** *администраціи установлено точки требованій от министерства почт.*

(4) / *в ділі урегулювання* ***початкової*** *адміністрації установлено точки требованій од міністерства почт*; *кто хоче знати* ***по малоруськи****, тот не потребуе великоруськоѣ граматики* (29) / *хто хоче знати* ***помадярськи****, тот не потребує великоруської граматики*.

4. Пропущені слова:

Забаламутили ***умы*** *и сердця наших людей* (3) / *забаламутили і серця наших людей*; ***безпосередно*** *перед революціею* (3) / *Ø перед революцією*; ***Но*** *кто спознае исторію розвитка письменного малоруського языка* (4) / *Хто спознає історію розвитка письменного малоруського язика*; *ани едным аргументом не поддержуе (****и*** *не може) свое великорусское становиско* (5) / *ані єдним аргументом не поддержує (— не може) своє великорусское становисько*; *даже* ***и*** *под Мадярами* (41) / *даже под мадярами*; *не удалося то на Украинѣ, не удалося в Галичинѣ, даже* ***и*** *на православной Буковинѣ* (22) / *не вдалося то не Україні, не вдалося в Галичині, даже на православной Буковині*; *боронила писати, печатати и даже* ***и*** *говорити по малоруськи* (15) / *боронила писати, печатати і даже говорити по-малоруськи*; *таких народов, котрых роздвоила исторія, найтяжше* ***в едно*** *сковати правѣ на поприщѣ языка* (6) / *таких народов, котрих роздвоїла історія, найтяжче скувати праві на поприщі язика* (6); *Може ктось звѣдати, ож прочто выбрала анкета за образець* ***правѣ*** *верховинскій говор* (37) / *Може хтось звідати, ож прошто вибрала анкета за образець верховинський говор*; [*реакція...*] *много пришкодила и* ***самой*** *сей письменности* (14) / [*реакція...*] *много пошкодила і сей письменности*; *туй лиш* ***то*** *зазначу, что из гласных лишь буквы* а *и* у *мають еднаку роль так в мало-, як в великорусском языцѣ, другѣ гласнѣ буквы всѣ иншак* ***выповѣдаются и*** *переголосуються* (20) / *туй лиш зазначу, что із гласних лиш букви* а *та* у *мають однаку роль так у мало-, як і в великоруськом язиці. Другі гласні букви всі іншак переголосуються*; *Что се неправда,* ***длясего*** *укажеме лишь на граматику Лучкая* (7) / *Что се неправда, укажеме лиш на граматику Лучкая*; *Если бы быв* ***на примѣр*** *хоть дачто читав из Шашкевича, мог бы быв видѣти* (22) / *Єсли би був хоть дачто читав із Шашкевича, мог би був видіти*; *Кто береся рѣшати языковый*

вопрос, повинен бы знати також ***дещо*** *про словарцѣ* Святицького, Гнатюка *та* И. Верхратського (28) / *Кто береся рішити язиковий вопрос, повинен би знати також про словарці Святицького, Гнатюка та І. Верхратського*; *в своей по мадярски написанной малоруськой граматицѣ „Gyakorlati Kisorosz Nyelvtan“* ***р. 1907.*** (29) / *у своей по-мадярськи написаной малоруськой граматиці „Gyakorlati Kisorosz Nyelvtan“*; *высказати свои думки, чувства та настроѣ* (33) / *висказати свої думки*; *так и у нас* ***чешскѣ филологи,*** *чешскѣ слависты заступають права нашого родного слова* (18) / *так і у нас чеські славісти заступають права нашого родного слова*; *як можно нашим языком без чужоѣ примѣшки* ***и найвысшѣ понятія*** *о Бозѣ гладко выговорити* (22) / *як можно нашим язиком без чужої примішки о бозі гладко виговорити*; *Тым способом вводиться все* ***и все*** *новѣ й новѣ слова до кождоѣ литературы* (33) / *Тим способом вводяться все нові й нові слова до кождої літератури*. Чимало пропущених слів є в такому фрагменті: *не хочеме* ***вже*** *блудити,* ***як блудили нашѣ отцы? Не хочеме блудити*** *шукати чужих богов, а хочеме творити и розвивати нашу родну материнску бесѣду и културу* (28) / *не хочеме блудити, шукати чужих богов, а хочеме творити і розвивати нашу родну материнську бесіду і культуру*.

5. Додані слова:

На Украинѣ, як в Галичинѣ (14) / *На Україні, як* ***і*** *в Галичині*; *из гласных лишь буквы* а *и* у *мають еднаку роль так в мало-, як в великорусском языцѣ* (20) / *із гласних лиш букви* а *та* у *мають однаку роль так у мало-, як* ***і*** *в великоруськом язиці*; *В Россіи упав царизм, упала нерозумна погубоносна реакція* (18) / *У Росії упав царизм, упала* ***і*** *нерозумна погубоносна реакція*; *бо то не наш, то тяжкій для нас, изовсѣм иншак выповѣдаеся* (5) / *бо то не наш, то тяжкий для нас,* ***і*** *зовсім іншак виповідався*.

6. Синтаксичн зміни:

Вжиток зв´язки *є*: В. *Винниченко* ***е*** *великим драматургом, но не* ***е*** *майстром слова* (33) / *В. Винниченко* ***є*** *великим драматургом, но не* [*Ø*] *майстром слова*; *осудити, ци якоесь слово* ***е*** *зрозумѣлое чи нѣт* (33)

/ *осудити, чи якоєсь слово* [*Ø*] *зрозумілоє чи ніт*; заміна прийменників: *маються держати до едноѣ нормы* (38) / *мають держатися одної норми*; *цѣлый свѣт забыв за него* (40) / *цілий світ забув про нього*; заміна відмінка з прийменниками: *ширити просвѣту серед селянством* (13) / *ширити освіту серед селянства*; *А где подѣлася „Historia ecclesiae ruthenae“ написана Герасевичем з початком 19 вѣка?* (28–29) / *А где поділася „Historia ecclesiae ruthenae“, написана Герасевичем з початку XIX віка?*; *бо сила языкова у народѣ* / *бо сила языкова у народу*; *по отрывным частям* (38) / *по одривних частях*, але: *по всѣм славянским землям* (6) / *по всім слов'янським землям*; заміна союзів: *А* правопись — *то лишь конвенція, порозумѣнье филологов, ож як будуть они* ***и*** *за ними як мають другѣ писати* (36); *А* правопись — *то лиш конвенція, порозумінє філологов, ож як будуть они,* ***а*** *за ними як мають другі писати*; зміна взаємозв´язків слів у реченні: *котрым их родна школа почала отворяти очи и обучати их людским правам* (16) / *котрим їх родна школа почала отворяти очі і обучала їх людським правам*; *полонизмы галицкого, полонизмы и москализмы украинского и мадяризмы подкарп. руського языка не измѣнили народный характер малоруського языка* (42) / *полонізми галицькі, полонізми і москалізми українського і мадярського подкарпатського руського язика не змінили народний характер малоруського язика*; зміна взаємозв´язків речень: *Звычайно так говориться, что наша письменность дуже молода* (22) / *Звичайно, так говориться, что наша письменность дуже молода*[16]; *Але нам судилося иншак: — пише Стрипскій — коли* [...] (24) / *Але нам судилося іншак. Стрипський пише, що коли* [...]. Цікаво, що не змінено в осучасненому виданні двох синтаксичних мадяризмів: 1. Підмет у структурі «X і Y» (X і Y в однині) пов´язується з присудком в однині, див.: *Тарас Шевченко быв мужиком, котрого недавно выкупив писатель Жуковскій и художник Брюлов* (12) / *Тарас Шевченко був мужиком, котрого недавно викупив писатель Жуковський і художник Брюлов*; *мае побѣдити наука и правда* (18) / *має побідити наука і правда*; *Старѣ рукописи и людова словесность ясно говорить, что у нас*

16 Загалом на пунктуацію не звертаємо уваги, але в цьому випадку структура речення змінюється внаслідок коми.

была литература (23) / *Старі рукописи і людова словесность ясно говорить*, *что у нас була література*; дієслово *боятися* пов´язується з прийменником *од* з род. відмінком, див. угорське *félni valamitől*: *Они бояться од воскресеня русинов* (41) / *Вони бояться од воскресеня русинов*; *боялися од просвѣти селянского народа* (15) / *боялися од просвіти селянського народа*.

7. Зміна мови:

[...] *проф. Нідерле* [...] *признався, что „mezi Velkorusy a Malorusy jest rozdil hlubši. Jest nejen v jazyku nybrž i v tělě a v duši lidu: v povaze, temperamentu, v pisni a ovšem i v kroji, v obyčejich a zvycich“* [...] (40) / [...] *проф. Нідерле* [...] *признався, што „між великоросами і малоросами є різниця глибша. Вона не лише в мові, а й у тілі та в душі народу: в повазі, темпераменті, в пісні, але і в крої, в обрядах і звичаях...“*.

8. Наслідки орієнтації на «масового читача»

Не лише в українському контексті сучасні редактори часто опрацьовують мову виданих ними текстів з огляду на уявного «масового читача», хоча не завжди зрозуміло, ким саме є цей «масовий читач» і які його/її потреби. Скажімо, якщо певні тексти входять у склад «канону» певної літератури й якщо вони оприлюднюються в шкільних підручниках, намір уодноманітнення більш-менш зрозумілий, зокрема тоді, коли мова відповідного тексту насправді дуже близька до усталеної стандартної. Проте в багатьох інших випадках втручання значно менш переконливі, а часом і вкрай небажані.[17] Це зокрема стосується тих мов, які за часів постання виданих текстів ще не були остаточно усталені як стандартні або ще не функціонували як такі в безпосередньому оточенні виданих текстів і їхніх авторів.

17 Навіть редагування академічних видань часто викликає поважні сумніви, див. розгляд 50-томного видання творів Івана Франка, який запропонував нещодавно Орест Друль (Друль 2015).

1921 р., коли Августин Волошин оприлюднив брошурку п.н. «О письменном языцѣ подкарпатских русинов», цей текст, як і особисто його автор, стали надзвичайно важливими свідками поступового поширення сучасної української стандартної мови на заміну уживаних раніше та й ще надалі — паралельно з українською — дуже різноманітних ідіом, які часом називали «карпаторусскимъ языкомъ». Відстоюючи саме українську мову, Августин Волошин не писав нею з принаймні двох причин: 1. прихильники української мови усвідомлювали, що в конкретних мовнополітичних умовах ранніх 1920-х років у «Підкарпатській Русі» вони не могли раптом перейти на українську стандартну мову, чи в галицькому чи то в «великоукраїнському» вигляді; 2. сам Августин Волошин засвоював українську стандартну мову лише поступово; на початку 1920-х років він її, судячи з усіх відомих нам джерел, ще не знав дуже добре (див. хоча б видання Волошин 2002).

Саме тому, що предметом обговореного тексту є мова й мовні обставини ранніх 1920-х років у «Підкарпатській Русі», будь-які редакторські втручання в мову цього тексту ще менш бажані, ніж в інших випадках. Покликання на «масового читача» ще менш переконливі через те, що більшість Волошинових текстів навряд знайде читачів поза колами філологів та істориків, які 1. мають шанувати автентичність у будь-яких вимірах, включно з мовним, і 2. мають бути спроможними читати тексти й без редакторського опрацювання.

Розгляд редакторських втручань у мову Волошинової брошурки виявив доволі типову ситуацію: коли редактори вже вирішили змінити мову конкретного тексту, проведені зміни часто сягають далеко за ту сферу, яку вони визначили для себе й для читачів. Їхні зміни часто приховують вкрай цікаві властивості оригінального тексту, хоч вони проведені непослідовно. Мова в зредагованому тексті стає цілком іншою, ніж в оригіналі: у ній виринає дивне співіснування мовних прикмет, про які автор і редактори першодруків не мали жодного уявлення. Результат вкрай проблематичний, бо навіть якщо, можливо, не всі усвідомлюють так глибоко, як філологи, той безперечний факт, що сама мова є надзвичайно важливою складовою будь-якого тексту, навіть частина його змісту, то в будь-якому

разі мало хто ставить під сумнів, що тоді, коли замінюються, пропускаються й додаються слова, це може суттєво змінювати сенс будь-якого речення і будь-якого тексту.

Як було згадано вище, редакторські втручання мають ще додатковий вимір, коли певна мова ще не цілком усталена як стандартна в певному соціумі. Брошурка п.н. «О письменном языцѣ подкарпатских русинов» є одним з найцікавіших документів поширення української мови на Закарпатті. Не лише зміст брошурки, а й її мова заслуговують на окрему увагу, при цьому місцеві прикмети цієї мови є важливими фактами історії української мови, якими не слід нехтувати.

Мова брошурки, яка не є просто мовою Августина Волошина, але мовою Волошина й цілого гуртка колег навколо видавництва «Уніо», чудово показує, що саме в ранніх 1920-х роках межі між усілякими різновидами так званого «карпаторуської» мови, справжніми місцевими говірками та українською стандартною мовою ще не були чітко визначені навіть серед тих авторів, які однозначно вбачали закарпатські говірки «під українським дахом».[18] Розгляд Волошинової брошурки в черговий раз оприявнює, що дбайливе ставлення до мови оригіналу бажане не лише стосовно давніх рукописів або стародруків; воно не менш потрібне стосовно текстів з першої чверті 20 ст.; воно потрібне завжди.

Література

Аммон 2004 – U. Ammon. Standard Variety. In: H. E. Wiegand (ed.). *Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society*, vol. 1 (2nd ed.), Berlin: de Gruyter, 273–283.

Волошин 2002 – А. І. Волошин. *Вибрані твори*. Упорядкування, вступна стаття та примітки О.В. Мишанича. Ужгород: ВАТ Видавництво „Закарпаття”, 2002. Див. також: http://litopys.org.ua/volosh/volosh.htm

Волошин 1921 [2002] – А. Волошин. *О письменном языцѣ подкарпатских русинов.* Написав: Авг. Волошин. Ужгород: Печатано буквами акц. Товариства „Уніо“.

18 Термін «дах» вживається згідно з традиціями Гайнца Клосса, щодо сучасних підходів див. Аммон (2004).

Друль 2015 – О. Друль. Поправлюваний Франко. *Збруч*. https://zbruc.eu/node/35977 (12.05.2015)

Дуліченко 2008 – А.Д. Дуличенко. *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Вступительная статья. Тексты. Комментарии.* Ужгород: Изд-во В. Падяка.

Маґочій 1978 – P. R. Magocsi. *The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus'*, *1848–1948*. Cambridge/Massachusetts/London: Harvard University Press.

Маґочій 2007 – P. R. Magocsi. Языковый вопрос. В: P. R. Magocsi (red.). *Русиньскый язык*. Opole: Instytut Filologii Polskiej [фактично йдеться про друге видання 2007 р.], 85–112.

Меморандум 1920 – *Memorandum o Podkarpatské Rusi*. Без місця. Без дати [Машинопис].

Мишанич 2002 – О. Мишанич. Примітки. В: *Волошин 2002*. Див. http://litopys.org.ua/volosh/volosh48.htm

Мозер 2008 – M. Moser. Чи намагався Олександр Духнович створити русинську літературну мову? В: *Україна модерна* 13, 2008/2, 222–235 (див. також ст. 627–640 в: М. Мозер. *Причинки до історії української мови*, 3-е вид., Вінниця: Нова книга; Did Aleksandr Dukhnovych strive to create a Rusyn literary language? In: P. Best, S. Stepien (eds.). *Does a fourth Rus' exist? Concerning cultural identity in the Carpathian Region*, Przemyśl/Higganum: South-Eastern Research Institute, 63–80, 2010).

Мозер 2010 – M. Moser. „Граматика руського языка" Івана Панькевича та галицька українська мова в Підкарпатті. In: K. Koporová (ed.). *Studium Carpato-Ruthenorum – Штудії з карпаторусиністікы 2009*, Prešov: Пряшівска універзіта в Пряшові – Інштітут русиньского языка і культуры, 68–93 (= Ivan Pan'kevych's *Grammar of the Ruthenian Language* and the Galician Ukrainian Language in Subcarpathian Rus'. In: M. Moser. *New Contributions to the History of the Ukrainian Language.* Edmonton – Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 445–471, 2016).

Мозер 2011 – M. Moser. Macht und Kodifikation in der Subkarpatischen Rus' (1919–1944). В: Д. Иванова (ред.). *Власт и кодификация.* Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски", 98–112.

Мозер 2016 – M. Moser. Rusyn: A New-Old Language In-Between Nations and States. In: T. Kamusella, M. Nomachi, and C. Gibson (eds.). *The Palgrave Handbook of Slavic Identities and Borders.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 124–139 (див. також ст. 471–482 in Moser Michael, New Contributions to the History of the Ukrainian Language. Edmonton – Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2016).

Удварі 2007 – І. Удварі. *Гіадор Стриськый, народописник, бібліоґраф, языкознатель, товмач*. Ніредьгаза: Nyíregyházi Főiskola Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszéke.

Чопей 1883 – Л. Чопей. *Русько мадярский словарь*. Будапешт: M. kir. egyetemi könyvnyomda.

Káprály Mihály
Hodinka Antal Ruszin Tudományos Intézet
Budapest, Magyarország

Словообразование в карпаторусинских диалектах: образование наименований лиц в говоре села Великие Лазы Ужгородского района

Карпаторусинские диалекты – говор села Великие Лазы – словообразование наименований лиц

При всем языковом богатстве и территориальном разнообразии словообразование русинских (далее – карпаторусинских) диалектов, на наш взгляд, не получило должного внимания лингвистов. Лучше всего изучена лексика русинских диалектов, которая не единожды была объектом исследований со времен первой попытки в этой сфере в 1827 г. Ивана Фогорашия (Бережанинъ 1905). Как видим, начало для русинской диалектологии было весьма непростым. Написанное в первой трети XIX в. было опубликовано спустя без малого восемьдесят лет. Более успешным для науки о русинских говорах было XX столетие. Достаточно вспомнить о фундаментальных публикациях Георгия Геровского (Gerovskij 1934), Ивана Панькевича (Панькевич 1938) и других работ уже нашего времени (Дзендзелівський 1958, 1960, 1993; Ганудель 1981, 1989, 2001; Николаев, Толстая 2001; Сабадош 2008 и др.). К сожалению, в этой сфере остается немало открытых вопросов, которые касаются русинских диалектов. Например, актуальными по сегодняшний день остаются исследования отдельных особенностей грамматики русинских диа-

лектов. Публикации в этой области Елены Будовской последних лет (Budovskaja 2010) только подтверждают тот факт, что грамматическая структура отдельных диалектов не менее интересна для лингвистов, чем ее лексическая часть. Нам кажется, что и русинское диалектное словообразование таит в себе еще многие аспекты, которые достойны научного исследования. Насколько нам известно, до настоящего времени только две серьезные научные работы были написаны на материале карпаторусинского словообразования. Первая – более полувека назад – кандидатская диссертация сегодняшнего известного киевского украиниста из Закарпатья Василия Нимчука (Нимчук 1962), а вторая – ужгородской молодой исследовательницы – опубликована совсем недавно (Харківська 2015). На наш взгляд, при том богатстве русинскых диалектов, которые существуют до нашего времени, это всего лишь незначительная часть потенциальных исследований по диалектному словообразованию.

Следует отметить, что исследователи словообразования традиционно начинают «от формы», т.е. со словообразовательных формантов, с помощью которых образуются дериваты с определенными значениями. Такой подход реализован при подготовке выше упомянутых диссертаций, доминирует он и при описании системы словообразования в вариантах современного русинского литературного языка (Рамач 2002; Ябур, Плїшкова, Копорова 2015). И если в пряшевской грамматике русинского языка Анна Плишкова, автор раздела «Деріватологія», опираясь на словацкие языковедческие традиции, представляет этот раздел языкознания на достаточно приемлемом уровне, то описание словообразования в грамматиках для сербских и хорватских русин нуждается в дальнейшей разработке, в частности, на уровне теоретических вопросов (Панько 1997).

Если говорить о дальнейшем описании словообразования в русинском литературном языке, следует, на наш взгляд, опираться на образцы и результаты исследований этого раздела языкознания в «больших» славянских языках, например, на описание русской словообразовательной системы (РГ 1980; Тихонов 1985). Подобное описание всех словообразовательных типов, словообразовательных значений, а еще лучше, словообразовательных категорий русинского литературного языка (как и его диалектов) станет тем

фундаментом, на котором возможно будет развивать современную науку о словообразовании. Причем приоритетным вектором, как нам кажется, следует отдать содержательной сфере словообразовательной системы русинского языка. После того, как будет закончено описание процессов словообразования «от формы» – от значения словообразовательного форманта: суффикса, префикса, конфикса, постфикса и т.д., изучены закономерности их сочетаний с определенным кругом мотивантов, т.е. будет представлен полный перечень словообразовательных типов (значений, категорий), следует приступать к исследованиям «от содержания». Подобным образом удастся не только лучше описать словообразовательную систему в целом, но и выйти на перспективу не только ответить на вопросы «как сделаны дериваты», но и искать ответ на вопрос «как можно образовывать новые слова». Построение «работающих» алгоритмов словообразовательного синтеза новых слов в русинском нормированном языке весьма актуально, ибо, в отличие от «больших» литературных языков, в развитии нуждается самое лексическая система «маленького» славянского литературного языка.

Исходя из вышеизложенного, в нашем материале предпринята попытка системного и полного описания фрагмента словообразования отдельного говора. Объект настоящего исследования — множество производных наименований лиц (НЛ), зафиксированных носителем настоящего говора в речи жителей села Великие Лазы Ужгородского района Закарпатской области (Украина) с 2008 г. до настоящего времени. Следует отметить, что эта группа существительных неоднократно являлась предметом исследования в родственных восточнославянских литературных языках (Моисеев 1968; Мамрак 1979).

Мы согласны с утверждением ученых-славистов, что основной корпус словообразовательных средств в современных славянских языках и диалектах унаследован их носителями еще из праславянской эпохи, как и тем фактом, что «в процессе их исторического развития [носители современных славянских литературных языков и диалектов – *М.К.*] создали широкий диапазон специфических особенностей» (Вендина 1979: 133). Поскольку, производные НЛ достаточно хорошо описаны в славистике на уровне словообразо-

вательных типов, представляется возможным сопоставительное их исследование. Следует, на наш взгляд, согласиться и с тем, что подобное сопоставление «...должно подчиняться одной из двух более общих классификаций – по способам словообразования или по словообразовательным категориям» (Лопатин 1979: 47). Подтверждая еще один известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков – общность не статическая, а динамическая, и исследуя словообразование отдельного говора, мы получим в итоге его «диапазон специфических особенностей» на синхронном уровне, т.е. полное описание словообразовательных средств (в настоящем случае суффиксов), с помощью которых образуются дериваты словообразовательной категории НЛ.

Несколько слов о селе Великие Лазы. Оно лежит недалеко от Ужгорода по дороге в Мукачево. Следует отметить, что местный русинский говор непосредственно контактирует с венгерским языковым ареалом. Южная равнинная часть села граничит с землями венгерского села Хомци (венгер. *Korláthhelmec*, укр. *Холмець*). Что касается языковых особенностей говора, отметим, что местная типичная для Ужанщины в целом «у-кающая» речь характеризуется как западными (прежде всего на уровне фонетики, но и лексики, например, лексемы *ˈкел'о* ‘сколько’, *ˈвел'о* ‘много’, *ˈвеце* ‘больше’, *ни*^{і}*ч'* ‘ничего’ и т.д., в грамматике: формы первого лица глагола, ср., например: *мам* ‘имею’, *поˈзерам* ‘смотрю’ и т.д.), так и восточными карпаторусинскими языковыми элементами, ср.: *ˈмаву* ‘имею’, *позеˈраву* ‘смотрю’ и т.п, многочисленными словами и формами, вытесняющими местные слова и их формы под воздействием украинского литературного языка.

Система гласных не полностью отражена в примерах, которые представлены в настоящем исследовании. В настоящей публикации отметим лишь, что на месте *и* звучит звук ближе к *і*, заметно редуцирован звук *е*, качество которого больше зависит от мягкости последующего согласного звука, а не от удаленности от ударного слога в слове. Интересна судьба давнего *ы*, который начал лабиализироваться, да так, что сегодня на его месте звучит *о*, ср., например: *бок* ‘бык’, *ˈбов-ім* ‘я был’ и т.д. Отметим и то, что, по-видимому, смешанный характер говора стал одной из причин того, что он

никогда не был объектом серьезного исследования. Что касается дальнейшего смешения западных и восточных языковых элементов, отметим, как нам кажется, дальнейшую «эстернизацию» речи жителей села (в чем нет ничего удивительного, учитывая постоянную на протяжении послевоенных десятилетий украинизацию общественной жизни села: язык школы, средств массовой коммуникации, государственных учреждений, предприятий и т.д.). Западные языковые элементы хранятся до сих пор разве что в некоторых песнях и сакрализованных текстах рождественских игр, ср., например, фрагмент речи, возможно, наиболее колоритного персонажа рождественской игры Губы: ...*ˈкід’ нам ˈн’іц н’е ˈдаце*, *ˈто нас погн’іˈваце // вˈшіцкі ˈгарч’кі потр’еˈпеме*, *што на ˈпецу ˈмаце* ‘...если нам ничего не дадите, тогда вы нас рассердите // все горшки побьем, которые у вас на печи’. При этом следует, правда, отметить, что и старые песни, и, тем более, тексты рождественских игр и колядок остались в памяти людей только старшей генерации (сказываются, прежде всего, запреты советских лет участвовать детям в праздновании религиозных праздников). Не удивительно, что использование восточных русинских языковых элементов в речи жителей села после Второй мировой войны только увеличивается, что весьма заметно на всех уровнях языка. Нами предпринята попытка описать словообразовательные особенности местного говора. До настоящего времени нами исследовано образование в речи местных жителей дериватов со значением уменьшительности и увеличительности (Капраль 2016).

Тут представляем производные наименования лиц (в отдельных случаях представлены непроизводные, однако членимые с точки зрения синхронного словообразования языковые единицы), отдельные дериваты с предметным значением, образованные с помощью исследуемых нами суффиксов, некоторые наблюдения над морфонологическими и акцентологическими особенностями словообразования в речи жителей села Великие Лазы. За пределами нашего внимания, таким образом, оказались наименования типа *ˈапо* ‘отец’; *ˈбахтер* ‘ночной сторож’; *ˈбачій* ‘дядя’; *брат*; *вaˈдас* ‘охотник’; *ˈволох*; *ˈвуйко* ‘мамин брат’; *ˈгаман* (сохранилось в выражении *ˈбиˈті*, *гі ˈгамана* – ‘драть, как Сидорову козу’); *гост’*; *ˈгун-*

цут/ˈгунцуш ‘хитрец; сорванец’; *ˈґазда* ‘хозяин; муж’; *ґровф* ‘граф’; *д’ак* ‘дьяк’; *ˈезерˈмештер* ‘мастер на все руки’; *жанˈдар’* ‘жандарм’; *жиˈд*; *калаˈгуза* ‘кондуктор’; *моло*ˈ*ди*ˈ*й* ‘жених во время свадьбы’; *стˈриˈко* ‘брат отца’; *хлоп* ‘мужчина; муж’; *чолоˈвік* ‘мужчина; муж’; *шваб*; ˈ*шустер* ‘сапожник’; ˈ*шовґор* ‘муж сестры; брат мужа’ и т.п.

Чтобы лучше представить структуру исследуемых дериватов и изменения на морфонологическом стыке при их образовании, подаем эти дериваты в составе словообразовательной пары: *дериват* ← *мотивирующее*, ср., например: *звізˈдар’* ‘несущий рождественскую звезду’ ← *звізˈда* ‘звезда’; *боч’коˈраш* ‘носящий постолы (бедняк)’ ← *боч’*ˈ*корі* ‘постолы’; *неˈдуйдавіц’*, *неˈдуйдош* ‘пентюх’ ← *неˈдуйдавій* ‘неловкий, неуклюжий’ и т.д.

Дериваты с общим значением наименования лица представляем в составе отдельных словообразовательных типов.

-аш (-ош, -л’аш, -арош) (всего дериватов с этим суффиксом – 58) Наиболее регулярным суффиксом, с помощью которого образованы дериваты с общим значением наименования лица в говоре села является венгерский[1] по происхождению суффикс *-аш* (в безударной позиции *-ош*).

Существительные, образованные с помощью этого суффикса, называют лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом. Внутри этой группы производных можно вычленить различные подгруппы, ср., например: 1) названия лиц по характерным свойствам (*бˈріхл’ош* ‘врун’, ˈ*гун’ош* ‘говнюк’, ˈ*ґембош* ‘брюхан’, *калаˈбиˈн’ош* ‘длиноногий человек’, *кл’онˈцаґош* ‘человек с большими передними зубами’, *лупиˈн’*ˈ*д’арош* ‘бездельник’, ˈ*мамош* ‘мамин сыночек’, *неˈдуйдош* ‘пентюх’,

1 По мнению некоторых исследователей, этот суффикс является исконно славянским по происхождению (Закревська 1976: 57). Не вступая в полемику (которая конечно же предполагает исследование языкового материала другого масштаба), отметим лишь, что подобное мнение не подтверждается реалиями исследуемого нами конкретного говора, в котором этот суффикс не только регулярен, но и доминирует при образовании существительных со значением лица.

ˈ*сиⁱкл'ош* ‘сыкун’, *сиⁱкош* ‘сыкун’, *скупін'ˈд'арош* ‘скряга’, ˈ*цурош* ‘оборванец’, ˈ*ч'ампош* ‘увалень’); 2) названия лиц по действию или сфере деятельности (ˈ*баброш* ‘неумеха’, ˈ*бавкош* ‘игрун’, *варˈташ* ‘страж’, ˈ*виⁱрґош* ‘тот, кто выгибается, дергается при ходьбе, в танце и т.д.’, ˈ*гайош* ‘тот, кто баюкает ребенка’, ˈ*гиⁱкош* ‘заика’, ˈ*гиⁱцкош* ‘сексуальный партнер’, *коˈпаш* ‘копатель’, *коˈсаш* ‘косарь’, ˈ*танцош* ‘танцор’, *фˈлиⁱн'кош* ‘плакса’, ˈ*фон'кош* ‘плакса’, ˈ*хапкош* ‘хапала’, ˈ*ц'іц'ош* ‘сосун’); 3) по орудию или объекту действия лица (ˈ*бадоґош* ‘жестянщик’, *бубˈнаш* ‘барабанщик’, ˈ*бурґовш* ‘контрабасист’, *корˈман'ош* ‘рулевой’, *мараˈдиⁱкош* ‘продавец остатков (ткани)’, *мн'аˈсарош* ‘мясник’); 4) по предмету, явлению, к которому лицо имеет отношение (*бобоˈнаш* ‘забобонный человек’, *боч'коˈраш* ‘носящий постолы (бедняк)’, ˈ*ґат'ош* ‘носящий кальсоны’, ˈ*дундош* ‘сосущий соску, сосунок’, ˈ*кінош* ‘киномеханик’, ˈ*ронд'ош* ‘ветошник’, *фійовˈкаш* ‘ветошник’; 5) по месту нахождения лица, его деятельности (*бˈранкош* ‘вратарь’, *вошкоˈлаш* ‘школьник’, ˈ*гурош* ‘житель гор’, *кор'ч'ˈмарош* ‘корчмарь’, *патиⁱˈкарош* ‘аптекарь’) и т.д.

Дериваты с общим значением лица реализуются практически с одинаковой регулярностью как в парадигмах глаголов, так и имен существительных, реже – в составе словообразовательных парадигм имен прилагательных. Представляем зафиксированные нами дериваты с настоящим суффиксом в алфавитном порядке и с указанием его мотивирующего (с позиции современного состояния говора).

Отглагольные НЛ, ср.: *арен'даш* ← *арендоˈваті* (ср. венгер. *árendás*); ˈ*баброш* ‘неумеха’ ← ˈ*бабраті*; ˈ*бавкош* ‘игрун’ ← ˈ*бавиⁱті са* ‘играться’; *бˈріхл'ош* ‘врун’ ← *бреˈхаті* ‘врать’ (ср. жен. *бˈріхл'а*); *бубˈнаш* ‘барабанщик’ ← *бубноˈваті*, ˈ*бубен*; ˈ*буркош* ‘ворчун’ ← ˈ*буркаті* ‘ворчать’, *буркотˈлиⁱвій* ‘ворчливый’; *варˈташ* ‘сторож’ ← *вартоˈваті* ‘сторожить’; ˈ*виⁱрґош* ‘тот, кто выгибается, дергается при ходьбе, в танце и т.д.’ ← ˈ*виⁱрґаті* ‘дергать’, ˈ*виⁱрґаті са* ‘дергаться’; ˈ*гайош* ‘тот, кто убаюкивает ребенка’ ← ˈ*гайаті* ‘укачивать ребенка: „га-а-а!”’; ˈ*гиⁱкош* ‘заика’ ← ˈ*гиⁱкаті*, *заˈгаковаті са* ‘заикаться’; ˈ*гиⁱцкош* ‘сексуальный партнер’ ← ˈ*гиⁱцкаті*, ˈ*гиⁱцкаті са* ‘совокупляться’; ˈ*дудрош* ‘ворчун’ ← ˈ*дудраті* ‘ворчать’; ˈ*ковдуш* ‘нищий калека’ ← *ковдоˈваті* ‘нищенствовать’; *коˈпаш* ‘копатель’ ← *коˈпаті*; *корˈман'ош* ‘тот, кто ведет, управляет чем-л., рулевой’

← ˈ*корман’* ‘руль’, *корман’оˈваті* ‘рулить’; *коˈсаш* ← *косиⁱті*, ˈ*коса*; ˈ*костош* ‘едок’ ← *костоˈваті*, *костоˈваті са* ‘кормить’, ‘кормиться’; ˈ*н’авкош* ‘мямля’ ← ˈ*н’авкаті* ‘мямлить’; *паˈрад’ош* ‘франт’ ← *пара*ˈ-*диⁱті са* ‘нарядно одеваться’; *пˈриⁱсташ* ‘тот, кто приходит в новую семью (обычно о зяте)’ ← *приⁱстаˈваті*, *присˈтаті*; ˈ*сиⁱкош* ‘малолетка, сыкун’ ← ˈ*сиⁱкаті* ‘ссать’; ˈ*танцош* ‘танцор’ ← *танц’оˈваті*; *фˈлиⁱн’кош* ‘плакса’ ← *фˈлиⁱн’каті* ‘плакать’; ˈ*фон’кош* ‘плакса’ ← ˈ*фон’каті* ‘плакать’; *фурˈман’ош* ‘возница’ ← *фурман’оˈваті* ‘управлять телегой’; ˈ*хапкош* ‘стяжатель’ ← *хаˈпаті*; ˈ*ц’іц’ош* ‘сосунок’ ← ˈ*ц’іц’аті* ‘сосать’.

Отсубстантивные НЛ, ср.: *баґовˈл’аш* ‘любитель жевательного табака’ ← ˈ*баґов* ‘табак’; ˈ*бадоґош* ‘жестянщик’ ← ˈ*бадоґ* ‘жесть’; *бобоˈнаш* ‘суеверный человек’ ← *боˈбоні* ‘суеверия’; *боч’коˈраш* ‘тот, кто носит постолы’ ← *боч’ˈкорі* ‘постолы’; *бˈранкош* ‘вратарь’ ← *бˈрана* ‘ворота’; ˈ*бурґовш* ‘контрабасист’ ← *бурˈґові* ‘контрабас’; *вошкоˈлаш* ‘школьник’ ← *вошˈкола* ‘школа’; ˈ*гун’ош* ‘говнюк’ ← *гуˈно*; *гуˈн’аґош* ‘говнюк’ ← *гуˈно*; ˈ*гурош* ‘горец’ ← ˈ*гориⁱ*; ˈ*ґат’ош* ‘тот, кто носит ˈ*ґаті* – полотняные штаны’ ← ˈ*ґат’і*; ˈ*дундош* ‘сосущий соску’ ← ˈ*дунда* ‘соска’; *калаˈбиⁱн’ош* ‘длиноногий человек’ ← *калаˈбиⁱні* ‘прибор в виде угольника для измерения земельных участков’; ˈ*киⁱлош* ‘человек с паховой грыжей’ ← ˈ*киⁱлі*; ˈ*кінош* ‘киномеханик’ ← ˈ*кіно*; *кл’онˈцаґош* ‘человек с длинными передними зубами’ ← *кл’онˈцаґі* ‘передние зубы’; *кор’ч’ˈмарош* ‘корчмарь’ ← ˈ*кор’ч’ма*; ˈ*мамош* ‘мамин сыночек’ ← ˈ*мама*; *мараˈдиⁱйкош/мараˈдиⁱкош* ‘торговец остатками полотна’ ← *мараˈдиⁱкі* ‘остатки (полотна)’; *мн’аˈсарош* ‘мясник’ ← *мˈн’асо*; *патиⁱˈкарош* ‘аптекарь’ ← *паˈтиⁱка* ‘аптека’ (ср. устар. венгер. с тем же значением *patikáros*); *пиᵉн’з’іˈйаш* ‘пенсионер’ ← ˈ*пиᵉн’з’ійа*; *фійовˈкаш* ‘ветошник’ ← *фійовˈкі* ‘ящики (в которых ветошник хранил свои товары)’.

Отадъективные НЛ, ср.: ˈ*ґембош* ‘брюхач’ ← *ґемˈбатій* ‘брюхатый’, ˈ*ґембо*, *ґиᵉмˈбух* ‘брюхо’; *неˈдуйдош* ‘неумеха’ ← *неˈдуйдавій* ‘неумелый’; ˈ*сиⁱкл’ош* ‘ссыкун’ ← *сиⁱкˈлиⁱвій* ‘мочащийся под себя’; *скупін’ˈд’арош* ‘скряга’ ← *скуˈпій*; *сˈмолош* ‘сопляк’ ← *сˈмолавій* ‘сопливый’, *сˈмол’і* ‘сопли’; ˈ*цундрош* ‘голодранец’ ← ˈ*цундравій* ‘рваный’, ˈ*цундр’а*, ‘рваная одежда’; ˈ*цурош* ‘голодранец’ ← ˈ*цуравій* ‘рваный’, ˈ*цур’а* ‘рваная одежда’; ˈ*ч’ампош* ‘увалень’ ← ˈ*ч’ампавій* ‘неуклюжий’.

Следует отметить, что зачастую собранные нами дериваты характеризуются двойственной мотивацией. Например, *буб'наш* ‘барабанщик’, это и ‘тот, кто *буб'нуйе* – барабанит’ (отглагольный дериват), и ‘тот, кто бьет в *'бубен* – барабан’ (отсубстантивный дериват); *кор'ман'ош* и ‘тот, кто *корма'н'уйе* – ведет, управляет чем-л.’ (отглагольный дериват), и ‘тот, кто держит в руках *'корман'* – руль’ (отсубстантивный дериват); *ко'саш* и ‘тот, кто косит’ (отглагольный дериват), и ‘тот, кто использует при косьбе *'косу*’ (отсубстантивный дериват); *'ґембош* и *ґем'батій* – ‘брюхатый человек’ (отадъективный дериват), и ‘человек с большим *'ґембом* – брюхом’ (отсубстантивный дериват); дериваты *'цундрош* и *'цурош* также мотивируются как прилагательными (*'цундравій* и *'цуравій*), так и существительными (*'цундр'а* и *'цур'а*).

О продуктивности настоящего суффикса в говоре последних десятилетий свидетельствуют местные прозвища, ср.: *'Біч'кош* ← *бі'ч'ак* ‘сохранившееся в соседних диалектах название самодельного раскладного ножа’; *'Гайош* ← *'гайаті* ‘убаюкивать’; *К'л'іпкош* ← *к'л'іпкаті* ‘часто моргать’; *'Лупкош* ← *'лупкаті* ‘сильно ударять’; *Пі'йавкош* ← *пі'йавка*; *Ті'діткош* ← *ті'діткаті* ‘сигналить или имитировать голосом звук автомобильного сигнала’; *'Ц'іц'ош* ← *'ц'іц'аті* ‘сосать’. С помощью изучаемого суффикса образовано и название соседнего села *Бер'вінкош* (позже *Бар'вінкош*), сегодня официальное укр. *Барвінок*.

Изначально, надо полагать, в местном говоре появились венгерские заимствования с этим языковым элементом, ср. например: *алдо'маш* ‘угощение’, венгер. *áldomás* с тем же значением; *буй'таш* ‘пересаженный способом катавлак виноградный куст’, венгер. *bujtás* т.ж.; *'ваґаш* ‘тропа диких животных’, венгер. *vágás* ‘лесосека’; *'ґентеш* ‘резник’, венгер. *hentes* т.ж.; *гара'паш: на гара'паш* ‘немного, кусочек’, венгер. *harapas* т.ж.; *'лôкн'ош* ‘юбка (позже и брюки) клёш’, венгер. *loknis* т.ж. и т.д. Среди этих заимствований немало было и наименований лиц, ср. *п'рімаш* ‘первая скрипка’, венгер. *prímás* (венгерский характер проявляется и в том, что это единственный случай в местном говоре, когда в безударном положении представлено *-аш*, а не *-ош*); *конт'раш* ‘вторая скрипка’, венгер. *kontrás*; *кон'даш* ‘свинопас’, венгер. *kondás* и т.д. Некоторые

из подобных языковых единиц со временем становятся полноценными элементами говора, выступают в качестве мотивирующих при образовании новых слов, ср., например, дериваты со значением типичного действия *буйˈташиˈті* ‘пересаживать виноградный куст способом катавлак’, *гентешоˈваті* ‘выполнять работу резника’ и т.п. Таким образом из разряда членимых (в составе которых возможно выделение суффикса *-аш*) переходят в разряд производных, как это произошло с дериватом ˈ*ковдуш* ‘нищий; побирушка’, которое с появлением глагола *ковдоˈваті* ‘нищенствовать’, воспринимается носителями языка в качестве мотивирующего по отношению к ˈ*ковдуш*, которое к тому же единственное среди собранного нами языкового материала сохраняет не характерную для местного говора гласную *у* в составе суффикса, ср. венгер. *koldus* т.ж. Языковое сознание местных билингвов способствовало появлению различного рода русинско-венгерских языковых контаминаций. Можно предположить, что первоначально в венгерских диалектах было переосмыслено латинское по происхождению книжное *nótárius*, которое в местном говоре превратилось в *новˈтарош*. Рядовые носители венгерских диалектов «не узнают» в составе заимствований чужих языковых элементов, воспринимают их в цельной, нечленимой форме, ср., например: *mészáros* ‘мясник’ (ср. словац. *mäsiar* т.ж.), в котором «не замечен» общеиндоевропейский по происхождению суффикс лица *-ár*, который продублирован в слове «своим» *-os* с подобным значением. Нечто подобное произошло и с НЛ *kocsmáros* ‘корчмарь’ и *patikáros* ‘аптекарь’, которые параллельно функционируют и в нашем говоре, ср.: *кор’ч’ˈмарош*, *патиˈˈкарош*.

О тесном сосуществовании венгерских и местных русинских языковых элементов свидетельствуют и другие языковые факты. Нами фиксируется, например, дериват ˈ*рон’д’ош* ‘ветошник’, при том, что венгерскому *rongy* ‘тряпка’ в говоре соответствует местная форма ˈ*р’анда*, а значит, «правильно» следовало бы говорить *ˈ*р’ан’д’ош*,[2] ср. *рянд*я*ш* в словаре Игоря Керчи (Керча 2007). Безусловно, исследуемый нами языковой элемент представлен в НЛ *лупиˈн’ˈд’арош* ‘бездельник’, однако из-за неясного происхождения

2 Знаком * отмечено нами условное образование.

деривата (нами не выявлено конкретной мотивирующей базы), не представляется возможным корректно выделить в настоящем слове алломорф суффикса *-аш*. Алломорф *-овш*, представленный в слове *ˈбурґовш* ‘контрабасист’ ← *бурˈґові* ‘контрабас’, возник, очевидно, под влиянием венгерской формы *bővgős* со значениями ‘контрабас’, ‘контрабасист’. На месте венгерского долгого *ő* и других долгих гласных в местном наименовании лица появляется эпентический звук *в*, что типично для местного говора, ср., например: венгер. *gyeplő* ‘вожжи’ – русин. *д’inˈлеві* т.ж.; венгер. *hordó* ‘бочка’ – русин. *горˈдув* т.ж. и т.д.

В составе НЛ *анці̇ˈйаш* ‘антихрист’, ср. вост.-словац. *anciaš* с этим же значением, тяжело определить морфемные границы и характер морфонологических изменений на стыке морфов, однако нет никаких трудностей, на наш взгляд, с выделением в нем исследуемого нами суффикса. Так или иначе, суффикс *-аш* (*-ош*, *-л’аш*, *-арош*) занял прочное место в системе языковых элементов носителей местного говора. Об этом свидетельствует и новообразование *шˈвікош*[3] ‘некачественное вино’, ср. *шˈвікаті* ‘стегать, резко ударять, бить’, микротопоним *Ч’icˈташ* ‘чистое, не заросшее место в лесу’, *с’і̇ˈнаш* ‘сеновал’ и т.п. Об органичном сосуществовании столь разных по своей природе венгерских и славянских языковых элементов в местном говоре свидетельствует и образование слова *ˈбôкрошка* ‘ручная пила длинее обычного с «кустистыми» зубями’, ср. венгер. *bokor* ‘куст’, *bokros* ‘кустистый, заросший кустами’. Интересно, что у этого наименования есть и местная семантическая калька *корч’оˈван’а*, слово, образовано с помощью только «своих» языковых средств, ср.: *кор’ч’* ‘куст’, и суфффикс *-ован’(а)*. Об этом также свидетельствуют и собранные нами многочисленные дериваты со значением лица, образованные с помощью суффикса *-ош* (*-аш*).

При достаточно значительном количестве дериватов с суффиксом *-аш*, следует отметить относительно незначительные изменения на морфонологическом шве при их образовании. Нами

3 Дериват, на наш взгляд, образован только во второй половине XX в., когда изготовление и потребление домашнего виноградного вина получило в селе массовый характер.

фиксируются чередования согласных по твердости/мягкости, ср.: |д’—д| *па|рад’ош* ‘франт’ ← *пара|ди|ті са* ‘нарядно одеваться’; |ц—ц’| *|танцош* ‘танцор’ ← *танц’о|ваті* ‘танцевать’; |н’—н| *|гун’ош* ‘говнюк’ ← *гу|но*; *гу|н’аґош* ‘говнюк’ ← *гу|но*; чередование гласных основы |у—о| *|гурош* ‘горец’ ← *|гори|*; также гласных основы |е—і| с появлением эпентического *л’* в составе словообразовательной пары *б|ріхл’ош* ‘врун’ ← *бре|хаті* ‘врать’; последнее явление присутствует и в паре *баґов|л’аш* ‘любитель жевательного табака’ ← *|баґов* ‘табак’.

-арь (-карь, -нарь) (33)

С помощью этого суффикса в местном говоре образуются дериваты в составе двух словообразовательных типов.

Отсубстантивные НЛ, характеризующиеся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом. Внутри этой группы производных значительную и весьма важную для сельских жителей часть составляют НЛ, называющих лиц, ухаживающих за домашними животными, названия которых выступают в качестве мотивирующей основы, ср.: *во|лар’* ‘владелец/пастух волов’ ← *|волі* ‘волы’; *вув|ч’ар’* ‘пастух овец’ ← *|вувц’і* ‘овцы’; *гу|сар’* ‘пастух гусей’ ← *|гусі*; *ко|н’ар’* ‘владелец/пастух коней’ ← *|кон’і*; *ко|зар’* ‘пастух коз’ ← *|козі*; *пч’о|л’ар’* ‘пасечник’ ← *п|ч’олі*. Эта подгруппа входит в состав более широкой НЛ по объекту или продукту их деятельности и в нее входят также следующие дериваты: *буб|нар’* ‘барабанщик, сельский глашатай’ ← *|бубен*; *гро|бар’* ‘могильщик’ ← *груб* (мн. ч. *гро|бі*) ‘гроб’; *коми|нар’* ‘трубочист’ ← *|коми|н* ‘дымоход’; *нови|нар’* ‘журналист’ ← *нови|на*; *но|ви|нка* ‘новость; газета’; НЛ по орудию действия (*дру|тар’* ‘специалист по укреплению проволокой глиняной посуды’ ← *друт* ‘проволока’; *звіз|дар’* ‘участник рождественского представления, несущий звезду’ ← *звіз|да*; *кар’|т’ар’* ‘картежник’ ← *|карті*; *ко|сар’* ← *|коса*; *гус’|л’ар’* ‘скрипач’ ← *|гус’л’і* ‘скрипка’; *пі|ґар’* ‘участник, стерегущий *|піґу* в одноименной игре, которая немного напоминает игру в городки’ ← *|піґа* ‘заостренный с одной стороны деревянный цилиндр’;); НЛ по месту деятельности, нахождения (*бран|кар’* ‘вратарь’ ← *б|рана*; *воро|тар’* ‘вратарь’ ← *во|рота*; *вошко|л’ар’* ‘школьник’ ←

вошˈкола; *кор’ч’ˈмар’* ← *ˈкор’ч’ма*; *патиʲˈкар’* ‘аптекарь’ ← *паˈтиʲка*; *пошˈтар’* ‘почтальон’ ← *ˈпошта*; *склеˈпар’* ‘продавец в магазине’ ← *склеп* ‘магазин’; *шкоˈл’ар’* ‘школьник’ ← *школа*).

Словообразовательный тип отглагольных НЛ, производящих действие, названное мотивирующим словом, составляют следующие дериваты: *биʲтˈкар’* ‘драчун’ ← *ˈбиʲті са*, (ср. *ˈбиʲтка*); *бубˈнар’* ‘барабанщик, сельский глашатай’ ← *бубноˈваті*; *звоˈнар’* ‘звонарь’ ← *звоˈниʲті*; *коˈсар’* ← *коˈсиʲті*; *мішˈкар’* ‘тот, кто кастрирует животных’ ← *мішкоˈваті* ‘кастрировать’; *махˈл’ар’* ‘мошенник’ ← *махл’оˈваті*; *плетˈкар’* ‘сплетник’ ← *плеткоˈваті* ‘сплетничать’; *фіґˈл’ар’* ‘шутник’ ← *фіґл’оˈваті* ‘шутить’; *ч’опˈнар’* ‘открывающий бутылки (человек, ведающий спиртными напитками на свадьбе и т.п.)’ ← *ч’опоˈваті* ‘открывать бутылку, бочку’; *швінґˈл’ар’* ‘шулер’ (ср. венгер. *svindler* т.ж.) ← *швінґл’оˈваті* ‘мошенничать’; *шефˈтар’* ‘торговый спекулянт’ ← *шефтоˈваті* ‘спекулировать’. Некоторые из них, ср.: *биʲтˈкар’*, *бубˈнар’*, *коˈсар’*, *фіґˈл’ар’* обладают двойственной мотивацией, и могут, на наш взгляд, входить и в состав отсубстантивного словообразовательного типа.

Для отражения всех особенностей языковой картины мира местного говора на словообразовательном уровне следует, на наш взгляд представить здесь и непроизводные с позиций синхронии НЛ, ср.: *бойˈтар’* ‘помощник пастуха’ (ср. венгер. *bojtár* т.ж.); *ˈбоднар’* ‘бондарь’, ср. венгер. *bodnár* т.ж. (единственный дериват с ударением не на суффиксе, а на основе); *виʲнцˈлар’* ‘винодел’ (ср. венгер. *vincellér* т.ж.) и дериваты не со значением НЛ, ср.: *пін’ˈд’ар’* ‘пескарь’; *ˈбудар’* ‘отхожее место’; *коˈзар’* ‘подберезовик’ (массивная шапка на тонкой ножке гриба позволяет предположить, что слово, или целиком заимствовано из венгерского языка, ср. *kazár* ‘хазарин’, или же возникло на местном славянском материале, ср. др.-рус. *козаре*)[4]; *гуˈсар’* ‘гусь’; *бˈлôвдар’* ‘духовка’ (ср. венг. диал. *blóūder*).

4 Отметим также, что этим словом местные русины вслед за венграми называли также ортодоксальных евреев, в гардеробе которых также наличествовала большая меховая шапка, что также могло способствовать возникновению вторичного значения у этнонима *коˈзар’* ‘хазарин; еврей’ – «подберезовик, темного окраса гриб с тоненькой ножкой и большой мясистой шляпкой». Интересно, что в словацком и чешском языке этот

Отметим следующие морфонологические особенности дериватов с суффиксом НЛ *-арь*. Беглая гласная основы мотивирующего *ˈбубен* не сохраняется, ср.: *бубˈнар'*. В двух образованиях появляются эпентические согласные: *к* (*бранˈкар'* ‘вратарь’ ← *бˈрана*) и *н* (*ч'опˈнар'* ← *ч'опоˈвaті*). Чередуются |л'—л| *вошкоˈл'ар'* ← *вошˈкола*, *шкоˈл'ар'* ← *вошˈкола*; *пч'ол'ар'* ← *пˈч'олі*; |т'—т| *кар'ˈт'ар'* ← *ˈкарті*; согласные основы |ц'—ч'| *вувˈч'ар'* ← *ˈвувц'і*; Ударение во всех, зафиксированных нами дериватах, на суффиксе, независимо от места ударения в мотивирующем слове. Следует отметить постепенное вытеснение деривата с неполногласным корнем *бранˈкар'* (появившегося под влиянием чешского/словацкого языка) полногласным *воро́тар'*, что произошло, по-видимому, уже под влиянием другого официального языка – украинского во второй половине XX в. При этом дериват сохранил мягкую финаль суффикса, характерную для общеевропейского по происхождению суффикса *-ar* в местном говоре. В этой связи отметим, что в парадигме непроизводного НЛ *ˈбет'ар* ‘удалец’ (ср. венгер. *betyár* ‘разбойник’) наряду с образованием *беˈт'ариˈті* ‘ухарствовать’ фиксируется нами также дериват *бет'ар'оˈваті* с этим же значением, что, возможно, свидетельствует об уподоблении языковых элементов в языковой практике носителей говора, т.е. в данном случае к смягчению конечного *р* в глаголе, образованном от НЛ.

-ак/-'ак (21)

Дериваты, образованные с помощью этого суффикса, входят в состав трех словообразовательных типов.

Отглагольные образования называют лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом, *ср.: воˈйак* ‘солдат’ ← *войоˈваті*; *гуˈдак* ‘музыкант’ ← *гусˈті* (*гуˈду*, *гуˈдут'*); *жебˈрак* ‘нищий’ ← *ˈжебраті* ‘попрошайничать’; *замер'з'ˈл'ак* ‘боящийся холода’ ← *замерˈзаті*; *здохˈл'ак* ‘дохляк’ ← *здиˈхаті*, *зˈдохнуті* (в двух последних случаях алломорф *–л'ак*); *приˈшˈл'ак* ‘пришлый’ ←

гриб называют *kozák*, в сербском языке его народное название турчин, что также, как видим, связано с воинственными и страшными в представлении жителей Центральной Европы жителями Востока.

*при*ˡ*й*ˡ*ті* (алломорф *–шл'ак*); *ч'и*ᵉ*пе*ˡ*рак* ‘раскоряка’ ← *ч'и*ᵉˡ*ператі* ‘идти, широко расставив ноги’.

В словообразовательных парадигмах имен прилагательных представлены дериваты со значением «лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом», ср.: *брат'н'ак* ‘двоюродный брат’ ← *бˡрат'н'ій*; *буцˡмак* ‘ребенок с пухлыми щеками’ ← *буцˡматій* ‘пухлый’; *воˡн'ак* ‘вонючий человек; лежебока’ ← *воˡн'іті*, *воˡн'ач'ій*; *глуˡпак* ← *гˡлупій*; *двойˡн'ак* ‘двойняшка’ ← *двойˡній*; *дôбˡр'ак* ← ˡ*добрій*; *русˡнак* ‘русин’ ← *рус'кій?* (алломорф *-н'ак*); *с'л'ˡпак* ‘слепец’ ← *с'л'ˡпій*; *слуˡтак* ‘пентюх’ ← *сˡлутій* ‘неспособный нормально двигать конечностью; неуклюжий’. В единичном образовании *смеленˡдак* ‘сопляк’ ← *сˡмолавій* ‘сопливый’ выделяется алломорф *-ендак*.

Существительные с суффиксом *-ак* называют лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом, ср.: *гур'л'ак* (ˡ*гурош*) ‘горец’ ← ˡ*горі* (чередование гласных корня |у—о|; алломорф *–л'ак*); *йедеˡнак* ‘единственный сын’ ← *йеˡден*; *небоˡрак* ‘бедняга’, ср. *неˡборе* (звательная форма); *д'ітˡвак* ‘ребенок’ ← *д'ˡіті* ‘дети’ (алломорф *-вак*).

В качестве фоновых сведений, иллюстрирующих функционирование настоящего суффикса в исследуемом говоре, здесь следует представить следующие образования, ср.: *л'іш*ˡ*нак* ‘лесной орех’ ← *л'іс*, *л'іс*ˡ*ній*; у двух дериватов с неясной до конца словообразовательной структурой (если исходить из материалов говора), называющих животных, ср.*: бум*ˡ*бак* ‘жук’ и *буˡйак* ‘не холощенный бык’ наличествуют вторичные значения НЛ: ‘медлительный молчун’ и ‘здоровенный мужик’ соответственно. Суффиксы НЛ достаточно часто несут также значение «нелица», у деривата *с'л'ˡпак* ‘слепец’ в исследуемом говоре еще два значения: ‘чирей без головки’ и ‘саламандра’.

На относительную продуктивность суффикса указывает, на наш взгляд, дериват *бурˡч'ак* ‘молодое вино’ ← *бур'ч'аті* ‘ворчать’, поскольку изготовление домашнего вина среди рядовых жителей села получило особое развитие уже только в послевоенные десятилетия, а значит, дериват образован относительно недавно.

С помощью этого суффикса образованы и следующие дериваты, зачастую, непроизводные с позиций современного состояния говора, ср.: *пу*ˈ*л'ак* ‘индюк’, ср. ˈ*пул'ка* ‘индейка’; *тру*ˈ*с'ак* ‘кролик’, ср. *т*ˈ*рус'ка* ‘крольчиха’; *гай*ˈ*ч'ак* ‘загонщик’; *бі*ˈ*бак* ‘чирей’, ср. *дет.* ˈ*бібаті* ‘болеть’; *ґан'*ˈ*ч'ак* ‘приспособление для погрузки бревен’.

-нік (-*анік*, -*енік*, -*илнік*, -*ік*) (20)

Существительные с суффиксом -*нік* имеют то же общее значение, что и в предыдущем типе. Мотивирующие – глаголы немотивированные и префиксальные обоих видов, ср.: *вандрув*ˈ*нік* ‘путешественник’ ← *вандро*ˈ*ваті* ‘путешествовать’; *воро*ˈ*жи*ˈ*лнік* ‘колдун’ ← *воро*ˈ*жи*ˈ*ті* ‘колдовать’; *вч'е*ˈ*нік* (*уч'е*ˈ*нік*) ← *в*ˈ*ч'и*ˈ*ті са*; *гн'ів*ˈ*нік* ‘обиженный; обижающийся’ ← *г*ˈ*н'іваті са* ‘сердиться’; *го*ˈ*дованік* ‘питомец’ ← *годо*ˈ*ваті* ‘кормить’; *кол'ад*ˈ*нік* ‘колядующий’ ← *кол'адо*ˈ*ваті*; ˈ*мурнік* ‘каменщик’ ← *муро*ˈ*ваті*; *пок*ˈ*реснік* ‘крестник’ ← *покрес*ˈ*ти*ˈ*ті*; *ро*ˈ*бутнік* ‘работник’ ← *ро*ˈ*би*ˈ*ті* (ср. *ро*ˈ*бутній* ‘работящий’). Среди немногочисленных дериватов настоящего словообразовательного типа присутствует и название предмета, ср.: ˈ*гоблік* ‘рубанок’ ← *гобл'о*ˈ*ваті* ‘строгать’, в котором представлен алломорф -*ік*. Ударение встречается как на основе слова (*го*ˈ*дованік*, ˈ*мурнік*, *пок*ˈ*реснік*, *ро*ˈ*бутнік*), так и на суффиксе (*вандрув*ˈ*нік*, *вч'е*ˈ*нік*, *гн'ів*ˈ*нік*, *кол'ад*ˈ*нік*).

Отсубстантивные существительные НЛ имеют общее значение «лицо, имеющее отношение к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» и представлены следующими дериватами: ˈ*гайнік* ‘лесник, сторож’ ← *гай*? (не известно носителям говора в настоящее время, ср. словац. *háj*; укр. *гай* ‘роща’); *кал*ˈ*гознік* ‘колхозник’ ← *кал*ˈ*гоз*; *коло*ˈ*мазнік* ‘чумазый, вымазанный дегтем, машинным маслом’ ← *ко*ˈ*ломас'т'* ‘деготь’ (чередование |с’—з| с усечением финали мотивирующей основы); непроизводный, но членимый дериват *ч'и*ᵉˈ*л'аднік* ‘человек’, ср. производное со значением собирательности ˈ*ч'и*ᵉ*л'ад*’ ‘люди’ с этим же корнем. Сюда же, по-видимому, следует причислить непроизводный, но все же членимый для полилингвального сознания носителя местного говора, дериват *са*ˈ*пожнік*, ср. рус. *сапожник*, НЛ, которым местная кинопублика вслед за общесоветской награждала нерадивого киномеханика.

С помощью настоящего суффикса образованы в говоре и дериваты, называющие растения: *батуж|нік* ‘цикорий’ ← *ба|туг* ‘кнут’ (это наименование известно в большинстве подкарпатских говоров и представлено в литературных вариантах русинского языка (Керча 2007; Ябур, Плїшкова, Копорова 2007; Капраль 2017), однако носители говора в настоящее время используют другое слово с этим значением – *ки^е^р|бач’*); *бобув|нік* ‘бобовник’ ← *буб* (не зафиксировано нами, однако, это мотивирующее хорошо известно в других говорах и, как и *ба|туг*, представлено в словарях литературного языка); *|сôніч’нік* ‘подсолнух’ ← *|сонце*; название птички: *дри^і^|вутнік* ‘крапивник’ с неясным происхождением, ср.: *д|ри^і^ва* ‘дрова’, *дри^і^|вутн’а* ‘место, где рубают дрова’; другие предметы трудовой деятельности и быта местных жителей в недалеком прошлом: *гамув|нік* ‘тормозное устройство в виде цепи на телеге’ ← *га|мув* ‘тормоз’; *|гач’нік* ‘веревка, которой подвязывали штаны’, образовано от *|гач’і*, очевидно, еще одно свидетельство смешанного характера говора, ибо для названия полотняных штанов (позже также кальсон и трусов) местные жители используют сегодня другой вариант – *|ґат’і*, ср. восточн.-словац. с тем же значением *gače* (Halaga 2002).

Отдельный словообразовательный тип в говоре составляют образования от имен прилагательных с помощью суффикса *-ік*: *|ви^і^шнік* ‘валет (*карт.*)’ ← *|ви^і^шній* ‘верхний’; *да|ремнік* ‘любитель дармовщины’ ← *да|ремній* ‘дармовой’; *довж|нік* ‘должник’ ← *|довжній*, *|довжен* ‘с долгом (долгами)’; *з|луснік* ‘злой человек’ ← *з|лусній* ‘злой’; *не|харнік* ‘неряха’ ← *не|харній* ‘неряшливый’; *|ни^і^жнік* ‘дама (*карт.*)’ ← *|ни^і^жній* ‘нижний’; *под|собнік/пудсобнік* ‘подсобник’ ← *под|собній* (это слово произносится и как *пу(о)т|собнік*, и как *пу(о)|ц:обнік*, ср. также рус. *подсобный*, *подсобник*).

Отметим также дериват с неясным происхождением, ср.*: к|релік* ‘семинарист’; дериваты со значением «нелица», ср.: *гной|нік* ‘гнойник’ ← *г|нойній* ‘гнойный’; членимый дериват с неясным происхождением и, очевидно, с алломорфом *-овік*: *бор’ш’ч’о|вік* ‘борщевик’; подобное образование *|шерблік* ‘ночной горшок’; другое наименование с этим же значением *|білік*, которое, по мнению носителей говора, появилось позже, очевидно, в результате переосмысления структуры венгерского *bili* с тем же значением.

Как и в случае с другими суффиксами в составе заимствованных под влиянием других языков (ср. *воро'тар'* на месте заимствованного из украинского языка воротар), отметим фонетическую адаптацию суффикса *-нік* в составе советизмов *пуд'собнік* (здесь также происходит замещение гласной основы) и *са'пожнік* (ср. рус. *подсобник*, *сапожник*).

-ач' (12)

Всего 12 НЛ, образованных с помощью этого суффикса, входят в состав трех словообразовательных типов.

Существительные с суффиксом *-ач'* называют лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом: *бре'хач'* ‘врун’ ← *бре'хаті* ‘врать’; *вйа'зач'* ‘вязатель’ ← *вйа'заті* (*с'нопі*); *збе'рач'* ‘собиратель’ ← *збе'раті*; *ко'пач'* ‘копальщик’ ← *ко'паті*; *пудбре'хач'* ‘подхалим’ ← *пудб'ріховаті* ‘врать, подхалимничая’; *філ'ів'кач'* ‘ветошник’ ← *фі'л'івкаті* ‘свистеть (свистом завлекать потенциальных покупателей)’; дериваты с «неличным» значением представлены в дериватах *кле'пач'* ‘молоток’ ← *кле'паті*, и непроизводное в настоящее время *ко'пач'* ‘палка’, которое этимологически также образовано от глагола (*ко'паті*).

Второй тип с этим суффиксом составляют НЛ, характеризующиеся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом. Отдельную семантическую группу здесь составляют НЛ по характерному телесному признаку: *баву'сач'* ‘усач’ ← *'бавуса*; *боро'дач'* ← *бород'а*; *тором'бач'* ‘человек с большими губами’ ← *то'ромбі* ‘губы’; и одно НЛ по роду деятельности, ср.: *фійов'кач'* ‘ветошник-коробейник’ ← *фі'йовка*, *фійов'кі* (выдвижные ящики, в которых хранились мелкие товары, которыми расплачивался за собранную ветошь мелкий предприниматель).

Третий тип составляют НЛ, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом. Оба деривата называют лицо по социальному признаку, ср.: *бо'гач'* ← *бо'гатій*; *же'нач'* ‘женатый мужчина’ ← *же'натій*. В обоих случаях отсутствует финаль *ат* основы мотивирующих прилагательных.

Суффикс представлен и в образовании *попу'кач'* ‘удод’ ← *'пукаті*, *по'пуковаті* ‘издавать резкие звуки’ и новое ироничное ‘малый

трактор’; этимологочески присутствует он и в слове *коˈлач’* ‘белый хлеб’.

Во всех дериватах ударение на суффиксе.

-іц’ (фонематически -ец’) (9)

Большую часть дериватов-НЛ, образованных с помощью этого суффикса, составляют образования, называющие лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом, ср.: *блиᵢзˈніц’* ‘близнец’ ← *блиᵢз’кій*; *миᵉрˈліц’* ‘мертвец’ ← *мертˈвій*; *неˈдуйдавіц’* ‘пентюх’ ← *неˈдуйдавій* ‘неспособный’; *ˈн’упавіц’* ‘нюня’ ← *ˈн’упавій* ‘никакой’; *сˈмолавіц’* ‘сопляк’ ← *сˈмолавій* ‘сопливый’. Этимологически этот суффикс представлен и в слове *ˈн’іміц’* ‘немец’.

Два деривата составляют словообразовательный тип отглагольных образований, называющих лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом, ср.: *гоˈдованіц’* ‘питомец’ ← *годоˈваті* ‘кормить’; *куˈпіц’* ‘покупатель’ ← *купоˈваті.*

Еще два деривата со значением лица, характеризующегося отношением к тому, что названо мотивирующим словом, ср.: *виᵉр’ховиᵢніц’* ‘горец’ ← *виᵉр’ховиᵢна* ‘горная часть’; *ˈкополіц’* ‘внебрачный ребенок’ ← *ˈкопол* т.ж., ср. также дериват со значением невзрослости *ˈкопол’а*. Этимологически этот суффикс представлен и в слове *оˈтіц’* (*втіц’*) ‘отец’. Суффикс присутствует также в некоторых словах со значением «нелица» (часто с неясной этимологией), ср.: *штіґˈлініц’* ‘крапивник (птичка)’, ‘ловкий, проворный человек невысокого роста’, ср. венгер. *stiglinc* ‘щеголь’; *бурˈґованіц’* ‘булыжник’ ← *бурґоˈваті* ‘мостить камнем’, *бурˈґованій* ‘мощенный камнем’; *галамˈбіц’* ‘блюдо’ ← ?; *ґемˈбіц’* ‘желудок; большой живот’ ← *ˈґембо* т.ж.

-ішт(а) (8)

Функционирование этого общеизвестного в европейских языках греко-латинского по происхождению суффикса еще одно яркое свидетельство значительного венгерского влияния на местный говор, ср.: *біціґˈлішта* ‘велосипедист’ ← *біˈціґл’а* ‘велосипед’, ср. венгер. *biciklista* т.ж.; *каґеˈбішта* ← *КҐБ*; *калвіˈнішта* ← *ˈКалвін*, ср. венгер. *kálvinista* т. ж.; *комуˈнішта*, ср. венгер. *kommunista* т.ж.; *машіˈніста*,

ср. венгер. *masiniszta* т.ж.; *мілі'ціішта* ← *мі'ліційа*, ср. венгер. *milicista* т.ж.; *тракто'ріішта* ← *т'рактор*, ср. венгер. *traktorista* т.ж.; *фодба'ліішта* ← *'фодбал*, ср. венгер. *futballista* т.ж.; сюда же непроизводные дериваты *сал'віішта* ‘сектант’; *бап'тіішта* ‘баптист’, ср. венгер. *baptista* т.ж. Все дериваты, как видим, получили «венгерскую» форму суффикса, что и неудивительно, поскольку все эти понятия проникли в сельскую среду извне, из «городской» жизни. Подтверждает общее правило и новообразование *каґе'біішта*, появившееся в «поственгерский» период функционирования говора, которое, однако, звучит также, как и большинство дериватов, образованых ранее под прямым воздействием венгерского языка, в котором латинский звук *s* звучит как *ш*.

-’о (-ко) (8)

С помощью этого суффикса образуются прежде всего местные наиболее популярные мужские имена, ср.: *Ва'с’о* ‘Василий’, ср. *Васи'л’*; *Д’у'р’о* ‘Юрий’, ср. *'Д’ур’ій* (ср. венгер. Gyuri); *Йан'ко* ‘Иван’, ср. словац. *Ján* т.ж.; *Мі'ш’о* ‘Михаил’, ср. *'Мішко* (ср. венгер. *Misi*, *Miska*); *Па'л’о* ‘Павел’ (ср. венгер. *Pál*); *Пе'т’о* ‘Петр’ (венгер. *Peti*); *Пі'т’о* ‘Степа’, (венгер. *Pityu*); *Фер'ко* ‘Федя’ (ср. венгер. *Feri*). Следует отметить, что все эти мужские имена, за исключением *Пі'т’о* и *Фер'ко*, не несут ласкательной коннотации (последние являются производными от *'Пішта* и *'Фері* (*'Ферій*), ср. венгер. *Pista* и *Feri*). Ср. также ласкательные наименования: *Д’ур'ко*, *Д’ур'ч’о* ← *Д’у'р’о*; *Міш'ко* ← *Мі'ш’о*; *Йан'ч’о* ← *Йан'ко*; *Пал'ко* ← *Па'л’о*; *Пі'т’о* ← *Пі'т’о*. В целом, как видим, приходится констатировать значительное венгерское влияние на формирование системы личных имен в говоре села Великие Лазы. В том случае, если с помощью этого суффикса образован дериват с общим названием, он несет ярко выраженную негативную оценочную коннотацию, ср.: *гу'л’о* ‘горлопан’ ← *гу'л’укаті* ‘горланить’; *хап'ко* ‘ненадежный человек, который берется за все’ ← *ха'пані са* ‘хвататься’; *шал'ко* ‘дурачок’ ← *ша'леній* ‘сумасшедший’; *ша'л’о* ‘дурачок’ ← *ша'леній* ‘сумасшедший’.

Во всех случаях, за исключением местного прозвища с неясной этимологией *'Бул’о*, ударение находится на суффиксе.

-ан (-чан) (5)

Существительные с суффиксом *-ан* называют лицо, характеризующееся отношением к местности (населенному пункту) или к коллективу, группировке, названной мотивирующим словом, ср.: *амері*ˈ*ч'ан* ‘американец’ ← *Аме*ˈ*ріка* (чередование |ч—к|); *англі*ˈ*ч'ан* ‘англичанин’ ← ˈ*Анґлійа* (усечение финали *й* мотивирующего); *варош'*:ˈ*ч'ан* ‘горожанин’ ← ˈ*варош* ‘город’; *ди*ᵉ*нкув*ˈ*ч'ані* ‘жители восточной части села’ ← ˈ*Ди*ⁱ*нкувц'і* ‘часть Великих Лаз, в прошлом отдельное село, ср. венгер. *Dengláz*’ (чередование |ч—ц|); *пропуй-*ˈ*ч'ан* ‘гость второго дня свадьбы (в доме невесты)’ ← *про*ˈ*пойа* ‘второй день свадьбы’ (чередование гласных основы |у—о|).

Сюда же примыкают дериваты со значением невзрослости, которые образуются от наименований лиц, ср.: *гет'*ˈ*фар'ч'ата* ‘юные жители соседнего села’ ← *Гет'*ˈ*фарок* ‘укр. *Підгорб*, ср. венгер. *Hegyfark*’ (чередование |р—р'| и усечение мотивирующей основы); ˈ*ди*ᵉ*нкувч'ата* ‘юные жители восточной части села’ ← ˈ*Ди*ⁱ*нкувц'і* ‘сегодня часть Великих Лаз’ (чередование |ч—ц|); *дов*ˈ-*жан'ч'ата* ‘юные жители соседнего села’ ← ˈ*Довгой* ˈ*Поле* (чередование |г—ж| и наращение суффикса асемантической прокладкой *-ан'*).

Несмотря на непродуктивный характер, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает следующий суффикс

-ув (в безударной позиции **-ов)**

Изначально этот морф в местном говоре появился в составе производных заимствований из венгерского языка на месте долгих *ó* и *ú*, ср.: *би*ᵉˈ*рув* ‘сельский староста’, ср. венгер. *bíró* т.ж.; ˈ*бімбов* ‘пустоголов’, ср. венгер. *bimbó* ‘бутон’; ˈ*буґов* ‘невежа; грубиян’, ср. венгер. диал. *búgó* т.ж.; *са*ˈ*був* ‘портной’, ср. венгер. *szabó* т.ж.; ˈ*бунков* ‘молот’, ср. венгер. *bunkó* т.ж.; *ва*ˈ*ґув* ‘металический стержень с раздвоенным концом для вытягивания гвоздей’, ср. венгер. *vágó* ‘резец’; *ґідеґ*ˈ*вагув* ‘зубило’, ср. венгер. *hidegvágó* ‘буквально: холодное зубило’; *гор*ˈ*дув* ‘бочка’, ср. венгер. *hordó* т.ж.; *ва*ˈ*лув* ‘корыто’, ср. венгер. *vályú* т.ж.; *фа*ˈ*т'ув* ‘мóлодец’, ср. венгер. *fattyú* ‘незаконнорожденный ребенок’; ˈ*фійов* ‘парень’, ср. венгер. *fiú* т.ж. На следующем этапе, как нам представляется, этот венгерский по

происхождению языковой элемент, выполняющий в венгерском языке функции, сходные с функциями суффикса в индоевропейских языках, начал использоваться при образовании новых слов, ср.: *ч'акˈлув* ‘рычаг’ ← *ч'аклоˈвaті* ‘затягивать веревку, цепь’, ср. венгер. *csáklya* ‘багор; гак; крюк’; *буркуˈлув* ‘молот для трамбовки’ ← *бурколоˈвaті* ‘мостить булыжником’, ср. венгер. *burkoló* ‘предназначенный для облицовки’; *гаˈмув* ‘тормоз’ ← *гамоˈвaті* ‘тормозить’; *гуркаˈлув* ‘устройство для изготовления колбас’ ← ˈ*гурка* ‘колбаса’, ср. венгер. *hurka* т.ж.; *пашˈкув* ‘пастбище’ ← ˈ*пасті.*

В нашем материале всего два деривата со значением НЛ образованы с помощью этого суффикса, ср.: *вал'аˈгув* ‘бездельник’ ← *вал'агоˈвaті* ‘бездельничать’ и *рабˈрув* ‘грабитель’, ср. венгер. *rabló* т.ж. ← *раброˈвaті* ‘грабить’. Во втором случае, как видим, также не обошлось без «венгерского следа». С помощью этого суффикса образован также местный микротопоним *Кал'іˈкув* ← *каˈл'ікі*, называющий место, на котором после Первой мировой войны располагался в помещении водяной мельницы пансионат для изувеченных этой войной солдат-калек. Также нами фиксируются два прозвища, ср.: ˈ*Вінков* (носителя по имени ˈ*Вінцій*, ср. венгер. *Vince* ‘Викентий’, что, по-видимому, стало причиной появления прозвища) и с непонятной этимологией *Гˈрімбов.* Оба прозвища с яркой негативной коннотацией, что позволяет предположить, что в языковом сознании носителей говора именно с ней сопряжен языковой элемент *-ов*, ср. также общеизвестные в говоре пейоративные НЛ ˈ*бімбов* и ˈ*буґов.*

Часть НЛ (всего 23 деривата) в местном говоре образована с помощью нерегулярных суффиксов, ср.: ***-аль*:** *воˈкал'* ‘человек с большими (выпученными) глазами’ ← *воко* ‘глаз’; *мацˈкал'* ‘русский’ ← *Москˈва*, (ср. вост.-словацк. *Moskal'*; польск. *Moskal*; укр. *москаль*); ср. также непроизводное *гараˈкал'* ‘дятел’, ‘надоедливый человек’, ср. венгер. *harkály* ‘дятел’; ***-анк(а)*:** ˈ*гойданка* ‘слабый человек’ ← ˈ*гойдaті са* ‘качаться’; ***-ант*:** *цірку*ˈ*сант* ← ˈ*ціркус*; *бузеˈрант* ‘гомосексуалист’, ср. венгер. *buzi* т.ж.; ***-б(а)*** *дˈружба* ‘представитель жениха, дружка’; ***-ірь* (*-иˈрь*):** *бріґаˈд'ір'* ← *бріґада*; *каˈс'ір'* ← ˈ*каса*; *пасˈтиˈр'* ‘пастух’ ← ˈ*пасті*; ср. также непроизводные: ˈ*лодиˈр'* ‘лодырь’; ˈ*говгір'* ‘кат, мучитель’, ср. венгер. диал. *hóūhér* т.ж.; *ґаваˈлір'* ‘кавалер’; ***-ір*:** *офіˈцір*; *барˈбір* ‘парикмахер’;

-ор*:** *ˈПін'т'ор* (прозвище); ***-іс*:** *ˈкертіс* ‘садовник’ ← *керт* ‘сад; огород’ (ср. венгер. *kertész* т.ж.); ***-ім(а)*:** *банˈдіта* ← *ˈбанда*; ***-ок*:** *ˈвупердок* ‘выпердыш’ ← *ˈвуперд'іті*; *гиᵉр'ˈч'ок* ‘задира’ ← *ˈгиᵉр'ч'каті са* ‘задираться, ругаться’; (ср. также: *ˈвуверток* ‘вывороченное дерево’ ← *вуверˈтаті са*; *груˈнок* ‘холм’, ср. *грун'* ‘вершина’ в составе других русинских говоров); ***-тіль*:** *уˈч'иˈтіл'* ← *уˈчиˈті*; ***-ун*:** *босорˈкун* ‘колдун’ ← *боˈсорка*, *босорˈкан'а* ‘ведьма’, ср. венгер. *boszorka* т.ж.; *Бурˈкун* (прозвище) ‘ворчун’ ← *бурко*ˈн'іті* ‘ворчать’; ***-'ух*:** *валˈ'ух* ‘лежебока’ ← *вал'аті са*; *л'іˈн'ух* ‘лентяй’ ← *л'іноˈваті са*; *спˈл'ух* ‘любитель поспать’ ← *сˈпаті*, *спˈл'ач'ій*; ср. также *ґемˈбух* ‘большой живот’ ← *ˈґембо*; ***-чік*:** *загоˈтовч'ік* ‘заготовщик’ ← *заготовˈл'аті;* ср. также *биᵉриᵉˈзувч'ік* ‘гриб’ ← *бере*ˈзовій*; ***-ш(а)*:** *ˈмерша* ‘мертвяк’ ← *мертˈвій*; ***ø(а) (нулевой суффикс): *ˈǯ'анда* ‘попрошайка’, ср. *ˈǯ'андаті* ‘унизительно выпрашивать’; *биᵉˈтанґа* ‘разбойник’; ср. *биᵉтанґоˈваті* ‘разбойничать’; один дериват образован сложносуффиксальным способом, ср.: *страхоˈпуд* ‘трус’, ср. *страх* и *ˈпуǯ'аті са* (*наˈпудиˈті са*) ‘пугаться (испугаться)’.

Зачастую, как видим, НЛ с одним значением образуются с помощью двух, или даже трех различных суффиксов, ср.: *сˈмолавіц'/сˈмолош/смеленˈдак*; *бубˈнаш/бубˈнар'*; *гоˈдованік/гоˈдованіць*; *ˈгун'ош/гуˈн'аґош*; *коˈсар'/коˈсаш*; *кор'ч'ˈмар'/кор'ч'ˈмарош*; *патиˈˈкар'/патиˈˈкарош*; *неˈдуйдавіц'/неˈдуйдош*; *гурˈл'ак/ˈгурош*; *коˈпач'/коˈпаш*; *шаˈл'о/шалˈ'ко*; *миᵉрˈліц'/мерша*; некоторые случаи такого дублирования обусловлены синонимичностью мотивирующих, ср.: *вошкоˈл'ар'/шкоˈл'ар'*; *ˈцундрош/цурош*; *ˈсиˈкл'ош/ˈсиˈкош*; *фˈлиˈн'кош/ˈфон'кош*; или же синонимичностью и мотивирующих, и словообразовательных формантов одновременно, ср.: *бранˈкар'/вороˈтар'/бˈранкош*; *філ'івˈкач'/фійовˈкач'/фійовˈкаш.*

Всего в говоре села Великие Лазы зафиксировано нами на сегодняшний день 199 дериватов со значением НЛ. В это подмножество входят лишь те производные наименования, которые мотивированы известными в настоящее время в местном говоре языковыми единицами. В это число мы не включаем, например, НЛ *ˈбоднар'*, *лупиˈн'ˈд'арош*, *ˈрон'д'ош*, *саˈпожнік*, в составе которых возможно вычленить суффиксы лица, однако в говоре отсутствуют их мотивирующие, или НЛ типа *буˈйак*, *штіґˈлініц'*, значение лица у которых

возникло в результате обретения ими вторичного значения. Из всего числа производных НЛ, наличествующих в нашем материале, 58 дериватов (≈29%) образованы с помощью суффикса *-ош (-аш*); 33 деривата (≈17 %) – с помощью суффикса *-арь*; 21 дериват – с помощью *-ак*; 20 дериватов – с помощю *-нік* (оба последних составляют ≈10% от общего количества анализируемых образований). Меньше десяти процентов от общего количества НЛ образовано с помощью суффиксов *-ач* (12 дериватов); *-іць* (9); *-ішта* (8); *-'о* (*-ко*) (8); *-ан* (5). Вполне вероятно, что в собранном нами материале отсутствуют некоторые наименования, известные носителям говора, но в целом, на наш взгляд, весьма последовательно и корректно представлена общая статистическая картина данного фрагмента словообразования исследуемого говора. Если судить по данному языковому фрагменту, словообразование в говоре села Великие Лазы не отличается в целом от закономерностей и особенностей словообразования в других славянских языках и их диалектах. Бóльшая часть словообразовательных суффиксов, с помощью которых образованы дериваты-НЛ в говоре села Великие Лазы, хорошо известна и в других славянских языках. К сожалению, нам неизвестно (по причине отсутствия таковых полных статистических сведений), сколько дериватов со значением лица и с помощью каких словообразовательных средств, в парадигме каких мотивирующих реализуются в том или ином славянском языке, тем более в составе отдельных их диалектов. Отметим лишь, что уже сегодня вполне возможно статистическое описание словообразования большинства современных славянских языков. Возвращаясь к собранному нами материалу и его первичной обработке, отметим, что даже его поверхностный анализ, на наш взгляд, позволяет в определенной степени определить тот «диапазон специфических особенностей», который присущ исследуемому нами говору на фоне остальных славянских языков и их диалектов. Это прежде всего непропорционально высокая по сравнению с соседними словацкими и украинскими говорами, тем более литературными языками, регулярность использования при образовании НЛ венгерского по происхождению суффикса *-ош (-аш*) в местном говоре (≈29% дериватов от общего количества). Также отметим наличие другого венгерского по происхождению суффикса

-ув (*-ов*), который и вовсе, насколько нам известно, не представлен в соседних славянских диалектах, «венгерский» характер суффикса –ист. Следует, на наш взгляд, отметить также и высокую по сравнению с другими восточнославянскими языками и их диалектами регулярность второго по численности в собранном материале суффикса НЛ *-арь*, с помощью которого в местном говоре образовано ≈17% исследуемых единиц от общего количества дериватов с общим значением наменования лица, а также суффикса *-ак* (≈10%).

Литература

Бережанин 1827 – И. Бережанин. Въ обще о различіи Славянских нарѣчій, собственно же мало й карпато или Угрорусских. Письмо-статья Ивана Бережанина къ Орлаю. *Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. I. Сношенія Карпатской Руси съ Россіей въ первой половинѣ XIX-аго вѣка. Собралъ И.С. Свѣнцицкій*, 46–56.

Вендина 1987 – Т.И. Вендина. К вопросу о функциональном исследовании славянского словообразования. В: Г.П. Нещименко (ред.). *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. Москва: Наука, 128–134.

Ганудель 1981, 1989, 2001 – З. Ганудель. *Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини. Частини* I–III. Пряшів: Vydavateľstvo EXCO.

Дзендзелівський 1958, 1960, 1993 – Й.О. Дзендзелівський. *Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР* (*Лексика*). *Частини* I–III. Ужгород: Ужгородський державний університет.

Закревська 1976 – Я.В. Закревська. *Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті.* Київ: Наукова думка.

Капраль 2002 – М. Капраль. Венгерский суффикс *-as (-ás)* в карпаторусинских текстах. *Studia Slavica Hungaricae*, 47/1–2, 73–85.

Капраль 2016 – М. Капраль. Словотвореня у русинськых діалектох: демінутатівы и аугментатівы у бесїдї обывателюв ужанського села Великі Лазы. *Acta Universitatis Prešoviensis. Slavistický zborník* 2. Prešov: Vydavatel'stvo Prešovskej univerzity, 26–39.

Капраль 2017 – М. Капраль. *Русинськый ортоґрафічный словарь (з ґраматичныма таблами).* Budapest: Русинськый Научный Інстітут имени Антонія Годинкы при Вседержавному Русинському Самосправованю.

Керча 2007 – И. Керча. *Словник русинсько-руськый. У двох томах, верьх 58000 слов.* Ужгород: ПоліПрінт.

Лопатин 1987 – В.В. Лопатин. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков. В: Г.П. Нещименко (ред.). *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. Москва: Наука, 46–53.

Мамрак 1979 – А.В. Мамрак. *Закономерности суффиксального образования имен деятеля современного русского языка (в сопоставлении с украинским языком)*. Автореферат дис. канд. филол. наук. Киев.

Моисеев 1968 – А.И. Моисеев. *Наименования лиц по профессии в современном русском языке (структурно семантическая характеристика)*. Автореферат дис. докт. филол. наук. Ленинград.

Николаев – Толстая 2001 – С.Л. Николаев, М.Н. Толстая. *Словарь карпато-украинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов.* Москва: Институт славяноведения РАН.

Нимчук 1962 – В.В. Нимчук. *Словообразование именных частей речи в закарпатских верхнеприборжавских говорах*. Автореферат дис. канд. филол. наук. Киев.

Панькевич 1938 – І. Панькевич. *Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей. Частина І. Звучня і морфологія*. Praha: Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi V komisi nakladatelství «Orbis».

Панько 1997 – С.С. Панько. «Граматика бачваньско-рускей бешеди» про складові частини теорії словотвору. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia* 5, 86–91.

Рамач 2002 – Ю. Рамач. *Ґраматика руского язика за I, II, III и IV класу ґимназиї*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.

РГ 1980 – *Русская грамматика* Т. 1. Москва: Академия наук СССР.

Сабадош 2008 – І.В. Сабадош. *Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району*. Ужгород: Ліра.

Тихонов 1985 – А.Н. Тихонов. *Словообразовательный словарь русского языка.* Москва: Русский язык.

Харківська 2015 – О.В. Харківська. *Суфіксальний словотвір апелятивних іменників в українських говорах Закарпаття*. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Ужгород; см. также: http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2015/12/dis_harkivska.pdf

Ябур – Плїшкова – Копорова 2007 – В. Ябур, А. Плїшкова, К. Копорова. *Русиньска лексіка. Правописный і ґраматічный словник.* Пряшів: Vydavatelstvo prešovskej univerzity.

Ябур – Плїшкова – Копорова 2015 – В. Ябур, А. Плїшкова, К. Копорова. *Ґраматіка русиньского языка*. Пряшів: Vydavatelstvo prešvskej univerzity.
Boudovskaja 2010 – E. Boudovskaja. Carpathian Dialects of Brid and Novoselytsia: Brief Descriptions. В: П. Гриценко, Н. Хобзей (ред.). *Діалектологічні студії. 9: Запозичення та інтерференція*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 536–543.
Gerovskij 1934 – G. Gerovskij. Jazyk Podkarpatské Rusi I., Lidová řeč Podkarpatské Rusi (s mapou nářečí Podkarpatské Rusi). V: O. Hujer (red.). *Československá vlastivěda, díl* III. *Jazyk*. Praha: «Sfinx» Bohumil Janda, 480–517.
Halaga 2002 – O. R. Halaga. *Východoslovenský slovnik. Historicky dokumentovaný* (921–1918); *paralely české*, *slovenské ekvivalenty.* Košice: Universum.

Список сокращений

венгер. – венгерский язык
венг. диал. – венгерский диалект
восточн.–словац. – восточно-словацкие диалекты
др.–рус. – древнерусский язык
жен. – наименование женщины
карт. – термин карточной игры
НЛ – наименования лица
польск.– польский язык
рус. – русский язык
русин. – русинский язык
словац. – словацкий язык
ср. – сравни
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.ж. – то же (значение)
т.п. – тому подобное
укр. – украинский язык
устар. – устаревшее

Климчук Федор Данилович
Институт языкознания им. Якуба Коласа
Минск, Белоруссия

«Новый Завет» в переводе на западнополесский говор

Западнополесский литературный микроязык – деятельность Ф.Д. Климчука по переводу Нового Завета – образцы перевода

Вскоре после Вознесения Иисуса Христа, в день Пятидесятницы, ученики Его собрались в горнице для молитвы. Вдруг послышался шум. Затем явились как бы языки пламени и опустились на каждого из них. И ученики заговорили на разных языках и наречиях. Среди собравшихся были представители разных народов. И каждый услышал свою родную речь (Новый Завет, 1965. Деяния св. Апостолов, 2, 1–38, с. 178–180). Это было побуждение свыше, чтобы Апостолы вели проповедь на разных языках и наречиях, чтобы их проповедь была понятна людям, принадлежащим к разным народам и этнографическим группам.

О необходимости вести проповедь на языках и наречиях понятных людям, принадлежащих к разным народам, много говорится в Первом послании св. Апостола Павла к коринфянам (Новый Завет, 1965. Глава 14, 1–28, с. 289–290).

Апостолы и их последователи так и поступали. К настоящему времени Библия (Ветхий и Новый Завет) переведена на множество языков, наречий, диалектов, говоров. Этому посвящена богатая литература.

К использованию текстов на западнополесских говорах положительно относилась Русская православная церковь (Кто булы

656–664; Статья предназначалась для священников и учителей Брест-Литовского и Кобринского уездов).

В нашем издании представлен перевод основной части Нового Завета на один из западнополесских говоров (Новый Завет 2010). Это мой родной говор села Симоновичи (местн. *Сы́моновычы*) Дрогичинского (Дорогичинского) района Брестской области Белоруссии. До ноября 1968 г. я жил в Брестской области, где этот говор бытует, и я им пользовался регулярно, наряду с русским и белорусским литературными языками. С ноября 1968 г. проживаю в г. Минске, родным говором пользуюсь при встрече с земляками, а также при посещении Брестской области.

Мною опубликовано более 250 научных работ. Назову те из них, в которых широко представлена информация о говоре села Симоновичи или его научный анализ.

В 1973 г. в Минске я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Да лінгвагеаграфіі Заходняга Палесся (фанетыка чатырох палескіх гаворак)». Один из ее разделов посвящен анализу фонетической системы говора села Симоновичи. На материале диссертации написана и опубликована монография (Клімчук 1983). В ней тоже один из разделов посвящен говору села Симоновичи.

Лексика села Симоновичи представлена в двух моих статьях (Климчук 1968: 20–78; Клімчук 1975: 135–153).

Фольклорные материалы и духовная культура села Симоновичи представлены соответственно в двух моих статьях (Климчук 1978: 190–218; Климчук 1995: 335–380). Основная часть текста этих статей написана на местном говоре.

Мною записан традиционный свадебный обряд села Симоновичи (текст в основном на местном говоре) и тексты свадебных песен. Вначале опубликована часть материала (Климчук 1983: 262–279). Позже опубликовано полное описание свадебного обряда села Симоновичи (Клімчук 2011). Текст почти полностью на местном говоре. Включает 266 текстов свадебных песен и 8 изречений.

На многих специфических диалектах разных языковых систем мира существуют не только отдельные художественные произведения, но богатая литература (Дуличенко 1981; Домашнев 1969; Алпатов 1969; Чернышев 1969, 1978; Modernisierung 1999; СЛМ 2006).

Диалекты, на которых существует богатая литература, в восточнославянской традиции принято называть литературными микроязыками, в некоторых странах их называют также региональными языками. Ведущий специалист по славянским литературным микроязыкам А.Д. Дуличенко с 1990 гг. в число литературных микроязыков включает западнополесский микроязык.

Учитывая мировой характер и довольно широкую распространенность литературы на народных говорах, а также советы Н.И. Толстого, я занялся переводами литературных текстов на говор села Симоновичи. Сделаны переводы из Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, Гомера, Ш. Руставели (из подстрочника), Иллариона, Р. Бернса, О. Лысогорского, М. Богдановича, Т.Г. Шевченко, а также «Слова о полку Игореве» (Климчук 1990–1991; Клімчук 2000: 197–204; Клімчук 2002: 56–58; Клімчук 2012: 8–119). Об этих переводах писали известные ученые Н.И. Толстой (Толстой: 227–234), М.Г. Булахов (Булахаў 2000: 79–92; Булахаў 2012: 85), А.Д. Дуличенко (Дуличенко 2011: 412). М.Г. Булахов, кстати, писал: Падкрэсліваючы тое, што «народныя гаворкі паступова разбураюцца», Ф.Д. Клімчук вырашыў захаваць памяць пра мову сваіх бацькоў і продкаў шляхам пераказу самага выдатнага паэтычнага твора Старажытнай Русі — «Слова аб паходзе Ігара» (Булахаў 2000: 79).

Следующим этапом моей деятельности в рассматриваемой области является перевод Нового Завета. Основная его часть опубликована (Новый Завет 2010). Остальная часть находится в рукописи (Новый Завет, рукопись).

Одна из проблем переводов на народные говоры — это знаковая (буквенная) система, которая служит для фиксации перевода. Наименование этой системы — транскрипция. Транскрипция бывает «обычная» и упрощенная. Упрощенная транскрипция близка к какому-нибудь алфавиту литературного языка, но полностью не совпадающая с ним.

Для записей диалектного материала (отдельные слова, фразы, тексты), фольклорных текстов, переводов я (с коллегами) выработал свою западнополесскую упрощенную транскрипцию. В основу ее положен белорусский алфавит. Есть небольшие отличия. Принята буква [*и*]. Она служит для обозначения звука, среднего между

[*і*] и [*ы*]. Принята также буква [*ґ*]; это взрывной [*г*]. Буква [*ў*] не употребляется, поскольку в берестейско-пинских говорах нет соответствующего ей звука. Звукосочетание, обозначаемое в украинском алфавите буквой [*ї*], в западнополесских текстах обозначается буквосочетанием [*ўі*]. Ударение по техническим причинам обозначается двумя способами: 1) специальным значком над гласным: [*á*], [*é*], [*í*], [*ó*], [*ý*]; 2) значком [′] после гласного. В переводе не учтены некоторые узколокальные особенности симоновичского говора. Так, вместо бытующей в симоновичском говоре и многих других говорах Дрогичинского района формы *вылíкый* употребляется форма *вылы́кый*. Она является более распространенной в говорах южных районов Брестской области.

При создании рассмотренной западнополесской буквенной системы (упрощенной транскрипции) ставилась цель, чтобы человек из любого региона Земного Шара, которому известны один-два кириллические алфавита и хотя бы один латинский, мог читать эти тексты без комментариев и читать их так, как они звучат в берестейско-пинских говорах.

Перевод осуществлялся небольшими кусочками (Новый Завет 2010: 386–389 — «Хронология переводов»). Обычно для перевода брался один стих. Иногда немного больше. Текст прочитывался. Затем я мысленно перемещался в Палестину первой половины I в. н.э., т.е. как бы становился непосредственным наблюдателем тех событий, которые описаны в Новом Завете. Снова мысленно перемещался в Симоновичи начала XX в. И мысленно рассказывал своим землякам, представителям старшего поколения, увиденное. Затем это «сообщение» записывал. При переводе использовал тексты Нового Завета на старославянском, русском, белорусском, украинском, польском языках.

Обнаружено своего рода целительное свойство перевода. Если вечером был переведен хотя бы один стих, после этого всю ночь был замечательный продуктивный сон, утром свежая голова и прекрасное настроение. Если появлялось болезненное состояние, я обращался к переводу Евангелия — переводил один-два стиха. Болезненность проходила. Особенно заметным было проявление целительности, когда переводил 4 основные Евангелия (от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна).

Село Симоновичи (местн. *Сы́моновычы*) находится в 10 км севернее г. Дрогичина Брестской области. Первое упоминание о нем в письменных источниках относится к 1452 г.

Но люди жили здесь и раньше. Древнейшее поселение на территории Дрогичинского района — стоянка в урочище Городо́к (Городе́ц) вблизи южного берега реки Ясельды, в 12 км от Симонович. Во время охоты насельники этой стоянки, очевидно, неоднократно посещали территорию, где позже возникли Симоновичи. Возникла указанная стоянка около 10 тысяч лет до н.э.

Многочисленные археологические находки, обнаруженные преимущественно в симоновичских урочищах *Курга́нка* и *Переде́л* (*Пырыді́л*), позволяют констатировать, что на территории с. Симоновичи и его угодий существовали древние поселения в эпоху мезолита, неолита и бронзы, т.е. приблизительно с середины 6-го до конца 2-го тысячелетий до н.э. К 3500 г. до н.э. население Западного Полесья усвоило мотыжное земледелие. Около 1400–1100 гг. до н.э. в урочище *Передел* существовало поселение **тшцинецкой** культуры. Эту культуру многие исследователи считают праславянской.

В урочище *Курганка* обнаружены обломки керамики VII–X, XI–XIII, XIV–XV, XVI–XVII, XVIII–XIX вв. Хронологическая последовательность этих находок от VII–X вв. и до настоящего времени является свидетельством того, что населенный пункт, который позже получил наименование *Симоновичи*, существует с VII–X вв. Для VII–X вв. условно примем усредненную дату — IX в. или 850 год.

В урочище Курга́нка находились два кургана высотой 2 и 1,5 м. Разрушены в 1930-е годы кладоискателем.

По мнению известного белорусского археолога В.Ф. Иса́енка, в центре села Симоновичи, в урочище *Грудо́к*, где находились парк, школа, библиотека, почта, магазин, в прошлом могло существовать укрепленное поселение (устное сообщение, 1997 г.).

Сведения о Симоновичах в письменных источниках: 1452 (Симоновское дворище), 1554, 1558, 1559, 1561, 1562, 1642, 1644, 1663, 1671, 1736, 1750, 1783, 1793, 1795 гг. и более поздние.

Численность населения в с. Симоновичи в XX в.: от 1480 чел. в 1926 г. до 1370 чел. в 1970 г.

Говор села Симоновичи относится к группе близкородственных говоров, бытующих в южной части Брестской области. Наименование этой диалектной группы в научной литературе: говоры *западнополесские, брестско-пинские, загоро́дские*.

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА
Од Матвія святáя Йівáнгылія
Глава 1
Роды́вся Ісу́с Хрысто́с

18. От як було́, як Ісу́с Хрысто́с роды́вся. По́сля зару́чын Мáтыра Ёго́ Марíйі з Ё′сыпом, пы́рыд тым, як воны́ побрáлысь, стáло выдо́мо, шо Вонá мáе в жывотí од Ду́ха Свято́го.

19. А Ё′сып, мужы́к йійі́, був чоловíк прáвыдный і ны хотíв на йійі́ нысла́ву пусты́ты, то вин хотíв тáйно дáты Юй во́лю.

20. Алэ́ як оно́ вин поду́мав про гэ́тэ — то явы́вся ёму́ в сні Анё′л Госпо́дній і сказáв: «Ё′сып, сын Давы́дув! Ны бийся взя́ты Марíю, свою́ жи́нку, бо ро́джанэ Е́ю, то од Ду́ха Свято́го.

21. І прывыдэ́ Вонá Сы́на, і дасы́ ёму́ ймэ́нне Ісу́с, бо Вин вы́ратуе людэ́й Свойíх од йíхых грыхы́в».

22. І гэ́тэ стáло. Бо збу́тысь жэ скáзаному Го́сподом чы́рыз проро́ка, якы́й кáжэ:

23. То ж Дíвчына в сырэ́дыны Свою́й пры́ймэ і ро́дыть Сы́на, і даду́ть ёму́ ймэ́нне Эммануйíл, шо знáчыть «З нáмы Биг».

24. Прочну́вшысь і встáвшы, Ё′сып зробы́в так, як сказáв ёму́ Анё′л Госпо́дній, і взяв до сыбэ́ свою́ жи́нку.

25. І ны чыпы́в Йійі́. Нарэ́шты Вонá родыла Сы́на Свого́ пэ́ршого, і вин дав ёму́ ймэ́нне: Ісу́с.

Глава 2
Мудрыцí з зы́ходу прышлы́ поклоны́тысь Ісу́совы

1. Як роды́вся Ісу́с в Выфлые́мы Іуде́йському пры царе́вы І́родовы, прышлы́ в Йірусалы́м мудрыцí з зы́ходу і пытáють:

2. «Дэ Цар Іуде́йськый, шо роды́вся допíро? Бо мы бáчылы Ёго́ зорю́ на зы́ходы і прышлы́ поклоны́тысь Ёму́».

3. Почу́вшы гэ́тэ, цар І́род рострыво́жывся і ввэсь Йірусалы́м ра́зом з йім.

4. І зобра́вшы всіх пэршосвяшчэ́ннікув і кні́жныкув людськы́х, пыта́вся в йіх: «Дэ повы́дён роды́тысь Хрысто́с?»

5. Воны́ ж сказа́лы ёму́: В Выфлы́мы Іуде́йському; бо в проро́ка напы́сано так:

6. «І ты, Выфлые́м, зымня́ Іу́дына, нычы́м ны горі́шый за воево́дства Іу́дыны, бо с тыбэ́ вы́йдэ Вырхово́дэць, Якы́й вы́ратуе наро́д Мий Ізра́ільськый» (Мых. 5, 2).

7. Тоды́ І́род, та́йно склы́кавшы мудрыці́в, вы́выдав в йіх, колы́ зыйшла́ зоря́.

8. І посла́в йіх у Выфлые́м, і сказа́в: «Іді́тэ, до́брэ розві́дайтэ про Дыты́ну і, як на́йдытэ, ознаймі́тэ мыні́, шоб і я міг пойты́ поклоны́тысь Ёму́».

9. Воны́ вы́слухалы царя́ і пошлы́. І от, зоря́, яку́ю воны́ ба́чылы на зы́ходы, йшла пы́рыд йі́мы, по́кы нарэ́шты прышла́ і остановы́лась над тым мі́сьцем, дэ була́ Дыты́на.

10. Пуба́чывшы ж зорю́, воны́ нымаві́сты як зрадні́лы.

11. І зайшо́вшы в ха́ту, пуба́чылы Дыты́ну з Марі́йію, Ма́тырыю Ёго́, і впа́вшы на колі́на, поклоны́лысь Ёму́; і откры́вшы ска́рбы, пудныслы́ Ёму́ свойі́ да́ры: зо́лото, ла́дан і смі́рну.

12. Йім в сні об’явы́лось, шоб ны воро́чалысь до І́рода, і воны́ гы́нчыю доро́гыю пошлы́ в свою́ сто́рону.

Литература

Алпатов 1988 – В.М. Алпатов. *Япония. Язык и общество*. Москва: Муравей.

Булахаў 2000 – М.Г. Булахаў. Заўвагі аб мове пераклада «Слова о плъку Ігоревѣ» на пінскую гаворку Ф.Д. Клімчука. *«Слово о пълку Игоревѣ» і Беларусь. Да 200-годдзя першага выдання «Слова о пълку Игоревѣ»*. Частка II. Мінск: Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, 79–92.

Булахаў 2012 – М.Г. Булахаў. *Клімчук Фёдар Данілавіч. Беларускія перакладчыкі, даследчыкі, ілюстратары «Слова о плъку Игоревѣ»*. Мінск: Беларуская навука.

Домашнев 1989 – А.Д. Домашнев. *Языковые отношения в Федеративной Республике Германия*. Ленинград: Наука.

Дуличенко 1981 – А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития*. Таллин: Валгус.

Дуличенко 2011 – А.Д. Дуличенко. *Основы славянской филологии.* Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.

Климчук 1968 – Ф.Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. Лексика Полесья. *Материалы для полесского диалектного словаря*. Москва: Наука, 20–78.

Клімчук 1975 – Ф.Д. Клімчук. З лексікі цэнтральнага Загароддзя. У: А.А. Крывіцкі, Ю.Ф. Мацкевіч (рэд.). *З народнага слоўніка*. Мінск: Інстытут Мовазнаўства імя Якуба Коласа, 135–153.

Климчук 1978 – Ф.Д. Климчук. Песенная традиция западнополесского села Симоновичи. *Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции*. Москва: Наука, 190–218.

Клімчук 1983а – Ф.Д. Клімчук. *Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс*. Мінск: Навука і тэхніка.

Климчук 1983б – Ф.Д. Климчук. Традиционная свадьба полесского села Симоновичи. Канун свадьбы. Венки. *Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования*. Москва: Наука, 262–279.

Климчук 1990–1991 – Ф.Д. Климчук. «Слово про поход Ігора, Святославового сына, Олегового внука» [пераклад на гаворку в. Сіманавічы]. *Збудінне* (інф. веснік ГКТ «Полісьсе»), № 10 (15), 5; № 12 (17), с. 6; 1991, № 2 (20), 6.

Климчук 1995 – Ф.Д. Климчук. Духовная культура полесского села Симоновичи. *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*. Москва: Ин-т славяноведения и балканистики, 335–380.

Клімчук 2000 – Ф.Д. Клімчук. Слово про поход Ігора, Святославового сына, Олегового внука. *«Слово о пълку Игоревѣ» і Беларусь. Да 200-годдзя першага выдання «Слова о пълку Игоревѣ»*. Частка ІІ. Мінск: Бел. дзярж. пед. ун-т імя М.Танка, 197–204.

Клімчук 2002а – Ф.Д. Клімчук. Урыўкі з перакладаў на гаворку вёскі Сіманавічы Драгічынскага раёна. Гістарычная Брама. *Гісторыка-краязнаўчы часопіс*, № 1–2 (19–20), 56–58.

Климчук 2002б – Ф.Д. Климчук. Мої переклади. Фрагмент «Нового Завіту». *Пам'ятки України. Історія та культура*. 3–4, XXXIX–XLIII.

Клімчук 2011 – Ф.Д. Климчук. *Традыцыйнае вяселле вёскі Сіманавічы Драгічынскага раёна Брэсцкай вобласці*. Мінск: ТАА «Мэджик».

Клімчук 2012 – Ф.Д. Клімчук. *Пераклады на заходнюепалескую гаворку (вёска Сіманавічы Драгічынскага раёна Берасцейскай вобласці)*. Мінск: ТАА «Мэджык».

Кто булы 1905 – Кто булы наши найдавнійшіи диды и якая ихъ була доля до Уніи. *Гродненские епархиальные ведомости*, № 24–25, 656–664.

Новый Завет 1965 – *Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в русском переводе с параллельными местами и приложениями*. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом».

Новый Завет 2010 – *Новый завет Господа нашего Иисуса Христа*. (Еванг. от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна; Деян. св. Апостолов; 1-е Посл. св. Ап. Павла к Коринфянам). Перевод на западнополесский говор. Минск: ООО «Мэджик».

Новый завет, рукопись – *Новый завет Господа нашего Иисуса Христа*. Выпуск 2. (Соборн. посл. св. Ап. Иакова; 1-2-е Соборн. посл. св. Ап. Петра; 1-3-е Соборн. посл. св. Ап. Иоанна; Соборн. посл. св. Ап. Иуды; Послания св. Ап. Павла; Откров. св. Иоанна Богослова). Перевод на западнополесский говор. Рукопись.

СЛМ 2006 – *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Slavica Tartuensia VII. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов*. А.Д. Дуличенко, С. Густавссон (ред.). Тарту: Издательство тартуского университета.

Толстой 1966 – Н.И. Толстой. Архаизам и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића. *Анали филолошког факултета Београдског универзитета*, св. 5, 227–234.

Чернышев 1969 – В.А. Чернышев. *Диалекты и литературный хинди*. Москва: Наука.

Чернышев 1978 – В.А. Чернышев. *Динамика языковой ситуации в Северной Индии*. Москва: Наука.

Modernisierung 1999 – *Modernisierung des Wortschatzes europäischer Regional- und Minderheitensprachen*. von Gunter Spiess (Hrsg.). Tübingen: Narr.

Суляк Сергей Георгиевич
Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург, Россия

Русины Молдавии: яркое прошлое и туманное будущее

Молдавское княжество – русины – русинский язык

Молдавское православное княжество было образовано в конце XIV в. в Карпато-Днестровских землях (1359 г.). Оно возникло на территории, ранее принадлежавшей Галицкой Руси, в период обострения войны между Польшей и Великим княжеством Литовским, Русским и Жемойтским за галицко-волынское наследство.

С самого начала своего существования княжество было полиэтничным. Самыми крупными этносами, проживавшими в нем, были волохи (молдаване) и русины. Молдавская легенда об основании княжества указывает на основной этнический состав Карпато-Днестровских земель (территории Молдавского средневекового княжества). В ней говорится о пастухах из Марамуреша (Марамороша, комитата (жупы) на северо-востоке Венгерского королевства), которые, охотясь на зубра, встретили в окрестностях нынешнего города Сучава русина-пасечника Яцко (Ецко), и о том, как затем обе стороны привели своих соплеменников на эти ранее разоренные татарами земли. Яцко привел русских из Страны ляхов (т.е. из Галицкой Руси, утратившей к тому времени самостоятельность и ставшей частью Польского королевства), а Драгош — своих людей из Марамуреша (см. Ureche 1990: 28; Полевой 1979: 111). Сегодня большая часть

этих земель входит в состав Закарпатской области Украины, а 2/5 территории — в состав Румынии. Русины и их потомки составляют большинство населения нынешней Закарпатской области Украины, немало их проживает и в румынской части Марамуреша.

Русин — самоназвание населения Древней Руси. Сам этноним *русин* — производное от слова *Русь*. Он упоминается в литературных памятниках с X в.: к примеру, в текстах договоров с греками князя Олега (912 г.) — семь раз, князя Игоря (945 г.) — шесть, его можно встретить в «Русской правде» и т.д. Долгое время данный этноним сохранялся на всей территории, входившей в состав Древнерусского государства: в Малороссии, Белоруссии, Великороссии, Карпатской Руси. К середине XIX в. этноним *русин* оставался широко распространенным в качестве самоназвания населения Карпатской Руси (Галичина, Буковина, Угорская Русь), чьи земли находились под владением Австро-Венгрии, а также жителей севера Бессарабии и Холмщины.

Австро-венгерские власти называли своих русских подданных *русины, рутены* (нем. Russinen, Rutnenen) — в отличие от *русских* (российских подданных). Причем *рутены* — средневековое латинское название русских, а русины — неправильное образование множественного числа от единственного числа *русин*. Сами русины называли себя в единственном числе *русин,* а во множественном числе — *русскими*, веру свою — *русскою*, свой народ и язык — *русскими*. Русины подразделялись на ряд этнокультурных групп: бойки, лемки, подоляне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне и др. Второй этноним населения Карпатской Руси — *руснак*. Само слово *руснак* возникло как противопоставление этнониму *поляк* (см. Суляк 2007: 29–30).

Русины — сохранившаяся в обстановке относительной изоляции в определенных природных (горный ландшафт) и социальных (иноконфессиональное и иноязычное окружение) условиях часть древнерусской народности.

Средневековая Молдавия в турецких документах именовалась *Богдания*, в русских — *Волошская земля*, иногда *Малая Валахия*, в церковных документах — *Росовлахия, Молдославия, Молдовлахия* (см. Мохов 1978: 88).

В 1395 г. при правлении господаря Штефана I Мушата (1394–1399) и в 1401 г. при Александре Добром (1400–1432) в актах Константинопольской патриаршей канцелярии в качестве названия страны употребляется *Ρωσοβλαχία* (см. Mihăescu et al. 1982: 244–249, 266–267).

Ряд исследователей полагает, что название *Росовлахия* свидетельствует о том, что территория Карпато-Днестровских земель канонически подчинялась Галицкой митрополии и ее назвали так, чтобы избежать путаницы с Валахией (Угровлахией – *Ουγγροβλαχία*) (см. Spinei 1982: 42). В церковном плане территория Молдавского княжества вначале канонически относилась к Галицкой митрополии и граничила с Галицкой Русью. В составе княжества оказалась часть галицкого Понизья. На территории исторической Молдавии выявлено не только большое количество восточнославянских топонимов и гидронимов. Они повторяются и в Запрутской Молдове, и на Украине. На это обратил внимание молдавский историк А. Городенко: «Ушица (в уезде Ботошань и в Черновицкой области), Бакота (в той же области) и Бохотин (в уезде Яссы), Теребне — Теребовль и др.» (см. Городенко 2005: 88–89). Сюда же можно добавить и гидронимы: реки Сирет (Серет) — левый приток Дуная, протекает по территории Украины и Румынии, Серет протекает по Львовской и Тернопольской области; Малый Сирет (Серет) — правый приток Сирета (протекает по территории Сторожинецкого и Глыбокского районов Черновицкой области) и Серет Правый (протекает по Зборовскому району Тернопольской области и Бродовскому Львовской области Украины).

Венгерский король, называя в 1360 г. Молдавию «страной нашей молдавской», не внес дополнения в свой титул (напомним, что венгерские короли с 1205 г. именовались и титулом «король Галиции и Лодомерии») (лат. Rex Galiciae et Lodomeriae. – *С.С.*). Хотя самого Галицкого княжества к тому времени уже не существовало, под Галицией подразумевалась северо-западная часть Карпато-Днестровских земель, ядро Молдавского княжества (см. Городенко 2005: 88–89).

Скорее всего, название *Росовлахия* указывало на существование к концу XIV в. в Карпато-Днестровских землях двух стран:

Росовлахии (Верхняя страна — Цара де Сус / Țara de Sus) на русинском севере и Мавровлахии (Молдовлахии) на юге (Нижняя страна — Цара де Жос / Țara de Jos) (см. Gorodenco 2008: 86).

Позже в иерархии думных бояр ворники (правители) Нижней и Верхней Молдавии занимали место после великого логофета (главы господарской канцелярии и хранителя государственной печати, исполнявшего функции господаря в его отсутствие). Ворники, по словам Д. Кантемира (2011: 229), вершили при княжеском дворе все дела, касавшиеся своих областей.

Ряд районов, населенных русинами, долгое время обладал автономией. Говоря о русском Долгополье (Русском Кымпулунге в Сучавском уезде), Д. Кантемир упоминает, что жители пятнадцати сел пользовались своими законами и судами. «Порой они даже допускают двух ворников (представителей уездной администрации. – *С.С.*), присланных господарем, нередко же, когда те оскорбляют чувства поселян, опираясь на свои природные убеждения, они изгоняют их». Они платили налоги, которые обещали прежним господарям, и через своих представителей возобновляли соглашения с новыми правителями.

> «Если же господарь надумает быть строже и возложить на них новое обременение, они не теряют на переговоры и дня, но вовсе отказываются платить и скрываются в самые неприступные горы; поэтому господари никогда и не требовали от них больше положенного. Подчас, подстрекаемые иными мятежниками, они изменяли господарям и искали поддержки поляков: проявление такого покровительства дало повод некоторым польским историкам утверждать, что Молдавия платила дань Польше» (Кантемир 2011: 262–263).

Долгое время в княжестве автономией пользовалась Шипинская земля. В ее состав входили Северная Буковина и Хотинщина (см. Жуковський 1991: 30–31).

О значительной численности и регионах проживания русинского населения Молдавии упоминают молдавские летописцы (начало молдавского летописания относится ко второй половине XV в.). В XVII в. Симеон Даскал писал, что «создана страна из двух языков, из румын (имеются в виду восточные романцы. – *С.С.*) и

русских, и до сего дня половина страны состоит из русских и половина из румын» (см. Ureche 1990: 28). Д. Кантемир (2011: 136–138) в своей работе «Описание Молдавии» («Descriptio antiqui et hodierni status Moldaviae») назвал местное и пришедшее из Галиции русинское население на латыни *Russi* (русские), а язык — *Ruthenice* (русский, рутенский).

Помимо русинов и волохов, здесь проживали и другие этнические группы. Среди них — южные славяне (в основном болгары), которые переселялись в южную часть Карпато-Днестровских земель не только в XIV–XV вв., но и позже, особенно массово — в конце XVIII – начале XIX в., татары, сасы (германоязычное население Трансильвании), цыгане, венгры, евреи, греки (см. Полевой 1979: 112).

Важным письменным источником по истории русинов молдавского средневекового государства является молдавская средневековая дипломатика. Это грамоты — жалованные, купчие, меновые, духовные, вкладные, деловые, или раздельные, межевые, несудимые, правые, тарханные, или льготные, описи движимого и недвижимого имущества в феодальных хозяйствах, уставные, кабальные записи, или заемные закладные кабалы, договоры, заключавшиеся молдавскими господарями с властями других стран, господарские грамоты и указы о сыске и возврате беглых крестьян и холопов их прежним владельцам и т.д. Их насчитывается огромное количество: одних только грамот, договоров и прочего материала, относящегося ко второй половине XV в., обнаружено более трех тысяч (см. Грекул 1950: 18).

Официальным языком Валашского (образовано в 1310 г.) и Молдавского (1359 г.) княжеств с момента их образования до начала XVIII в. был славянский, а языком церкви — церковнославянский. Валашские грамоты писались на местном славянском говоре, родственном болгарскому (см. Бернштейн 1948: 77). В то же время язык молдавской средневековой дипломатики большинство исследователей классифицируют как западнорусский (южнорусский, восточнославянский, староукраинский, малорусский, русинский, что в принципе одно и то же) (см. Суляк 2016а: 73–97). Причем ряд исследователей (в т.ч. русские слависты бессарабцы А.И. Яцимир-

ский (1910: 155) и А.А. Кочубинский (1903: 396)) указывали, что в основу языка молдавских грамот положен галицкий говор, т.е. язык местного русского (русинского) населения.

Само название этноса в молдавских господарских грамотах, как, впрочем, и в молдавских летописях, упоминается редко, да и то в тех случаях, когда идет речь о выходцах из Галицкой Руси (ставшей частью Польши). Так, воевода Александр (Александрел) 23 февраля 1453 г. дает право Яцкову монастырю возле Сочавы, где есть храм Успения святой Богородицы, основать село в монастырских владениях возле монастыря и разрешает звать из «чѵжеи земли или ѡт(ъ) Лѧдцкѵю Земли, или ѡт(ъ) нашеи земли» свободных людей, мастеровых, кожухарей (портных, шивших *кожухи*, т.е. тулупы из овчины. – *С.С.*) или других ремесленников («или рѵсин(ъ), или грѣчин(ъ) или бѵд(и) какы Ѧзык(ъ)»), освобождая их от налогов (см. Şimanschi et al. 1976: 38). В 1597 г. господарь Иеремия Могила (см. Черепнин 1978: 374–375) и в 1616 г. господарь Радул Михня подтверждают данные льготы, повторяя текст грамоты (см. Пашуто 1982: 113).

Среди сохранившихся за 1585–1623 гг. грамот в 13 из них господари разрешали землевладельцам привлекать в свои имения иностранных поселенцев, освободив их на некоторое время (до пяти лет) от уплаты налогов; русины упоминались в 12 грамотах, причем при перечислении они занимали 1–2-е места. Представители других народностей упоминаются от 1 до 10 раз (см. Руссев 2006: 94–95.).

Свободные русины (не переселенцы), проживавшие в Молдавском княжестве, как, впрочем, и другие этносы, в молдавской дипломатике не отделялись от остального населения, в том числе и от волохов (молдаван), и жили, как и последние, по волошскому праву. Свидетельством этого может служить грамота господаря Стефана III (Великого) от 8 февраля 1470 г. Освобождая татарина холопа Оана и его детей, он разрешает им жить в стране «слободно и доброволно и без никоторои неволи, какже сидѣть и живут(ь) у нашеи з<е>мли уси волохове своим(ь) волоскы<м(ь)> закономь» (см. Şimanschi et al. 1976: 239). Таким образом, русины, как и представители других этносов, живших по волошскому праву, официально не выделялись из общей массы свободного населения княжества.

В молдавских грамотах заметно влияние древнерусской традиции на общественные отношения и политический строй Молдавии. Основные институты раннефеодального общества представляли здесь синтез старой волошской общественной организации с формами, заимствованными у русинов (см. Суляк 2004: 76). Долгое время в княжестве сохранялись некоторые нормы «Русской правды». Древнерусское влияние прослеживается в титуле правителя (*воевода, господин, господарь, дедич*), должностях представителей правящей верхушки (*стольник, чашник, постельник, витез* (служилый боярин)*, посадник* и т.д.). В становлении титулов молдавской феодальной верхушки заметна некоторая аналогия с Московской Русью: количество придворных чинов увеличивается с ростом числа подданных, к этим чинам причислялись и боярские (см. Суляк 2016б: 99–106).

В актах господарской канцелярии указано большое количество имен и прозвищ, имевших восточнославянское происхождение (в т.ч. характерных для русинов): *Иванчук, Иванка, Панас,* бояре *Петр Худич, Юргич, Дума Браевич, Фома Верешчак, Богуш, Пашка Нестекович, Крыстя Чорный, Мануил Щербич, Богдан, Настя, Стецко, Гряка, дочка Русова, Журж Котец, Андрушка, Иванка, Софийка, Андрушко, Софийка, Андрейка, Иванко, Анушка, Марушка* и др. (см. Суляк 2016б: 99).

Среди бояр часто встречались славянские и славянизированные имена и прозвища. В господарских грамотах 1384–1457 гг. можно заметить, что среди верхушки общества наиболее распространенным было христианское имя *Иоанн* — 88 человек. Однако бояр, названных церковной формой с производными, — всего 26, носителями имени *Ион* с его вариантами было 36 бояр, а *Иван* — 22. Аналогичная картина складывается и при рассмотрении второго по популярности в княжестве имени *Георгий*. Канонической формой названы только два человека из 56, имя *Журж* носили 33 человека, *Юрий* — 14, а *Юга* — 4. Имена *Иван* и *Юрий* в обоих случаях охватывают 25% людей (см. Руссев 2005: 99). По различным оценкам, русины составляли от четверти (см. Руссев 2005: 99) до двух третей (см. Однороженко 2011: 178–179) состава молдавской знати.

Большое распространение в княжестве получили антропонимы с корнем *рус*-, указывавшие на этническое происхождение их носителей. *Rus* (*Рус, русский*) постоянно встречаются в грамотах в качестве имен и прозвищ, в том числе и среди знати (см. Суляк 2017а: 80–91): *Rusu (Русу), Ruse (Руse)* — у мужчин, *Rusa (Руса), Rusca (Руска)* — у женщин, а также варианты *Rusan (Русан), Rusin (Русин), Rusman (Русман), Rusoi (Русой)*. На землях Молдавского княжества были распространены и венгерские формы этого этнонима, пришедшие из Марамуреша: *Oras (Ораш), Oros (Орош), Orîs (Орыш), Oriș (Ориш)*, производным от которых является *Oraşanu (Орэшану)* (см. Constantinescu 1963: XLIX).

Одним из источников сведений об этническом составе населения княжества, наряду с антропонимикой, является топонимика. В середине XIV в., как в свое время подсчитал молдавский историк Л.Л. Полевой (1979: 113), используя данные сельской ойконимики, русины составляли 39,5% населения страны. Восточных романцев в то время насчитывалось 48,7%, южных славян — 3,3%, представителей прочих народов (цыган, татар, венгров, сасов, греков и т.д.) — 8,5%.

Румынский исследователь И. Иордан (Iordan 1963: 281–283), анализируя топонимы на территории исторических Валахии, Молдовы и Трансильвании, указывает на 80 названий, производных от *Русь*. На территории средневековой Молдавии этнические названия носили всего 1,7% населенных пунктов. Наибольшее число топонимов с корнем *рус*-: *Руси, Руши, Русканы, Рошиоры, Рошканы* (всего 12 топонимов) (см. Полевой 1979: 103).

Говоря о распространении русинских названий (в оригинале: русско-рутенских. – *С.С.*) в топонимике, ясский профессор Маргарета Штефэнеску (Ştefănescu 1924: 202) констатировала, что они находятся в основном на молдавской территории (Запрутская Молдова, Буковина, Бессарабия). В Молдове, между Карпатами и Прутом, зафиксировано 312 русинских названий, 70 — с русинскими суффиксами. В Бессарабии — 45, с русинскими суффиксами — 119. Также русинские названия есть в населенных пунктах в Валахии, Добрудже и Трансильвании. Причем эти названия, как отмечает исследователь, существовали здесь до прихода восточнороманского населения и позже были им усвоены, как и некоторая лексика.

Проанализировав названия сел Молдавии XIV–XV вв., Л.Л. Полевой (1979: 103) пришел к выводу, что 73,8% из них — восточнороманского происхождения, а 24,5% — славянского (в основном русинского). Села с русинским суффиксами *-овцы/-евцы, -инцы/-енцы* составляли 12,5%. Данные названия упоминаются с конца XIV в., например Чюрсачевцы, Владимировцы, Букуровцы, Марышевцы, Добриновцы в грамоте Романа Воеводы от 30 марта 1392 г. В ней говорится о принадлежности Пруто-Днестровского междуречья Молдавскому княжеству: господарь Роман I называет себя владетелем всей Земли Молдавской «от планины (горные пастбища в Карпатах) до моря» (см. Cihodaru et al. 1975: 3).

Ко второй половине XV в. древнерусский суффикс *-овцы*, как считал молдавский лингвист Н.Д. Раевский (1988: 244), трансформируется в русинский *-оуцы*. Позже часть названий изменят русинский суффикс на производный от него молдавский *-эуць*. В свое время молдавский исследователь А.И. Еремия (1967: 180) насчитал в Молдавской ССР 55 населенных пунктов с русинскими суффиксами *-эуць* (*-еуць*). Сегодня на территории Республики Молдова находится 56 населенных пунктов с русинскими суффиксами *-эуць (-еуць, -иуць), -инць*. Они расположены они в 17 районах республики, в основном на севере страны (см. Суляк 2018: 147).

В Республике Молдавия сохранились села, в названиях которых присутствует корень *рус-*: *Русень* Единецкого района, *Русень* Новоаненского района, Валя *Русулуй* Фалештского района, *Руска* Хынчештского района, *Русештий Ной* и *Русештий Векь* Яловенского района, *Кёселия Русэ* в АТО Гагаузия (см. Закон № 764).

Еще во второй половине XIX в. В.И. Кельсиев (1868: 288–289) и А.С. Будилович (1874: 136) обратили внимание на то, что буковинские русины называли свою православную веру *волошской, молдавской*. Исследователи объясняли это тем, что, когда в Молдавию пыталось проникнуть униатство под именем «русской» веры, русины его отвергли. Это усилило ассимиляционные процессы.

Русины сыграли важную роль в этногенезе и культуре молдаван. Говоря о вкладе русинов в формирование молдавского народа, ясский профессор И. Бэрбулеску (Bărbulescu 1929: 81) писал, что молдаване (romînii moldoveni) с XII в. стали приобретать молдавские

черты, проживая и смешиваясь с русинским элементом (elementul rutean).

Это нашло отражение в современном физическом облике молдаван (жителей Республики Молдавия и Румынской Молдавии), который, как указала антрополог М.С. Великанова (1993: 87), в отличие от представителей других районов Румынии, имеет четко выраженную восточнославянскую направленность. Интересно в связи с этим высказывание Д. Кантемира:

> «Наибольшее несчастье для всех в том, что их соседями являются татары, которые не только исподтишка уносят все что могут, но даже порой под предлогом набега на Польшу, коль скоро при этом им никак не миновать Молдавии, не просто устраивают величайший разбой, но иногда всех сельских жителей уводят в плен и продают в Константинополе *как русских* (выделено мной. – *С.С.*). Хотя по распоряжению султана такие набеги неоднократными напоминаниями давно были запрещены, но кто бы мог в этих обстоятельствах избежать татарского коварства!» (Кантемир 2011: 262).

Русины оказали огромное влияние на формирование материальной и духовной культуры молдаван. Изучая молдавскую календарную и семейную обрядность, этнографы и фольклористы Т.Д. Златковская, Ю.В. Попович, Н.М. Бэешу, Г.К. Бостан и др. выявили общие черты и русинские заимствования в молдавской обрядности (см. Суляк 2004: 79). По мнению молдавского исследователя Я.П. Мироненко (1988: 77), древнерусская культура дала начало молдавской календарной обрядности.

Заметны русинские черты в молдавской национальной одежде XIX в., особенно в северных районах Бессарабии и на левобережье Днестра. Здесь среди молдаван были распространены русинские по покрою мужские рубахи-косоворотки. Также много общих мотивов в орнаментации одежды, ковров, в деревянной резьбе. В основном фонде современного молдавского языка насчитывается около 2 тыс. восточнославянских слов. Это понятия, обозначающие земледельческие орудия, предметы быта, домашнюю утварь, одежду, пищу, музыкальные инструменты (см. Суляк 2004: 79).

В конце 30-х гг. XVI в. Молдавское княжество окончательно попало под турецкое господство. Часть его земель стала райями, отторгнутыми от Молдавии и управлявшимися турецкими военными властями. Это Белгород (переименованный турками в Аккерман, с 1484 г.), Килия (с 1484 г.), Тигина (Бендеры, с 1538 г.), Измаил (с 1595 г.) и Хотин (с 1715 г.). Степную равнину между устьями Днестра и Дуная (Буджак) турецкий султан отдал ногайцам (позже получившим название *буджакские татары*; резиденция мурзы была в Каушанах). Север княжества, регион компактного расселения русинов — Буковина (ныне Черновицкая область Украины и Сучавский уезд Румынии) с первыми столицами Молдавии Байей, Сиретом и Сучавой — был оккупирован австрийскими войсками в июле 1774 г. и присоединен к Австрийской империи 7 мая 1775 г. по соглашению с Турцией. К Австрии отошла территория в 10 438,8 кв. км с 70 тыс. жителей (около 15% территории Молдавии). Территория между Прутом и Днестром, названная позже Бессарабией, вошла в состав Российской империи в результате Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. согласно Бухарестскому мирному договору. Оставшаяся часть Молдавского княжества прекратила свое существование, объединившись с Валахией в 1859 г. в единое государство Объединенные княжества (с 1861 г. — Румыния), ставшее независимым в 1877 г. в ходе Русско-турецкой войны.

По переписи 1910 г., русинов на Буковине (современные Сучавский уезд Румынии и Черновицкая область Украины) было 305101 человек. Всего на Буковине, по результатам переписи, проживало 794929 человек (см. Die Ergebnisse der Volkszählung 1912: 59). Австрийский этнограф Р.Ф. Кайндль (2005: 234) отмечал в начале австрийского правления (с 1774 г.), что русины в Черновцах записывались молдаванами. О том, что термин *молдаванин* ничего не говорит о национальности населения Буковины, где и в то время большинство жителей были русинами, писал в 1913 г. румынский политический деятель, доктор права, депутат австрийского парламента Аурел Ончул (Onciul: 1913: 5–6).

Численность русинов российской Бессарабии определялась во второй половине XIX в. в пределах от 100 до 130 тыс., в начале XX в. — от 250 до более 270 тыс. человек, т.е. 1/6–1/7 часть населения

всей губернии, это был второй по численности этнос после молдаван. Дореволюционные российские этнографы в большинстве своем считали русинов (руснаков) Бессарабии коренным населением края, родственным русинам австрийской Буковины и Галиции, и отделяли их от малороссов. Некоторые признавали их совершенно отдельной этнографической группой. Регионом их компактного расселения обозначали северо-восток Бессарабии (Хотинский, отчасти Бельцкий, Сорокский и Оргеевский уезды). Исследователи указывали на их некомпактное расселение в других уездах, в т.ч. и в молдавских селах, что, учитывая билингвизм русинов, затрудняло определение их реального количества (см. Суляк 2015а: 102).

Несмотря на то, что Бессарабия входила в состав Российской империи и русины считались русскими, ассимиляция их продолжалась. Суть этого явления передает молдавская пословица: «Тата рус, мама рус, нумай Иван — молдован» (отец — русский, мать — русская, а Иван — молдаванин). Омолдаванивание простиралось не только на язык, но и на быт. Сплошь и рядом попадались семьи, где старшее поколение свободно говорило на родном языке, а младшее даже его не понимало (см. Берг 1923: 16; Кочубинский: 1903: 394–398; Бутович 1916: 9–16; Несторовский 1905: 1–2; Суляк 2004: 100). В.Н. Бутович отмечал, что за 45 лет, к 1907 г., в Хотинском уезде из 90 сел, бывших русинскими, таковыми осталось 86, в Сорокском уезде из 26 — 16, в Бельцком уезде из 13 — 6 (см. Бутович 1916: 10, 12, 14).

Язык русинов Бессарабии дореволюционные исследователи причисляли к одной из ветвей малорусского, однако отмечали его особенности и своеобразие, сохранение в нем древних форм, указывали на его близость к великорусскому языку. Упоминали исследователи и о том, что язык русинов Бессарабии подвергся сильному влиянию молдавского, польского и великорусского языков (см. Суляк 2015б: 14–24).

В языке бессарабских русинов, как подчеркивали дореволюционные исследователи, сохранились старинные формы, которые когда-то существовали во всем малорусском языке. П.Я. Несторовский (1905: 150) отмечал твердое произношение гласных и согласных, идущее, по его словам, в разрез «с мягкостью и певучестью

южнорусского языка». Причем нередко звук *и* звучит так же твердо, как и великорусское *ы*. Совпадений звуков *и* и *ы*, как в малорусском языке, в русинском не наблюдается. У бессарабских русинов, как у лемков, *ы* является звуком совершенно отдельным и самостоятельным, указывает исследователь. *Мышь, сыр, рысью, мы, ты* и ряд других слов произносятся так же, как и в великорусском языке.

А.С. Афанасьев-Чужбинский (1863: 5) считал, что язык бессарабских русинов – «особая отрасль малорусского наречия, в которое вошли некоторые молдавские и некоторые турецкие слова (очень мало), но говор малорусский и, как надо полагать, весьма древний, не поддавшийся последующим переменам». Он обратил внимание на то, что «возвратная частица ставится впереди глагола, чего уже теперь нет в Малороссии»: «руснак говорит: *ся смияти* (*смеятся*), *ся хвэлити* (*хвалиться*), *ся турбовати* (*беспокоиться*). Частица эта употребляется точно так же и при спряжении: *я ся нэсмияв* (*я насмеялся*), *вин ся похвалив* (*он похвалился*)». Эту особенность отмечали также П.П. Чубинский (1872: 507) и П.Я. Несторовский (1905: 153).

На XX в. приходятся самые трагические страницы истории русинов (геноцид русинов Галичины и Буковины австро-венгерскими властями в годы Первой мировой войны, неудавшиеся попытки создания государственности, многократный передел территорий их компактного проживания). К примеру, за короткий исторический промежуток времени население Молдавии успело шесть раз «сменить гражданство», побывав в составе разных стран (Российской империи, Румынии, СССР, Румынии, СССР, Республики Молдова).

В советские времена этноним *русин* оказался под идеологическим запретом, разработка истории русинов прекратилась в Советском Союзе и в странах их проживания. В 50-е гг. XX в. в Молдавской ССР была осуществлена поверхностная украинизация русинов.

После распада СССР и образования новых государств в странах проживания русинов были основаны многочисленные этнокультурные организации, стали выходить периодические издания, и началась работа по кодификации русинского языка.

В 2003 г. в Молдавии была создана этнокультурная организация русинов — Общественная ассоциация «Русь». В 2005 г. она стала выпускать научный журнал по их истории, культуре и языку — «Русин», в 2015 г. — «Библиотеку журнала “Русин”». Благодаря журналу активизировалось изучение истории, культуры и языка русинов, в том числе и в ряде российских вузов (в т.ч. в Санкт-Петербургском и Томском государственных университетах), начали проводиться международные конференции по русинской тематике, возвращен в научный оборот и массовое сознание этноним *русин*.

Годы насильственной этнокультурной переориентации все же не прошли даром. В ноябре 2006 г. нами был проведен опрос жителей сел Булгак, Чепария и Шумна Рышканского района Молдавии, которые были заселены русинами — выходцами из русской (Хотинский уезд) и австрийской Буковины. Было опрошено 75 потомков русинов (34 человека в возрасте 25–56 лет и 41 человек 60–80 лет, среди них 33 — мужчины и 42 — женщины). Оказалось, что этноним *русин* как самоназвание населения был утрачен. Теперь жители называют себя, правда, не украинцами, а *хохлами*. Автоматическое причисление всех, кто в Молдавии называет себя хохлами, к украинцам представляется нам ошибочным. Местные уроженцы вкладывают в этот термин иной смысл. Для них после табуирования этнонимов *русин* и *руснак* этноним *хохол* стал служить для противопоставления себя другим этносам. Об этом свидетельствуют результаты опроса. В частности, 17 опрошенных указали, что слово *хохол* означает для них отличие от других народов.

Некоторые жители с. Булгак так объяснили значение этого слова:

Ротарь Ф.М., 1924 г.р.: «Хохлы — это русские, которые говорят не чисто по-русски. Наши предки не считали себя украинцами. Мы окраинцы, потому что живем на окраине. Заезжие украинцы говорят по-своему. У нас сложился говор, который отличается от всех других. Наш разговор такой, я бы сказал, своеобразный».

Сологор Е.Н., 1923 г.р.: «Мы не русские, не молдаване — мы хохлы. Мы неправильно говорим по-русски и по-молдавски. По-украински по-настоящему мы не понимаем. У меня была в гостях двоюродная сестра зятя, родом с Черкасской области Украины. Она говорила по-украински, я ничего не поняла. Я не пойму, кто мы и

наши дети: русские с молдаванами смешались. Меня записали украинкой, я думала, что я молдаванка. Я тут родилась. А тогда я не разбиралась, кто я такая».

Суляк Б.Г.,1935 г.р.: «Хохол — не украинец и не молдаванин. Русский ближе всех языков к хохляцкому. Украинский мы не понимаем».

Несмотря на утрату этнонима *русин*, жители с. Булгак, как и многих других русинских сел Молдавии, сохранили некоторые особенности говора и обычаи, что отличает их от молдаван, русских (великороссов) и украинцев (малороссов).

Старшее поколение еще помнит, что до 1950-х гг. оно называло себя русскими (русинами), как, впрочем, их таковыми считало и считает население близлежащих молдавских сел, которое по привычке продолжает называть села, где живут потомки русинов, русскими. Сегодня русины и их потомки по-прежнему сознают свое этнокультурное отличие от других этносов. В ходе опроса, проведенного нами в ноябре 2006 г. в селах Булгак, Шумна и Чепария, 58 опрошенных из 75 признали, что по языку и культуре они отличаются от украинцев, живущих на Украине.

К сожалению, культура и язык русинов, чьи предки вместе с волохами создали молдавскую государственность, в настоящее время лишены поддержки со стороны государства и постепенно размываются. Поэтому важно не только изучать историю, культуру и язык русинов Молдавии, но и сохранить то, что осталось. Тем более что право на сохранение этничности закреплено в многочисленных международных актах и законодательстве Республики Молдова (см. Суляк 2006: 141–149).

Разумеется, для сохранения этнокультурной самобытности русинов и их потомков необходима государственная поддержка. Однако на сегодняшний день русины оказались вычеркнутыми из истории Молдовы. Во всех учебных заведениях страны вместо национальной истории преподается курс «История румын», где о русинах нет вообще никаких упоминаний. Курс полностью отрицает автохтонность русинов на данной территории, их вклад в создание молдавских государственности, культуры, языка, участие в этногенезе молдавского народа (см. Суляк 2017б: 144–162).

Перед русинами Молдавии и их потомками, имевшими славное прошлое, сегодня маячит весьма туманное будущее.

Однако, несмотря на это, русины навсегда вписали себя в историю страны. Они оставили свой след в молдавской культуре, языке, топонимике, антропонимике. В Республике Молдавия распространены фамилии с суффиксами *-ук/-юк/-чук, -ак/-як, -ей, -ский/-цкий*, относящиеся к юго-западной ветви восточнославянских фамилий (т.е. в большинстве своем русинского происхождения. – *С.С.*). 7 фамилий на *ук/-юк/-чук* входят, по данным на начало 2011 г., в число 300 самых распространенных (см. Суляк 2015а: 107–108). А самой популярной фамилией остается *Rusu* (*Русу — русский*). Ее носят в Республике Молдавии 23028 человек, ее вариант *Russu* (*Руссу*) — 7297, а *Rusnac* (*Руснак*, второе самоназвание русинов) — 4733 человек (Суляк 2017а: 88).

Литература

Афанасьев-Чужбинский 1863 – А.С. Афанасьев-Чужбинский. *Поездка в Южную Россию*. Ч. 2. СПб.: Издание книгопродавца А.Ф. Базунова.

Берг 1923 – Л.С. Берг. *Население Бессарабии. Этнографический состав и численность*. Пг.: Российская государственная академическая типография.

Бернштейн 1948 – С.Б. Бернштейн. *Разыскания в области болгарской исторической диалектологии*. Т. 1: *Язык валашских грамот XIV–XV веков.* Москва: Изд-во Академии наук СССР.

Будилович 1874 – А.С. Будилович. Путевые заметки о долине Среднего и Нижнего Дуная. *Журнал Министерства народного просвещения*, 1874, декабрь, т. 176, 132–174.

Бутович 1916 – В.Н. Бутович. *Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии*. Киев: Скоропечатня Х.Ю. Бурштейна.

Великанова 1993 – М.С. Великанова. *Антропология средневекового населения Молдавии* (*по материалам памятника Старый Орхей*). Москва: ИЭИАЗ.

Городенко 2005 – А. Городенко. Галицко-волошские связи в XIII–XIV веках. *Русин* 2 (2), 86–92.

Грекул 1950 – Ф.А. Грекул. *Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века*. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии.

Еремия 1967 – А.И. Еремия. Топониме славе ку суфиксул -эуць (-еуць). *Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения*. II. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 180–189.

Жуковський 1991 – А. Жуковський. *Історія Буковини. Частина перша до 1774 р.* Чернівці: РВВ облполіграфвидаву.

Закон № 764 от 27.12.2001 «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова». Monitorul Oficial, № 16, 29.01.2002. Статья № 53.

Кайндль 2005 – Р.Ф. Кайндль. *Історія Чернівців від найдавніших часів до сьогодення, присвячена 60-літньому ювілею правління Його Величності Цісаря Франца Йосифа I, в пам'ять про першу документальну згадку про місто Чернівці 500 років тому*. Чернівці: [б. в.].

Кантемир 2011 – Дмитрий Кантемир. *Описание Молдавии. Факсимиле, латинский текст и русский перевод Стурдзовского списка*. СПб.: Нестор-История.

Кельсиев 1868 – В.И. Кельсиев. *Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева.* СПб.: Печатня В. Головина.

Кочубинский 1903 – А.А. Кочубинский. Частные молдавские издания для русской школы (библиографические заметки). *Журнал Министерства народного просвещения*, ч. 347, июнь, 389–418.

Мироненко 1988 – Я.П. Мироненко. *Молдавско-украинские связи в музыкальном фольклоре*. Кишинев: Штиинца.

Мохов 1978 – Н.А. Мохов. *Очерки истории формирования молдавского народа*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.

Несторовский 1905 – П.А. Несторовский. *Бессарабские русины*: *историко-этнографический очерк*. Варшава: Типография «Сатурн».

Однороженко 2011 – О.А. Однороженко. *Українська* (*руська*) *еліта доби средньовіччя і раннього модерну: структура та влада.* Київ: Темпора.

Пашуто 1982 – В.П. Пашуто. *Молдова ын епока федодализмулуй.* Вол. III *= Молдавия в эпоху феодализма*. Т. III: *Славяно-молдавские грамоты. 1601–1640*. Кишинев: Штиинца.

Полевой 1979 – Л.Л. Полевой. *Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв.* Кишинев: Штиинца.

Раевский 1988 – Н.Д. Раевский. *Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче.* Кишинэу: Штиинца.

Руссев 2005 – Н.Д. Руссев. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии. *Русин* 2 (2), 93–105.

Руссев 2006 – Н.Д. Руссев. Славянский фактор в истории средневековой Молдавии. *Русин* 4 (6), 90–101.

Суляк 2004 – С.Г. Суляк. *Осколки Святой Руси. Очерк этнической истории руснаков Молдавии*. Кишинев: Издательский дом «Татьяна».

Суляк 2006 – С.Г. Суляк. Этнокультурная идентичность русинов севера Молдавии. *Русин* 4 (6), 141–149.

Суляк 2007 – С.Г. Суляк. Русины в истории: прошлое и настоящее. *Русин*, 4 (10), 29–56.

Суляк 2015а – С.Г. Суляк. Русины Бессарабии в XIX начале XX в.: к проблеме численности. *Русин* 1 (39), 95–115.

Суляк 2015б – С.Г. Суляк. Язык русинов Бессарабии в трудах дореволюционных этнографов. *Русин* 3 (41), 14–24.

Суляк 2016а – С.Г. Суляк. О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (к историографии вопроса). *Вестник Томского государственного университета*. Филология, № 4, (42), 73–97.

Суляк 2016б – С.Г. Суляк. Русины Карпато-Днестровских земель в молдавской средневековой дипломатике (общий обзор). *Русин* 1 (43), 95–119.

Суляк 2017а – С.Г. Суляк. Этноним рус в антропонимике средневековой Молдавии. *Русин* 1 (47), 80–91.

Суляк 2017б – С.Г. Суляк. Славянский фактор в истории Молдавии: научное исследование и мифотворчество. *Русин* 3 (49), 144–162.

Суляк 2018 – С.Г. Суляк. Русинская топонимика Карпато-Днестровских земель как источник сведений об этническом составе населения Молдавского княжества. *Русин* 1 (51), 134–161.

Черепнин 1978 – Л.В. Черепнин. *Молдова ын епока федодализмулуй. Вол. II = Молдавия в эпоху феодализма. Т. II: Славяно-молдавские грамоты XV–XVI вв.* Кишинев: Штиинца.

Чубинский 1872 – П.П. Чубинский. Малорусы (статистика, сельский быт, язык). Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. *Материалы и исследования, собранные действительным членом П.П. Чубинским:* Т. 7. Ч. 2. СПб.: Типография К.В. Трубникова.

Яцимирский 1910 – А.И. Яцимирский. Язык славянских грамот молдавского происхождения. В.И. Раманский (ред.). *Статья по славяноведению*. Вып. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 154–177.

Bărbulescu 1929 – I. Bărbulescu. *Individualitatea limbii române și elementele slave vechi*. București: Casei Școalelor

Constantinescu 1963 – N.A. Constantinescu. *Dictionar onomastic românesc.*

Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
Die Ergebnisse der Volkszählung 1912 – *Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in den im Reichsrate vertretenen Königreichen und Ländern. 1 Heft. Die summarischen Ergebnisse der Volkszählung. Mit 6 Kartogrammen.* Wien: in Kommission bei Carl Gerold's Sohn.
Gorodenco 2008 – A. Gorodenco. Moldova de sud în a doua jumătate a secolului XIV. Tyragetia [Chişinău], Vol. II (XVII), № 2, 83–88.
Iordan 1963 – I. Iordan. *Toponimia Romîneasca*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
Mihăescu et al. 1982 – *Fontes Historiae Daco-Romaniae. Scriptores et acta Imperii Byzantini saeculorum IV–XV = Scriitori şi acte bizantine secolele IV–XV*. Vol. IV. Publicate de: H. Mihăescu, R. Lăzărescu, N.-Ș. Tanașoca, T. Teoteoi. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
Onciul 1913 – A. Onciul. *Chestia romînească în Bucovina*. Viaţa Romînească (Revistă literară şi ştiinţifi că), Vol. XXXI, Anul VIII, 5–10.
Șimanschi et al. 1976 – *Documenta Romaniae Historica*: A. Moldova. Vol. 2. (1449–1486). Volum întocmit de L. Șimanschi in colaborare C. Ignat și D. Agache. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
Spinei 1982 – V. Spinei. *Moldova în secolele XI–XIV*. Bucureşti: Editura stiintifica si enciclopedica.
Ştefănescu 1924 – M. Ştefănescu. *Rusismele-rutenismele din toponimia romînească*. Arhiva (Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi), Anul XXVIII, № 3–4, 199–206.
Ureche 1990 – G. Ureche. *Letopisețul Țării Moldovei...de la Dragoș-Vodă pînă la Aron Vodă.* Letopiseţul Ţării Moldovei. Chișinău: Hyperion, 23–118.

Рамач Юлиян
Филозофски факултет у Новим Садзе
Нови Сад, Сербия

Дієприкметнїки презента у руским литературним язику (двацети-трицети роки XX вику)

Южнорусинский язык – литературный язык двадцатых и тридцатых годов XX века – влияние угрорусского языка (язычия) – действительное и страдательное причастие настоящего времени

1-1. **Увод.** Од приселєня до Бачкей штредком XVIII вику та по конєц XIX вику войводянски Руснаци (южни Русини) у функциї литературного язика хасновали спочатку церковнославянски язик, а потим и *угроруски язик* або *язичиє* – карпатскоукраїнски /-русински литературни язик XIX и початку XX вику, хтори ма у себе елементи карпатскоукраїнского /-русинского народного язика, церковнославянского и русийского язика. Илуструєме угроруски язик з виривком з новинох *Неділя* (1903), хтори виходзели у Будапешту:

> **Ужасна буря была** *въ Велику Седмицу на околицѣ Коцура* (*Бачка*). *В будинкахъ, деревахъ страшно велику шкоду причинила. Зданія хуторны* [= салашски] *поразрушала, поотносила на 100 сяжней* [= вати] *далеко. Еденъ нѣмец пѣшо-идущій из села Шовы в Коцуръ противъ страшной оркановой струи только так оборонился, что привязал себе къ едному толстому дереву. Подчасъ бури падалъ градъ, котрый покрылъ поверхность земли на 25 сантиметровъ. Так являе нам о семъ коцурскій господарь Я. Бесермени.*

Преважно тоти два язики хасновали у урядовим дописованю и діловних текстох церковни особи, учителє, школяре и студенти школовани у Угорскей Руси. Хасновали го тиж и звичайни людзе у досц розширених у народзе преписних текстох духовного характеру. Руски народни язик ше у тим периодзе хасновал у кругу фамелиї. Тот период можеме наволац долитературна (або предлитературна) етапа у историї формованя и розвою руского литературного язика (Дуличенко 2009: 188).

1-2. Угроруски язик на хторим писали карпатскоукраїнски /-русински авторе мож розликовац од церковнославянского и русийского преважно по елементох карпатских народних бешедох. Ни-а єден текст А. Духновича на угроруским (народни слова болдовани):

> [В Испаніи] **коло Jana** *т. е. в мѣсяци Јунію и Јулію днем теплоту истерпити не мож... Испаньцы* **барнастыйи** *... суть... а мед* [В Испаніи] *дуже* **смачный** *есть;* [В Исландіи] *кислое молоко пют, а* **цмар***... их гостинный напой* (Т II, 296)*; в нем* [Лондонѣ] *живет* **полдруга** *міліона людей.*

Угроруски язик на хторим писали руски интелектуалци тиж мож розликовац по елементох нашого народного язика, ридше и сербского язика. У жалби учительох єдней рускей школи находзиме и таки виреченя (народни слова и форми болдовани, сербизми подцагнути):

> Въ **едну ньедзелю предъ** *толпу учениковъ и изъ церкви идущим народомъ Будинского и Кота „безочливимъ” и* друг**има** *... не приличн**има** **<u>изразами</u>** ображалъ. Во вторыхъ*, **дораз на початку** *школского года въ новой школѣ' выступилъ якъ „директоръ школскій” но* **якъ** *законно не избратому „директору” ни* **еденъ** ***<u>одъ</u>*** *учителей* ***<u>повиновацъ</u>*** ***<u>ше</u>*** **нье хцели,** *онъ по ґробиянски повсталъ противъ насъ* (Творчосц 2/1976, 56).

1-3. Року 1919. року новоосноване Руске народне просвитне дружтво „Просвита” прилапело руски народни язик за литературни (од самого початку РНПД було *проукраїнскей* ориєнтациї – руски язик тримало за диялект українского язика). У идуцих двох децениох (по 1941. рок) на руским язику виходзели *«Просвитово» Руски календари,* тижньово *Руски новини,* дзецински часопис *Наша*

заградка, обявени даскельо школски учебнїки и други виданя. Свойо виданя мал и опозицийни союз КПСЮР „Заря” *общерускей* ориєнтациї (руски, українски и русийски язик тримали за общеруски язик): *новини „Русска заря”* и *„Русски народни календарь Заря”*. Гоч руски авторе вецей нє писали на угроруским язику, млади литературни руски язик тих 20-их и 30-их рокох XX вику почал ше розвивац под його уплївом. У тих медзивойнових виданьох находзиме и українизми, хтори авторе могли превжац и з угроруского и зоз українского литературного язика, цо розумлїве з оглядом на проукраїнску ориєнтацию авторох „Просвити”.

1-4. У нашей роботи жадаме розпатриц хасновванє формох активного и пасивного дієприкметнїка презента, хтори нашо авторе, пишуци на руским язику, преберали зоз угроруского язика (форми активного дієприкметнїка и з українского язика),[1] вироятно тримаюци тоти форми за „баржей литературни” од еквивалентних руских дієприкметнїцких формох и синтаксичних конструцийох. Як и други угроруски пожички, и угроруски дієприкметнїки хасновали преважно интелектуалци хтори ше школовали у Угорскей Руси або мали блїзки стики з угроруску и українску культуру. Приклади зме зазначели у *Руских календарох (1921–1941), Руских новинох (1924–1941), Русскей зарї (1934–1940)* и у рукописним тексту духовного характеру. У анализованих текстох наводзиме приклади тих авторох: о. Дюра Биндас, о. Михайло Мудри, учителька Ксения Лабош, инж. Штефан Лабош, писатель Михайло Ковач, учитель М. Поливка, др Мафтей Винай, о. С. Саламон и др.; даєдни „заряшски” авторе: Евґений Кочиш, др Й. Шарик и др., а тиж и даєдни людзе з народу (Яким Гафич и др.). Досц часто авторе текстох нє подписани

1 Дієприкметнїк активни перфекта медзивойново авторе ридко хасновали (*померши, усопши, воскресши, погибши*). Дієприкметнїк пасивни перфекта ма форми на ***-н-, -т-*** (*скошени, заварти*); за медзивойнови литературни язик характеристични предикативни форми того дієприкметнїка на ***-но, -то***: *зробено досц, могло буц вецей зробено, поставено памятник;* предикативна форма ше дакеди хаснує и у руским народним язику (*мал натлачено 100 метери*). Тей дієприкметнїцкей форми будзе требац пошвециц окремну роботу.

або ше подписовали зоз инициялами (у заградзеню даваме полни мена познатих нам авторох); даєдни подписани з псевдонимом (за такима прикладами кладземе скраценє *НН*). Мена даєдних подписаних авторох нам нєшка нє познати.

Як приклад хаснованя дієприкметнїкох можу нам послужиц даскельо тексти инженєра Штефана Лабоша, хтрому вироятно угроруски и українски язик бул блїзки, бо цалком правилно хасновал дієприкметнїцки конструкциї: *плочи, медзи хтори* ***настаючи*** *електрични* ***лук*** *дава шветло* (= лук хтори настава) (РК 1930, 126); [Неонлампа] *за* ***знаки*** ***даваючи лампи*** *барз добра* (РК1930, 126); [То] *нє лєм за* ***путошествуючих*** *... барз угодне* (РК 1930, 125).

1-5. **Дієприкметнїки презента у руским литературним язику.** Угроруски дієприкметнїцки форми у руским литературним язику 20-их–30-их рокох XX вику нє були фреквентни: у ***Руским календаре*** за 1922. рок (152 боки) зазначели зме шицкого осем приклади (наводзиме их у номинативе): *оплеменюющи пращок* (календарска часц), *Поливка, управляющи учитель* (1. б.), *отверающа бешеда* (3. б.), *скитающи народ* (60. б.), *лїтающи мухи, лєтающи трут* (109. б.), *операющи гвозд* (112. б.), *заражующи шнїц* (131. б.), *блукающа гвизда* (138. б.); попри тим зазначени два форми з прикметнїцким значеньом: *будущи нашо новинки* (2. б.), *всемогущи Бог* и три еквивалентни руски форми: *до шерца рушаюци поздрав* (1. б.), *робота до тей струки спадаюца* (152. б.), *преходзаца хорота* „обераца” (118. б.); у ***Руским календаре*** за 1924. рок зазначени три угроруски дієприкметнїцки форми, два прикметнїцки и два еквивалентни руски форми. Алє без огляду на нєвельку фреквенцию у литературним язику, тоти угроруски форми прицагли нашу увагу пре восточнославянски суфикси ***-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-*** *и* ***-уч-, -юч-, -ач-, -яч-***, хтори ше хасновали попри наших суфиксох ***-уц-, -юц-, -ац-, -яц-*** и ***-ц-*** и еквивалентних синтаксичних конструкцийох.

2-1. **Активни дієприкметнїк презента** у угроруским язику твори ше з преходних и нєпреходних дієсловох з другей презентскей основи зоз суфиксами ***-ущ-/-ющ-, -ащ-/-ящ-***, ридше зоз українскима суфиксами ***-уч-/-юч-***, ***-ач-/-яч-***, виражує источасносц дїйох дієприкметнїка и дієслова-предиката, а значи „тот цо окончує даяку дїю або ше находзи у даяким стану” (Рамач 2002): яз. ***читающий***,

яз. и укр. ***читаючий*** значи „тот цо чита”, напр. на язичию: *Многораз человѣку на полѣ* ***спящему*** *червак влѣзет в ухо* (= часто чловекови хтори шпи на полю хробак войдзе до уха) (Духнович).

2-2. На исти способ ше творя и дієприкметнїки з угрорускима суфиксами у нашим язику, з тим же у нашим язику дієприкметнїки на ***-ущ-/-ющ-, -ащ-/-ящ-*** и на ***-уч-/-юч-, -ач-/-яч-*** у форми номинатива траца концове ***-й, -я, -є: -ущи/-ющи, -ащи, -ящи*** (*живущи, живуща, живуще; терпящи, терпяща, терпяще*)***, -учи/-ючи, -ачи/-ячи*** (*будуючи, будуюча, будуюче*).

Угроруски дієприкметнїцки форми у руским язику заменлїви з односнима виреченями: ***терпящи*** *людзе* (= людзе хтори церпя), а як увидзиме под 3-1.–3-9., паралелно з нїма ше хасную и руски дієприкметнїки на ***-уц-, -юц-, -ац-, -яц-*** и ***-ц-*** и еквивалентни односни виреченя. Даєдни угроруски дієприкметнїки у анализованих текстох виведзени з руских основох (*душу потресающи*), даєдни з основох з восточнославянскима гласовима характеристиками (*штраждущи, вирующи),* а даєдни и зоз сербских основох (*одлучующе слово*).

2-3. Форми активного дієприкметнїка презента у наших прикладох найчастейше ше хасную **у препозициї** (опрез меновнїка хтори одредзую): *Нам нєвозможно, да даме* ***погибающим братом*** *якуш материялну помоц* (= братом хтори погибаю, страдаю)... *А ви* ***штраждущи*** *...* ***браца*** (= а ви, браца, цо страдаце) *зволуйце Милостивого Бога* (РН 31/1933, 1–2, митр. А. Шептицкий и др.); *да нашу младеж зачуваме од* ***унїчтожующого духа*** *большевизму* (= од знїчтожуюцого духа, од духа хтори знїчтожує) (РН 15/1930, 1, НН); *народ нє будзе орудиє без души у рукох* ***управляющих комунистох*** (РН 23/1929, 1, НН); *Ми даклем наисце прави* ***путешествующи людзе*** *на тим швеце* (РН 20/1930, 4, Мих. Мудри); *преламал у души свойого* ***нєвирующого пайташа*** (РН 41/1930, 3, прер. Андрей дзвонар); *Исус Христос своїм* ***всевидущим оком*** *добре видзел, як його неприятелє буду одцаговац людзох* [од нього] (РН 19/1935, 1, НН); [Славянски народи у войни] *шицко жертвовали, алє при обрахункох нємали* ***одлучующе слово****, були прикрацени* (РН 14/1929, 1, НН); *На други дзень,* ***идущи людзе зоз Всеночного****, нашли Василя, зоз билу шнїгову плахту прикритого* (РН 2/1928, 3, О-р., Дюрдьов).

Ридши форми зоз суфиксом ***-ащ-/-ящ-:*** [Вноци] *часто обачиме же кеди-нєкеди зос нєба як да ше одтаргнє дзепоєдна гвизда и як* ***горяща куля*** *лєци у воздуху* (РН 2/1935, 2, Мих. Поливка).

2-4. Ридко дієприкметнїк стої у постпозициї: *Пред очами ше ми указує „****град*** *на верху гори* ***стоящи****", як красни замок* (= град хтори стої наверх гори) (РН 37/1937, 2, Миронь Т.); *Єднак* ***душу потресающи*** *були на конєц молебнох напоминаня Отцох Мисионарох* (РК 1928, 17, Д. Биндас).

2-5. Досц часто ше дієприкметнїк хаснує як субстантивована форма: *Так, ми длужни помогнуц каждому* ***потребующому*** (= каждому хтори у потреби) (РН 41/1928, 2, К.); [Исус свою любов] *розлял найбаржей на* ***страдающих*** *... на недужних –* ***болящих ...*** *до остатнєй годзини остал верни* ***терпящим*** (РН 41/1929, 4, Мудри Мих.); *Стражар, цо у тей турнї бивал Левис нє бул дома, а жена му хора лєжала, та нє могла помочи* ***потапающим*** (РН 9/1937, 3, Ор. Св. Мердин); *Исусе ..., пришол ши утрец сльизи* ***плачущим*** (Заря 1–2/1940, 4, К.М. Евґений); *Йойк раньетих и* ***умерающих*** *заглушуйе* (Заря 4/1940, 7, К.М. Евґений); *Алє ипак було би добре, кед бисце при одаванки дакус баржей упознали своїх* ***будущих*** (РН 17/1937, 7, Андрей Мудри); *Нєдавно достали анґлийски* ***штрайкующи*** *1 и пол милиона долари помоци од большевикох з Русиї* (РН 1926); *Од* ***сопутующих*** *падло ми до оч єдно петнацрочне тиж панске дзивче* (РН 33/1937, 3, Миронь Т.); *по ульицох* [ше] *розльива зоз сто и сто гарлох* ***идущих*** *до церкви „С нами Бог"* (Заря 13–14/1937, 6, Е.К. (Евґений Кочиш)); *медзи* ***воюющима*** *еще барз вельки розиходзеня* (Заря 5/1940, 6, НН).

2-6. Дієприкметнїк дакеди виражує вибляднуте значенє окончователя дїї або ношителя стану и хаснує ше як атрибут: **цилящи** = лїковити*: И баш вас нєшка сцеме поучиц як лїчиц зос тим* ***цилящим*** *жельом* (РН 49/1937, 2, НН); **болящи** = боляци: *Прето часто лєм теди знаме же* ***болящи*** *места постали од вшох* (РН 19/1936, 4, прер. О-ф Т-а (Осиф Торма); **чарующи** = прекрасни: [Кед нє зачуваме свойо писнї] *цалком ше будзе мушиц наша* ***чарующа*** *писня виступиц цудзей* (РН 29/1937, 4, НН); **шпиваюци** = хтори здабе на шпиванє: *Паночки ше одликовали зос* ***шпиваюцу*** *бешеду* (РН 29/1927, 2, М.М. (? Михайло Мудри)); **текущи** = чечни: *За* ***текущи***

ствари нова мера ше вола литра (РК 1921, 50, О.Д. Надь); **стоящи** = у хторим вода нє чече: *У* ***стоящих*** *долїнох муши чловек мерковац да ю* [конопу] *нє премочи* (РН 8/1934, 4, Яким Гафич мл.); **менящи** = зменюючи, *с.* наизменичан (о електричней струї): [Индуктори] *од хторих доставали* ***менящу*** *струю* (РК 1930, 126, Шт. Лабош); *циль нашей организаціи мал чисто* ***потпераюци*** *задаток* (= мал задаток помагац) (Заря 10/1939, 6, НН).

2-7. Даскельо атрибути з тей ґрупи зявюю ше частейше у писаню, а даєдни з нїх и вецейзначни: **могущи 1.** „вельки”: *польо на котрим уж рошню вельки,* ***могущи*** *древа* (РН 15/1936, 4, НН); **2.** „хтори ма моц и власц, силни”: *вельки и* ***могущи*** *вожд* (РН 4/1931, 3, НН); *Рим –* ***могуща*** *держава* (РН 45–46/1937, 3); *И було би вельо лєпше на швеце, кед би шицки учени и* ***могущи*** *людзе думали так, як дума славни президент ... Масарик* (РН 12/1934, 1, НН); **3.** „маєтни, богати”: *бидно вонї там жию, гоч су даєден и* ***могущи****, алє нє знаю уживац* (Заря 13–14/1937, 15, Маря Шанта); **будущи: 1.** „хтори будзе у будучносци”: [Школа] *на котрей ше буду учиц* ***будущи*** *учителє* (РН 42/1933, 4, НН); ***будущи*** *биров* (РН 24/1933, 3, Л. Мартович); *да нашу младеж ... зробиме валушном за* ***будущи*** *чежки живот* (РН 15/1930, 1, НН). **2.** як субстантивована форма значи „будуци муж”: *да видзи свойого* ***„будущого”****, за котрого ше ода* (РН 6/1932, 2, Михайло Ковач); *Алє ипак було би добре, кед бисце при одаванки дакус баржей упознали своїх* ***будущих*** (РН 17/1937, 7, Андрей Мудри).

Церковнославянски дієприкметнїк ***вопиющи*** „тот цо барз пита помоц, ришенє, дачийо реаґованє” хаснує ше у даєдних устаємнєних виразох: *То злодїйство* ***вопиюще до нєба*** (РН 2/1929, 3, М. Брилиньский); *Обрацаме ше зос тим поволаньом на шицких, хтори чувствую потребу за будзеньом у руским народу його националней свидомосци и наздаваме ше, же наша поволанка нє останє* ***„глас вопиющого во пустинї”*** (РН 19/1934, 3, Ґабор Дюрков, Вербас); [Рабство] *то* ***до нєба вопиющи грих*** (РН 41/1928, 1, НН); ***вопиющи*** *би бул* ***грих****, кед бизме го* [Костельников „капитал”] *нє вихасновали у нашей народней просвити* (РН 12/1932, 1, мф (Михайло Фирак)).

2-8. Ридко место суфикса ***-ущ-/-ющ-, -ащ-/-ящ-*** находзиме українски суфикс ***-уч-/-юч-, -ач-/-яч-.*** Авторе го могли превжац и

з угроруского и зоз українского литературного язика. Напр.: *Добра писовня – кніжка, новина приноши добри и* ***будуючи плоди*** (РН 6/1932, 1, Д.Б. (Дюра Биндас)); *Половку на 1885–76 рокъ* ***припадаючей роковини*** (Цап, 136); *Бог є єдини* ***всемогучи и всезнаючи*** (РК 1926, 27, Дюра Биндас); *Шум* ***приближуючих крочайох*** *збудзи паломніка зос своїх глібоких думох* (РН 13/1930, 3, прев. Кс. Лабош); *Хто шпивал тоту прекрасну шпиванку, то Осиф нє знал, бо нєвидзел* ***шпиваючого*** (РК 1926, 95, прел. П. Олеар).

3-1. **Руски еквивалентни прикметнїки.** За руски народни язик характеристични прикметнїки на ***-ац-/-яц-,*** ридко на ***-уц-, -юц-*** (з презентскей основи) и на ***-ц-*** (з инфинитивней основи), а даєдни по аналоґиї з нїма, з нєправилней основи. Вони означую прикмету поняца хторе окончує дїю, або є у стану хтори виражени з дїєсловом. З презентскей основи: *давяци прах, боляца рана;* з инфинитивней основи: *дирґаца драга, шарпаци чловек; складаци метер, набиваци пец;* з нєправилней основи: *горуци пец.* Таки прикметнїки зазначели зме и у медзивойновим литературним язику. З презентскей основи: ***давяци*** *воздух* (РН); *заш ше чул* ***модляци*** *глас* (РН 33/1932, 2, А.П.); *Вон чул Юлов глас* ***кричаци*** *и зли* (РН 13/1931, 3, Богдан Лепкий); *гоч хтори од тих двох* ***постояцих*** *правих руских кнїжевних язикох* (РК 1921, 40, Мих. Мудри); з инфинитивней основи: ***тирваца*** *вредносц* (РН 9/1932, 1, Б. (Дюра Биндас)); *У валалє ... шицки хижи обсадзени зос* ***цагацу*** *ружу* (РН 35/1937, 3, Тон (? Онуфрий Тимко)); ***обераци*** *хороти* (РН 7/1935, 2, др М. Винай); *медзи вельо милиони гвиздами наше слунко представя єдну* ***стояцу гвизду*** (РН 3/1935, 2, Мих. Поливка); *ракета як* ***гоняца моц*** (РК1930, 122, Шт. Лабош); *Зос 34.000* ***тлачацих машинох*** *... мало цо нє половка ше находзи у ... тей бановини* (РН 26/1930, 2, НН).

Попри наведзених прикметнїкох, уж од перших наших виданьох, паралелно з церковнославянскима и угрорускима формами на ***-ущ-/-ющ-, -ащ-/-ящ-*** и на ***-уч-/-юч-, -ач-/-яч-*** нашо авторе хасновали и дїєприкметнїки з рускима суфиксами ***-уц-/-юц-, -ац-/-яц-*** (од другей презентскей основи: ***воюющи*** *держави* „держави хтори воюю”) и, ридко, форми на ***-ц-*** (од инфинитивней основи: *шветло* ***руцаца*** *швичка*). Таки дїєприкметнїки нє можеме тримац за нови форми у руским язику. Вони у карпатским ареалу, окрем у україн-

ским, исную и у словацким и польским язику: слц. pracujúci „тот цо роби”, поль. *bojący się chłopiec* „хлапец хтори ше бої”. А цо найважнєйше, нашли зме приклад и у рускей народней поезиї: *Видзел я це, мила,* ***стояцу*** *при студнї, // оздаль ши нє могла набрац зос тей води?* (= видзел сом це, мила, як стоїш при студнї) (Бинд-Кост, 66–67). Форма [дзивка] ***стояца при студнї*** потвердзує же активни дієприкметнїк презента у прешлосци исновал и у нашим язику и же ше прейґ ридких прикладох (хтори, нажаль, окрем того єдного, нє маме зазначени) зачувал аж по двацети роки XX вику.

3-2. Дієприкметнїки на ***-уц-/-юц-, -ац-/-яц-*** и ***-ц-*** звичайно у препозициї (опрез меновнїка хтори одредзую): *А ви ... гладни и* ***умераюци браца*** *зволуйце Милостивого Бога* (РН 31/1933, 2, митр. А. Шептицки); *Шицки* ***воююци держави*** *видали на войну 10.000 милиярди франки* (РН 12/1932, 4, НН); *Управни одбор вибера ше на три роки на главним собранію.* ***Одступаюци одборници*** *можу буц заш наново вибрани* (РК 1921, 10, М. Поливка – М. Мудри); *Нєшка* ***пануюци*** *живи* ***язик*** *роби о шмерци* ***нє пануюцому язику*** *и держави* (РК 1921, 37, М. Мудри); *а медзи нїма стої вон, у* ***розквитаюцим здравю*** *и сили* (РН 17/1929, 5, В.Г. Короленко – М.А.П.); ***Знїкаюца чеснота*** милосердия (РН 12/1929, 3, К.); *Тераз баш час гноїц тоти древка, же би могли древка витримац* ***дозреваюци овоци*** (РН 35/1937, 3, Тон); *Длужносц ми є доткнуц ше у* ***отвераюцей бешеди*** *и єдного нє радосного появления у нашим нар. живоце* (РН 45/1933, 1, Мих. Мудри); *Пред войну шицки европски держави були у розположеню* ***нападаюцого национализма*** (РН 5/1935, 3, др М. Винай); *а очка його швицели як* ***догасаюца швичка*** (РН 1926); *При тим слабим шветлу припатрал ше на ище вше* ***спаваюце****, бляде аж биле* ***дзецко*** (РК 1929, 141, прер. Кс. Лабош); *По Мойсейовей историї створел и за шейсц днї ушорел жем од вика и на вики* ***существуюци*** *живи* ***Бог*** (РН 9/1935, 3, Мих. Поливка).

И ту нам як илустрация можу послужиц тексти Штефана Лабоша, хтори попри угроруских / українских дієприкметнїцких формох частейше хасновал руски еквиваленти: ***Гражданє биваюци*** *далєко од городу ... слухаю бешеду* [на радию] (РК 1930, 127); *пред войну* ***100 коньски моци даваюци мотор*** *250 кили бул чежки* (РК 1930, 121).

3-3. Ридши форми на ***-ац-/-яц-*** и ***-ц-:*** *За розвой нашеня руценого в єшенї до ораня треба слунка и* ***кармяцих сокох*** (РН 48/1933, 2, С. Саламон); ***бруняци*** *ноцни* ***лепетки*** (РН); од инфинитивней основи зоз суфиксом ***-ц-***: *Зос* ***падацих метеорох*** *менши фалати у воздуху цалком згоря* (РН 3/1935, 2, Мих. Поливка); *па да чуєш гук вароша и валалу з* ***бегацима людзми*** *и дзецми* (РН 22/1930, 4, Мих. Мудри).

Дієприкметнїк у постпозициї: ***Процивсловносци пануюци*** *у єдним стредку* (= процивсловносци хтори паную у єдним стредку); ***Пан вздихуюци*** (= пан хтори здихує). *Цо то будзе з нами Руснацами! вздиховал себе* ***пан вздихуюци*** (РН 11/1927, 2, НН).

3-4. Зазначели зме и вецей дієприкметнїково конструкциї зоз обєктом у препозициї або постпозициї. *Видзел сом ... Христа, як виганя* ***пенєж меняюцих тарґовцох*** *зос церкви...* (= виганя тарґовцох хтори меняю пенєж); [У його души] *завидлївосц и мержня процив брата власного ... тото є цо му там пред очми стої як єдна* ***шветло руцаца швичка*** (= швичка хтора руца шветло) (РК 1930, 140, пр. Кс. Лабош); *нєшка* [ше] *хасную туньши и* ***менєй струї трошаци ... лампи*** (РК1930, 125, Шт. Лабош); [У шицким ше представляме] *як слугове Божо: у велькей церпежлївосци, у бриґох, ... полни бриґох алє вше весели; як худобни а* ***велїх збогацуюци*** (РН 37/1933, 3 (? Михайло Мудри)); *Атанасий ше огляднє и далєко замеркує вельки и чарни* ***пси прескакуюци хущави*** (= пси хтори прескакую гущави) (РК 1929, 143, прер. Кс. Лабош); *Силни* ***древа даваюци*** *през лєто вельки* ***хладок*** *тераз ше червенєю як огень* (= древа хтори даваю хладок) (РК 1929, 139, прер. Кс. Лабош); *Як ... увидзела* ***жида танцуюцого з радосци****, ... почала плакац* (= жида хтори танцовал од радосци) (РН 46/1930, 2, НН). Дієприкметнїки того типа дакеди нєправилно хасновани: *Видзел сом и* ***Юду тарґуюци*** *зос 30 сребрениками* (требало: ***Юду тарґуюцого***).

3-5. Дієприкметнїцки конструкциї з додатком предикату у препозициї або постпозиції: *Нєшка уж число хорих и* ***умераюцих людзох од туберкулози*** *таке вельке, же воно пада до очох нє лєм лїкаром* (РН 20/1930, 2, М.А. Поливка); *цар пошол на други край сали и* ***там стояцому слугови*** *наказал цошка* (РН 20/1928, 2, прер. Федор Лабош); ***Зос*** *тераз ище* ***жиюцих****, од 60 рокох старших* ***людзох****, велї паметаю на комету ... пред 52 роками* (РН 2/1935, 2,

Мих. Поливка); *топенє* ***у приправносци чекаюцих локомотивох*** (РК1930, 124, Шт. Лабош).

3-6. Дієприкметнїк може буц у функциї менового предиката: [Даєдни пригваряли же у Руских новинох и Руским календаре єст вельо церковни и вирски тексти.] Тоти ***пригварки*** чисто руски ***одвитуюци*** нашему менталитету и нашим опставином (= тоти пригварки одвитую нашому менталитету) (РН 48/1933, 1, др М. Винай); *Медзи народом його робота* ***унїчтожуюца*** (РН 45/1927, 1, НН).

3-7. И нашо форми на ***-уц-/-юц-, -ац-/-яц-*** и ***-ц-*** ше дакеди хасную як субстантивовани: *Христова наука жада од нас ... да даме* ***потребуюцим*** (РН 12/1929, 3, К.); [У шицким ше представляме] *як слугове Божо: у велькей церпежлївосци, у бриґох, ..., як* ***умераюци*** *а ми ище живи*; *За єден рок видано* ***гладуюцим*** *28 милиони полудзенки* (РК 1925, 136).

3-8. У угроруским язику ше хасновал и дієприкметнїк з повратних дієсловох. У наших авторох зме нє зазначели таки дієприкметнїки на ***-ущ-/-ющ-, -ащ-/-ящ-, -уч-/-юч, -ач-/-яч-*** вироятно прето же би им повратне словко ***-ся*** у таких формох випатрало цудзе, нє руске, напр. у язичию од ***радоватися*** дієприкметнїк би глашел ***радующийся***, а наша форма би у тим случаю тиж була зоз ***-ся: радующися.*** Аж и форма з нашим словком ***ше*** нє звучала би „по руски": ***радующи ше*** (= тот цо ше радує). Алє еквивалентни повратни руски форми на ***-уц-, -юц-, -ац-, -яц-*** зме зазначели: *и нараз почали роснуц зос жеми: висока палма, витка тополя, ...* ***кланяюца ше верба*** *и други овоци* (РН 1926, прер. Олґа Няради); *Коло нєй* [у суду] *як да нє стали тоти* ***вадзаци ше*** *и пакосни* ***людзе****; Попатрице лєм гевтих* ***плянтающих ше людзох*** *зос жвирским лїцом и ошлїнєнима устами, кирвавима очми – шицки вони мойо вирни раби, пиянїци* (РН 15/1937, 2, прел. з горв. Торма Йовґен). *Зос далєка чує ше достоянствени глас мацерох помишани зос гласом дзвоньчкох дому* ***врацающого ше статку*** (РК 1930, 140, пр. Кс. Лабош).

Ридко даєдни форми виведзени з инфинитивней основи. *Пред нїм пада ... слаби и* ***тресаци ше старец*** (з инфинитивней основи) (РН 14/1929, 3, прер. А.Н. з.).

3-9. Понеже дієприкметнїк з повратних дієсловох нашо авторе нє чувствовали у подполносци як руску форму, вони од даєдних

повратних дієсловох творели дієприкметнїк презента без словка ***ше***: [Власц] *тедишньей* ***розпадуюцей*** *царскей Русиї нье сцела признац аутономію Украини* (место: ***розпадуюцей ше*** *царскей Русиї*) (Заря 6/1939, 2, др Й. Шарик); *Спомина древа, овоци, лїсце, ...* ***киваюци*** *надзик, лелию, лозу, маґочку* (место: ***киваюци ше*** *надзик*) (РН 30/1929, 6, Михайло Мудри). Нєправилно виведзена форма з инфинитивней основи: *И жем, хтора раз упила крев Спасителя, упива тераз слизи* ***каяцого*** *створеня* (место: ***каюцого ше*** *створеня*) (РН 13/1930, 3, НН). То потвердзую и припадково форми дієсловох, хтори нє вше правилно хасновани: *Я чул плач израилского народа на риках Вавилонских,* ***каюци ше*** *за свойо чешки грихи* (требало: ***народа ... каюцого ше***) (РН 5/1928, 2, А.Н.).

3-10. Як можеме видзиц з потераз наведзених прикладох, дієприкметнїки (и прикметнїки) на ***-уц-/-юц-, -ац-/-яц-*** и ***-ц-*** нашо авторе часто хасновали паралелно зоз угрорускима формами: Михайло Мудри: ***путешествующи людзе*** (РН 20/1930, 4); *у* ***отвераюцей бешеди*** (РН 45/1933, 1); Штефан Лабош: ***знаки даваючи лампи*** (РК1930, 126); *ракета як* ***гоняца моц*** (РК1930, 122); Ксения Лабош: *Шум* ***приблїжуючих крочайох*** (РН 13/1930, 3); ***спаваюце дзецко*** (РК 1929, 141); Дюра Биндас: ***душу потресающи*** *напоминя* (РК 1928, 17); ***тирваца*** *вредносц* (РН 9/1932, 1); Михайло Поливка: *як* ***горяща куля*** *лєци у воздуху* (РН 2/1935, 2); *слунко представя єдну* ***стояцу гвизду*** (РН 3/1935, 2). Значи же нашо авторе угроруски форми нє чувствовали подполно як домашнї, та, вироятно нєсвидомо, хасновали и руски еквиваленти.

4-1. **Пасивни дієприкметнїк презента** ше у церковнославянским и угроруским язику твори з другей презентскей основи преходних дієсловох нєзаконченого виду зоз суфиксами ***-єм-, -им-, -ом-*** (номинатив ***-емый, -имый, -омый***), а значи прикмету хтора настала як резултат дії другого окончователя над ношительом прикмети. Напр. у церковнославянским: *сподоби нас Исусе ... услишати* ***желайеми*** *твой глас* (= глас хтори жадаме) (Зборнїк, 12. б.); *сосятими отци пророки* ***здружайемайа*** (= хтора ше здружує одн. хтору здружуєме зоз святима...) (Зборнїк, 9. б.); у угроруским: *в огни попекутся, откуду* ***неизносимый*** *боль происходит* (= боль хтори нє мож витримац) (Духнович).

4-2. У руских авторох зме зазначели лєм мале число прикладох того дієприкметнїка: *Културни родичи ше стараю да дзеци уж у наймладшим вику маю поучни забави, заниманя, словом, да их* ***розвиваємая*** *енерґия вше ма довольно материялу за роботу* (= енерґия хтору їх орґанизем розвива) (РН 17/1927, 2, М. Поливка).

4-3. Дієприкметнїк пасивни презента з неґацию ***нє-*** виражує и значенє нєвитворлївосци дії або стану: *Папа Пий Х. цалому катол. швету указал* ***нєвичерпаєме*** *богацтво небесних доброх, цо их Исус Христос дзелї шицким* (= богатство хторе нє мож вичерпац) (РН 19/1930, 1, НН); *През 19 столїтия животней борби на тим швеце остала єдино Петрова Столица* ***непобидима, неповредима*** *и стаємна на своїм положаю* (= хтору нє мож победзиц одн. повредзиц) (РН 31/1927, 4, М. Мудри); ***Нєоборими*** *будзе наш Русин, як цо и його вира;* ***нєоборима*** *будзе и наша орґанизация, кед будзе на темелю вири и народносци* (= хторого/хтори нє мож звалїц, победзиц) (РН 34/1927, 1, М. Буила); *Бо хорота є хорота: тирваца и моцна, а дзекеди и* ***нєвилїчима*** (= нє мож ю вилїчиц) (РН 31/1928, 3, др М.В. (Винай)). Таки и прикметнїки: ***нєрушими*** (= хтори/хторого нє мож звалїц), ***нєописими*** (= хтори/хторого нє мож описац, нєописиви), ***нєвидими*** (= хтори/хторого нє мож видзиц). У сучасним литературним язику зачувана лєм єдна форма на ***-ом-*** того дієприкметнїка: (*нє*)*рухоми.*

Як еквиваленти того дієприкметнїка у литературним язику 20-их–30-их рокох хасновани дієприкметнїцки форми зоз суфиксами ***-ив-, -лїв-*** и ***-н-: (нє)видлїви, (нє)розумлїви;*** *управо тей* ***нєроздзелней*** *звязи и пріятельству маме дзековац* (РН 8/1928, 1, П. (? Ю. Павич)). Тиж як еквиваленти хасновани и односни виреченя наведзени под 4-1.–4-3.

5-1. **Еквиваленти дієприкметнїкох презента у сучасним литературним язику.** Активни и пасивни дієприкметнїки презента у литературним язику 20–30-их рокох и у сучасним литературним язику заменлїви з односнима виреченями яки зме наведли у датих прикладох. Медзитим, частейше ше тото значенє виражує з дієприкметнїками на ***-уц-/-юц-, -ац-/-яц-*** и ***-ц-*** (оп**.** 5-4. и 5-5.), а дакеди и на ***-ив-, -лїв-*** и ***-н-.***

5-2. У народним язику исную прикметнїки на ***-уц-/-юц-, -ац-/-яц-*** и ***-ц-***, а исти ше хасновали и у медзивойновим литературним язику (оп. 3-1.). У сучасним литературним язику то продуктивни прикметнїцки и дїєприкметнїцки форми: на ***-уц-/-юц-, -ац-/-яц-*** (од другей презентскей основи) и на ***-ц-*** (з инфинитивней основи). Найчастейши дїєприкметнїки и прикметнїки на ***-уц-/-юц-***, ридши на ***-ац-/-яц-*** и на ***-ц-.*** У сучасним литературним язику зазначели зме лєм приклади у препозициї.

5-3. Дїєрикметнїки на ***-уц-/-юц-***, ***-ац-/-яц-*** *и* ***-ц-*** виведзени з нєпреходних дїєсловох знача же поняце на хторе ше одноша окончує одредзену дїю (***плїваюци*** *обєкт,* ***путуюци*** *тарґовец)* або ше находзи у одредзеним стану (***премакаюце*** *закрице*). Форми виведзени з повратних дїєсловох траца словко ***ше: розпирскуюци*** *експлозиї минох* (инфинитив *розпирсковац ше*), ***трушаце*** *цесточко* (инфинитив *трушиц ше*).

Дїєприкметнїки виведзени з преходних дїєсловох знача же дїя преходзи на обєкт: ***зашлєпююца*** *нєнависц* (= нєнависц хтора дакого/дацо зашлєпює), ***випитуюци*** *попатрунок,* ***прицагююца*** *краса*, ***роздражнююца*** *музика,* ***обезхрабруюци*** *вистки,* ***опоминаюци*** *питаня.* Вони знача и же дїя на хтору ше одноша можлїва, витворлїва на обєкту: ***нагадуюци*** *думки* (= думки хтори мож нагаднуц), *лєгко* ***паметаюца*** *ария* (= ария хтора ше лєгко памета), ***розлолагаюци*** *капитал* (= капитал з хторим мож розполагац). То еквивалентни форми угроруских формох пасивного дїєприкметнїка презента на ***-єми, -ими, -оми.*** Вони у сучасним литературним язику заменєли форми того дїєприкметнїка.

У сучасним литературним язику хаснуєме и форми з неґацию ***нє-,*** хтори знача же дїя нєможлїва, нєвитворлїва на обєкту: ***нєзагацююца*** *жажда* (= жажда хтору нє мож загациц), ***нєзопераюца*** *моц* (= моц хтору нє мож зопрец), ***нєповторююци*** *способ,* ***нєдосцигуюци*** *резултати,* ***нєобкеруюце*** *положенє,* ***нєвисцеруюци*** *шлїд,* ***нєоценююца*** *вредносц,* ***нєприлапююце*** *порученє,* ***нєвилїчуюца*** *хорота,* ***нєзатримуюци*** *страх,* ***нєпрепознаваюца*** *глїбина,* ***нєстримуюце*** *церпенє,* ***нєпребачуюци*** *слова,* ***нєзабуваюци*** *упечатки* (= упечатки хтори нє мож забуц). То еквивалентни форми пасивного дїєприкметнїка презента на ***-єми, -ими, -оми*** з неґацию (***нєвичерпаєме*** *богацтво*); вони у сучасним язику заменєли тоти угроруски форми.

5-4. Зоз значеньом можлївосци, витворлївосци одн. нєможлївосци, нєвитворлївосци дїї або стану хасную ше и дієприкметнїки на ***-ив-*** и ***-лїв-*** (їх фреквенция у сучасним литературним язику, под уплївом сербского язика, повекшана: серб. ***-ив*** и ***-льив***): *нєоценїви, нєдопущиви;* (*нє*)*видлїви,* (*нє*)*виводлїви, розположиви;* (*нє*)*похопливи,* (*нє*)*долаплїви,* (*нє*)*зношлїви,* (*нє*)*виводлїви,* (*нє*)*подношлїви,* (*нє*)*предвидлїви,* (*нє*)*одклонїви,* (*нє*)*помирлїви.* Ридше ше хасную синоними зоз суфиксом ***-н-***: *нєпрекладни, нєодкладни,* (*нє*)*преглядни, нєвичерпни.* Даєдни прикметнїки того типа хасную ше з двома суфиксами: *нєповторююци* и *нєповторлїви, нєпохопююци* и *нєпохопливи, нєстримуюци* и *нєстримовни, нєзаобиходзаци* и *нєзаобиходни.*

6-1. У сучасним литературним язику руски еквивалентни дієприкметнїки зме зазначели лєм у препозициї: ***надрилююци*** *чловек,* ***прицагуюца*** *краса,* ***опиваюци*** *запах,* ***застрашуюци*** *випатрунок,* ***окрипююца*** *швижосц.* Вєдно з прикметнїками истей форми (***видрижнююци*** *слова,* ***спреведаци*** *плач*) тоти дієприкметнїки постали продуктивна ґрупа.

6-2. **Заключенє.** Под уплївом карпатскорусинского /-українского литературного язика (язичия), хтори и южним Русином бул литературни язик до конца XIX вику, руски авторе 20-их–30-их рокох XX вику, хасновали угроруски форми активного дієприкметнїка на ***-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-*** и на ***-уч-, -юч-, -ач-, -яч-*** и, ридше, пасивного дієприкметнїка на ***-єм-, -им-, -ом-*** вироятно тримаюци тоти форми за „баржей литературни” од руских дієприкметнїцких формох на ***-уц-, -юц, -ац, -яц-*** и ***-ц-*** и еквивалентних синтаксичних конструкцийох. Руски авторе, медзитим, нє вше владали зоз конструкциями у яких ше хасновали тоти форми у угроруским язику: место угроруского *радующийся человік* нє хасновали синтаґму *радующи ше чловек*; хасновали ***плач народа каяци ше*** *за грихи* место *плач* ***народа каяцого ше*** *за грихи;* место *Видзел сом и* ***Юду тарґуюци*** *зос 30 сребрениками* требало: ***Юду тарґуюцого***; оп. и пасус 3-9.), а, з другого боку, з народного язика знали еквивалентни форми на ***-ц-***. То вироятно була причина же до 50-их рокох XX вику нєфреквентни угроруски форми були скоро цалком поциснути од еквивалентних руских прикметнїцких и дієприкметнїцких формох на ***-уц-, -юц-, -ац-, -яц-, -ц-*** *(воююци держави)* и на ***-ив-, -лїв-*** и

-н- (*нєвитворлїви цилї*). Од угроруских дїєприкметнїцких формох у сучасним язику зачувани субстантивовани форми ***будущи*** „будуци муж” и ***будуща*** „будуца супруга”, а донєдавна хасновани прикметнїк ***слїдующи*** скоро цалком поциснути од рускей форми ***шлїдующи.***

Жридла

Бинд-Кост 1927 – *Южнославяньских Русинох народни писнї*. Позберали и ушорели Дюра Биндас и Осиф Костелник. Руски Керестур – Нови Сад, 1927.

Духнович 1989 – О. Духнович. *Твори в 4-х томах. Том 3*. Пряшів, 1989.

Заря – *Русска заря* (1934–1940), Нови Сад: Орган культурно-національного союза югославянских Русинов.

Зборнїк – Рукописни зборнїк молитвох, писньох и текстох пошвецених Богородици, на руским язику з елементами церковнославянского и сербского язика, вироятно з першей половки XX вику, без наслова, паґиновани, 1–108.

Неділя. *Новини за угроруских Русинох*, Будапешт, рок 1903.

РК – *Руски календар за югославяньских Русинох* (1921–1941). Видатель и властитель Руске народне просвитне дружтво. Руски Керестур.

РН – *Руски новини за Русинох у Кральовини С.Х.С.* (1924–1941). Властитель Руске Народне Просвитне Дружтво. Руски Керестур.

Творчосц – *Творчосц*. Гласнїк Дружтва за руски язик и литературу 2/1976, 56. б.

Цап – Цап Микола М. *Церква и школа у Коцуре*. *Прилоги и жридла*. Нови Сад: Грекокатолїцка парохия св. Петра и Павла, 1996.

Литература

Дуличенко 2009 – А.Д. Дуличенко. *Jugoslavo-ruthenica II: Роботи з рускей филолоґиї и историї.* Нови Сад: Руске слово.

Рамач 2002 – *Ґраматика руского язика за I, II, III и IV класу ґимназиї*. Београд: Завод за уцбенике и наставна средства.

Фејса Михајло
Универзитет у Новом Саду
Нови Сад, Србија

Русински и српски еквиваленти енглеских модала

Русински језик – енглески језик – српски језик – модални глаголи – контрастивна анализа

1. Увод

За разлику од англистике и србистике, категорија модалности се у русинистици налази на периферији истраживања. Док јој у првој граматици русинског језика Хавријил Костељник није посветио никакву пажњу (Костельник 1923), Никола Кочиш је у другој издвојио нека модална значења (Кочиш 1977: 112). У трећој граматици, Јулијан Рамач, међу другим глаголским категоријама, препознаје и категорију модалности, по њему, онда када говорник, износећи неки садржај, изражава и свој однос према том садржају, и, поред тога, издваја следећих осам модалних глагола: *сцец*, *мочи*, *мушиц*, *шмец*, *знац*, *мац*, *раховац*, *думац* (Рамач 2002: 160). Аутор у овом раду тежи да да одређени допринос утврђивању инвентара модалних глагола у русинском језику и, шире, језичких средстава за преношење модалних значења. С друге стране, обезбеђивањем преводних еквивалената за русински и српски језик за 13 модалних глагола енглеског језика (*can*, *could*, *may*, *might*, *shall*, *should*, *will*, *would*, *must*, *ought to*, *used to*, *need*, *dare*), аутор тежи и да изврши поређење русинских преводних еквивалената са српским преводним еквивалентима.

Упитник чине примери из англистичких извора у којима су издвајана најфреквентнија модална значења у енглеском језику и илустрована јасним и недвосмисленим примерима. Примери су пре свих бирани из *Универзитетске граматике енглеског језика* Рендолфа Кверка и Сиднија Гринбаума (Quirk, Greenbaum 1974) и студија посвећених глаголском систему енглеског језика Френка Палмера (Palmer 1976, 1990), а коришћене су и друге граматике енглеског језика (Leech, Svartvik 1988; Thomson, Martinet 1990). Упитник је дат на превођење десеторици студената Одсека за русинистику, и онима којима је русински језик први језик, и онима којима је први језик српски, а русински изучавају на изборном нивоу.

Што се тиче „облика модала за прошло време“ (Palmer 1976: 138), како традиционални лингвисти називају *could*, *might*, *would* и *should*, ми смо свесни да они не преносе само прошла значења и због истицања, с једне стране, одређене историјске везе, а, с друге стране, због постојећих значењских нијанси у односу на *can*, *may*, *will* и *shall*, у следећем поглављу наводићемо их једне поред других. Палмер „облике модала за прошло време“ назива *тентативнима* (Palmer 1990: 10), желећи да истакне да њиховим коришћењем говорник има на уму нешто више или мање вероватно, нешто више или мање реално и томе слично. Ми смо наклоњени термину *дистални облици* неких аутора (Langacker 1978; Bybee et al. 1994), које је прихватила и Ивана Трбојевић-Милошевић, пошто ти модали заиста преносе увећање одређене дистанце исказане њима (Trbojević-Milošević 2004: 76).

2. Еквиваленти енглеских модала

2-1. Модални глагол* can *најчешће изражава следећа значења:

а) способност, нпр.

енг. *Can you type?* (Thomson, Martinet 1990: 135)
рус. Можеш дуркац?
срп. Можеш куцати?

енг. *He can speak English, but he can't write it very well.* (Quirk 1974: 52)

рус. Вон може бешедовац по анґлийски алє го нє може барз добре писац.
срп. Он може говорити енглески али га не може врло добро писати.

Can је у овом значењу у посебној вези са изразом *be able to*. Израз представља модални облик, који локализује реализације датих глаголских ситуација у све временске сегменте, што модални глагол *can* не може. Док при локализацији у сегмент садашњост модал *can* и израз *be able to* могу бити међузаменљиви (нпр. *I can run fast : I am able to run fast*), при локализацији у сегмент прошлост модал *can* алтернира са модалом *could* (в. 2-2. а) и изразом *be able to* (нпр. *He could bring it : He was able to bring it*). Локализовати глаголске ситуације у сегмент будућност могуће је само са изразом *be able to* (нпр. *You will be able to walk again*). Енглески израз је еквивалентан русинском *буц у можлївосци* и српском *бити у могућности*. За разлику од енглеског модала *can*, русински модал *мочи* и српски модал *моћи* могу бити у одређеном облику употребљени и за локализовање глаголских ситуација у сегмент прошлост (нпр. рус. *Вон могол бежиц*; срп. *Он је могао да трчи*) и у сегмент будућност (нпр. рус. *Я будзем мочи пойсц*; срп. *Ја ћу моћи да одем*).

Једна од суштинских разлика између енглеских и русинских модала очитава се у томе што се русински и српски модални глаголи синтаксички понашају као лексички глаголи (немају посебан начин за формирање упитних или одричних реченица, ни одсуство флексије нпр. наставка -*s* у трећем лицу једнине). Отуд модални глаголи код словенских језика, у зависности од временске локализације, за преводне еквиваленте имају језичка средства за локализацију у временске сегменте као и лексички глаголи – тзв. презент, перфект и футур. Док при локализацији у сегмент садашњост модал добија наставке као и сви лексички глаголи (нпр. срп. *могу, можеш, може, можемо, можете, могу*; рус. *можем, можеш, може, можеме, можеце, можу*), при локализацији у сегмент прошлост неопходна је, поред облика радног придева модалног глагола, и употреба помоћног глагола *бити* (*сам, си, је, смо, сте, су*) у српском језику, односно помоћног глагол *буц* — али само под условом да је субјекат неисказан и са облицима за прво и друго лице једнине и множине

(*сом, ши, зме, сце*). При локализацији у сегмент будућност неопходна је, поред инфинитива модалног глагола, и употреба помоћног глагола, који се у овом случају разликују — у русинском облику помоћног глагола *буц* (*будзем*, *будзеш*, *будзе*, *будземе*, *будзеце*, *буду*), а у српском језику помоћног глагола *хтети* (*ћу, ћеш, ће, ћемо, ћете, ће*); у русинском постоји и конструкција са суплетивним обликом *годзен / годна / годно / годни* (нпр. *Я годзен пойсц*) у коју није укључен облик помоћног глагола *буц*.

б) дозвола, нпр.

енг. *Can I smoke here?* (Quirk 1974: 52)
рус. Можем ту куриц?
срп. Могу да пушим овде?

енг. *He says we can leave.* (Thomson, Martinet 1990: 128)
рус. Гвари же можеме пойсц.
срп. Каже да можемо отићи.

Дозвола се најчешће даје првом лицу једнине и првом лицу множине. Модал *can* је у значењу дозволе међузаменљив са модалом *may* (в. 2-3. а), који се користи у формалнијим ситуацијама. И за русински и за српски језик је карактеристично да за преношење значења модала *can* и за преношење значења модала *may* у оба језика постоји исти еквивалент – модал *мочи* у русинском, односно *моћи* у српском. У овом значењу *can* је међузаменљиво са изразима *be allowed to* и *be permitted to*, којима у русинском одговара израз *буц допущене* (нпр. *Нє допущене му ту куриц / же би ту курел*), а у српском *бити дозвољено* и *бити допуштено* (нпр. *Није му дозвољено да постави питање / поставити питање*).

в) могућност, коју аутори различито описују – Кверк и Гринбаум као теоријску (Quirk, Greenbaum 1974: 53), Палмер као неутралну (Palmer 1990: 83), а Томсон и Мартине као општу (Thomson, Martinet 1990: 133). Нпр.

енг. *You can get quite lost in that, I think, you see.* (Palmer 1990: 84)
рус. Ти ше можеш цалком страциц у тим, думам, видзиш.

срп. Ти се можеш сасвим изгубити у овоме, мислим, видиш.

енг. *Measles can be quite dangerous.* (Thomson, Martinet 1990: 133)
рус. Осипки можу буц досц опасни.
срп. Мале богиње могу бити доста опасне.

г) импликација воље (Palmer 1990: 86), односно сугерисање, нпр.

енг. *Yes, we can send you a map, if you wish.* (ibid.)
рус. Гей, ми Вам можеме послац мапу, кед же сцеце.
срп. Да, ми Вам можемо послати мапу, ако хоћете.

енг. *Can you pass the salt, please?* (ibid.)
рус. Можеце додац соль, модлїм Вас?
срп. Можете додати со, молим Вас?

У свим примерима енглеском модалу *can* русински еквивалент је модал *мочи*, а српски еквивалент је модал *моћи*.

2-2. Модални глагол* could *најчешће преноси следећа значења:

а) прошла способност, нпр.

енг. *I ran fast, but I couldn`t catch the bus.* (Palmer 1990: 93)
рус. Швидко сом бежел, алє сом нє мог[ол] влапиц автобус.
срп. Брзо сам јурио, али нисам могао да ухватим автобус.

енг. *When he was young, he could lift a hundredweight.* (Palmer 1976: 116)
рус. Кед бул млади, могол подзвигнуц сто фунти.
срп. Када је био млад, могао је подићи сто фунти.

б) прошла дозвола, нпр.

енг. *On Sundays we could stay up late.* (Thomson, Martinet 1990: 129)
рус. Нєдзелями ми могли остац позно.
срп. Недељама ми смо могли остати до касно.

енг. *When I was a student, I could travel at half-price.* (Leech, Svartvik 1988: 143)
рус. Кед сом бул студент, я могол путовац у пол цени.
срп. Када сам био студент, ја сам могао путовати у пола цене.

У наведена два случаја модал *could* за еквивалент такође има модал *мочи* (тј. облике *могол* / *могла* / *могло* / *могли*), односно *моћи* (тј. облике *могао* / *могла* / *могло* / *могли* / *могле* / *могла*), којима се одређене ситуације локализују у сегмент прошлост.

в) садашња или будућа дозвола, нпр.

енг. *Could I smoke in here?* (Quirk 1974: 53)
рус. Можем ту нука куриц?
срп. Могу да пушим овде унутра?

енг. *Could we ask you what your opinion is?* (Leech, Svartvik 1988: 143)
рус. Можеме ци ше опитац яке твойо становиско?
срп. Можемо ли да те питамо какво је твоје становиште?

г) импликација воље (праћена са способношћу), паралелно са 2-1. г, нпр.

енг. *Could you do me a favour?* (Quirk 1974: 53)
рус. Можеш ми зробиц услугу?
срп. Можеш ли да ми учиниш услугу?

д) садашња могућност (теоријска или фактичка), нпр.

енг. *We could go to the concert.* (ibid.)
рус. Ми можеме / би могли пойсц на концерт.
срп. Ми можемо / би могли да одемо на концерт.

енг. *The road could be blocked.* (ibid.)
рус. Драга може / би могла буц блокирана.
срп. Пут може / би могао бити блокиран.

ђ) евентуална могућност или способност под неостваривим условом, нпр.

енг. *If we had money, we could buy a car.* (Quirk 1974: 53)
рус. Кед бизме мали пенєжи, могли бизме купиц авто.
срп. Ако би имали новаца, могли би[смо] да купимо кола.

енг. *If you were a student, you could travel at half-price.* (Leech, Svartvik 1988: 143)

рус. Кед би ти бул студент, могол биш путовац у пол цени.
срп. Да си студент, могао би путовати у пола цене.

На основу примера видимо да код изражавања садашње могућности (д) потенцијал модала *мочи* (*би могли*, *би могла*) у русинском језику, односно потенцијал модала *моћи* (*би могли, би могао*) у српском језику, алтернира са одговарајућим обликом модала *мочи*, односно *моћи*, који модалност локализује у сегмент садашњост, а код изражавања евентуалне могућности или способности под неостварљивим условом (ђ) потенцијал модала *мочи* (*могли бизме*, *могол биш*), односно потенцијал модала *моћи* (*могли би[смо]*, *могао би*) нема алтернативног еквивалента.

Потенцијал се и у српском и у русинском гради облика радног придева у овом случају модалног глагола и аориста помоћног глагола *бити*. У русинском језику је присуство облика *бим, биш, би, бизме, бисце, би* неопбходно када субјекат није исказан, а у противном, када је субјекат исказан, довољан је само облик *би* (*ми би могли*, *ти би могол*); у српском језику облици аориста помоћног глагола *бити* су *бих, би, би, бисмо, бисте, би* са тежњом да се облик *би* прошири на сва лица једнине и множине (Стевановић 1989: 353).

2-3. Модални глагол* may *најчешће изражава следећа значења:

а) дозвола, нпр.

енг. *If you want to recall the doctor, you may do so.* (Palmer 1990: 71)
рус. Кед сцеце знова поволац дохтора, можеце то зробиц.
срп. Ако хоћете да опет позовете доктора, можете то урадити.

енг. *Yoy may borrow my car if you like.* (Quirk 1974: 53)
рус. Можеш пожичиц мой авто кед сцеш.
срп. Можеш позајмити моја кола ако хоћеш.

У наведеним примерима имамо случај *давања дозволе*, што, разумљиво је, не односи се на упитне реченице када имамо случај *тражења добијања дозволе*. Овакав случај промене субјекта у случају тражења, с једне стране, и давања, односно недавања дозволе, с друге стране, срећемо и код модала *can* када преноси значење дозволе (в. 2-1. б).

Модал *may*, као и модал *can* у овом значењу, алтернира са изразом *be allowed to*.

б) могућност (обично фактичка), нпр.

енг. *The road may be blocked.* (Quirk 1974: 53)
рус. Драга може буц / можебуц блокирана.
срп. Пут је можда / може бити блокиран.

енг. *Ann may know Tom's address.* (Thomson, Martinet 1990: 131)
рус. Ен може знац / можебуц зна Томову адресу.
срп. Ен можда зна / може да зна Томину адресу.

У оба језика модални глагол може да алтернира са модалном речцом *можда*, односно *можебуц*.

в) жеља (у помало застарелој конструкцији), нпр.

енг. *May the best man win!* (Quirk 1974: 204)
рус. Най найлєпши победзи!
срп. Нека најбољи победи!

енг. *May you be happy!* (ibid.)
рус. Най будзеш щешлїви!
срп. Да будеш срећан!

2-4. Модални глагол* might *изражава:

а) дозволу (са већом претпоставком да се неће добити позитиван одговор, чега није било када се дозвола тражила са пре наведеним модалима), нпр.

енг. *Might I smoke here?* (Quirk 1974: 54)
рус. Можем ту куриц?
срп. Могу да овде пушим?

б) могућност (теоријска или фактичка), нпр.

енг. *He might emigrate.* (Thomson, Martinet 1990: 131)
рус. Вон може емиґровац.
срп. Он може да емигрира.

енг. *What you say might be true.* (Quirk 1974: 54)
рус. Тото цо гуториш може буц правда.
срп. То што говориш може бити истина.

Као што видимо и *may* и *might* (као и *can* и *could*) имају исти еквивалент – у русинском *мочи*, а у српском *моћи*, са изузетком када изражавају жељу (2-3. в), јер одговарајућа формула за изражавање жеље не потражује модал, већ одређену речцу (*най*; *нека*, *да*).

2-5. Глагол *shall* је у првом лицу једнине и множине (*I/we shall*) доминантно помоћни глагол за локализовање глаголских ситуација у сегмент будућност, а као модални глагол изражава:

а) намеру говорника, нпр.

енг. *I shalln't be long.* (Quirk 1974: 54)
рус. Нє будзем длуго.
срп. Нећу дуго.

енг. *We shall overcome.* (ibid.)
рус. Ми превладаме.
срп. Ми ћемо преовладати.

б) вољу говорника (у другом и трећем лицу једнине и множине), нпр.

енг. *He shall get his money.* (ibid.)
рус. Вон дойдзе до свойого пенєжу.
срп. Он ће доћи до својих пара.

енг. *You shall do exactly as you wish.* (ibid.)
рус. Зробиш праве так як жадаш.
срп. Урадићеш баш тако како желиш.

в) инсистирање или налагање обовезе, нпр.

енг. *You shall do as I say.* (ibid.)
рус. Зробиш як ци гуторим.
срп. Урадићеш како ти кажем.

енг. *He shall be there by six.* (Palmer 1990: 71)
рус. Будзе там до шейсц годзин.
срп. Биће тамо до шест сати.

У свим преводним еквивалентима срећемо се са локализацијом у сегмент будућности. У русинском језику опажамо тзв. синтетичко будуће време, што значи да су лексички глаголи тотивног / свршеног вида. То је донекле и разумљиво с обзиром да се очекује да глаголска ситуација у наведеним значењима буде реализована у целини.

2-6. Модални глагол* should *изражава:

а) обавезу или логичку неопходност, нпр.

енг. *You should do as he says.* (Quirk 1974: 55)
рус. Требал биш зробиц / Треба же биш зробел як ци гутори.
срп. Требало би / Треба да урадиш како ти каже.

енг. *They should be home by now.* (ibid.)
рус. Требали би буц / Треба же би були дома по тераз.
срп. Требали би бити / Треба да су кући до сада.

б) одређену идеју (не толико саму чињеницу), која по Палмеру, може имати прошлу и садашњу референцу (Palmer 1976: 129), у зависним реченицама, после неколико израза, нпр.

енг. *It is lucky that the weather should be so fine.* (ibid.)
рус. Щесце же хвиля [була] така красна.
срп. Срећа да је време [било] тако лепо.

енг. *It is odd that you should say this to me.* (Quirk 1974: 55)
рус. Чудне же ми то ти гуториш [гварел] / маш [мал] повесц.
срп. Чудно је да ми то ти говориш [да си ми то ти рекао] / да си ми то ти требао рећи.

в) потенцијал, посебно у британском енглеском, нпр.

енг. *We should love to go abroad (if we had a chance).* (ibid.)
рус. Ми би любели пойсц до иножемства (кед бизме мали нагоду).
срп. Ми би волели отићи у иностранство (да имамо прилику).

Осим у потенцијалном значењу (в) када се као еквивалент редовно јавља потенцијал, у другим значењима опажамо да се, поред модалног глагола *требати* у српском језику и *требаџ* у русинском језику, у оба словенска језика јавља и модални глагол *би* (а) и, евентуално, модални глагол *маџ* у русинском, односно *требати* у српском (б).

2-7. Глагол *will* је доминантно помоћни глагол за локализовање глаголских ситуација у сегмент будућност, а као модални глагол изражава:

а) намеру говорника, обично у првом лицу једнине или множине, нпр.

енг. *I'll write as soon as I can.* (Quirk 1974: 55)
рус. Будзем писац накадзи сом годзен.
срп. Писаћу чим будем могао.

енг. *We won't stay longer than two hours.* (ibid.)
рус. Нє останєме длужей як два годзини.
срп. Нећемо остати дуже од два сата.

б) вољу, обично у учтивим молбама, нпр.

енг. *Will you please open the window?* (ibid.)
рус. Отворице, модлїм вас, облак?
срп. Хоћете ли, молим вас, отворити прозор?

енг. *He'll help you if you ask him.* (ibid.)
рус. Вон ци поможе кед го замодлїш.
срп. Он ће ти помоћи ако га замолиш.

в) инсистирање (када је модал наглашен), нпр.

енг. *He wíll do it, whatever you say.* (ibid.)
рус. Вон зроби то, цо му лєм повеш.
срп. Он ће урадити то, штогод му будеш рекао.

енг. *He wíll keep interrupting me.* (ibid.)
рус. Будзе ме преривац.
срп. Прекидаће ме.

г) предвиђање, нпр.

енг. *He'll talk for hours if you give him the chance.* (ibid.)
рус. Вон будзе бешедовац годзинами кед му даце нагоду.
срп. Он ће говорити сатима ако му дате прилику.

енг. *Oil will float on water.* (ibid.)
рус. Олєй будзе плївац по води.
срп. Уље ће пливати по води.

У свим случајевима еквивалент је нека од конструкција којом се глаголске ситуације локализују у сегмент будућност. Док се у русинском језику са глаголима атотивног / несвршеног вида као помоћни глагол јавља глагол *буц* (у својим облицима *будзем, будзеш, будзе, будземе, будзеце, буду*), у српском језику се јавља помоћни глагол *хтети* (углавном у својим енклитичким облицима *ћу, ћеш, ће, ћемо, ћете, ће*, али и у неенклитичким облицима, поготово када изражава вољу саговорника у учтивим молбама, нпр. *Хоћете ли, молим вас, отворити прозор?*) и то са глаголима оба вида.

2-8. Глагол* would *изражава:

а) вољу, нпр.

енг. *Would you excuse me?* (Quirk 1974: 55–56)
рус. Пребачице ми, модлїм Вас?
срп. Хоћете ли ми опростити, молим Вас?

б) инсистирање (када је модал наглашен), нпр.

енг. *It's your fault; you would take the baby with you.* (Quirk 1974: 56)
рус. То твоя гришка; ти вежнєш бебу зоз собу.
срп. То је твоја грешка; ти ћеш узети бебу са собом.

в) карактеристичну активност у прошлости, нпр.

енг. *Every morning he would go for a long walk.* (ibid.)
рус. Кажде рано вон би ше длуго шейтал.
срп. Свако јутро он би дуго шетао.

енг. *John would make a mess of it.* (ibid.)
рус. Джон би направел гаос од того.
срп. Џон би направио хаос од тога.

г) потенцијал, нпр.

енг. *He would smoke too much if I didn't stop him.* (ibid.)
рус. Вон би курел превельо кед би го я нє зопар.
срп. Он би пушио превише да га ја нисам зауставио.

д) вероватноћу, нпр.

енг. *That would be his mother.* (ibid.)
рус. То би була його мац.
срп. То би могла бити његова мајка.

У случају прва два значења (а, б) као преводне еквиваленте и у русинском и у српском језику примећујемо конструкције за локализацију глаголских ситуација у сегмент будућност, а у случају друга три значења (в, г, д) као преводни еквивалент се у оба словенска језика јавља потенцијал.

2-9. Модални глагол* must *најчешће изражава следећа значења:

а) обовеза или приморавање, нпр.

енг. *You must wipe your feet when you come in.* (Thomson, Martinet 1990: 140)
рус. Мушиш посцерац ноги кед уходзиш.
срп. Мораш обрисати / Мораш да обришеш ноге када улазиш.

енг. *You must be back by 10 o'clock.* (Quirk 1974: 56)
рус. Мушиш ше врациц по 10 годзин.
срп. Мораш се вратити / Мораш да се вратиш до 10 часова.

б) логичка неопходност, нпр.

енг. *There must be a mistake.* (ibid.)
рус. Муши буц даяка гришка.
срп. Мора бити / Мора да је нека грешка.

У свим примерима редовно се као еквивалент за модал *must* јавља модал *морати* (у српском) и *мушиц* (у русинском). Модал *мушиц*, међутим, у оба наведена значења може бити замењен модалом *мац* (*Маш ше врациц по 10 годзин*; *Ма буц даяка гришка*). Слично би могло бити учињено и српском језику код неких примера са глаголом *имати* (нпр. *Има да се вратиш до 10 ч.*).

Занимљиво је да и у енглеском језику одговарајући лексички глагол *have* има и модалну варијанту, која се редовно користи уместо модала *must* у случају потребе локализовања глаголских ситуација у сегменте прошлост и будућност (нпр. *You had to do it* : *Ти то мушел / мал зробиц : Ти си то морао урадити*; *You will have to do it* : *Ти то будзеш мушиц / мац зробиц : Ти ћеш то морати да урадиш*).

Додајмо и да негирано *must* не значи, као у српском и русинском језику, *не морати*, односно *нє мушиц*, него *не смети*, односно *нє шмец* (напр. *You must not go there : Не смеш да идеш тамо : Нє шмеш пойсц там*).

2-10. Модални глагол* ought *то изражава обовезу или логичку неопходност, нпр.

енг. *You ought to start at once.* (Quirk 1974: 56)
рус. Треба же биш рушел такой / Треба ци такой рушиц.
срп. Треба / Требало би да кренеш одмах.

енг. *They ought to be here by now.* (ibid.)
рус. Вони треба же би були / Треба вам буц ту тераз.
срп. Они би требали бити овде до сада / Треба да су овде до сада.

Преводни еквиваленти модала *ought to* су конструкције са модалом *требати* (у српском), односно *требац* (у русинском). Модал *требати*, односно *требац*, јавља се и са модалом *би*.

Могуће су синонимске замене са конструкцијами са модалима *морати* (у српском), односно *мушиц* и *мац* (у русинском), нпр. *Мораш одмах кренути: Мушиш такой рушиц*.

2-11. Модал* used to *искључиво преноси реализацију глаголске ситуације која се реализовала у сегменту прошлост, нпр.

енг. *She usedn't to like Tom but she quite likes him now.* (Thomson, Martinet 1990: 162)
рус. Єй ше Том нє пачел алє тераз ше єй цалком пачи.
срп. Њој се Том није свиђао али јој се сада сасвим свиђа.

енг. *Used he to smoke?* (Leech, Svartvik 1988: 210)
рус. Вон курел [дакеди]?
срп. Да ли је он пушио [некада]?

Ако бисмо, у другом примеру, хтели да нагласимо да се питање односи на временски период у сегменту прошлост, при превођењу је корисно додати и речцу *некада*, односно *дакеди*.

Еквивалент модалне конструкције са *used to* је конструкција којом се глаголске ситуације лоцирају у сегмент прошлост. Ни српски ни русински не користе неку конструкцију са неким модалним глаголом. У оба језика се користе облици помоћног глагола *бити*, односно *буц* (када није исказан субјекат; в. 2-1) и облици радног придева датог глагола.

2-12. Глагол* need *изражава потребу, обавезу или дужност (Palmer 1976: 123), нпр.

енг. *Do you think I need tell Tom?* (Thomson, Martinet 1990: 142)
рус. Думаш же би ми требало повесц / Думаш же треба же бим поведол Томови?
срп. Мислиш да треба / да би требало да кажем Тому?

енг. *He need do it but once.* (Quirk 1974: 38)
рус. Требало би му то зробиц / Треба же би то зробел лєм раз.
срп. Треба / Требало би да то уради барем једном.

Као и у 2-10., преводни еквиваленти модала *need* су конструкције са модалом *требати* (у српском), односно *требац* (у русинском), поготово ако модал исказује потребу / потребност. Уколико изражава више обавезу или дужност, модал *need* се приближава значењу *морати*, односно *мушиц* (нпр. *Морао би то урадити барем једном : Мушел би то зробиц голєм раз*).

Конструкције којима је модал *требати* језгро у српском језику се користе и безлично и лично. У складу са ауторима *Српско-русинског речника* који сматрају да је глагол *требац* безличан, па коришћење у било ком другом лицу, када тај коме нешто треба постаје субјекат у номинативу, сматрају за неправилно (Рамач et al. 1997: 752–753), и ми варијанту *Думаш же требам повесц Томови?* нисмо укључили у преводне еквиваленте.

И у српским и у русинским преводним еквивалентима поред модала *требати*, односно *требац*, јавља се и модал *би*.

2-13. И глагол *dare*, као и глагол *need*, ретко се као модални глагол јавља у афирмативним реченицама (без праћења са *to*, или без наставка *-s* у трећем лицу једнине); они се као модални глаголи углавном налазе у одричним и упитним реченицама (Thomson, Martinet 1990: 210). Модал *dare* изражава постојање или непостојање храбрости да се нека радња (из)врши (Palmer 1976: 123), нпр.

енг. *No soldier dare disobey.* (Quirk 1974: 38)
рус. Анї єден вояк нє шме одбиц послух.
срп. Ниједан војник не сме да не послуша.

енг. *How dare you open my letters?* (Thomson, Martinet 1990: 150)
рус. Як шмеш отверац мойо писма?
срп. Како смеш да отвараш моја писма?

Модални глагол *смети* (у српском), односно *шмец* (у русинском), који је преводни еквивалент за модални глагол *dare*, у датим реченицама може алтернирати и са глаголом *усуђивати се* (у српском), односно *усудзовац ше* (у русинском). Нпр. *Како се усуђујеш да отвараш моја писма?*: *Як ше усудуєш отверац мойо писма?*

3. Закључак

Контрастивна анализа је указала да и у српском и у русинском језику, у односу на издвојене модалне глаголе енглеског језика, постоји пола мање модалних глагола. 13 модалних глагола енглеског

језика (*can*, *could*, *may*, *might*, *shall*, *should*, *will*, *would*, *must*, *ought to*, *used to*, *need*, *dare*) за еквиваленте имају подједнак број модала у два истраживана словенска језика. У српском језику то су: *моћи*, *морати*, *смети*, *имати*, *би*, *требати* и, евентуално, *усуђивати се*; у русинском језику то су: *мочи*, *мушиц*, *шмец*, *мац*, *би*, *требац* и, евентуално, *усудзовац ше*.

И у српском и у русинском језику модални глагол *моћи*, односно *мочи*, јавља се као еквивалент и за *can* и *could* и за *may* и *might*. Док се *can* и *may* могу користити само за локализацију у сегмент садашњост, за локализацију у сегменте прошлост и будућност користи се суплетивни израз *be able to*; *бити у могућности* (у српском језику), односно *буц у можлївосци* (у русинском језику) не представљају суплетивне изразе модалима *моћи*, односно *мочи*, већ се могу користити паралелно са њима за локализацију глаголских ситуација у све временске сегменте. Једини изузетак је у русинском језику када се, заједно са инфинитивом лексичког глагола, користи суплетивни облик *годзен / годна / годно / годни* (в. 2-1. а) само за локализацију у сегмент будућност.

Доследан еквивалентски однос утврђен је међу модалима *must* и *морати*, односно *мушиц*, као и међу модалами *dare* и *смети*, односно *шмец*; *смети* је могуће заменити са *усуђивати се*, а *шмец* са *усудзовац ше*.

Доминантан еквивалентски однос утврђен је између *ought to* и *need*, с једне стране, и *требати*, односно *требац*, с друге стране. Могуће је успоставити и еквивалентски однос између модала *should* и *would* и модала *би*. Модал *би* је једини модал који у истраживачком корпусу ступа у везу са неким другим; наиме, модал *би* може да прати глагол *требати*, односно *требац*.

На месту глаголских конструкција са *shall* и *will* редовно се као еквиваленти јављају глаголске конструкције за локализацију глаголских ситуација у временски сегмент будућност. На месту глаголске конструкције са модалом *used to* у оба истраживана словенска језика редовно се јавља глаголска конструкција за локализацију глаголских ситуација у временски сегмент прошлост.

Поред сличности у облику и преношењу модалних значења модали у српском и русинском језику деле једну карактеристику

која их значајно разликује од енглеских модала. Они се синтаксички понашају као и лексички глаголи (нпр. немају неки посебан начин за формирање упитних или одричних реченица, а не разликују се ни по глаголским наставцима).

Литература

Костельник 1975 – Г. Костельник. *Проза*. Нови Сад: Руске слово.

Кочиш 1977 – М.М. Кочиш. *Ґраматика руского язика: Фонетика – морфолоґия – лексика*. I. Нови Сад: Покраїнски завод за видаванє учебнїкох.

Рамач et al. 1995/1997 – Ј. Рамач., М. Фејса, Х. Међеши. *Српско-русински речник / Сербско-руски словнїк*. I–II. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет, Катедра за русински језик и књижевност и Друштво за русински језик и књижевност.

Рамач 2002 – Ю. Рамач. *Ґраматика руского язика*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.

Стевановић 1989 – М. Стевановић. *Савремени српскохрватски језик* I. Београд: Научна књига.

Фејса 2005 – М. Фејса. *Време и вид у русинском и енглеском језику*. Нови Сад: Прометеј, Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет, Одсек за русински језик и књижевност.

Фейса 2008 – М. Фейса. Примарни модали у приповедкох Гавриїла Костельника. *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, XXIII, 2, 247–262.

Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago/London: University of Chicago Press.

Comrie 1991 – B. Comrie. *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press.

Langacker 1978 – R. Langacker. The Form and Meaning of the English Auxiliary. *Language*, 54, 853–882.

Leech – Svartvik 1988 – G. N. Leech, J. Svartvik. *A Communicative Grammar of English*. London: Longman.

Mihailović 1966 – Lj. Mihailović. *Upotreba glagola 'can' i 'may' u savremenom engleskom jeziku*. Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta.

Novakov 2005 – P. Novakov. *Glagolski vid i tip glagolske situacije u engleskom i srpskom jeziku*. Novi Sad: Futura publikacije.

Palmer 1976 – F. R. Palmer. *The English Verb*. London: Longman.

Palmer 1990 – F. R. Palmer. *Modality and the English Modals*. London: Longman.

Quirk – Greenbaum 1974 – R. Quirk, S. Greenbaum. *A University Grammar of English*. London: Longman.

Thomson – Martinet 1990 – A. J. Thomson, A. V. Martinet. *A Practical English Grammar*. Oxford: Oxford University.

Trbojević-Milošević 2004 – I. Trbojević-Milošević. *Modalnost, sud, iskaz: Epistemička modalnost u engleskom i srpskom jeziku*. Beograd: Filološki fakultet.

Рамач Янко
Универзитет у Новим Садзе
Нови Сад, Сербия

Подоби Христа, апостолох и святих у апокрифох Руснацох у Южней Угорскей

Руснаци Сербиї и Горватскей – рукописни зборнїки апокрифох и християнских леґендох – подоби Христа, апостолох и святих – зборнїки и апокрифи

Руснаци у Южней Угорскей (нєшка у Сербиї и Горватскей) по конєц XIX вика нє мали свою уметнїцку литературу (Тамаш 1997), прето їх рукописни зборнїки апокрифох, християнских леґендох, духовних писньох и народних хронїкох (хтори частейше були як часц спомнутих зборнїкох, а ридше як окремни рукописи) як перши писани памятнїки значне жридло за виучованє историї литератури, язика, култури, историї и историоґрафиї тей националней заєднїци. Рукописни зборнїки Руснацох у Южней Угорскей, у Бачки и Сриме, перши спомина Володимир Гнатюк[1] и опубликовал часц їх духовней поезиї,[2] а Иван Франко преанализовал и опубликовал часци зоз їх апокрифних зборнїкох котри достал од В. Гнатюка (Франко 2006а [1899]; 2006б [1906]). Рукописни зборнїки и вообще духовну прозу и поезию Руснацох у Бачки и Сриме виглєдовали и публиковали

1 Записане под час науковей експедициї Володимира Гнатюка (1898) у Керестуре и Коцуре 1897. року.

2 Гнатюк (1985 [1902]) у зборнїку обявел лєм вибор зоз рукописних зборнїкох духовней поезиї Руснацох у Бачки и Сриме.

даєдни виривки Франтишек Тихи (1931), Михайло Ковач (1973, 1977), Юлиян Тамаш (1997), Микола Цап (1997, 2006, 2010) и Янко Рамач (2011).

У статї ше, на подлоги литератури, публикованих апокрифох або виривкох зоз нїх и нєпубликованих апокрифних зборнїкох Руснацох у Бачки и Сриме, анализує як приказани у нїх подоби Христа, апостолох и святих, котри у тей файти литератури попри своїх основних характеристикох, согласно церковним каноном, доставаю и вельо нови прикмети, з єдного боку з апокрифней литератури, а з другого — проєктовани з попатрунку на швет и розуменя релиґиї котри характеристични за руску селянску заєднїцу того часу.

Корпус творох на котрих засноване тото виглєдованє досц обсяжни: то публиковани твори або виривки з уж наведзеней литератури и зоз зачуваних ориґиналних рукописних зборнїкох духовней прози и поезиї Руснацох у Бачки и Сриме, котри ше чуваю у библиотекох на грекокатолїцких парохийох у Руским Керестуре: зборнїк Михала Чизмара з 1877. року (Чизмар 1877), зборнїк нєпознатого автора з 1877 року, у котрим призначене же є преписани з рукопису з 1849 року (Аноним 1877), зборнїк Ганї Берек з Керестура з 1884. року (Берек 1884), зборнїк Дюри Сеґедия з Керестура з 1892. року (Сеґеди 1892), зборнїк Дюри Шанти з Керестура з 1893. року (Шанта 1893), зборнїк *Богогласни*к Йоана/Янка Москаля з Коцура з 1899. року (Москаль 1899), зборнїк Михала Такача з Керестура з 1909. року (Такач 1909) и зборнїк нєпознатого автора, у котрим на концу на 15 бокох хронїка Руского Керестура *Споменъ одъ зачатия Керестура* (Аноним – Керестур), и у Шидзе: зборнїк Янка Маньоша з 1857. року (Маньош 1857) и зборнїк нєпознатого автора скоро идентични по форми, рукопису и змисту як наведзени рукопис Дюри Сеґедия з 1892. року (Аноним – Шид), и у Музейней збирки у Руским Керестуре: зборнїк Митра Будинского (Будински), зборнїк Янка Павловича (Павлович) и зборнїк нєпознатого автора (шицки три без рамикох, нє наведзени у нїх датум наставаня и хибя им перши и остатнї боки). Хасновани и рукописни зборнїки у приватней власносци: зборнїк Михала Папуґи з Керестура з 1876. року (Папуґа 1876), и зборнїк Дюри Феча з Керестура з 1891. року (Фечо 1891). Шицки наведзени зборнїки, а розуми ше, и тоти цо ту нє

спомнути, а чуваю ше у институцийох або у приватней власносци, заслужую вельо подробнєйши опис и анализу.

У наводзеню цитатох з рукописних зборнїкох першенство ше будзе давац старшим текстом, котри писани на руским бешедним язику з менєй примишками церковнославянизмох, а таки тексти у зборнїкох Михала Чизмара (Чизмар 1877), нєпознатого автора (Аноним – Керестур), Михала Папуґи (Папуґа 1876), Ганї Берек (Берек 1884), Дюри Сеґедия (Сеґеди 1892), Дюри Шанти (Шанта 1893) и Михала Такача (Такач 1909). Розуми ше, буду наводзени цитати и зоз других рукописних зборнїкох, у чиїх текстох церковнославянизми и елементи карпаторусинского язика маю значнєйше место. У цитованю виривкох з рукописних зборнїкох будзе преношени текст и правопис ориґиналу, алє старославянски **ы** ше будзе преношиц зоз **и**, **ѡ** — зоз **о**, **ѳ** — зоз **т**, **ꙗ** — зоз **я**, а будзе ше чувац **ѣ** и **ъ** так як су и дзе су хасновани. Знаки интерпункциї прилагодзени сучасней пракси.

Подоба Бога Оца нє так часто присутна у анализованим апокрифним материялу, поготов нє таки части описи и представи котри нє согласни церковному канону. Доминантна представа Бога як строгого оца, котри шицко видзи з нєба и каре людзох за їх грихи и преступи. Так и Йоан Креститель, кед почал наказовац при рики Йордану, опомина людзох котри го приходзели слухац:

> Тримайце покуту, людзе, тримайце гришници, видзице же уж пришол час боски. Так як шекера при древе, и васъ Богъ такъ вирубе кедъ ше нє покаєце (Чизмар 1877: 3).

У зборнїку Михала Чизмара, а подобнє и у даскелїх других зборнїкох, описана подїя кед Христос наказовал у храме у Єрусалиме и кед замодлєл Бога:

> Отче мой, поблагословъ тотъ народъ цо ту, з гирмотанѣом явело ше слово и такъ рекло: поблагословелъ сомъ це, поблагословѣмъ це, и народ ше улєкнулъ и такъ думалъ же перунъ (Чизмар 1877: 25).

Юлиян Тамаш наводзи же споминанє мена Перуна як бога грома у тим апокрифу узказує же медзи руским християнским жительством у XIX вику ище було живе здогадованє на давну прешлосц (Тамаш 1997: 65), алє тримаме же ту нє тельо слово о здогадованю

на далєку прешлосц и поганского бога Перуна, бо зоз свидомосци народу давно нєстала представа и веренє до митолоґийного божества, алє очиглядно же саме мено зачуване у народним паметаню и було хасноване за означованє грома и блїскавки. Медзитим, факт же у попатрунку на швет Старих Славянох и у рускей заєднїци у XIX вику єст подобносци у видзеню подоби бога: и Перун и християнски Бог страшни, каре людзох и зявює ше у виду грому и блїскавки, од котрих ше чловек бої и нє може ше од нїх одбранїц.

Дакус зложенше описана подоба Бога Оца у ситуациї кед го Христос у Гетсиманскей загради модлї чи му нє може зробиц же би го обкеровали шицки предвидзени церпеня и муки. Ту Оцец, як строги оцец, прешвечує Сина же так муши буц:

> О, мой люби Сину, знашъ же я тебе вше вислухалъ, а теразъ це нье вислухамъ, бо зато же би ше на тебе сполньела чловекова одмена. (...) Мой люби Сину, знашъ же иншакъ нье може буцъ, и ростворелъ му Адамову кнѣшку и указалъ му же чловекова страна такъ ше муши одменѣцъ, цо одъ початку швета були (Чизмар 1877: 58).

Медзитим, Синово модлєнє и муки котри го чекаю омекшую Оцово шерцо и вон, у дилеми чи ше наисце шицко ма так случиц, як од правику було одредзене, зволує раду найвисших же би ше вияшнєли о тим. Так ше зявюю як судийове алеґорични особи:

> И пошедали штирме такъ якъ найвекши: перши милосердникъ, други праведникъ, треци шведомство, а штварти найвисши, а вецка двоме провкаторе (адвокати – заув. Я.Р.): єденъ провкаторъ булъ Христосъ нєвиносц, а други провкаторъ чловеча любосц.

Ту свойо становиско о Христовей шмерци виноша и Адам, Авраам и ангели. На концу одлучую же Христос муши умрец же би так виратовал людски род од препасци, а Бог гутори: Теразъ му я даръ пошлємъ зосъ вшелиякима ангелами (Чизмар 1877: 61). Так перши ангел приноши Христови штранґ, други — камени слуп, треци — „окрутну коруну”, штварти — криж, пияти — гвозди, шести жовч (Чизмар 1877: 61–63). Алеґорични подоби, котри ше споминаю у тей часци апокрифа, штирме найвекши и двоме адвокати, вироятно превжати зоз даєдних старших рукописох принєшених до Бачки и Сриму зоз ширшого карпатского ареалу, и вшелїяк же їх зявенє у

апокрифних текстох о страцох Христових треба глєдац у школскей християнскей драми (Франко 2006а [1899]: L–LVI).

Святи Йоан Креститель у руских апокрифох о Христовим кресценю приказани подобно як и у канонских евангелийох. Йоан жил у пустинї при єдней каплїчки:

> и претъ тоту каплѣчку єдна студня була, и якъ з нєй пил воду, а у шицкей пустинѣ лєпша вода нє була. А цо єдолъ: медъ и коренє. (...) Твардо покуту тималъ и ґу тому боси, и зосъ єдну шмату ше опганялъ, нє давалъ вонъ красну обциву або на ноги чижми, лємъ такъ якъ з найменшимъ, и вонъ ше нє уздалъ на добре, алє на зло (Папуґа 1876: нєпаґиноване).

Ту на основу з евангелийох додати поєдиносци котри шведоча о каждодньовим живоце руских селянох у XVIII–XIX вику: ту студня з найлєпшу воду у пустинї. Селянє панонского поднєбя у тим чаше можебудз нє розумели цо значи вода у пустинї, алє и ту у ровнїни, дзе пре подводни терени нє лєгко було найсц добру и здраву воду, добре ше знало котри студнї у хотаре маю найлєпшу воду. Окрем того, Йоан боси, барз слабо облєчени, и анї нє жадал чижми на ноги, а у Бачки и Сриме боси ходзи и нє ма чижми лєм тот найхудобнєйши. Так представени Йоан, и кед:

> с пустини вишол, же би ишолъ ґу Іордану ґ води, же би народу покуту виглашелъ и Месійови драгу преправелъ, и кетъ с пустини вишолъ ґу Йорданови и народъ ше зишолъ и чудовал ше, же такого никда не видели, бо вонъ баржей ґу жвиру, якъ ґу чловеку [подобни] булъ: браду мал велку, власи густи, а чоло обгорене од слунка, от пощеня велкого сухе було, а іого шмата була, цо лемъ на єдним местцу ше капчала, а народъ го так тималъ, якъ жвира (Франко 2006а [1899]: 193).[3]

Подоба Христа односно єй приказованє през историю ше меняло як у уметнїцких дїлох и литератури, так и у представох вирних, часто зависно од потребох часу и обставинох у котрих жили поєдини заєднїци. Так познати представи Христа як вожда, котри

3 Скоро идентични тексти и у рукописних зборнїкох: Чизмар (1877: 2–3), Такач (1909: 3) и у других.

предводзи заєднїцу, як войовнїка, котри воює за свой народ, як витяза и подобне (Gavrilović 2009: 160–164). За руску валалску селянску заєднїцу у Бачки и Сриме у XVIII и XIX у рукописних апокрифох найчастейше присутна подоба Христа як нєвиного и подполно нєзащиценого пред нїзшу и висшу власцу обичного чловека, видзеного през призму живота и нєвольох тих худобних селянох, прицисканих од богатших и моцнєйших, и од власци пред котру вони частейше себе видзели як нєвину жертву, а власц доживйовали як терху и прицисок, а нє як принципи и полуги ушореня дружтва и вивершителя правди и справедлївосци. Так судийове котри судза Христа у руских апокрифох наволани „бировами", бо ше так наволую представителє локалней власци, а менованє жидовских священїкох и первосвященїкох з назвами „попове и владикове" ту як жадло унапрямене ґу своїм священїком и владиком, шведочи о частим неґативним становиску о своїх духовних пастирох и церковних велькодостойнїкох. Христос ище пред приходом до Єрусалиму „Видзелъ якъ на нго исцъ буду попове и владикове, і фарисеє и Жидове" (Сеґеди 1892: 14; Берек 1884: 27).

Иван Франко опубликовал апокриф о Исусовим дзецинстве, дзе ше споминаю рижни пригоди з його дзецинских рокох (Франко 1981: 355–366). И у апокрифох Руснацох у Бачки и Сриме єст тексти о Исусовим дзецинстве, алє ше нам их у тей нагоди нє поспишело пренайсц. У єдним апокрифу описане як Исус од малючка бул побожни и воспитани, та кед ишол по улїци, старших поздравял з християнским здравканьом „Слава Исусу Христу".[4]

Кед ше Христос преображел на гори Тавор (у руских апокрифних текстох ше дошлїдно погришно наводзи гора Синай! – заув. Я.Р.)

> клєкнулъ и гласно ше модльелъ: Отче мой, поблагословъ ме такъ якъ найбаржей можешъ, такъ якъ сомъ у це ше швіцелъ от початку швета кетъ ши го сотворелъ. И на тото слово таки булъ якъ слунко, а шмати червени якъ кревъ, и с твари му ясносцъ вишла якъ слунко

4 Информация од о. Михайла Малацка, пароха у Руским Керестуре, котри то пречитал у єдним рукописним апокрифним зборнїку у Шидзе.

(Чизмар 1877: 6).[5] Алє, у тексту Дюри Шанти з 1893. року стої: (...) и на тото слово таки сомъ булъ якъ слунко, а шмати булѣ били якъ шнѣхъ, и с твари ми ясносцъ вишла якъ слунко (Шанта 1893: 4).

После Исус одходзи до пустинї посциц, и ту дати подполно иншаки його опис по Давидови:

И сам будзешъ у пустинѣ: водье и вноци якъ даяки тащокъ. Нє малъ тамъ Христосъ посцели анѣ заглавка, лємъ камень дзе льежалъ и шедзелъ, нье малъ стола анѣ пеца, анѣ дзвери, подумай чловеце, нье мал вонъ тамъ огня, боси булъ, а то було у штретъ жими, цо на тей горѣ нѣґда ньепрестано виторъ дулъ. Можеме знацъ же то барсъ жимно було, тамъ Христосъ творелъ тамъ штерацецъ днѣ и 40 ноци (Чизмар 1877: 15).[6]

Гоч Христов уход до Єрусалиму пре Пасху требало приказац як уход Месиї, у апокрифу, як и у евангелийох, ше наводзи же вон уходзел на маґарцу, алє „нє малъ вонъ коруну, анѣ коня, анѣ циґурни шмати, такъ ишолъ ньебесни кралъ, и такъ го провадзели" (Чизмар 1877: 24). Очиглядно, за Руснацох у Бачки и Сриме Исусов уход до Єрусалиму на маґарцу нє лєм же нє випатрал достойни за нєбесного краля, алє аж и понїжуюци. Ту на маґарцу ходзели лєм пастире, а кажди прави ґазда муши мац доброго коня односно добри конї. Добри и пишни конь би мал буц статусни символ краля, а Исус як Месия го нє ма. Окрем того, Исус нє ма анї други нєзаобиходни статусни символи: „сиґурни" односно одвитуюци кральовски шмати, анї кральовску коруну.

У *Керестурскей поеми* — як ю наволал Иван Франко (Франко 1983: 124) — з насловом *Сказанiє о зачатїи и рождестви Прес[вя]тыя Б[огороди]цы и присно Дѣви Марїи* попри того наслова и цалосци шлїдза други, у котрих ше далєй провадзи живот Богородици: *Сказанїє и воведенїє во храмъ Прес[вя]тыя Богородицы и присно дѣви Марїи, Житїє Прес[вя]тыя Б[огороди]цы во велици ц[е]ркви Iєрусалимстѣ до совершенаго возроста, Сказанїє о обрученїи Прес[вя]тыя Б[огороди]цы Iосифомъ праведникомъ, Сказанїє бла-*

5 Скоро подполно исти текст и у Такача (1909: 11) и Аноним – Шид (11).
6 Скоро подполно исти текст и Шанта (1893: 18).

говѣщенїя Прес[вя]тыя Б[огороди]цы, котри ше находзи и у других рукописних зборнїкох Руснацох у Бачки и Сриме.[7] Ангел Гавриїл нависцує Мариї же зачнє Божого Сина, як то и пророк Давид спомина, а Дух святи уходзи до нєй през ухо:

На тебѣ ся пророчество збыло,
Провѣщано нынѣ ся сполнило.
Уже слухомъ въшелъ во чрево твоє,
Чудно творитъ зачатїє своє (Франко 2006а [1899]: 94).

Иван Франко указує, же на исти способ описане зачаце Богородици и у єдней ческей поеми и дума же корень такому мотиву треба глєдац у византийских апокрифох (Франко 2006а [1899]: 193). Тримаме же таки опис зачаца од св. Духа у согласноци зоз евангелийску науку, же слово боже уходзи до людзох през уха, бо и Исус под час своїх наказованьох вецейраз наглашує: „Хто ма уха слухац — най слуха”.[8]

У поєми *Сказанїє о зачатїи и рождестви Прес[вя]тыя Б[огороди]цы и присно Дѣви Марїи* дати интересантни описи и поєдиносци з живота св. Йоакима и Ани, родичох Богородици, и зоз самого живота Богородици. Так Йоаким и Ана описани як прикладна жидовска малженска пара, бо:

Безпорочно животъ провождаху,
Изобилно блага су имали,
С[вя]тостию себе украшали,
На всякъ праздникъ от своєго иминия,
Самому Богу изъ почитания
По два части навикли взимати,
По закону ц[е]ркву даровати:
Частъ єдину на жертву принести,
Другую же нищимъ роздѣлити (Берек 1884: 33–34).

7 Исти текст и у рукописним зборнїку Ганї Берек (1884: 33–49). Гоч тот текст нє писани у стиху, алє як проза, при читаню ясне же слово о поетским твору.

8 Кед закончел приповедац *Притчу о шеячови,* Исус гварел: „Хто ма уха же би слухал, науй слуха” (Марко: 4, 9), або, по читаню у синаґоґи у Назарету з кнїжки пророка Илиї Исус гварел: „Нєшка ше сполнєло тото Писмо у ваших ухох” (Лука: 4, 16–21).

Медзитим, їх нєсщесце було же „Многи лѣта тако преживиша и безчадни въ супружести быша” (Берек 1884: 34). Же би пред людзми зняц „ганьбу” безчадносци, з молитву и постом ше обрацаю ґу Богу и їх молба була вислухана: „Анно, Анно, буди утѣшена, молитва є твоя возвишена. Слезы твоя воздухъ проидоша и на небо предъ Б[о]га взидоша. Родити ты будешъ небесну царицу, присно Дѣву и Богородицу” (Берек 1884: 45). То приклад апокрифного тексту Руснацох у Бачки и Сриме у котрим ше чува церковнославянски язик превжатей духовней поезиї. Пре ограніченосц простору тот текст нє будземе подробнєйше анализовац, гоч дава интересантни описи подійох и справованя у нїх Богородици. Вецей уваги обрациме на приказованє Богородици у текстох апокрифа *Страсци Христово.*

У Витаниї, у доме Марти и Мариї, Богородица зрозумела же шицки найблїзши цошка знаю цо ше ма нєдобре случиц зоз єй сином Исусом, алє од нєй тая. Пробує дацо дознац од Юди, котрому, як наївна мац, барз вери же є прихильни єй синови:

> О, Юдо мой милій, и пріятелю, слуго сина моєго а своєго учителя, ти нье давно изъ Єрусалима прішолъ, повецъ мы цо ши тамъ чулъ от Жидохъ о моєго Си[н]а а твоєго учителя. А Юда прокляти рекнулъ безтидно єй: Госпоже и Панѣ моя, нье чулъ ємъ нѣчого злого (Фечо 1891: 12).

Гоч ше уж теди догварел зоз Жидами же преда Христа, гутори єй:

> Да єстъ дацо нове та би ми поведлѣ о Сину твоєму, а о нашему учителю, и далъ бимъ доразъ знацъ, такой тотъ часъ и годзину — такимыи бешедами облесними словами говорилъ Юда М[а]рїи. Услышавши Пречистая Дѣва такую облесную бешеду Юдову, та мало престала от жалю велького, бо будучій справедливого сердца, уверела єму шицко цо гуторел (Фечо 1891: 12).

Вона ище гутори Юдови:

> О мой Юдо, кед ти тамъ машъ прїятелѣ добрѣ и познати помежду Жидохъ у Єрусалиму та будцешъ ше и старацъ о Сину моємъ, бо ше бере до Єрусалиму, єсли дацо тамъ послужишъ, и старай ше тамъ як найбаржей можешъ, бо нье маю кому другому кремъ тебе дацъ, да померкуєшъ на него, шакъ ти шафаренъ буцъ єго допатрунокъ (Фечо 1891: 12–13).

После тих словох автор ше обраца ґу Богородици:

> О, преблагословеная Мати С[и]на Б[о]жаго, Исус Хр[ис]та и Б[о]га нашего, як нье знашъ кому Сына своєго поручаєшъ. О, незлобливая овечко, якъ нє знашъ С[и]на своего найдракшаго и найлюбезнѣшаго давашъ фаркашови баранка, а злодѣєви злато,

а далєй з найоштрейшима словами осудзує Юду за його зраду (Фечо 1891: 9).

Богородица модлєла свойого сина Исуса же би нє ишол до Єрусалиму, дзе го чека шмерц и вимагала же би ю послухал, „бо и самъ єси приказалъ в Законѣ, да Оца и Матку треба поштовацъ и слухати" (Фечо 1891: 9).

Кед Богородица дознала од Мариї Маґдалени же кнїжнїки и фарисеє сцу Исуса осудзиц на шмерц, барз ше забриґовала, и розжалєла, „и тот дзень нѣчъ нє єдлѣ анѣ нє пили" (...) „и Лазаръ пошолъ ґу Хрістови и такъ му рекнулъ: о, мой панє, змилуй ше надъ мацеру и самъ надъ собою та поцъ вечерацъ" (Сеґеди 1892: 59).

У рукописним зборнїку нєпознатого автора/преписовача текст апокрифа *Страсци Христово* и по змисту и по язику цалком ше розликує од других нам познатих (Аноним – Керестур). По язику мож заключиц же текст превжати зоз сербскей апокрифней традициї. У апокрифу ше наводзи же Богородица з побожнима женами штварток пред Пасху пришла за Исусом до Єрусалиму. Жени вечерали у другей хижи. По вечери Христос з апостолами вишол до Гетсиманскей загради и ту го влапели и одведли, а Богородица го цалу ноц и пияток рано глєдала по Єрусалиме и нє могла го найсц. Кед ше:

> фаризеє сходзели да тодъ судъ потвердца, Исус Христосъ оглядньел ше на множество народа и мило попатрѣ чи би нье нашолъ таке шерцо цо би ньепривольело ього смертну осуду, алье Ісус видци свою мацеръ медци народомъ якъ милу по швеце блѣшчацу гвизду хтора помедци цемни хмарѣ путує. Патры мирно бляда на своєго Сина: у нѣхъ єднаке церпенье, єднаки жаль, єднака молитва у двохъ жалоснихъ душохъ. Шицки ученици препадали, нєбесни Оцец опушчелъ своєго Сина. Петро ше затаєл же го нье позна. Ісус самъ презъ шицкей помоци медци дцивимъ множествомъ народа, само мацеринска любовъ з нѣмъ, вона церпи з нѣмъ, зосъ своѣмъ Синомъ (Аноним – Керестур: 13).

Кед Христос уж сцигнул з крижом на Голгофту:

> З великимъ шмихомъ, з дцивимъ крѣкомъ шмати з нього таргаю. О, Боже мой, цо преблажена мати у духу видцела то теразъ видци зъ тѣлеснима очами, голого го, розтаргане цело своєго Сина, єдна рана одъ страшного бица, на пльецохъ, на хрѣпце, на кольенохъ одъ вълнатей шмати хтора була присушена кедъ з нього сцагли, шицки рани ше поновели. А Ісус стої голи, Марія го видци заганьбеного — божіє тѣло. О мука, хтора була Ісусу прѣтша и векша якъ езрѣ бичованя (Аноним – Керестур: 23–24).

Апостол Йоан Богослов приказани як найвирнєйши Христов апостол, а у апокрифох го наволую и мудри: „Сяти Іоанъ мудри апостолъ, булъ намисникъ сятей церкви, намисникъ шицкихъ удовъ” (Аноним – Керестур: 32). Кед ше Йоан питал Христови хто го зрадзи, вон му дал знац же Юда: „Тамъ же с[вя]тый Іоан Бгословъ позналъ великіи таємницы и мудрости Божїя от єго св. першохъ” (Фечо 1891: 17).[9] Йоан приказани як благи, чувствительни, алє при крижу водзи зоз Жидами полемику и указує им же нє познаю святи писаня, бо у нїх шицко тото пише цо ше Исусови мало стац:

> А нье памятаєте слово якоже пророчества читалѣ єсте у Исаїѣ о єго с[вя]той милости и о волномъ мученїи єго, яко овца на заколенїє ведется, яко агнецъ прамо стригущему безгласенъ идетъ во смъренїи. И царъ Давидъ пише: даша во снѣдъ мою желчь, и во жажду мою напоиша мя оцта. (...) Иже глаголете николи во писанїи нье читалы, но вы самы далѣ Хр[ис]ту книгу Исаїѣ до рукохъ, ниже помните, идѣже бы написано: Д[у]хъ Г[оспо]день на мнѣ, а видящій не видите, а слышащій не слышите, а читающій нье разумыете, закаменѣло бо сердце ваше, забулѣ вы словесех с[вя]тыхъ О[т]цевъ написанїи (Фечо 1891: 37).

Йоан теди бул „єденъ з медци шицкихъ апостолохъ. Ісус Христос у своѣхъ страшнихъ мукохъ у смертелнимъ остатнимъ часу нье забулъ за свою мацеръ, а такъ и за свього любезного наймудрейшого апостола нье забулъ, бо му охабелъ наймилши и найдракши

9 Скоро подполно исто и у рукописних зборнїкох: Москаль (1899), Берек (1884), Чизмар (1877), Сеґеди (1892) и у других.

даръ хторѣ малъ на тимъ швеце, бо му охабел свою мацеръ” (Аноним – Керестур: 30–31).

Апостол Петро представени так як и у канонских евангелийох: барз прихильни Исусови, алє и холерик котри швидко, нєконтроловано и енерґично реаґує. У даєдних рукописох *Страсцох Христових* указане як Христос добре познал Петра, його природу и реаґованя. У хвильки кед ше апостол Йоан питал Христови хто тот цо го ма зрадзиц „зато Іоанови Христосъ далъ поцихъ знац да Петро нє зна доразъ, бо Петро забилъ би Юду, бо презъ меча Петро нѣгце ньє ходилъ, а во тотъ часъ малъ и при собѣ мечь” (Аноним – Керестур: 30–31). У рукопису Йоана Москаля: Петро „малъ при себе ножъ (шаблю), бо безь меча нѣгди ньє ходилъ и булъ норомнїи” (Москаль 1899: 15).

Всоботу рано Богородица перша пришла на место дзе єй син бул розпяти, а за ню пришол и апостол Йоан же би ю поцешел. И

> наложи му Мария най идце до места най гльеда Петра и другихъ апостолохъ и най ихъ приведце ґу мньє. Бо кедъ святи Петро зпозналъ свой грихъ та бежалъ и скрилъ ше до дольини за Сионску гору. Тамъ було и вецей на тей горѣ дцирѣ по хторихъ ше теди и други апостоли покрили одъ велкого страху предъ смертию. Сяти Петро цали дцень и цалу ноцъ плакалъ за свой грѣхъ (Аноним – Керестур: 43–44).

Йоан нашол Петра, котри ше пред младшим апостолом барз ганьбел же затаєл свойого учителя, и одведол го ґу Марії.

> И кедъ Петро предъ Марию ступелъ на свойо кольена спаднулъ и слизи го обльею и зосъ жальомъ прегварѣ: Согрѣшел сомъ, панѣ моя, розжальел сом своього ученика па и тебе, о, милая мати (Аноним – Керестур: 45).

Апостол Юда представени у негативним шветлє: як чловек котри пребарз люби пенєж, „любел куповацъ и предавюацъ, пеньежи меняцъ — то єго лакомство було, тарґовина” (Фечо 1891: 6). У апокрифу о *Страсцох Христових* у ситуациї кед Мария Маґдалена виляла пахняце миро Исусови на главу:

> видзелъ то Юда и так рекнулъ’начто таку чкоду, чи ньє могли бисце то предацъ и худоби роздац’. А вонъ то гуторелъ бо вонъ барзъ

скупи булъ, бо вонъ пенєжи ношелъ цо вони мали. Вонъ то нье зато гуторелъ же вонъ худобу сановалъ, алє зато же би вонъ с тихъ пеньежохъ украднуцъ мохъ (Чизмар 1877: 23).

Тоти слова шлєбоднєйша интерпретация з Йоановей евангелиї (Йоан: 12, 1–6), а у апокрифу ше наводзи же „Юда еще гевтих апостолохъ на грихъ зоначелъ, бо вецъ шицки такъ рекли, же льепше би було предацъ" (Чизмар1877: 23). Ту ше автор/преписовач апокрифу поволує на евангелию по Матейови, алє виходзи же нє позна текст евангелийох, бо Матей анї нє спомина Юду у тей ситуациї, лєм наводзи: „Кед то видзели ученїки, гнївали ше и гуторели: 'Прецо тота розсипносц? Бо тото мож було драго предац и роздац бидним" (Матей: 26, 8–9).

У єдним рукопису ше о Юдови гутори: „худобни духъ у чловеческей подоби пришолъ медци нѣхъ (фарисейох – заув. Я.Р.), а то булъ Юда, хтори имъ явелъ же имъ го вида за єденъ динаръ" (Аноним – Керестур: 11).

Ту вон приказани нє тельо як гамишни чловек, бо Христа предава за найменшу можлїву цену — за єден динар, алє як зраднїк свойого учителя, як чловек без принципох и моралу. У другим тексту Юду ше осудзує нє лєм же предал Христа, алє "шакъ кедъ ши го предалъ, та чом ши го такъ туньо далъ. Чомъ ши му мацеръ нье предалъ з нѣмъ вєдно, шакъ гочъ би була зажобрала, та би ци була дала, охъ ти проклятнѣку, одорвалъ ши ше одъ нього та ши зробелъ якъ ши гуторелъ, же го добре намесцицъ (Чизмар 1877: 35–36). Ту ше з єдного боку указує селянска лоґика же кед ше уж дацо предава — треба го добре предац, алє як розумиц авторово пригварянє Юдови же кед уж думал предац Христа, требал вєдно з нїм предац и його мацер. Ище чежше зрозумиц як би предана мац могла зажобрац пенєж же би себе и сина одкупела. Випатра же ше ту автор як нєбарз схопни уметнїк слова дакус заплєтол до власней мрежи, а думка остала нєясна и нєдоповедзена.

Христос бул части госц у доме Лазара, Марти и Мариї. Приходзел до нїх як приятель, єдол и пил за їх столом, бешедовал з нїма, поучовал их. У апокрифу ше наводзи же Симон, оцец Лазаров, Марийов и Мартов,

> заволалъ на вечеру Христа и апостолохъ, и тамъ була Марта и Маґдалена и Лазаръ, якъ шяти описую, же Лазаръ зосъ Христомъ при столє барсъ бешедовали за тоти души цо у митарстве були. Зналъ вонъ же іого муки то ихъ ошлєбодза и на тоту бешеду Христови образъ ше пременєлъ и вонъ такъ ше улєкнулъ, же ашъ добре нє замлєлъ, бо вонъ видзелъ же його муки барсъ чешки буду, и видзела то и Мария Маґдалена и принєсла у єднимъ бадоґу драге помазанє и на главу Христови висилапа (Чизмар 1877: 22).

Ту, очиглядно, події познати з канонских евангелийох дополнєни з додумованьом. Поготов интересантн податок, же Христос бешедовал з Лазаром о душох у митарстве. Тота тема була блїзка Лазарови котрого Христос пред даскельома днями воскреснул и врацел го з митарства до живота.

Никодим бул познати з Исусом и його найблїзшима, а як член жидовскей ради, кед видзел цо ше Исусови рихта, приходзи вечар потайнє на коньове до Витаниї, до дому Марти и Мариї, дзе Исус пребувал, и волал Лазара вонка же би му дал знац же би Исус нїяким концом нє ишол до Єрусалиму, бо му там робя о глави (Сеґеди1892: 58). У другим рукопису ше наводзи же „Никодимъ попутме писалъ Марти и Маґдалини же як скончели судъ, бо Никодимъ у суду булъ єднимъ, а у іого Исусъ пребувалъ” (Чизмар 1877: 20; Франко 2006а [1899]: 213).

На основи анализи апокрифних текстох и приложених прикладох мож заключиц же у тей файти рукописней литератури Руснацох у Бачки и Сриме у XVIII и XIX вику на основу з канонских церковних новозавитних текстох додавани елементи з апокрифней рукописней литератури котра им сциговала у русинских/українских кириличних рукописних зборнїкох з ширшей териториї карпатского ареалу, у хторей могло буц и уплїви з польскей апокрифней литератури та и ширше, зоз европскей традициї. Уплїв сербскей апокрифней литератури обачлїви лєм у малим чишлє прозних рукописних апокрифних зборнїкох.

У руских апокрифох у формованю подобох Хртиста и святих попри їх прикметох и подїйох до котрих су змесцени вихасновани мотиви зоз канонских церковних текстох, у перших шоре з канонских евангелийох, алє присутни и елементи по походзеню зоз апо-

крифних евангелийох. У апокрифох котри наставали при концу XIX вику присутни велї елементи хтори плод додумованя, часто и фантазиї, котри познати контекст и подоби збогацовали, приблїжуюци и прилагодзуюци подоби и приповедку милєу и попатрунку на швет и розуменя релиґиї селянскей заєднїци Руснацох у Бачки и Сриме у XVIII–XIX вику.

Кельо апокрифна литература була популарна и розширена медзи Руснацами у Бачки и Сриме у XVIII и XIX вику шведочи нє лєм факт же Гнатюка просто нєсподзивало вельке число рукописних зборнїкох котри видзел медзи нїма 1897. року (Гнатюк 1898: 51), алє и же по нєшкайши днї зачуване красне число таких зборнїкох. Апокрифна литература жила як у писаней форми, так и як часц усней народней творчосци. Гнатюк опубликовал велї християнски леґенди и апокрифи котри записал од народних приповедачох и шпивачох (Гнатюк 1911). Чежко предпоставиц як би випатрали найлєпши прозни твори одличних руских приповедачох, хтори записал и опубликовал В. Гнатюк, кед би их у тим чаше записовали звичайни и писаному слову часто нє барз вични людзе. Апокриф *Страсци Христово*, котри В. Гнатюк записал од народней шпивачки и приповедачки Ганї Рамач у Керестуре шведочи як вона до дробнїцох точно преношела змист апокрифу котри у тей форми познати зоз рукописних зборнїкох од половки седемдзешатих рокох XIX вику, як кед би цали апокриф знала напамят або го читала записовачови (Гнатюк 1911: 67–80). Шицко то шведочи кельо апокрифна литература, рукописна и усна, була присутна и популарна медзи Руснацами у Бачки и Сриме у XVIII и XIX, та и на самим початку XX столїтия, док медзи нїх нє почало масовнєйше сциговац друковане слово церковного и шветовного змисту од Русинох у Угорскей, а вец и од Русинох/Українцох з Галичини.

Литература

Аноним – Шид – Рукописни зборнїк „Страсти Господа”, скоро идентични як: Сеґеди 1892.

Аноним – Керестур – Рукописни зборнїк „Страсти Господа Ісуса Хріста”.

Аноним 1877 – Рукописни зборнїк духовней прози нєпознатого автора.

Берек 1884 – Рукописни зборнїк „Страсти Хрістово” Ганї Берек з Керестура.

Будински – Рукописни зборнїк духовней поезиї и прози Митра Будинского з Керестура.

Гнатюк 1898 – В. Гнатюк. Рускі оселї в Бачцї. (В Полудневій Угорщині). В: *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*, т. XXII, 1–58.

Гнатюк 1985 [1902] – В. Гнатюк. *Угроруські духовні вірші. Етнографічні матеріали з Угорської Руси. Т. I*, Нови Сад: Руске слово (Репринт виданя з 1902. Року).

Гнатюк 1911 – В. Гнатюк. *Етнографічні матеріяли з Угорської Руси. Байки, леґенди, істор. перекази, новелї, анекдоти – з Бачки.* Етнографічний збірник, т. XXX, Львів: НТШ.

Ковач 1973 – М. Ковач. Розвой писаного слова и сучасна видавательна дїялносц у нас. *Нова думка*, 4, 41–45.

Ковач 1977 – М. Ковач М. Шлїдами зазберовачох народних духовних скарбох у нас. *Нова думка*, 16, 49–46.

Маньош 1857 – Рукописни зборнїк духовней поезиї и прози Янка Маньоша.

Москаль 1899 – Рукописни зборнїк „Богогласник” Йоана Москаля з Коцура.

Павлович – Рукописни зборнїк „Страсти Христовы” Янка Павловича з Керестура.

Папуґа 1876 – Рукописни зборнїк духовней поезиї и прози Михала Папуґи з Керестура.

Рамач 2011 – Я. Рамач. Тексти апокрифа „Хожденицє Богородици по муках” у руских рукописних зборнїкох. *Шветлосц*, 1, 49–70.

Сеґеди 1892 – Рукописни зборнїк „Страсти Господа...” Дюри Сеґедия з Керестура.

Такач 1909 – Рукописни зборнїк „Страсти Христово” Михала Такача з Керестура.

Тамаш 1997 – Ю. Тамаш. *История рускей літератури.* Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства.

Тихи 1932 – Ф. Тихи. Дві старі бачванско-рускі вірші. *Руски календар 1932*, 78–82.

Фечо 1891 – Рукописни зборнїк духовней поезиї и прози Дюри Феча з Керестура.

Франко 1981 – І. Франко. *Зібрання творів у п'ядесяти томах*. Т. 29. Київ: Наукова думка.

Франко 1983 – І. Франко. *Зібрання творів у п'ядесяти томах*. Т. 38. Київ: Наукова думка.

Франко 2006а [1899] – І. Франко. *Апокрифи і леґенди з українських рукописів.* Т. ІІ. *Апокрифи новозавітні. А. Апокрифічні еванґелія.* Львів: Інститут франкознавства (Репринт виданя з 1899. року).

Франко 2006б [1906] – І. Франко. *Апокрифи і леґенди з українських рукописів.* Т. IV. *Апокрифи есхатологічні.* Львів: Інститут франкознавства (Репринт виданя з 1906. року).

Цап 1997 – М.М. Цап. Нашо найстарши духовни писнї (Духовни писнї з такв. Биндасового шпиванїка з початку XIX столїтия). *Християнски календар „Дзвони" 1997*, 110–129.

Цап 2006 – М. М. Цап. Прилог Ивана Франка проучавању српског апокрифа XVIII века. У: Б. Косановић (ред.). *Иван Франко и Срби*. Нови Сад: Српско-украјинско друштво, 148–152.

Цап 2010 – М.М. Цап. „Чудна єси помочнице" и єй руски вариянти. *Studia Ruthenica* 15, 105–110.

Чизмар 1877 – Рукописни зборнїк „Страсти Исуса Христа" Михала Чизмара з Керестура.

Шанта 1893 – Рукописни зборнїк „Страсти Христово" Дюри Шанти з Керестура.

Gavrilović 2009 – D. Gavrilović. *Isusov lik u istoriji kulture.* Novi Sad: Stylos Art.

Lewaszkiewicz Tadeusz
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
Poznań, Polska

Dolnołużyccy i górnołużyccy pisarze, publicyści, tłumacze i redaktorzy jako językoznawcy i kodyfikatorzy łużyckich języków literackich

Języki zachodniosłowiańskie – język dolnołużycki – język górnołużycki – historia języków łużyckich – pisarze, publicyści, tłumacze i redaktorzy jako językoznawcy

W 2017 r. opublikowałem artykuł poświęcony pisarzom, publicystom i tłumaczom jako językoznawcom, kodyfikatorom oraz reformatorom języków słowiańskich na szerszym tle europejskim i pozaeuropejskim (Lewaszkiewicz 2017a). Kilka stron poświęciłem w tej publikacji problematyce łużyckiej. W niniejszym artykule odwołuję się do tego tekstu, ale znacznie go poszerzam, ponieważ wprowadzam także rozważania o innych „pisarzach", włączam dodatkowe uwagi interpretacyjne i szczegóły z działalności „pisarzy", zamieszczam znacznie więcej informacji bibliograficznych.

Ważną rolę w powstawaniu języków standardowych odgrywali pisarze (twórcy dzieł literackich), publicyści i tłumacze. Intelektualizowali oni dialekty ludowe lub słabo wyrobione języki piśmiennictwa, przekształcając je w sprawne funkcjonalnie języki literackie (Lewaszkiewicz 1992; Lewaszkiewicz 2012; Lewaszkiewicz 2017b). Niekiedy ich rola była wręcz przełomowa, tj. wpłynęli decydująco na losy języka. Ograniczę się do dwóch przykładów.

Od średniowiecza na obszarze Włoch pisano w różnych dialektach, ale podstawą języka literackiego stał się — ostatecznie w XVII w. — dialekt toskański (odmiany florenckiej), a przyczynił się do tego prestiż utworów wybitnych pisarzy XIII i XIV w.: A. Dantego, F. Petrarki, G. Boccaccia. M. Luter ujednolicił niemiecki język literacki dzięki temu, że w przekładzie *Biblii* (1522–1534) i w pismach religijnych oparł się na języku wschodnio-środkowo-niemieckim.

Nierzadko w historii języków europejskiego kręgu kulturowego pisarze, publicyści i tłumacze poprzez swoje teksty szerzyli normy językowe i jednocześnie byli też autorami ważnych opracowań filologicznych (traktatów ortograficznych, gramatyk, słowników, odezw dotyczących polityki językowej). Takie sytuacje dotyczą jednak języków opóźnionych w rozwoju, tj. kształtujących się dopiero po epoce średniowiecza lub nawet w XIX i XX w. Kodyfikacją językowych standardów narodów — przyczyniających się w szczególny sposób do rozwoju kultury europejskiej — zajmowali się na ogół profesjonalni filologowie (autorzy traktatów ortograficznych i gramatyk, leksykografowie), wśród których zdarzały się również osoby parające się literaturą, publicystyką lub przekładami, ale były to najwyżej przejawy ich pobocznej działalności.

Warto podać reprezentatywne przykłady. W historii języka węgierskiego wybitną rolę odegrał *Nowy Testament* Sylwestra (1541); tłumacz opublikował też pierwszą gramatykę węgierską (1539). W istotny sposób działalność pisarzy i tłumaczy, którzy jednocześnie byli aktywni jako filologowie, wpłynęła w XVII w. na kształtowanie się ogólnego języka łotewskiego. G. Mancelius uporządkował pisownię łotewską, wydał w 1638 r. pierwszy słownik niemiecko-łotewski oraz opublikował *Postyllę* (1654). E. Glück przetłumaczył i wydał *Biblię* (1689) oraz zreformował ortografię łotewską. W historii języka bretońskiego postacią wybitną jest Le Gonidec, tłumacz *Ewangelii*, autor gramatyki bretońskiej i słownika bretońsko-francuskiego.

Jeśli chodzi o języki słowiańskie, podam najważniejsze informacje, odsyłając do mojego artykułu (Lewaszkiewicz 2017a).

Język polski: S. Murzynowski (1528–1553) jako tłumacz *Nowego Testamentu* (1551–1552) oraz autor traktatu *Ortografia polska* (1551); *Nowy karakter polski* (1594) z poglądami pisarzy (J. Kochanowskiego,

Ł. Górnickiego i J. Januszowskiego) na polską ortografię; P. Statorius/ Stojeński (ok. 1530–1591) jako jeden z tłumaczy *Biblii brzeskiej* (1563) i autor pierwszej gramatyki języka polskiego (1568); **język czeski**: J. Hus (1371–1415) – autor *Postili* (1413) i dzieł dogmatycznych, autor traktatu *De ortographia bohemica* (ok. 1410); J. Blahoslav (1523–1571) — autor druków o różnej treści, tłumacz *Nowego Testamentu* (1564), autor rękopiśmiennej gramatyki języka czeskiego (1571); J. Jungmann (1773–1847): poeta, tłumacz — *Slovník česko-německý* (t. 1–5, 1834–1839); **język słowacki**: pisarze i kodyfikatorzy (autorzy prac dotyczących języka) — A. Bernolák (1762–1813), L'. Štúr (1815–1856); **język słoweński**: P. Trubar (1508–1586) — m.in. tłumacz *Nowego Testamentu* (1555–1577) oraz autor *Abecedarium* (1551); J. Japelj (1744–1807) i B. Kumerdej (1738–1805) to tłumacze katolickiej *Biblii* (1784–1802) oraz autorzy rękopiśmiennej gramatyki; **język chorwacki**: B. Kašić (1575–1650) — w druku *Ritual rimski*, rękopiśmienny przekład *Biblii* (1625) — pierwsza drukowana gramatyka chorwacka (1604) oraz rękopiśmienny słownik chorwacki; **język serbski**: V. Karadžić (1787–1864) — wydawca pieśni ludowych (1814), opowiadań ludowych (1821), przysłów ludowych (1836), tłumaczenie *Nowego Testamentu* (1847) — gramatyka języka serbskiego (1814), słownik serbski (1818); Dj. Daničić (1825–1888) — kontynuator reformy językowej V. Karadžicia, tłumacz *Starego Testamentu* (1868) — autor prac gramatycznych i leksykograficznych; **język bułgarski**: N. Rylski jako tłumacz *Nowego Testamentu* (1840) i autor pierwszej drukowanej gramatyki bułgarskiej (1835); I. Momczyłow (1819–1869): autor wielu podręczników szkolnych, elementarzy i czytanek — autor gramatyki nowobułgarskiej (1868); **język macedoński**: B. Koneski (1921–1993) — główny kodyfikator języka macedońskiego po II wojnie światowej (wybitny poeta, krytyk literacki, historyk literatury i tłumacz) — współautor słownika ortograficznego z zasadami pisowni (1950), autor gramatyki macedońskiej (t. I–II, 1952–1954) oraz redaktor słownika języka macedońskiego (t. I–III, 1961–1966); **język rosyjski**: W. Triediakowski (1703–1769): poeta i prozaik — autor rozprawy o potocznym języku rosyjskim XVIII w. (1748); M. Łomonosow (1711–1765): znany chemik i fizyk, ale również ceniony poeta — gramatyka rosyjska (1757) jako źródło norm językowych, teoria trzech stylów języka rosyjskiego; **język**

białoruski: B. Taraszkiewicz (1892–1941): publicysta i tłumacz (m.in. *Iliady* Homera i *Pana Tadeusza* A. Mickiewicza) — autor pierwszej drukowanej gramatyki języka białoruskiego (1918); **język ukraiński**: I. Franko (1856–1916): wybitny pisarz i publicysta — autor artykułów o tematyce językoznawczej; P. Kulisz (1819–1897): pisarz, krytyk literacki, współtłumacz *Biblii* — udział w reformowaniu pisowni ukraińskiej (tzw. kulisziwka); I. Nieczuj-Lewicki (1838–1918): pisarz, historyk literatury, tłumacz *Biblii* (wspólnie z P. Kuliszem) — autor gramatyki języka ukraińskiego (1914); **mikrojęzyki słowiańskie**: Nierzadko pisarze, publicyści i tłumacze są jednocześnie autorami publikacji językowo-normatywnych (Duličenko 2003/2004).

Podobną sytuację mamy w historii kształtowania się języków standardowych narodów Azji, Australii, Afryki oraz w dziejach języków indiańskich w Ameryce Południowej, Środkowej i Północnej.

Poniżej zajmę się dokładniej rolą pisarzy, tłumaczy, publicystów i wydawców w rozwoju i w kodyfikacji języków łużyckich.

Język dolnołużycki

Jedną z wcześniejszych prób podniesienia dolnołużyckiej mowy ludowej do godności języka literackiego podjął A. Tharaeus vel Tara (ok. 1570 — ok. 1638), który wydał dziełko *Enchiridion Vandalicum* (1610). Zawiera ono tłumaczenie katechizmu (tekst biblijny reprezentują modlitwy, przykazania, psalmy), różne teksty szkolne oraz zasady pisowni dolnołużyckiej. Pod względem językowym druk ten reprezentuje mieszaninę różnych dialektów dolnołużyckich, głównie chociebuskiego i mużakowskiego. Nie wiadomo, czy ten fakt jest związany z dłuższymi pobytami autora w różnych częściach Dolnych Łużyc (czego konsekwencją byłoby ukształtowanie się niejednolitego językowo idiolektu), czy też dążył on celowo do stworzenia dolnołużyckiego koine. Taką możliwość bierze pod uwagę H. Schuster-Šewc (1990: 34).

A. Tara zamierzał również wydać postyllę, gramatykę dolnołużycką i słownik, ale nie miał pieniędzy na opłacenie druku. Utwory literackie ogłaszał w języku niemieckim, korzystając w nich z motywów łużyckich. Z powyższych uwag wynika, że A. Tara miał świadomość, iż kodyfikacja języka dolnołużyckiego nie będzie możliwa bez odpowiednich

opracowań gramatycznych i leksykograficznych. Jego reformatorski projekt nie powiódł się, ale stanowi ważne wydarzenie w historii języka dolnołużyckiego.

W historii kształtowania się dolnołużyckiego standardu dużą rolę odegrał J. G. Hauptmann (1703–1768), autor gramatyki *Niederlausitzsche Wendische Grammatica. Das ist Möglichste Anweisung zur Erlernung der Nieder-Lausitzschen Wendischen Sprache* (1761). W rękopisach pozostały dwa jego dzieła: słownik *Lexicon Vandalicum* (1731) i agenda *Te serbske knigły*. Zasłużył się również jako tłumacz 240 pieśni religijnych *Lubnjowski sarski zambuch* (1769). Powyższe fakty dowodzą, że łączył praktykę pisarską (przekładową) z językoznawczo-leksykograficzną.

J. B. Fryco (1747–1819) nie tylko opublikował przekład *Starego Testamentu* (1796) i pisał pieśni religijne, lecz ukończył też w 1791 r. rękopisy gramatyki dolnołużyckiej i słownika. Pisarzem religijnym i filologiem był J. B. Tešnaŕ (1829–1898). Uchodził za bardzo dobrego filologa, toteż zlecono mu rewizję języka i pisowni *Biblii* dolnołużyckiej (1860–1868).

B. Šwjela (1873–1948) był znanym publicystą, tłumaczem literatury pięknej na dolnołużycki, pisarzem, redaktorem periodyków dolnołużyckich, działaczem odrodzenia narodowego, językoznawcą i leksykografem. Napisał wiele artykułów publicystycznych i wiadomości prasowych, redagował *Pratyję* (1895–1899, 1930–1937), *Bramborski Casnik* (1916–1918), *Serbski Casnik* (1921–1922), czasopisma religijne *Wosadnik* (1905–1906) i *Gwězda* (1914–1915). Wydawał książeczki z utworami literackimi dla ludu. Ważny jest jego wkład do językoznawstwa sorabistycznego. Pomagał A. Muce w zbieraniu materiału do jego słownika dolnołużyckiego; napisał dwuczęściową praktyczną gramatykę dolnołużyckiego (*Lehrbuch der niederwendischen Sprache. Grammatik*, 1906; *Übungsbuch*, 1911) i porównawczą gramatykę języka górnołużyckiego i dolnołużyckiego (*Vergleichende Grammatik der ober- und niedersorbischen Sprache*, 1926), starał się uporządkować ortografię dolnołużycką (*Dolnoserbski pšawopis*, 1903), publikował artykuły językoznawcze, wydał dwa słowniki (*Deutsch--niedersorbischen Taschenwörterbuch*, 1953; *Dolnoserbsko-němski słownik*, 1961) oraz nazwy terenowe powiatu chociebuskiego (*Die Flurnamen des Kreises Cottbus*, 1958). Zasługi B. Šwjeli są bardzo duże w rozwoju dolnołużycczyzny i w badaniach nad tym językiem.

Podobne zasługi ma H. Nowak (1916–2011) — teolog, duchowny ewangelicki, pisarz, tłumacz, edytor, publicysta i językoznawca. Swoją działalnością pisarsko-tłumaczeniową i językoznawczą kształtował dolnołużycką kulturę językową. Jego publikacje językoznawcze to m.in.: *Słownik wjesnych mjenow* (współautor) (1969); *Powědamy dolnoserbski/ Gutes Niedersorbisch — Delnjoserbska stilistika (I. dźěl)* (1976). Opublikował też sporo artykułów z dolnołużyckiej gramatyki opisowej oraz z poprawności językowej. Oto wybrane tytuły: *Pśinoski k tworjenju imperfecta a aorista we dolnoserbšćinje* (1954); *Šmjatańca wokoło „na(h)lady". Kolega a koledzyna* (1962); *Wo njerjanych nowotwórbach w serbšćinje* (1963); *Won a nutř. Podobnje nałožujemy słowje horje a dele* (1963).

Język górnołużycki

W 1595 r. ukazał się *Mały katechizm* M. Lutra w przekładzie W. Warichiusa (1564–1618).[1] Jest to pierwsza drukowana książka górnołużycka (Šołta et al. 1984: 593; Lewaszkiewicz 1995: 30). W kontekście naszych rozważań istotne jest to, że we wstępie znajdują się zasady pisania i czytania.[2] Fakt ten można potraktować jako w pewnym sensie przejaw praktycznych zainteresowań lingwistycznych tłumacza.

W 1670 r. M. Frencel (1628–1706) wydał przekład *Ewangelii według Mateusza i Marka* (Lewaszkiewicz 1995: 30–31). Tekst poprzedzający przekład zawiera uwagi o pisowni opartej na wzorach czeskich. Do wstępu dołączono także kilka łacińskich wierszy pochwalnych oraz wiersz górnołużycki J. Ludoviciego (1619–1673), który jednocześnie na polecenie władz duchownych ocenił przekład M. Frencla. Jest to pierwszy udokumentowany utwór poetycki w historii piśmiennictwa łużyckiego. J. Ludovici jest również autorem najstarszej rękopiśmiennej

1 *Der oberwendische* (*obersorbische*) *Katechismus des Warichius*. Text mit Einleitung und grammatischer Bearbeitung von Karl Heinrich Meyer, Leipzig, 1923.

2 *Unterricht, Wie die Buchstaben in wendischer Sprache zu gebrauchen und außzusprechen seien*.

gramatyki górnołużyckiej *Rudimenta grammaticae Sorabo-Vandalicae idiomatis Budissinatis delineata* (Jenč 1962).

J. Matej/Matthaei (1652–1732) był tłumaczem i autorem gramatyki ze słownikiem niemiecko-górnołużyckim (*Wendische Grammatica, Welche In deutscher Sprache abgefast, nach dem neuinventirten Principio und leichtesten Wendischen Schreib-Art und Budißinischen Dialecto mit Fleiß eingerichtet und... mit einen deutschen und wendischen Register zum Nachschlagen versehen worden*, 1721). Został członkiem komisji tłumaczy, która ogłosiła drukiem przekłady trzech ważnych tekstów: katechizmu (1693), perykop (1695) i agendy (1696). Z innych translacji J. Mateja warto wymienić przynajmniej *Księgę Syracha* (1719). Podstawę kodyfikacji protestanckiego wariantu języka górnołużyckiego — opartego na dialekcie budziszyńskim — stanowiły dwa druki: *Biblia* (1728) i gramatyka J. Mateja (1721).

Do skodyfikowania podstaw katolickiego wariantu języka górnołużyckiego na podstawie dialektu kulowskiego przyczynili się również tłumacze, którzy jednocześnie działali jako filologowie.

J. Ticin (1656–1693) wydał najpierw gramatykę (*Principia linguae Wendicae*, 1679), a później *Katechizm* Canisiusa (1685). Nie zrealizował jednak zamiaru przetłumaczenia fragmentów *Biblii*. Celem kodyfikacji dialektu kulowskiego było stworzenie języka literackiego, którym jezuici chcieli się posłużyć jako narzędziem w rekatolizacji Górnych Łużyc. Reformatorskie dzieło J. Ticina kontynuował jego krajan — J. H. Swětlik (1650–1729), który najpierw opublikował *Perykopy* w 1690 r. oraz w 1692, 1699, 1720 r. z dołączeniem w 1692 r. *Katechizmu*, w 1699 r. zaś ogłosił drukiem pierwszy katolicki wybór pieśni religijnych. W latach 1688–1707/1711 powstał pełny rękopiśmienny przekład *Biblii*. Pracy przekładowej towarzyszyły opublikowane rozprawki językoznawcze o charakterze normatywnym (*Observationes* z 1690 r., *Schreib- und Lesens-Beobachtungen* z 1692 r., *Wendische A.B.C.* z 1720 r.) oraz *Vocabularium Latino-Serbicum* (1721). Jak widać, J. H. Swětlik łączył działalność przekładowo-pisarską z kodyfikacyjną.

H. Lubjenski (1790–1840) znany jest w dziejach piśmiennictwa górnołużyckiego jako redaktor językowy dwóch wydań górnołużyckiej *Biblii* (1821, 1823) oraz wydawca pieśni religijnych. Interesował się zagadnieniami językoznawczymi, o czym świadczy fakt, że pracował

nad gramatyką górnołużycką i słownikiem (Šołta et al. 1984: 355). Materiały te nie zachowały się. Do pracy na rzecz języka ojczystego zachęcali go wybitni filologowie słowiańscy, m.in. J. Dobrovský, V. Hanka, P. J. Šafárik, L'. Štúr, F. L. Čelakovský.

H. Zejler (1804–1872) — pierwszy wybitny poeta łużycki, publicysta, redaktor periodyku *Tydźenska Nowina* (1842–1848), współzałożyciel Macierzy Łużyckiej (1847), znany działacz łużyckiego odrodzenia narodowego; napisał gramatykę języka górnołużyckiego (*Kurzgefaßte Grammatik der Sorben-Wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialekte*, 1830) oraz zbierał materiał do odrodzeniowego *Słownika Pfula*, jak również uczestniczył w jego redagowaniu (K. B. Pful, *Łužiski serbski słownik*, 1866).

J. A. Smoler (1816–1884) — publicysta, folklorysta (zbieracz pieśni ludowych), edytor, działacz narodowy, współzałożyciel Macierzy Łużyckiej (1847); był jednocześnie autorem opracowań filologicznych: rozmówek (*Mały Serb*, 1841) i słownika (*Němsko-serbski słownik*, 1843).

J. P. Jordan (1818–1891) — publicysta, redaktor, edytor, zbieracz pieśni ludowych, działacz narodowy, zwolennik wzajemności słowiańskiej, lektor języków słowiańskich i literatury w Lipsku; był autorem gramatyki: *Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz*. *Im Systeme Dobrowský's abgefaßt* (1841).

Wspomniany powyżej K. B. Pful (1825–1889) był głównie filologiem (językoznawcą i leksykografem), ale pisał też utwory literackie i teksty publicystyczne. Oprócz słownika (1866) wydał m.in.: *Hornjołužiski serbski prawopis z krótkim rěčničnym přehladom* (1848); *Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Mit besonderer Rücksicht auf das Altslawische* (1867). Jest też autorem wielu artykułów sorabistycznych i slawistycznych.

H. Zejler, J. A. Smoler i K. B. Pful przyczynili się w największym stopniu do zjednoczenia językowego Górnołużyczan. Z inicjatywy Macierzy Łużyckiej K. B. Pful skodyfikował jednolity (bezwyznaniowy) język górnołużycki w zakresie ortografii, wymowy, gramatyki i słownictwa. Opowiedziano się za pisownią, której podstawy stworzył J. A. Smoler. Wzorowała się ona na pisowniach opartych na łacince (głównie na czeskiej i polskiej) i dlatego nazwano ją pisownią analogiczną (analogiczną do pisowni narodów słowiańskich).

Dzieło wymienionych kodyfikatorów górnołużycczyzny kontynuował M. Hórnik (1833–1894) — publicysta, redaktor i wydawca, tłumacz, pisarz (w tym także poeta) i filolog (Šołta et al. 1982: 204–206). W latach 1847–1856 był uczniem gimnazjum i studentem teologii w Pradze. Wywarł duży wpływ na działalność „Serbowki" — towarzystwa gimnazjalno-studenckiego, którego członkowie doskonalili się w znajomości języka górnołużyckiego, poznawali historię Łużyc i uczyli się języków słowiańskich (Petr 1973a).

J. Libš (1857–1927) łączył działalność pisarsko-tłumaczeniową z naukową. Podczas nauki gimnazjalnej (1873–1879) oraz studiów teologicznych (1880–1883) w Pradze działał aktywnie w „Serbowce". J. Libš pisał artykuły do prasy łużyckiej, publikował przekłady krótkich utworów z literatur słowiańskich oraz własne teksty literackie. Wsławił się w sorabistyce i w językoznawstwie słowiańskim dziełem *Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitz* (1884; wydanie fotooffsetowe z 1981 r.), które w pewnym sensie zachowało wartość naukową do dzisiaj (Šołta et al. 1984: 345–346; Petr 1978). Autor oparł się na metodologii składniowej M. Hattali. Gdy chodzi o język, odwołał się do poglądów ruchu młodołużyckiego, który widział potrzebę nawiązania do wzorców języka ludowego i tym samym rezygnacji z części środków językowych dawnego piśmiennictwa religijno-biblijnego.

J. Bart-Ćišinski (1856–1909) był wybitnym pisarzem (poetą, dramaturgiem, w mniejszym stopniu nowelistą), tłumaczem, publicystą i redaktorem. Zainicjował ruch walki o demokratyzację języka literackiego i kultury duchowej Łużyczan, który był skierowany przeciw konserwatystom językowym, m.in. K. B. Pfulowi. Swoje przemyślenia na ten temat przedstawił w manifeście *Hłosy ze Serbow do Serbow/Głosy z Łużyc do Łużyczan* (1877/1878). Pisał i wypowiadał się o kulturze języka górnołużyckiego (Petr 1973b), uczył się kilku języków słowiańskich.

F. Rězak (1859–1921) publikował utwory świeckie (opowiadania) i teksty o charakterze religijnym (historie biblijne, katechizm), przekładał literaturę piękną; jego tłumaczenie całego *Starego Testamentu* pozostało w rękopisie (drukiem ukazały się tylko fragmenty). Wydał obszerny *Němsko-serbski wšowědny słownik hornjołužiskeje rěče* (1920), w którym jednak znajduje się wiele sztucznych jednostek leksykalnych (Lewaszkiewicz 1980).

M. Nawka (1885–1968), pisarz (poeta, dramaturg, prozaik), tłumacz, publicysta, redaktor, działacz narodowy, był jednocześnie językoznawcą. W latach 1949–1955 pełnił funkcję lektora języków łużyckich w Instytucie Sorabistyki Uniwersytetu im. K. Marksa w Lipsku. Publikował podręczniki, poradniki językowe oraz artykuły (naukowe i popularnonaukowe) o kulturze i poprawności językowej (szczególnie często w *Nowej dobie* — w rubryce *Minuta serbšćiny*), z historii języków łużyckich i z historii sorabistyki językoznawczej. Wybrane druki samoistne: *Serbski/Wendisch — Ausführliches Lehrbuch der obersorbischen (wendischen) Sprache für Schul- und Selbstunterricht* (1919); *Zmysł našich słowow — Zmylki přećiwo njemu a myslički wo nim* (1928); *Pokiwy pyskej a pjeru* (1936); *Za nowymi słowami* (1949). Oto niektóre tytuły artykułów naukowych i popularnonaukowych: *Rěčespytne zeškrabanki* (1913); *Je Kaiser (Caesar) kejžor abo kěžor?* (1957); *-dło so připowěša* (1958); *Porjadny čłowjek — porjedna rěč* (1958); *Nadarjenosć a wobdarjenosć* (1961); *Kolega a koledzyna* (1962); *Haperlejka z wjedrom rejka* (1962); *Što je z tej syčomłóćawu* (1962); *Won a nutřhorje a dele* (1963); *Michała Hórnikowa rěčnica w jeho poslednim spisu* (1964); *Rěčne njedostatki w młodźinskej knize* (1964); *Zwuk ł* (1965); *Połkonsonanty (l, m, n, r)* (1965); *Zwukaj ě a ó w hornjoserbskim pisanju* (1965); *Kak to serbski?* (1967); *Samo najwjetši kóń so druhdy pótknje* (1967); *Smy přezjene* (1967). M. Nawkę uważano za autorytet w łużyckiej kulturze i poprawności językowej (Šołta 1994).

Kulturą i poprawnością języka górnołużyckiego zajmował się również A. Nawka (1913–1998), syn M. Nawki. A. Nawka był pisarzem (poetą, dramaturgiem, prozaikiem), publicystą, redaktorem wydawnictwa i wybitnym tłumaczem (zwłaszcza z języka polskiego). Opublikował poradnik językowy *Mjenje zmylkow* (1972), *Łužycko-serbsko-polski słowniczek kieszonkowy* (1965), podręcznik *Łaćanska gramatika* (1954). W prasie drukował artykuły o poprawności językowej; zajmował się językową i stylistyczną stroną katolickiego przekładu *Biblii* (1966–1976).

F. Jakubaš (1895–1966) jest znany głównie jako autor powojennego słownika (*Hornjoserbsko-němski słownik*, 1954) oraz kilku artykułów językoznawczych, np. *Słowotworne přiwěški (sufiksy) serbskich wěcownikow a přidawnikow* (1956), *Serbske nowotwórby za němske zestajene wěcowniki w Nowej dobie (1953/56)* (1959). F. Jakubaš przejął ze star-

szych słowników wiele wyrazów, które nie zadomowiły się w języku górnołużyckim (Lewaszkiewicz 2013). Warto dodać, że F. Jakubaš był również tłumaczem (m.in. *Nory* H. Ibsena) oraz publicystą.

O łużycczyźnie wypowiadali się też inni pisarze w dziełach literackich, w publicystyce i w wywiadach. Szczególnie istotne są ich przemyślenia o łużyckiej sytuacji językowej w drugiej połowie XX w. i na początku XXI w. Na zacytowanie zasługuje przede wszystkim stanowisko J. Brězana, najbardziej znanego pisarza łużyckiego po II wojnie światowej:

> „Bydlu poslednich dwanaće lět w centrumje žiweje serbskeje rěče, a hdźežkuli přistupju, słyšu, kak kultura rěče spaduje, móhłrjec z dnja na dźeń. Do wšědnych zwučenosćow dźensa serbsce rěčaceho čłowjeka tu słuša tajki retomas skomolenych němskich słowow, zo by sej z tejele bjesady samo čert wuši zadźeržał — bolosćow dla... Rozpad rěče je zjaw spadowaceho narodneho wědomja. Rozpad rěče je započatk wotemrěća narodneje kultury. Literatura zhubi swój zmysł, bajki so baja před hłuchimi wušimi, spěwy so zmjeńša na melodije, a melodije ludowych pěsnjow bjez jich słowa woněmja...” (Rozhlad nr 9/2016, 37).

* * *

Łużyccy pisarze, tłumacze, publicyści i redaktorzy odegrali szczególną rolę w rozwoju i kodyfikacji języków łużyckich. Obecnie angażują się oni w walkę o zachowanie języka dolnołużyckiego i języka górnołużyckiego.

Literatura

Duličenko 2003/2004 – A. D. Duličenko. *Slavjanskie literaturnye mikrojazyki. Obrazcy tekstov*. I–II. Tartu: Izdatel’stvo tartuskogo universiteta.

Jenč 1960 – R. Jenč. *Stawizny serbskeho pismowstwa.* II. Dźěl. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina.

Jenč 1962 – R. Jenč. „Rudimenta grammaticae Sorabo-Vandalicae” Georgia Ludovicia. *Lětopis* A, 9/1, 9–41.

Lewaszkiewicz 1980 – T. Lewaszkiewicz. Propozycje leksykalne w Słowniku Rězaka. *Lětopis* 27/1, 47–54.

Lewaszkiewicz 1992 – T. Lewaszkiewicz. Rola kontaktów językowych we wstępnym okresie formowania się słowiańskich języków literackich (na tle ogólniejszym). *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria VIII. Językoznawstwo, 133–138.

Lewaszkiewicz 1995 – T. Lewaszkiewicz. *Łużyckie przekłady Biblii. Przewodnik bibliograficzny*. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN.

Lewaszkiewicz 2012 – T. Lewaszkiewicz. Problemy przekładów Biblii na języki ludowe w świecie słowiańskim (na tle europejskim). In: I. Lis-Wielgosz, W. Jóźwiak (red.). *Chrześcijański Wschód i Zachód. Formy dialogu – Wzory kultury – Kody pamięci.* Poznań: Instytut Filologii Słowiańskiej UAM, 535–551.

Lewaszkiewicz 2013 – T. Lewaszkiewicz. Hasła kwalifikowane w górnołużycko--niemieckim słowniku Jakubaša (1954). *Acta Slavica Estonica* III / *Slavica Tartuensia* X, 124–139.

Lewaszkiewicz 2017 – T. Lewaszkiewicz. Pisarze, publicyści i tłumacze jako językoznawcy, kodyfikatorzy i reformatorzy języków słowiańskich. In: L'. Matejko (ed.). *Literature and Social Change. A Voyage Through the History of Slavic Studies. Proceedings of the International Symposium Literature and Slavic Studies*. Bratislava: Comenius University, 83–108.

Lewaszkiewicz 2017 – T. Lewaszkiewicz. The Role of High Prestige Languages in the Formation of European Literary Languages. *Accents and Paradoxes of Modern Philology*, Issue 1(1), 32–41.

Petr 1973 – J. Petr. Jazyková teorie a praxe v pražské Serbowce. *Studia Slavica Pragensia*, 55–74.

Petr 1973 – J. Petr. Troska Jakuba Barta-Ćišinskiego o kulturę językową (streszczenie referatu). *Biuletyn* 6, 47–48.

Petr 1978 – J. Petr. Hornolužická skladba Jurije Libše a její doplňky. *Lětopis* A 25/1, 68–90.

Schuster-Šewc 1990 – H. Schuster-Šewc. Andreas Tharaeus und sein Werk; Die Sprache des Enchiridion Vandalicum. A. Tharaeus, Enchiridion Vandalicum. Ein niedersorbische Sprachdenkmal aus dem Jahre 1610. *Herausgegeben und mit einer Einleitung und wissenschaftlichen Kommentaren versehen von Heinz Schuster-Šewc*. Bautzen: Domowina--Verlag, 7–46.

Šołta et al. 1984 – J. Šołta, P. Kurzze, F. Šěn (red.). *Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina.

Šołta 1994 – J. Šołta. Michał Nawka a serbska rěč. *Serbska šula* 4, 105–107.

Marti Roland
Universität des Saarlandes
Saarbrücken, Deutschland

Codification and Re(tro)codification of a Minority Language: The Case of Lower Sorbian

Lower Sorbian – codification – orthography – Slavonic microlanguages

The codification of languages or language varieties belongs to the realm of standardology in linguistics (cf. Brozović 1970). It is interesting to note, although not really surprising, that questions of standardology first attracted the interest of linguists in Slavonic-speaking countries, albeit in rather different ways.[1] On the one hand it was the Prague school of linguistics that developed a framework for the description of standard languages (cf. Jedlička 1990), prompted at least partly by the diglossic situation of Czech (according to Ferguson 1959). On the other hand it was Soviet linguistics with its hands-on experience of working with the many languages of the Soviet Union that had no written tradition at all or used very imperfect writing systems. The linguistic bases on which theories were developed differed considerably and so did the respective approaches. The Prague school had to deal with reasonably stable standard languages whereas linguists in the Soviet Union often had to create a

1 On standardology with special reference to Slavonic languages, see Müller/Wingender 2013 and section XXV. in the handbook *Die slavischen Sprachen — The Slavic languages* (Gutschmidt et al. 2014: 1958–2038), in particular Wingender 2014.

standard or to replace an existing standard that was unsuitable (or deemed to be unsuitable). The Prague school has the merit of having described the essential characteristics of a standard language: the existence of a codification (ideally of all formal aspects of language, from pronunciation to syntactic structures), the obligatory nature of the standard language (in certain situations), its polyvalence, stylistic differentiation and "elastic stability" (to use the *oxymoron* coined by the Prague school), and finally its interaction with (or at least relationship to) other standard languages.[2]

Of all these traits it is codification that is seen to be the central aspect of every standard language by professional linguists and lay persons alike. Codification in linguistics is essentially the fixation and externalisation of norms. Whereas language use is always governed by norms and usages that are generally defined very broadly and allow for considerable variation codification declares specific forms to be correct and others not to be so. An important aspect of codification is the creation of an external reference system defining what is acceptable and what is not. Whereas the systems of norms that govern the use of all kinds of language tend to be gradual on a scale (better—worse) codification in its idealised form is binary (correct—incorrect).

It seems to be assumed tacitly that codification is essentially the same for all languages, be they large or small. This, however, is not the case.[3] I claim that small languages (and especially those that are in a minority position) differ in their codification significantly from large, self-sufficient languages.[4] I intend to show this by analysing the history

2 Cf. Wingender (2014: 1959) and Boeck et al. (1974: 14) (for the last aspect). The characteristics basically correspond to the linguistic component in Wingender's tetrahedral model (Wingender 2013: 27–29).

3 It is again interesting to note that interest of linguists in the problems of small languages has been particularly strong in Slavonic-speaking countries, cf. the theory of Slavonic microlanguages as developed by Duličenko (cf. Duličenko 1981). And Duličenko is one of the few that point to this systemic difference ("die weniger strenge Normiertheit der slavischen Kleinschriftsprachen" Duličenko 2014).

4 "Small" and "large" are relative concepts; a given language is small or large in comparison to another (cf. Nekvapil 2007). Thus a language may be small in relation to one language, but large in relation to another. The same holds

of codification of a small language in a minority position, viz. Lower Sorbian.

Lower Sorbian is today one of the two Slavonic minority languages recognised by the Federal Republic of Germany, the other being Upper Sorbian. Sorbian (both Upper and Lower) is today the westernmost part of the Slavonic continuum and a linguistic island (or rather an archipelago, since it consists of a group of smaller islands) in German-speaking surroundings. In the past the Slavonic continuum extended much farther to the West, but these regions eventually succumbed to Germanisation, leaving Sorbian as a solitary outpost (cf. Stone 2017).

There are two diverging theories regarding the genesis of Upper and Lower Sorbian. The majority view, generally held by Sorbs and going back at least to A. Muka, holds that in the past Sorbian was more unified and diversified in the course of history due to external factors (cf. Lötzsch 1965). The minority position, first expressed by the Polish scholar Z. Stieber, assumes that Sorbian evolved when two linguistic communities speaking different varieties came into contact as a result of migration and converged (cf. Schuster-Šewc 1959). Be this as it may: at the time when the first steps towards codification were taken, i.e. in the 16th century, Upper and Lower Sorbs already belonged to different political, ecclesiastical and administrative realms, and therefore the codification of their language(s) followed different paths. When in the 17th/18th century Abraham Frencl, one of the central figures of (Upper) Sorbian cultural life in the period of Enlightenment, regretted the linguistic division of Upper and Lower Sorbs and advocated the introduction and use of Upper Sorbian in Lower Lusatia,[5] the 19th century editor of the text,

true for the concept of "minority language." Thus today Upper Sorbian is small compared to German but considerably larger than Lower Sorbian. And German, being obviously the majority language in Germany, is a minority language, e.g., in Poland. Most endangered are languages that are at the end of the line: in the present case Lower Sorbian that is dominated by both German and Upper Sorbian.

5 "Derowegen stünde wohl zu hoffen, wenn in der Niederlausiz sich die Herren Pastores des Oberlausizschen reinen Haupt=dialecti auf der Cantzel nur bedienen wollten, daß leichtlich dahin gebracht werden könnte, daß der gemeine Mann die hier oben ausgegangenen Kirchenbücher verstehen und zugleich nutzen würden [...]" (Muka 1881: 74).

A. Muka, explained in a footnote that this might have been possible in the 16th century but that now it was too late.[6]

Of the two Sorbian standard languages Upper Sorbian seems to have a more interesting history of standardisation since it is the product of a merger of two separate tradition, viz. the Catholic and the Protestant variant of Upper Sorbian, a merger that was proposed in the second half of the 19th century but took a considerable amount of time to be accepted by the language community. If, however, the focus is more on the 20th century and on the specific problems of the codification of small minority languages it is undoubtedly Lower Sorbian that has more to offer.

As is the case with many other small languages in Europe the oldest written witnesses of Lower Sorbian date back to the 16th century and originated in the wake of the Reformation. We have a translation of the New Testament from the year 1548 written by Mikławuš Jakubica (Schuster-Šewc 1967) in a peripheral Eastern Lower Sorbian dialect that, however, played no role in the history of the codification of Lower Sorbian, not only due to its dialectal eccentricity, but mainly because of the fact that the manuscript was hardly known at all until it was (re)discovered in the 19th century. The first book printed (at least partly) in Lower Sorbian, edited by the well-known astronomer Albin(us) Moller(us) (Moller 1959), appeared in 1574 (and thus antedates the first printed Upper Sorbian book by more than twenty years). Both texts show that their authors did not particularly worry about codification and tried to put the language into writing as best they could. Still they differ in an important aspect, viz. orthography, and they actually exemplify the dilemma of a small Slavonic language in German surroundings: the orthography could either follow Slavonic examples that were already well advanced in their codification such as Polish or Czech, the nearest neighbours, or it could adapt the usage of the dominating language of the region, viz.

6 It is interesting that Muka blames the clergy of the 16th century for not having been patriotic ("narodnje zmysleni," Muka 1881: 74) enough and the schools for not having been Sorbian. According to Muka another reason for the estrangement was the belief inculcated by the Germans (and eventually accepted by the Sorbs) that the Upper Sorbs cannot understand the Lower Sorbs, which actually divided the Sorbs even more (Muka 1881: 74ff).

German. The third possibility was to arrive at a compromise. The script did not matter yet as it was always Gothic, which corresponded to the Polish, Czech and German tradition in those days. The orthography of Jakubica's manuscript translation of the New Testament is mainly based on German writing traditions with an admixture of Polish and Czech,[7] cf., e.g., German *ſch* (corresponding to today's *š*, *ś*, *ž*, *ź*, thus ignoring the distinction of voiceless and voiced, hard and soft), Czech intervocalic *g* (= *j*), Polish *szcź* (= *šč* or *šć*), Czech and Polish *z*, *c* (= *z*, *c*) and the attempts to indicate palatalised consonants by *i* or by diacritics on the following vowel. Moller(us), by contrast, relied almost entirely on German writing usage, ignoring many more phonological distinctions in Lower Sorbian than Jakubica, thus using *ſ* (or *ſſ*) for *s*, *z*, *š*, *ž*, *ś*, *ź* (cf. Schuster-Šewc 1958: 7–25).

These earliest specimens of written Lower Sorbian remained more or less isolated, and so did the other texts that survived, be it in manuscript or printed form. The main reasons for this were the Thirty Years' War that was particularly devastating for Lusatia and an attempt of the German authorities to Germanise Lower Lusatia by confiscating and destroying Lower Sorbian books (both manuscript and printed). This effectively stalled any further development for about a century.

Thus the beginnings of the history of Lower Sorbian already show some peculiarities typical of small minority languages. Whereas large languages usually have a longer manuscript tradition that allows them to develop writing traditions (actually precursors of a codified orthography) that evolved further in print smaller languages generally lack this pre-Gutenberg history of developing a more or less stable usage. Instead they are characterised by individual solutions with all the imperfections of first attempts. Furthermore the printed tradition is rather modest and favours the imposition of a single dominating solution instead of a slowly evolving compromise between several competing systems.

Due to these external circumstances the real history of the codification of Lower Sorbian and especially of its orthography did not begin

7 Cf. the detailed description in Schuster-Šewc (1967: XXV–XXXII) and the edition itself (1–415).

until the 18th century,[8] and it was, as in the case of many other languages, connected with religious publications, in particular the Lower Sorbian translations of Luther's small catechism and especially of the New Testament, both by Gottlieb Fabricius (Fabricius 1706 and 1709).[9] In his preface to the catechism he discusses the problems he encountered in his attempt to put Lower Sorbian into writing quoting the general opinion that orthography is one of the most difficult aspects of Sorbian ("Daß in der Wendischen Sprache eine der grösten Schwürigkeiten mit sey/ wie man dieselbe recht schreiben möge/ ist eine ausgemachte Sache bey denen/ die davon einige Wissenschafft haben/ zumahl Sie noch nie gründlich excoliret worden." Fabricius 1706: unpaginated preface). He counters the claim that it is not possible to write Lower Sorbian by pointing to Upper Sorbian ("Wie falsch und ungegründet aber dieses sey/ solches haben nicht nur die Hrn. Ober-Lausitzer in ihren bißherigen Schrifften zur Gnüge erwiesen"; ibid.), expressing at the same time his conviction that the book he is publishing will prove the point, too. Then he refers to Polish and Czech as models for Lower Sorbian in the area of orthography ("Es hätte zwar alles nach dem Exempel der Polen und Böhmen noch accurater können eingerichtet werden"; ibid.) and explains that he did not follow their example[10] in order to simplify matters for the young people who had already learnt to read German. Thus his Lower Sorbian orthography would be essentially German. Finally (and here going beyond orthography) he indicates the dialect basis chosen, viz. the central dialect of Chóśebuz/Cottbus,[11] justifying his choice with an

8 Cf. for an overview of the history of Lower Sorbian orthography up to the end of the 19th century Šwela (1903). The development of Sorbian (both Upper and Lower) towards standardisation is described in Fasske (1994).

9 The influence of these two books was particularly strong and lasting since they were republished several times within the 18th and the 19th century (cf. Jenč 1881: 14–16, 20–21).

10 The only exceptions were the introduction of the diacritic dot over *n* and *z* to render the palatalised dental nasal and the voiced hushing sound since German lacked these phonemes and therefore also corresponding letters or letter combinations in its orthography.

11 However, he allows for the pronunciation to deviate from the orthography where dialects differ: "Doch wo der Dialect mit dem *r* gebräuchlich ist/ kan

aesthetic argument ("Sonst wird man finden/ daß man sich bey denen in dieser Sprache sehr häuffigen und unterschiedlichen Dialectis nach demjenigen gerichtet der umb Cotbuß herumb gebrauchlich ist/ und vor den zierlichsten und accuratesten gehalten wird"; ibid.).[12] So essentially the Lower Sorbian orthography introduced by Fabricius followed the principle "as German as possible, as Slavonic as necessary," in the latter case using diacritics as in Czech. This would remain the guiding principle for Lower Sorbian orthography (and, incidentally, also for Upper Sorbian, at least in its Protestant variant) up to the introduction of the so-called analogous orthography that essentially put an end to the German influence on Sorbian orthography (see below).

According to Fabricius's own words he was well aware of Upper Sorbian attempts to create a suitable orthography (see above). There two tendencies met: a "Slavonic" tradition shaping Upper Sorbian orthography according to the Czech model, using diacritics and correspondences such as *z* for /z/, *ſ* for /s/ and *c* for /ts/ (this was championed by Michał Frencl in his earlier publications, cf. Frentzel (1670), but also typical of Catholic printing, cf. Ticinus (1679)) and a "German" (or "Germano-Slavonic") tradition, using di- and trigraphs instead of diacritics, *z* for /ts/ and *ſ* for /z/ as advocated by Zacharias Bierling (Bierling 1689). Essentially the Bierling model gained the upper hand, not least because the Upper Sorbian bible used it, and remained in force until the advent of the analogous orthography. Fabricius does not refer to this discussion directly; his choices, however, indicate that it was the Bierling model that he followed. And this would essentially remain so until the Gothic script and the traditional orthography were replaced by the Roman script and the analogous orthography. The principles of Fabricius's orthography would be slightly refined by the author of the first grammar of Lower Sorbian, Hauptmann (Hauptmann 1761) and further advanced

---

schon ein jeder dasjenige *sch* welches wie ein *r* soll ausgesprochen werden/ nach seiner Art zeichnen/ und es also lesen/ wie es seines Ortes Gelegenheit mit sich bringet/ welches auch gar leichte kan in acht genom[m]en werden bey denen andern Buchstaben/ so dem Wechsel unterworffen sind." (Fabricius 1706)

12 More or less the same argumentation can be found in the unpaginated preface to Fabricius (1709).

by the translator of the Old Testament, Jan B. Fryco (Frizo 1796). The latter even devised a system that unified Lower Sorbian in its written form while at the same time allowing for variety in pronunciation, thus creating a monocentric Lower Sorbian written standard with pluricentric realisation. His system, however, was too detailed and probably also too far from the standard established by Fabricius, so it was abandoned in the second edition of the Old Testament in favour of a modified form of the Fabricius tradition.[13] The 19th century continued this tradition with some changes so that the codification of Lower Sorbian using Gothic script and the "German" system was well established and more or less uniform towards the last quarter of the century, mainly due to the efforts of J. B. Tešnaŕ (himself an author, but also the editor and proofreader of most religious publications of his time, cf. Pernak (1998)) and K. Šwjela (editor of the only Lower Sorbian newspaper, the weekly *Bramborski serbski casnik*). In the course of this long development some of the most blatant German elements were given up, e.g. the use of *h* after a vowel to indicate "length"[14] or the marking of nouns (and not only of proper names) by a capital initial letter. A major problem was the differentiation of nonpalatalised and palatalised consonants since German orthography did not offer any ready-made solutions.[15] Essentially there were two possibilities: the use of *i* or *j* after the palatalised consonants before a vowel (referred to as *jotowanje*) or the use of diacritics either on the consonant itself or on the following vowel (*dypkowanje* if the diacritic sign was a dot or *smužkowanje* in case of acute).[16] In the course of the 18th and

13 Another reason for this change might also have been the fact that the New Testament, published in 1822, was bound together with this second edition and sold as the first complete Lower Sorbian bible, so it seemed advisable to unify orthography. Since the orthography of the New Testament had been in use for more than a century it was chosen as the basis for the unification.

14 This was done in spite of the fact that Lower Sorbian had no phonemic length. Usually "length" indicated by *h* in fact marked an accentuated syllable.

15 This is not surprising since German does not have a correlation of palatalisation and the earliest attempts to write Lower Sorbian simply ignored this central feature of the language.

16 Originally it was mainly *dypkowanje* that was used since it was more in line with the graphic traditions of the Gothic script, but the later development tended

19th century a mixed system evolved that even managed to render some phonetic differences.[17]

A major change announced itself in the second half of the 19th century as a consequence of the so-called "Slavonic renascence." Championed mainly by the Czechs, first under the name of "Slavonic mutuality" or "Slavonic reciprocity,"[18] it fought for the unification of the Slavs against a perceived or real threat coming from their non-Slavonic neighbours to subjugate and/or assimilate them. An important aspect of the movement was linguistic: in order to prevent assimilation Slavs should try to overcome their linguistic differences at least symbolically. For the Slavs using the Latin alphabet this could be achieved by using Roman script and a diacritic writing system. For the Czechs and Slovaks this meant mainly a change of script from Gothic to Roman[19] and some adaptations of the writing system that had to be purified by ousting non-Slavonic (essentially German) elements such as *w* (to be replaced by *v*), *au* (*ou*) or *ſſ* (*š*). But on the whole the changes in the writing system were not so far-reaching since the languages already had a tradition of using a diacritic system. For Sorbian (and this meant both Upper and Lower Sorbian) the changes would have to be more substantial since the basis of their writing system was German. As already mentioned a "Slavonic" system was developed, at first for Upper Sorbian only (cf. Faßke 1984), switching to Roman script and a diacritic system of marking palatal and palatalised consonants.[20] It became known under the name of *analogiski*

---

towards *smužkowanje*, obviously under the influence of the Roman script. In Czech where the diacritic system was originally developed (in the 15th century treatise *Orthographia bohemica* attributed to Jan Hus, cf. Schröpfer (1968)) it was also a dot (*punctus rotundus*) later to be replaced by the *háček*.

17 Thus palatalised *n* and *r* were always marked by *dypkowanje/smužkowanje*, and so were the other palatalised consonants before *e* (in some traditions also before *i*) or in a position not before vowels. In other positions the latter were indicated by *j* after the consonant.

18 The idea was mainly propagated by Ján (Jan) Kollár, cf. his writings (Kollár 1929).

19 On the symbolic function of Gothic as opposed to Roman script in a Slavonic context, see Galmische (2001).

20 This also solved the problem of the two competing codifications, viz. Protestant and Catholic orthography.

(or *składny*) *prawopis* since it was devised in analogy with the orthography (or orthographies) used by other Slavs, mainly the Czechs and Poles. After having been introduced in some books it was adopted by the cultural organisation of the Sorbs, the *Maćica serbska*, as their official writing system in 1847. The organisation hoped that the advantages of the new orthography would lead to a complete replacement of the traditional script and writing system but this did not happen. As a matter of fact the new script and writing system remained largely a project of the intellectual elite, whereas publications for the people, and especially those issued by the church, continued to be published in the traditional form. This biglyphic and biorthographic situation[21] lasted until the complete suppression of Sorbian publishing under Nazi rule in 1937/39. Only after the second world war was the traditional way of writing abolished in favour of Roman script and the analogous orthography, both for Upper and Lower Sorbian.

Originally devised for Upper Sorbian the new system using Roman script and the analogous orthography was also applied to Lower Sorbian very soon. This happened first in Smoleŕ's "bilingual" edition of folk songs in 1841, but this was more of a dialect transcription than a full-fledged orthography for a standard language and was not applied consistently (cf. Šwela 1903: 19–20).[22] In the publications of the *Maćica serbska* in Lower Sorbian that began appearing in the seventies there was a tendency to use only *jotowanje* to indicate palatalisation before vowels, this obviously in parallel to Upper Sorbian practice.[23] There were also

21 I follow the terminology proposed by Bunčić et al. (2016: 303–305) who, incidentally, also describe the Sorbian case. It could even be called a tri-orthographic situation, considering the co-existence of a Protestant and a Catholic variant within the traditional orthography.

22 As indicated in the publication itself (Haupt/Smoleŕ 1841–1843) Smoleŕ was helped in this by K. W. Broniš, a Lower Sorb, who used Roman script and some kind of diacritic system in his publications himself. In this, however, he was equally inconsistent (cf. Pohončowa 2007: 70–74).

23 There was, however, one exception to this rule: the long poem *Pśerada markgrofy Gera* by the Lower Sorbian poet Mato Kósyk used only *smužkowanje*, but this prompted a note by the editor, M. Hórnik, that he personally would prefer the general introduction of *jotowanje* in view of a desirable unity and con-

attempts to use the switch in script and orthography to bring about a convergence between Upper and Lower Sorbian (cf. Hórnik 1880). A consistent analogous orthography for Lower Sorbian that codified this tendency was only introduced in 1891 by A. Muka (Mucke 1891: 16–20). It was slightly revised in 1903 in order to bring the analogous orthography closer to the latest form of the Lower Sorbian traditional orthography (Šwela 1903: 23–37).[24] This essentially meant that the mixed system of *jotowanje* and *smužkowanje* before vowel was taken over from the traditional orthography and replaced simple *jotowanje* as introduced by Muka. Thus the internal unity of Lower Sorbian (*jadnakodolnoserbskosć*) in the period of biorthography was put above the unity of Upper and Lower Sorbian analogous orthography (*jadnakoserbskosć*).[25]

As already mentioned all publishing activities in Sorbian were suppressed in the Third Reich after a short period of tolerance: the last publication in Lower Sorbian before the war was the calendar (*Pratyja*) for the year 1937.[26]

After the war Sorbian cultural life resumed very soon, not least because it was supported by sorabophile circles in Czechoslovakia and

vergence of Upper and Lower Sorbian ("[...] wosebje dla našeje přezjednosće a dla přibližowanje w knižnej rěči," Kósyk 1881: 113).

24 The author declared that one need not and could not try to attain identity with the Upper Sorbian orthography in every detail: "[...] až na jadnakosć z górnoserbskim pšawopisom do drobnege se ńetŕeba a ńamožo źiwaś." (Šwela 1903: 23–24). This orthography was also used in Šwjela's grammar of Lower Sorbian (Schwela 1906).

25 In an editorial footnote Muka, the author of the 1891 codification, supported the change, arguing that it was more important to have a linguistically imperfect codification that was generally accepted than to have one that was linguistically better but not used by the language community because it was considered foreign: "Přetož ważniše mi je, zo so po postajenych prawidłach po móžnośći wšitcy spisowaćeljo złožuja, hač ta wokolnosć, zo sym wědomnostnje prawe a njekhabłace prawidła postajił, hdyž so jim potom tola spisowaćeljo z kajkejekuliž přičiny njepodwoleju a lud na nje jako na něšto cuze zhladuje." (Šwela 1903: 23).

26 The Lower Sorbian weekly had already ceased to exist in 1933 due to financial problems. This was, at least temporarily, the end of the biglyphic and biorthographic situation in Lower Sorbian.

at least tolerated by those officers in the Red Army responsible for cultural matters in occupied Germany. But this was only true for the Upper Sorbian area, i.e. Saxony. The Lower Sorbs in Brandenburg, in spite of some early attempts by representatives of the former cultural elite, were not recognised as a minority worthy of protection and actually had to cope with outright anti-Sorbian tendencies.[27] It is not surprising, therefore, that the revival of Lower Sorbian was essentially the result of activities by Upper Sorbs and was largely controlled by the Sorbian cultural organisation Domowina that officially represented all the Sorbs but had a clear Upper Sorbian bias, not least because it had its headquarters in Budyšin/Bautzen and was mainly (in the beginning even completely) staffed by Upper Sorbs. The Lower Sorbian newspaper *Dolnoserbski casnik* resumed publication first as a supplement to the Upper Sorbian *Nowa doba* and even after its independence (under the new name *Nowy casnik*) the editorial office remained in Budyšin/Bautzen for quite some time.

For publishing the question of script and orthography was, of course, of utmost importance. From the very beginning it was clear that Gothic script and traditional orthography would not be used any more. But within the new framework another question was brought up again, viz. the unification or at least convergence of Upper and Lower Sorbian. There were even voices that advocated abandoning Lower Sorbian completely in favour of Upper Sorbian. Less extremist proposals proposed some convergence in the field of orthography, and they finally gained the upper hand. This led to a recodification of both Upper and Lower Sorbian, but whereas the Upper Sorbian orthography underwent

27 Even the legal situation was different at the beginning. The rights of the Sorbs in Saxony (i.e. the main part of the Upper Sorbs) were guaranteed by the Saxon Law of the Protection of the Rights of the Sorbs that was passed by the diet in 1948. It was only extended to apply to the Sorbs in Brandenburg (i.e. all the Lower Sorbs and part of the Upper Sorbs living in the north of the Sorbian area) in 1950 by government decree and even then it was difficult to put its provisions into practice due to administrative obstacles. Cf. on the post-war development Barker (2000) and for the legal situation the official GDR publication Nowusch (1988).

only minimal changes[28] the revision was quite far-reaching for Lower Sorbian.[29] In almost all the cases Lower Sorbian rules were changed so that they converged with Upper Sorbian. The changes were: 1. *jotowanje* before vowels instead of the mixed system, 2. change from *h-* to *w-* where Upper Sorbian had *w-*, 3. replacement of *-i-* by *-ě-* in certain words where Upper Sorbian had *-ě-*, 4. replacement of *-ó-* by *-o-*.[30] The recodification was binding for all publications in Lower Sorbian since the state had the publishing monopoly and the recodified language was also the basis for the use of Lower Sorbian in school.[31] Here the recodification also had its effect on spoken Lower Sorbian since the schools advocated some kind of spelling pronunciation that alienated native speakers even more from their "new" standard language. Spelling pronunciation also became characteristic for broadcasting and public speeches whereas dialectal Sorbian was looked down upon. The fact that the innovations were often propagated by speakers of Upper Sorbian (due to the Upper Sorbian

28 The only really noticeable change was the change from *kh-* to *ch-*, and in this case Upper Sorbian was brought in line with Lower Sorbian.

29 The recodification was a long process involving many different proposals (mostly coming from Upper Sorbs) in different commissions. Lower Sorbs were generally the minority in these commissions. Cf. on the details Pohončowa (2000: 8–13) and the minutes of some of the committee meetings (20–21).

30 Usually another change is also mentioned, viz. the writing of so-called "mute consonants" in initial position. This, however, is not a principal change since the traditional orthography allowed variant spellings in many cases (cf. Šwela 1903: 30–31).

31 Strangely enough the recodified language was not used in the first grammar of Lower Sorbian that appeared after the war, viz. Šwela (1952). Essentially the grammar is the second edition of Schwela (1906). As the spelling of the author's name already indicates it consistently used *smužkowanje* (with the exception of *kj* and *gj*) instead of the later *jotowanje*, but it did so almost everywhere and differed thus markedly from the first edition that used the mixed system established in Šwela (1903). As a matter of fact the orthography applied in the second edition was an intermediate recodification that was used from 1949 onwards in the newspaper *Nowy casnik*. The recodified Lower Sorbian standard language had to wait until 1976 to be described in a grammar using the official orthography (Janaš 1976).

dominance in Sorbian organisations and a lack of qualified Lower Sorbs) did not ameliorate the situation.[32]

It is not surprising, therefore, that recodification and especially the switch from Gothic to Roman script were not well received by the language community and it seems to have been one of the reasons why linguistic assimilation advanced much faster among the Lower Sorbs than in Upper Lusatia. The native speakers simply did not accept the new standard, considering it to be "not-our language" or even Upper Sorbian,[33] and reacted by not transmitting the language to the next generation.

Under the political conditions of the German Democratic Republic where the recodified language was part of official Sorbian cultural politics little could be done to alleviate the situation. But in the context of the re-unification of Germany and the restructuring of Sorbian cultural life in the framework of new political, administrative, educational, cultural and economic structures the Lower Sorbs saw a chance to undo some of the changes introduced after 1945 that they considered harmful for the language. This might be termed "retrocodification" since it meant (at least in some cases) turning the clock back to the times before 1945. Such changes could be introduced more easily in the spoken language since it was not codified so strictly. Thus Lower Sorbian as used in broadcasting and in the new monthly television programme was increasingly pronounced closer to dialectal traditions: the initial *w*- that had replaced *h*- (№ 2 above) sounded like [h] or a glottal stop again and *o* in those positions where it had formerly been *ó* (№ 4 above) was distinguished from *o*, albeit with varying pronunciation.

To introduce changes in orthography and thus to retrocodify Lower Sorbian was, however, more complicated since this implied an official decision by a commission duly authorised. In the GDR there had been one Sorbian linguistic commission for both Upper and Lower Sorbian

32 To this must be added the massive influx of Upper Sorbian lexical items that in most cases filled *lacunae* or were introduced to replace German loan words but sometimes also ousted Lower Sorbian words. Cf. on this Pohontsch (2002).

33 "Weto jo se [dolnoserbska pisna rěc, R. M.] wot cytarjow a słucharjow cesto posuźowała ako 'njenaša rěc', a rěc na gymnaziumje ako gornoserbska" (Starosta 1998: 249).

that was later subdivided into two subcommissions. As of 1993 the Lower Sorbian linguistic commission was independent, and it started work on the (retro)codification.[34] Of the four changes mentioned above № 3 was changed first, probably since it affected only a few words and was thus not so conspicuous.[35] Changes regarding №№ 2 and 4 were also discussed. With regard to № 4 a compromise was found: *ó* was allowed as an "auxiliary orthographic sign" (much as *ë* in Russian), introduced in the Lower Sorbian-German dictionary (Starosta 1999) and finally officialised in 2006.[36] The retrocodification of № 2 was not accepted in orthography, but in orthoepy. All textbooks and dictionaries suggest or even demand the traditional pronunciation as [h] or as a glottal stop. Recently, however, there have been some moves towards reintroducing the traditional orthography as well. The church page *Pomogaj Bog* in the weekly *Nowy casnik* has for some time now permitted the use of *h-* instead of *w-* according to the personal preferences of the authors, so in adjacent articles one may find *wumóžnik* and *humóžnik* (and even

34 This they did in spite of the fact that one of their guiding principles was the unity of Upper and Lower Sorbian (*jadnakoserbskosć*, cf. Starosta/Spiess 1994: 421).

35 It has to be borne in mind that every orthographic change inevitably leads to heated discussions between traditionalists and innovators, even in cases when the change represents an improvement from a linguistic point of view since orthography has more of a symbolic value for most people. In addition to this general difficulty encountered by revisions of orthographic rules something else was at stake in the case of Lower Sorbian: if the orthography was changed in the direction of retrocodification this undermined *jadnakoserbskosć* since the reforms after 1945 had brought Lower Sorbian orthography closer to Upper Sorbian. It is not surprising therefore that the opposition to those changes came mainly from Upper Sorbs.

36 This, however, was not a full retrocodification since the rules as to when *ó* should be written differed to a considerable extent, cf. the old rules in Šwela (1903: 33–34) and the new ones in Starosta (1998a). The new rules are in some respects rather idiosyncratic, cf. the criticism in Faska (2007). It is worth mentioning that at least in one church publication *ó* is written according to the traditional rules (cf. Dolnoserbske perikopy 2011: 17).

humožnik, i.e. completely in traditional orthography) for 'Saviour'.[37] To the best of my knowledge, no attempt was made to retrocodify № 1 even though this would have been helpful in re-establishing the traditional pronunciation.[38]

The desire to turn back to more traditional forms of Lower Sorbian influenced even the choice of script in some cases. Thus in 1991 the Lower Sorbian liturgy was published with the text on facing pages in Gothic and Roman script (Dolnoserbska liturgija 1991). The Gothic text was written in a mixed orthography, using *ſ*, *ß*, *ſch*, *ſch* (with a barred *ſ*) and *z* for *z*, *s*, *ś*, *š* and *c* according to the traditional "German" orthography used with Gothic script, but with consistent *jotowanje* in all positions and with *w*- according to the post-war orthographic used with Roman script. In a similar vein the hymnal was published (Duchowne kjarliže 2007), with Gothic script and the corresponding traditional orthography (i.e. "German" orthography, *ó* according to Šwjela's rules, *h*- and the mixed *smužkowanje/jotowanje* system) on one side and Roman script and the latest form of the official orthography (i.e. with *ó* according to Starosta (1999), *jotowanje* in all positions before vowel and *w*-) on the other. We thus have in both cases biglyphic

37 In a similar vein the group that prepared the Lower Sorbian lectionary plans to publish an electronic version of it with *h*- instead of *w*-. For the book publication they had already considered using *h*- but finally decided in favour of *w*- because in this case they did not want to go completely against the official orthography (Dolnoserbske perikopy 2011: 17).

38 As mentioned above the traditional orthography rendered some of the phonetic peculiarities of Lower Sorbian quite well. Palatalised *n* and *r* were true palatalised sounds in every position and so were the other palatalised consonants before *e* and *i*. Before *a*, *o* and *u*, however, the other palatalised consonants were rather pronounced as a sequence of *consonant* + *j*, i.e. they were not truly palatalised, and this distinction was adequately rendered in the traditional mixed system, but not through *jotowanje* in all positions (nor would it have been through consistent *smužkowanje*). Since nowadays the majority of speakers of Lower Sorbian are not native speakers any more they are invariably influenced by the written language (spelling pronunciation) and are thus not induced to make this distinction any more.

texts that are completely biorthographical in the case of the hymnal and partly so in the case of the liturgy.[39]

Looking back on the history of the codification of Lower Sorbian it is quite clear that it evolved in contact with two dominating forces: on one side German with its tradition of Gothic script and a well-established orthography and on the other side Upper Sorbian that was under the same influence of German. From the middle of the 19th century onwards, however, there was an additional "Slavonic" influence using Roman script and a diacritic orthography and coming from Upper Sorbian. This difficult situation deteriorated after the second world war when the Upper Sorbian influence forced Lower Sorbian to accept far-reaching changes in its codification, a recodification with the goal of convergence in favour of Upper Sorbian. These changes were enforced in spite of the tacit opposition of the major part of the Lower Sorbian language community. The backlash came when the political clout of Upper Sorbian waned, and this led to changes that stressed the independence of Lower Sorbian and may be described as a (partial) retrocodification since the new codification is actually an older codification being reactivated.[40]

The example of Lower Sorbian shows quite clearly that small languages in a minority position often differ from "normal" languages as regards codification. First of all codification is, as a rule, not a slow evolutionary process that begins in the manuscript period and is characterised by competing solutions eventually converging in most cases and that is therefore quite stable. Its history is generally shorter and marked by sudden changes often induced by the dominating language(s). Furthermore codification is less of a "democratic" process since individuals

---

39 For some time there was also a biglyphic and biorthographic Lower Sorbian column, published by the organisation *Ponaschemu* in the regional newspaper *Der märkische Bote* but this was soon abandoned.

40 A similar development can be observed in the lexical area. There Lower Sorbian was strongly influenced by Upper Sorbian purism directed primarily against German loan words. In the years after 1989 puristic *ersatz* words of Upper Sorbian origin were ousted again and replaced by German loans. A very recent example is the word *zajmny* that has all but disappeared from the columns of the *Nowy casnik* with *interesantny* taking its place.

may influence it to a large degree and need not take public opinion into consideration. Since codification lacks a broad basis different (biglyphic and/or biorthographic) solutions may co-exist for quite a long period of time. And finally codification may be influenced to a high degree by the dominating language(s) because speakers of small minority languages are often more at home in the written variant of the dominating language(s) than in their own and may therefore prefer to have codifications that do not differ too much.

Bibliography

Barker 2000 – P. Barker. *Slavs in Germany: the Sorbian Minority and the German State since 1945*. Lewiston: Edwin Mellen.

Bierling 1689 – Z. Bierling. *Didascalia seu Orthographia vandalica Das ist/ Wendische Schreib- und Lese-Lehr/ Auf das Budissinische Idioma oder Dialectum mit Fleiß gerichtet*. Budissin: Richter (http://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd17/content/pageview/479398, last accessed 2 December 2017).

Boeck et al. 1974 – W. Boeck, Ch. Fleckenstein, D. Freydank. *Geschichte der russischen Literatursprache*. Leipzig: Enzyklopädie.

Brozović 1970 – D. Brozović. *Standardni jezik. Teorija, usporedbe, geneza, povijest, suvremena zbilja*. Zagreb: Matica Hrvatska.

Bunčić et al. 2016 – D. Bunčić, S. L. Lippert, A. Rabus (eds.). *Biscriptality. A Sociolinguistic Typology*. Heidelberg: Winter.

Dolnoserbska liturgija 1991 – *Dolnoserbska liturgija*. Budyšyn: Domowina.

Dolnoserbske perikopy 2011 – *Dolnoserbske perikopy. Bibliske cytanja za dolnoserbske namše*. Cottbus: Źěłowa kupka „Dolnoserbske perikopy“.

Duchowne kjarliže 2007 – *Duchowne kjarliže*. Budyšyn: Domowina.

Duličenko 1981 – А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития*. Таллин: Валгус.

Duličenko 2014 – A. D. Duličenko. Slavische Kleinschriftsprachen mit komplementärer Funktion zu slavischen Standardsprachen. In: K. Gutschmidt et al. (Hrsg.). *Die slavischen Sprachen: Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2010–2028.

Fabricius 1706 – Gottlieb Fabricius. *Dr. Martin Luthers sel. Kleiner Catechismus/ nebst einem Christlichen Glaubens-Bekäntnüs/ aus dem unmittelbaren Worte GOttes hergenommen/ und einer Kurtzen Anleitung zum Wahren*

Christenthum in die Wendische Sprache übersetzet. Cotbus: Andreas Richter.

Fabricius 1709 – Gottlieb Fabricius. *Das Neue Testament Unsers HErrn JEsu Christi/ in die Nieder-Lausitzsche Wendische Sprache übersetzet und zum Drucke befördert*. Kahren: Richter (http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10272504_00005.html, last accessed 1 December 2017).

Faska 2007 – H. Faska. Pismik ó w delnjoserbšćinje. *Serbska šula* 60, 1, 10–12.

Faßke 1984 – H. Faßke. Zur Herausbildung einer einheitlichen Graphik und Orthographie des Obersorbischen im 19. Jahrhundert. *Zeitschrift für Slawistik* 29, 872–878.

Fasske 1994 – H. Fasske. Der Weg des Sorbischen zur Schriftsprache. I. Fodor, C. Hagège (eds.). *Language Reform. History and Future – La réforme des langues. Histoire et avenir – Sprachreform. Geschichte und Zukunft* VI. Hamburg: Buske, 257–283.

Ferguson 1959 – C. A. Ferguson. Diglossia. *Word* 15, 325–340.

Frentzel 1670 – M. Frentzel. *S. Matthæus Und S. Marcus/ Wie auch Die drey allgemeinen Haupt-Symbola in die Wendische Sprache mit Fleiß übersetzet nach des Herrn Lutheri Teutscher Version benebens genauer Betrachtung der Grundsprache/ ingleichen Böhmischer Bibel/ sowohl auch unterschiedlicher Commentariorum*. Budißin: Frentzel (http://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/88267/3/0/, last accessed 1 December 2017).

Frizo 1796 – J. F. Frizo. *To Bóže Pißmo Starego Testamenta*. Choschobus: Kühn (http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10914824_00003.html, last accessed 1 December 2017).

Galmiche 2001 – X. Galmiche. Romaine contre gothique: aspects culturels des options alphabétiques et typographiques dans les Pays tchèques au XIXe siècle. *Slavica Occitania* 12, 191–216.

Gutschmidt et al. 2014 – K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta (eds.). *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung* 2. Berlin: De Gruyter Mouton.

Haupt – Schmaler 1841–1843 – L. Haupt, J. A. Smoleř. *Pjesnički hornych a delnych Łužiskich Serbow – Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz*. I–II. Grimma: Gebhardt.

Hauptmann 1761 – J. G. Hauptmann. *Wendische Grammatica. Das ist Möglichste Anweisung zur Erlernung der Nieder-Lausitzischen Wendischen Sprache*. Lübben: Johann Michael Driemel.

Hórnik 1880 – M. Hórnik. Wutworjenje našeje spisowneje rěče a jeje zbliženje z delnjoserbskej. *Časopis Maćicy Serbskeje* 33, 155–164.

Janaš 1976 – P. Janaš. *Niedersorbische Grammatik für den Gebrauch der sorbischen erweiterten Oberschule*. Bautzen: Domowina.

Jedlička 1990 – A. Jedlička. Zur Rezeption der Prager Schule im Bereich der Standardologie. In: A. Binder et al. (Hrsg.). *Festschrift Ľubomir Ďurovič zum 65. Geburtstag* (Wiener slawistischer Almanach 25/26). 205–215.

Jenč 1881 – K. Awgust Jenč. *Pismowstwo a spisowarjo delnjołužiskich Serbow.* Wot (1548) 1574–1880. Lipsk: Smoleŕ a Pjech.

Kollár 1929 – J. Kollár. *Rozpravy o slovanské vzájemnosti*. Praha: Slovanský ústav.

Kósyk 1881– M. Kósyk. Přerada markgrofy Gera. *Časopis Maćicy Serbskeje* 39, 90–113.

Lötzsch 1965 – R. Lötzsch. Einheit und Gliederung des Sorbischen. *Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst* 7, 3–19.

Moller 1959 – A. Moller. *Niedersorbisches Gesangbuch und Katechismus, Budissin 1574*. Berlin: Akademie-Verlag.

Mucke 1891 – K. E. Mucke. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialecte und des Obersorbischen*. Leipzig: Härtel.

Muka 1881 – E. Muka. Frenceliana II: Abraham Frencel jako serbski rěčnicaŕ. *Časopis Maćicy Serbskeje* 34, 69–78.

Müller – Wingender 2013 – D. Müller, M. Wingender (eds.). *Typen slavischer Standardsprachen. Theoretische, methodische und empirische Zugänge*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Nekvapil 2007 – J. Nekvapil. On the relationship between small and large Slavic languages. *International Journal of the Sociology of Language* 183, 141–160.

Nowusch 1988 – H. Nowusch. *Die Gleichberechtigung der Bürger sorbischer Nationalität in der DDR – verwirklichtes Menschenrecht*. Bautzen: Domowina.

Pernak 1998 – M. Pernak. *Jan Bjedrich Tešnaŕ (1829–1898). Z jogo žywjenja a źěła*. Barliń (ms.).

Pohončowa 2000 – A. Pohončowa. Procowanje wo pśibliženje gorno- a dolnoserbskego pšawopisa po lěśe 1945. *Lětopis* 9 (47), 1, 3–21.

Pohončowa 2007 – A. Pohončowa. Kito Wilhelm Broniš (1788–1881) – pózabyty dolnoserbski rěcywědnik. *Lětopis* 16 (54), 2, 65–89.

Pohontsch 2002 – A. Pohontsch. *Der Einfluss obersorbischer Lexik auf die niedersorbische Schriftsprache*. Bautzen: Domowina-Verlag.

Schröpfer 1968 – J. Schröpfer. *Hussens Traktat „Orthographia Bohemica". Die Herkunft des diakritischen Systems in der Schreibung slavischer Sprachen und die älteste zusammenhängende Beschreibung slavischer Laute*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Schuster-Šewc 1958 – H. Schuster-Šewc. *Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Ein Beitrag zur Geschichte der niedersorbischen Sprache*. Berlin: Akademie-Verlag.

Schuster-Šewc 1959 – H. Schuster-Šewc. Sprache und ethnische Formation in der Entwicklung des Sorbischen. *Zeitschrift für Slawistik* 4, 577–590.

Schuster-Šewc 1967 – H. Schuster-Šewc (ed.). *Das niedersorbische Testament des Miklawuš Jakubica 1548*. Berlin: Akademie-Verlag.

Schwela 1906 – G. Schwela. *Lehrbuch der Niederwendischen Sprache. Erster Teil: Grammatik*. Heidelberg: Otto Ficker.

Starosta 1998 – M. Starosta. Dolnoserbska leksika. In: H. Faska (red.). *Serbšćina*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 249–255.

Starosta 1998a – M. Starosta. Pismik ó w dolnoserbšćinje. *Serbska šula* 6, 111–112.

Starosta 1999 – M. Starosta. *Dolnoserbsko-nimski słownik. Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch*. Bautzen: Domowina.

Starosta – Spiess 1994 – M. Starosta, G. Spiess. Zasady a směrnice źěłabnosći dolnoserbskeje rěcneje komisije. *Rozhlad* 44, 421–423.

Stone 2017 – G. Stone. *Slav Outposts in Central European History. The Wends, Sorbs and Kashubs*. London: Bloomsbury.

Šwela 1903 – G. Šwela. *Dolnoserbski pšawopis*. Budyšyn: Monse.

Šwela 1952 – B. Šwela. *Grammatik der niedersorbischen Sprache. 2. Auflage. Bearbeitet und herausgegeben von Dr. Frido Mětšk*. Bautzen: Domowina.

Ticinus 1679 – J. Xaverius Ticinus. *Principia linguæ wendicæ quam aliqui wandalicam vocant*. Pragæ: Universitas.

Wingender 2013 – M. Wingender. *Modell zur Beschreibung von Standardsprachentypen.* In: D. Müller, M. Wingender (Hrsg.). *Typen slavischer Standardsprachen. Theoretische, methodische und umpirische Zugänge*. Wiesbaden: Harrasowitz, 19–37.

Wingender 2014 – M. Wingender. In: K. Gutschmidt et al. (Hrsg.). *Die slavischen Sprachen: Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1958–1972.

Cybulski Marek
Uniwersytet Gdański
Gdańsk, Polska

Rola *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* w procesie podnoszenia statusu językowego kaszubszczyzny

Języki zapadnosłowiańskie – język kaszubski – status języka – standaryzacja – poliwalencja – Biblioteka Pisarzy Kaszubskich

Kaszubszczyzna to zespół gwar, którymi posługuje się ludność mieszkająca na północy Polski, nad Morzem Bałtyckim. Razem z polszczyzną kaszubski należy do grupy języków zachodniosłowiańskich, a w jej obrębie do podgrupy języków lechickich,[1] którą oprócz dialektów polskich tworzył również wymarły w XVIII wieku język tzw. Drzewian Połabskich (Treder 2006c: 103–105). Już od X wieku kaszubszczyzna ulegała wpływom dialektów polskich, a następnie języka polskiego, bo obszar Kaszub wszedł w obręb państwa polskiego (Szultka 2001: 11–41), a ludność kaszubska sąsiadowała i sąsiaduje z ludnością posługującą się tzw. polskimi dialektami lądowymi. Dlatego też przez wielu językoznawców, szczególnie polskich, kaszubszczyzna uznawana była za dialekt języka polskiego, choć zdecydowanie inny od pozostałych

1 Termin wprowadzony przez rosyjskiego językoznawcę Aleksandra Hilferdinga (1831–1872) w pracy *Ostatki Sławjan na jużnom beregu Bałtijskogo Morja* (Hilferding 1862 [1989]).

polskich dialektów: wielkopolskiego, małopolskiego, mazowieckiego i śląskiego (zob. np. Rzetelska-Feleszko 2001: 99–106). Również dziś niektórzy badacze włączają kaszubszczyznę w obręb polskich dialektów, choć częściej przyjmuje się, że kaszubski jest odrębnym językiem (Zieniukowa 2001a: 61–70). Szczególnie sprzyja temu podjęcie w roku 2005 przez Sejm Rzeczypospolitej Polskiej uchwały, że kaszubski to — jedyny w Polsce — język regionalny i przysługuje mu ochrona prawna (por. Cybulski 2006: 63–72, 73–98).

W każdym języku literackim, a także w dialektach i gwarach, istnieje norma językowa, czyli zespół wszystkich środków językowych (głosek, morfemów, wyrazów, sposobów ich wymawiania, łączenia itp.), które są używane zgodnie z aprobatą społeczną przez wszystkich mówiących tym językiem (zob. np. Pisarek, Reczek 1992: 226). Nieprzestrzeganie normy językowej grozi niezrozumieniem i/lub ośmieszeniem mówiącego. Oczywiście inaczej działa norma w językach o długiej tradycji literackiej, w których takie działania są propagowane przez wydawnictwa poprawnościowe oraz media, inaczej zaś w gwarach, gdzie nieprzestrzeganie normy naraża tylko jej użytkowników na brak akceptacji.

Ogół działań, mających na celu ustalenie i przestrzeganie normy jakiegoś języka/dialektu, przyjęto nazywać normalizacją, a szerzej — biorąc również pod uwagę zespół działań zewnętrznych towarzyszących wprowadzaniu normy — standaryzacją (por. Cybulski 2013: 93–103).

W pracach społeczności kaszubskiej, zwłaszcza jej opiniotwórczych elit, na rzecz społeczno-kulturowej nobilitacji i/lub rewitalizacji kaszubszczyzny (Synak 2001: 303; Treder 2005: 328–344) standaryzacja odgrywała i nadal odgrywa ważną — jeśli nie najważniejszą — rolę. Trzeba jednak dodać, że standaryzacji, czyli zmniejszaniu wariantywności strukturalnej kaszubszczyzny, towarzyszy zwiększanie jej wariantywności funkcjonalnej, czyli rozwój poliwalencji, polegającej „na zdolności języka do wypowiadania myśli na różnych społeczno-kulturowych poziomach komunikacji językowej i w różnych stylach funkcjonalnych" (Zieniukowa 2001b: 262, zob. też Rogowska-Cybulska 2006). Oba te rodzaje działań kaszubskich twórców i językoznawców stanowią obecnie zasadniczy trzon starań o podniesienie statusu językowego kaszubszczyzny, ponieważ właśnie rozwiniętą poliwalencję oraz istnienie normy językowej uważa się dziś za najważniejsze cechy języ-

ków literackich, przeciwstawiające je dialektalnym odmianom języków etnicznych (por. Cybulski 2012: 195).

Instytucjonalnie standaryzacją języka kaszubskiego zajmuje się obecnie powołana w roku 2006 Rada Języka Kaszubskiego (Radzëzna Kaszëbsczégò Jãzëka), skupiająca kaszubskich językoznawców, pisarzy, publicystów i nauczycieli, powołana do oceny poprawnościowej kaszubskich tekstów mówionych i pisanych.[2]

W ramach prac nad standaryzacją kaszubszczyzny powstały też następujące wydawnictwa:

– *Wskôzë kaszësczégò pisënkù* (Gołąbk 1997) — inaczej niż sugeruje tytuł, pierwszy kaszubskojęzyczny poradnik poprawnościowy;
– *Kaszëbsczi słowôrz normatiwny* (Gołąbk 2005) — pierwszy kaszubskojęzyczny słownik poprawnościowy;
– seria wzorcowych wydawnictw *Biblioteka Pisarzy Kaszubskich*, w której ukazują się w dwu wersjach: oryginalnej i zestandaryzowanej najwybitniejsze utwory literatury kaszubskiej z obszernymi komentarzami i przypisami; teksty literackie w każdym tomie poprzedzone są obszernymi wstępami historycznymi, historycznoliterackimi oraz językoznawczymi.

Właśnie rola publikacji z serii *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* w podnoszeniu statusu językowego kaszubszczyzny będzie przedmiotem niniejszego artykułu.

Wydawcą książek z tej serii jest Instytut Kaszubski, a rola jej inspiratora przypada Zbigniewowi Zielonce, profesorowi literatury i pisarzowi, członkowi Instytutu Kaszubskiego, który wprawdzie urodził się w Poznaniu i tam ukończył studia, a przez kilkanaście lat pracował, z powodu nakazu pracy, w szkołach średnich Opola, ale od prawie czterdziestu lat mieszka w Słupsku. Związał się on z problematyką regionalną nie tylko poprzez pracę (Akademia Pomorska), lecz także dzięki

2 Propozycje poprawnościowe w postaci uchwał Rada Języka Kaszubskiego publikuje na łamach dwujęzycznego polsko-kaszubskiego rocznika „Biuletyn Rady Języka Kaszubskiego" / „Biuletin Radzëznë Kaszëbsczégò Jãzëka". Ukazało się dotychczas dwanaście tomów biuletynu, od roku 2007 (w 2007 dwa tomy: polski i kaszubski), następne w latach 2008, 2009, 2010 i 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 (po jednym tomie dwujęzycznym).

zainteresowaniom naukowym.[3] Jego intencje zostały urzeczywistnione w precyzyjnych planach Instytutu Kaszubskiego (Pomierska 2012).

Tomy serii wydawniczej *Biblioteka Pisarzy Kaszubskich* zawierają teksty literackie najczęściej w dwu wersjach: oryginalnej (z rękopisu/maszynopisu albo druku powstałego za życia autora) i zestandaryzowanej, przygotowanej według najnowszych wskazań ortograficznych (Breza 2006) i z ujednoliconymi formami fonetycznymi i fleksyjnymi, ustalono bowiem, że standaryzacja nie obejmie słowotwórstwa i składni (zob. Treder 2010; Cybulski 2011).

Standaryzacja języka tomów *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* dotyczy następujących zagadnień fonetycznych i ortograficznych:

– ponieważ w języku kaszubskim brak rozróżnienia fonemów /*i*/ oraz /*y*/, przyjęto zasadę zapisywania litery *i* po spółgłoskach innych niż *c*, *s*, *z*, *dz* i twarde *n*, np. *ùczałi*, nie: *uczały*; *krwawi*, nie: *krwawy*; *mùszima*, nie: *muszyma* itp.;

– samogłoskę nosową przednią oddaje się w piśmie jako *ã*, np. *dzesãc*, nie: *dzesęc*; *bãdze*, nie: *bandze* itp.;

– labializację zapisuje się jako znak diakrytyczny (w postaci kreseczki skierowanej z prawej ku lewej) nad literami samogłoskowymi *o*, *u*, np. *mùszã*, nie: *muszę*; *òdchòdzą*, nie: *odchodzą*; *ògnia*, nie: *uognia* itp.;

– miękkość spółgłosek wargowych miękkich oddaje się za pomocą litery *i* (mimo że niektórzy pisarze, szczególnie ci, którzy pochodzą z Zaborów, stosują tu inne spółgłoski lub w ogóle spółgłosek wargowych nie oznaczają), np. *umiôł jem*, nie: *umniôłem*; *kwiatë*, nie: *kiatë* itp.;

– rezultaty tzw. czwartej palatalizacji *k'*, *g'* zapisuje się dwuznakami *cz*, *dż*, np. *czij*, nie: *cij*; *czilka*, nie: *cilka*, *mòdżiłka*, nie: *modziłka* itp.;

– wprowadza się *ë* tam, gdzie jest ono współcześnie używane, mimo że nie występuje ono w tekstach pisarzy z Zaborów (np. Jana Karnowskiego), np. *czëła*, nie: *czuła* itp.;

W zakresie problemów morfologicznych standaryzacją objęto następujące zagadnienia:

– południowokaszubskie formy mianownika i biernika rzeczowników liczby mnogiej z rozszerzeniem *i* po *cz/ć* i po *dż/dź* podaje się bez owego rozszerzenia, np. *ribczi*, nie: *ribcie* itp.;

3 Problematykę kultury regionalnej poruszył m.in. Z. Zielonka (1994) w hasłach związanych z geografią miejsca urodzin i życia literackiego.

– jako końcówkę narzędnika liczby pojedynczej rzeczowników męskich i nijakich przyjęto *-ã*, nie: *-em*, np. *krajã*, nie: *krajem*; *pòlã*, nie: *polem*; ma to dalsze konsekwencje, gdy temat rzeczownika kończy się na tylnojęzykową *k*, *g*, bo nie zachodzi palatalizacja *k'> cz* i *g' > dż*, por. znany fragment hymnu kaszubskiego z poematu H. J. Derdowskiego *Ò panu Czôrlińsczim, co do Pùcka pò sécë jachôł*: w wersji autorskiej *Marsz, marsz, marsz za wrodziem, / Më trzimamë z Bodziem* wobec wersji zestandaryzowanej *Marsz, marsz, marsz za wrogã, / Më trzimómë z Bògã* itp.;

– w deklinacji rzeczowników wprowadzono regularne alternacje samogłoskowe tam, gdzie pisarze ich nie stosują, np. *slëbù*, nie *szlubu* itp.;

– południowokaszubskie formy zaimków *nos*, *wos* zastąpiono formami ogólnokaszubskimi *nas*, *was*;

– w odmianie zaimków w bierniku liczby pojedynczej rodzaju żeńskiego liczby pojedynczej stosuje się końcówkę *-ã*, likwidując polonizujące *-ą*, np. *jã*, *mòjã*, *twõjã*, nie: *ją*, *moją*, *twoją* itp.;

– w czasie przeszłym czasowników wprowadzono *ł//*(bylackie) *l*, nawet w formach, w których się ich nie wymawia, np. *przëniósł*, nie: *przëniós*; *rzekl*, nie: *rzek* itp.;

– w pierwszej i drugiej osobie obu liczb czasu przeszłego i trybu rozkazującego czasowników wprowadzono formy złożone ze słowem posiłkowym *bëc*, gdy pisarz (np. z Zaborów) używa polonizujących form z końcówkami osobowymi lub z kociewską cząstką *że*, np. *miôł jem*, nie: *miôłem*; *chcelë bë jesmë*, nie: *chcelëbësmë*; *żebë jem spełnił*, nie: *żebëm spełnił*; *jesma sã tu zebrała*, nie: *żesma sã tu zebrała* itp.;

– w rozkaźniku czasowników dawnej koniugacji *-no*, *-ne* wyeliminowano *j*, np. *òdemkni*, nie: *odemknij* itp.;

– w imiesłowach biernych zakończenia *-any* zastąpiono przez *-óny*, np. *czëtóny*, nie: *czëtany* itp.;

– w koniugacji wprowadzono alternacje według zasady: dawna samogłoska długa w temacie form osobowych wobec dawnej krótkiej w temacie bezokolicznika i rozkaźnika, np. *łómałë*, nie: *łamałë*.

Oto tytuły kolejnych tomów *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich*:

1. Florian Stanisław Ceynowa. *Rozmòwa Pòlôcha z Kaszëbą*. *Rozmòwa Kaszëbë z Pòlôchã*. Oprac., wstęp i przypisy Jerzy Treder. Gdańsk, 2007;
2. Hieronim Jarosz Derdowski. *Ò panu Czôrlińsczim, co do Pùcka pò sécë jachôł*. Oprac. Jerzy Samp, Jerzy Treder, Eugeniusz Gołąbek. Gdańsk, 2007;
3. *Dramaty Bernarda Sychty*, t. 1: *Dramaty obyczajowe*. Oprac., wstęp i przypisy Jerzy Treder i Jan Walkusz. Gdańsk, 2008;
4. Jan Rompski. *Dramaty kaszubskie*. Oprac., wstęp i przypisy Adela Kuik-Kalinowska, Daniel Kalinowski, Jerzy Treder. Gdańsk, 2009;
5. Aleksander Majkowski. *Żëcé i przigòdë Remùsa*. Oprac. i przypisy Jerzy Treder, wstęp Józef Borzyszkowski, Adela Kuik-Kalinowska, Jerzy Treder. Gdańsk, 2010;
6. Jan Karnowski. *Dramaty*. Oprac. i przypisy Marek Cybulski, wstęp Cezary Obracht-Prondzyński, Daniel Kalinowski, Marek Cybulski. Gdańsk, 2011;
7. Aleksander Majkowski, Jan Karnowski, Leon Heyke. *Poezja młodokaszubów*. Oprac. i przypisy Hanna Makurat, wstęp Józef Borzyszkowski, Adela Kuik-Kalinowska, Hanna Makurat. Gdańsk, 2012;
8. Jan Trepczyk, Aleksander Labuda, Jan Rompski, Stefan Bieszk, Franciszek Grucza, Feliks Marszałkowski. *Poezja zrzeszyńców*. Oprac. i przypisy Hanna Makurat, wstęp Józef Borzyszkowski, Adela Kuik-Kalinowska, Hanna Makurat. Gdańsk, 2013;
9. Franciszek Sędzicki. *Utwory kaszubskie*. Oprac. i przypisy Marek Cybulski, wstęp Marek Cybulski, Joanna Schodzińska, Daniel Kalinowski. Gdańsk, 2014;
10. Józef Ceynowa, Leon Roppel, Klemens Derc, Jan Bianga, Paweł Szefka, Franciszek Szroeder. *Poezja z kręgu „Klëki”*. Oprac. i przypisy Hanna Makurat, wstęp Józef Borzyszkowski, Adela Kuik-Kalinowska, Hanna Makurat. Gdańsk, 2015;
11. Jan Drzeżdżon. *Twórczość kaszubska*. Oprac. Marek Cybulski, Daniel Kalinowski. Gdańsk, 2016.

Serię *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* rozpoczyna zatem krytycznie opracowany tekst *Rozmòwë Pòlôcha z Kaszëbą* oraz *Rozmòwë Kaszëbë z Pòlôchã* Floriana Ceynowy (1817–1881). Autor, z wykształcenia lekarz, uważany za ojca kaszubskiego regionalizmu, był twórcą, który pierwszy świadomie zdecydował się pisać po kaszubsku. Ponieważ urodził się on w północnokaszubskim Sławoszynie, leżącym na obszarze dialektu żarnowieckiego, ten właśnie dialekt uczynił tworzywem swych tekstów, choć dodawał do nich również formy i słownictwo z innych dialektów oraz stosował liczne polonizmy. Ceynowa pozostawił po sobie teksty publicystyczne, folklorystyczne, baśnie, literackie, takie jak *Rozmòwa Pòlôcha z Kaszëbą*, *Rozmòwa Kaszëbë z Pòlôchã*, w tym tłumaczenia (np. bezrymowe Aleksandra Puszkina *Wo reboku e ribce*), ponadto prace dotyczące języka (*Wuvogji nad movą kaszebską*, *Moje spostrzeżenjo prze przezeranju wuvog Ismaela Sreznjevskjeho nad movą kaszebską*), gramatyki i słowniki (Treder 2006b). Utwór *Rozmòwa Pòlôcha z Kaszëbą* oraz *Rozmòwa Kaszëbë z Pòlôchã* to — jak pisze Justyna Pomierska — przykład „ciekawego w treści dialogu, gdzie Kaszuba wychwala piękno swojej mowy, szkicując pochodzenie kaszubszczyzny" (Pomierska 2012: 401). Pomierska zwraca uwagę na to, że „wybór katechizmowej formy (dwujęzycznej!) sprzyja przedstawieniu zamierzonych treści: Kaszuba opowiada najdawniejsze dzieje narodu kaszubskiego, objaśnia etymologię (ludową) nazw miejscowych i «przy okazji» wychwala piękno mowy kaszubskiej, pokazuje jej podobieństwa i różnice z polszczyzną" (Pomierska 2012: 405). Jerzy Treder stwierdza, że „osią obu *Rozmów* jest przekonywanie: w pierwszej Kaszuba (bogaty) zachęca Polaka, aby został Kaszubą (dla piękna i biblijnego rodowodu ziemi i mowy), w drugiej zaś Polak (szlachcic) zachęca Kaszubę do zostania Polakiem (dla starożytności nacji, zwłaszcza dla zapewnienia sobie życia bez pracy)" (Treder 2007b: 45).

Pisarzem kaszubskim, którego utwór *Ò panu Czôrlińsczim, co do Pùcka pò sécë jachôł* zamieszczono w drugim tomie *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich*, jest Hieronim Jarosz Derdowski (1852–1902). W odróżnieniu od Floriana Ceynowy nie miał on ambicji stworzenia odrębnego języka literackiego, uważał bowiem kaszubszczyznę za dialekt polski. Jego rodzima mowa nadaje się według niego przede wszystkim do stosowania w literaturze humorystycznej, w czym nawiązywał do praktyki

niemieckiego twórcy Fritza Reutera (1810–1874), piszącego dialektem dolnoniemieckim (*platdeutsch*). Derdowski „swą literacką kaszubszczyznę budował na bazie gwary wielewskiej" (Treder 2007b: 61), ale w niektórych fragmentach formy ograniczone tylko do tego dialektu zastąpił ogólnokaszubskimi, np. w odmianie czasownika posiłkowego *bëc* zamiast form *sąsmë*, *sąsta* stosował formy *jesmë*, *jesta* (Popowska-Taborska 1958: 21–27). Teksty Derdowskiego były zatem zrozumiałe dla polskich czytelników ze względu na zastosowany język — dialekt zaborski jest spośród dialektów kaszubskich najbardziej zbliżony do polszczyzny — ale też ze względu na świadomą intencję autora, by przybliżyć tekst o Kaszubach wszystkim polskim czytelnikom. Służyło też temu słownictwo, maksymalnie zbliżone do leksyki polskich dialektów lądowych, oraz grafia — inaczej niż u Ceynowy — taka sama jak w polszczyźnie, nieoddająca kaszubskich osobliwości fonetycznych (Treder 2006b: 35–46).

W trzecim tomie *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* wydano *Dramaty Bernarda Sychty*. Ksiądz dr Bernard Sychta (1907–1982) to m.in. twórca wiekopomnego *Słownika gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* (t. I–VII, 1967–1976), etnograf i autor utworów literackich. Spośród jego dramatów w omawianym tomie opublikowano *Dramaty obyczajowe*, obejmujące trzy utwory kaszubskojęzyczne (w tym dwa: *Hanka sã żeni* oraz *Dzéwczã i miedza* w wersji oryginalnej i zestandaryzowanej, trzeci zaś, *Gwiôzdka ze Gduńska*, tylko w wersji zestandaryzowanej) i jest to „mowa domowa autora, tj. gwara sierakowska" (Treder 2008: 50), oraz jeden dramat w dialekcie kociewskim (*Wesele kociewskie*).

W skład czwartego tomu *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* weszły kaszubskojęzyczne dramaty Jana Rompskiego (1913–1969), członka grupy poetyckiej skupionej wokół periodyku *Zrzesz Kaszëbskô*. Dwa dramaty: *Wzénik Arkónë* (akt I) i *Òżniwinë* wydano w dwu wersjach: oryginalnej i zestandaryzowanej, pozostałe zaś: *Jô chcã na swiat. Kòmédia w trzech aktach*; *Lelek. Dramat w szterzech aktach*; *Zemia. Dramat w trzech aktach*; *Pòrénk. Tragediô w trzech aktach*; *Lepszé chëcze. Szôłobòłka w 3 aktach*; *Roztrãbarch. Kòmédia w dwùch aktach* oraz *Jiwer òstatnëch. Dramat w dwùch dzélach* ukazały się tylko w wersji znormalizowanej. Język dramatów Rompskiego nasycony jest neologizmami, choć według J. Tredera „robi wrażenie najbardziej wśród zrzeszeńców jednolitego na różnych płaszczyznach" (Treder 2009: 108).

Piąty tom *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* to arcydzieło kaszubskojęzycznej prozy: *Żëcé i przigòdë Remùsa. Zvjercadło kaszubskji* Aleksandra Majkowskiego. Ponieważ język powieści normalizowano już wcześniej,[4] zdecydowano, że — jak podaje Jerzy Treder — „podstawowy dla tego wydania jest tekst powieści drukowany w 1938" (Majkowski 2010: 233), a w licznych przypisach porównano wybrane fragmenty z rękopisem i maszynopisem autora oraz z drukiem w „Gryfie" z roku 1922. A. Majkowski stworzył język niezależny od właściwości gwarowych określonych stron. Początkowo pisał on w gwarze kościersko-lipuskiej w duchu Derdowskiego, by później zradykalizować swój pogląd na kwestię kaszubszczyzny. W drugim etapie swej twórczości, który reprezentuje właśnie powieść *Żëcé i przigòdë Remùsa* oraz utwór *Strachë ë zrãkòwinë*, Majkowski wyraźnie zuniwersalizował lokalne zabarwienie swych tekstów poprzez znormalizowanie ortografii oraz ich standaryzację w zakresie fonetyki i fleksji (Treder 2010: 97–225), choć niemało elementów tego dialektu nadal jest w powieści obecnych (zob. Cybulski 1999).

Kolejnym autorem, którego dzieło wyszło drukiem w ramach serii *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich*, jest Jan Karnowski (1886–1939). W roku 2011 ukazały się jego *Dramaty*. Sześć z nich: *Zôpis Mscëwòja*, *Libùsza*, *Otrok Swiãtowida*, *Kaszëbi pòd Widnã*, *Scynanié Kani* oraz *Czôrlińsczi* wydano w dwu wersjach: oryginalnej i zestandaryzowanej, natomiast *Wesele kaszubskie* nie zostało poddane standaryzacji. Choć J. Karnowski „nie studiował językoznawstwa, o języku kaszubskim dużo wiedział dzięki lekturom i samokształceniu [...], to jednak w swych dramatach nie wyszedł poza ramy rodzimego dialektu zaborskiego" (Cybulski 2011: 170–171).

Następną pozycją wydaną w *Bibliotece Pisarzy Kaszubskich* jest *Poezja młodokaszubów*, obejmująca liryki najbardziej znanych poetów kaszubskich, członków tzw. Towarzystwa Młodokaszubów: Aleksandra Majkowskiego (1876–1938), Jana Karnowskiego (1886–1939) i Leona Heykego (1885–1939). Dwaj pierwsi pochodzili z Zaborów na Kaszubach południowych, Heyke zaś urodził się na Kaszubach północnych.

4 W 1998 r. przez E. Pryczkowskiego oraz dwukrotnie przez J. Tredera, w r. 2005 i 2010.

Jak zaznaczyła Hanna Makurat, „młodokaszubi stanowią pierwszą grupę literacką, która działając ponadindywidualnie, postawiła sobie zadanie ustanowienia reguł pisowni kaszubskiej i systematycznie w toku dyskusji wypracowywała normę" (Makurat 2012: 87).

Kolejny tom *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* — Jan Trepczyk, Aleksander Labuda, Jan Rompski, Stefan Bieszk, Franciszek Grucza, Feliks Marszałkowski, *Poezja zrzeszyńców* (2013) — prezentuje twórczość pisarzy następnego pokolenia, skupionych wokół pisma *Zrzesz Kaszëbskô*. Tzw. zrzeszyńcy pochodzili z Kaszub środkowych, np. Jan Trepczyk (1907–1989) urodził się w Stryszej Budzie pod Mirachowem, Aleksander Labuda (1902–1981) wywodził się z Mirachowa, a Jan Rompski (1913–1969) pochodził z Kartuz. W swej twórczości posługiwali się oni kaszubszczyzną środkową, uzupełniając ją jednak licznymi archaizmami fonetycznymi, np. wyrazami ze staropomorską grupą *TarT* (jak *barnic*), leksemami zawierającymi grupę *-oł-* pochodzącą z dawnego *l* sonantycznego (jak *mołwa*), a także archaizmami leksykalnymi charakterystycznymi dla kaszubskich dialektów północnych. Zrzeszyńcy zdecydowanie opowiadali się za kaszubszczyzną jako samodzielnym językiem słowiańskim, a swoje zadanie widzieli w tym, „aby możliwie jak najbardziej oddalić ją od języka polskiego" (Makurat 2013: LXXXV). Jednak w próbach zbudowania przez nich odrębnego kaszubskiego języka literackiego przeszkadzało to, że często zbyt mocno eksponowali oni w swych tekstach cechy lokalne, charakterystyczne dla niewielkich gwar (por. Treder 2005: 202–265).

Autor utworów wydanych w dziewiątym tomie *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* to Franciszek Sędzicki (1882–1957), pisarz luźno związany z młodokaszubami, jednak poziomem twórczości i wykształceniem wyraźnie odstający od Majkowskiego, Karnowskiego i Heykego. Sędzicki nie chciał tworzyć z kaszubszczyzny odrębnego języka literackiego, „lecz maksymalnie zbliżał ją do polszczyzny od strony folklorystycznej, włączając do swych tekstów liczne polonizmy gramatyczne i leksykalne" (Cybulski 2014a: CXVIII). W tomie tym znalazły się drobne utwory liryczne, dwa dłuższe poematy oraz utwory prozą: felietony i opowiadanie. Opublikowano je w dwu wersjach: autorskiej i zestandaryzowanej, ale „nie znalazły się w wersji autorskiej teksty z tomu Franciszka Sędzickiego *Jestem Kaszubą. Wybór utworów* (1956)

w opracowaniu Leona Roppla — ze względu na zbyt dużą ingerencję redaktora w warstwę formalną tekstu" (Cybulski 2014b: 471).

W kolejnym tomie *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* zebrano poezje Józefa Ceynowy, Leona Roppla, Klemensa Derca, Jana Biangi, Pawła Szefki i Franciszka Szroedera, pisarzy skupionych wokół pisma „Klëka", wychodzącego w latach 1937–1939. Podobnie jak Hieronim Jarosz Derdowski uważali oni kaszubszczyznę za dialekt języka polskiego i w związku z tym „przyłożyli się do regresu standardowej kaszubszczyzny" (Makurat 2015: LXX).

Ostatni, jedenasty tom serii *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* obejmuje *Twórczość kaszubską* Jana Drzeżdżona (1937–1992). Artysta znany jest polskojęzycznym czytelnikom jako autor dwudziestu powieści, opowiadań i zbiorów poezji. Teksty kaszubskojęzyczne, ilościowo skromniejsze, to opowiadania prozą z trzech tomów: *Zwónnik*, *Twarz Smętka* i *Kòl Biélawë*, a także wiersze z tomu *Przëszlë do mie* (1995). Utwory Drzeżdżona ukazały się „w jednej wersji, ponieważ zostały one zestandaryzowane już za życia autora za jego zgodą, niejako na jego prośbę" (Cybulski 2016: 587).

Widzimy zatem, że choć literatura kaszubska rozwija się już ponad 150 lat, każdy z jej twórców posługiwał się — w mniejszym lub większym stopniu — swą rodzimą mową. Mimo że niektórzy pisarze (np. Ceynowa, Derdowski) swe teksty, pisane gwarą wsi, w której się urodzili, uzupełniali elementami innych gwar kaszubskich lub eliminowali cechy charakterystyczne tylko dla niewielkich terenów, trzeba uznać, że podstawowym tworzywem ich tekstów był określony dialekt. W pełni zatem uzasadnione jest twierdzenie, że kaszubski język literacki ciągle jeszcze jest na etapie powstawania, *in statu nascendi* (Treder 2006d: 102–103).

Język współczesnych pisarzy niekiedy już odbiega od podłoża dialektalnego związanego z ich miejscem urodzenia. Na przykład Stanisław Janke (ur. 1956), pochodzący z południowokaszubskiego Lipusza, tłumacz na kaszubski m.in. *Pana Tadeusza* Adama Mickiewicza, pisze na ogół językiem zrzeszyńców i brak u niego nawiązań do gwary kościersko-lipuskiej. Z kolei Roman Drzeżdżon (Rómk Drzeżdżónk), choć w felietonach ukazujących się współcześnie w *Pomeranii* posługuje się pseudonimem *Bëlôk*, nie bylaczy (Treder 1999: 172).

Standaryzacji języka literatury kaszubskiej sprzyja też fakt, że kaszubski język literacki tworzy się obecnie na bazie dialektu środkowego, jest to „kaszëbizna òpiartô na gôdkach westrzédnëch z dodôwkã elementów nocno- i pòłniowòkaszëbsczich" (Gołąbk 1997: 18). Dzieje się tak, ponieważ większość współczesnych pisarzy pochodzi z Kaszub środkowych, a osoby wywodzące się z innych regionów w mniejszym lub większym zakresie pod ich wpływem również wprowadzają do swych tekstów kaszubszczyznę środkową. Ważną rolę odgrywa też fakt, że z północno-wschodniej części Kaszub środkowych pochodzi także Eugeniusz Gołąbk, autor poradnika poprawnościowego i słownika poprawnej kaszubszczyzny.

Wprawdzie wszystkie tomy *Biblioteki Pisarzy Kaszubskich* należą do dzieł literatury pięknej, ale reprezentują różne jej rodzaje (dramat, lirykę i epikę) i gatunki (komedię, tragedię, dialog literacki, powieść, poemat, wiersze liryczne itd). Takie zróżnicowanie utworów wybranych do wydania w ramach tej serii nie wpływa może na rozwój poliwalencji w sensie dosłownym, ponieważ teksty te istniały przecież już wcześniej, ale dopiero teraz ukazały się one w wersji standardowej, niezbędnej zwłaszcza w kaszubskojęzycznej edukacji. W praktyce zatem dopiero dzięki *Bibliotece Pisarzy Kaszubskiej* uczniowie poznający kaszubski język literacki mogą odkryć jego poliwalencję.

Kaszubszczyzna literacka rodzi się współcześnie przede wszystkim dzięki pracy pisarzy, publicystów, działaczy i nauczycieli. Standaryzacja kaszubszczyzny i rozwój jej poliwalencji wyrastają z potrzeby oddania za pomocą sprawnego języka różnorodności skomplikowanego dzisiejszego świata i są niezbędne, by język przetrwał. Ważne jest również to, aby poprzez standaryzowanie języka tekstów literatury kaszubskiej pomóc kaszubskojęzycznemu czytelnikowi w pełni czerpać ze skarbca literatury. Temu wyzwaniu próbuje sprostać — myślę, że z powodzeniem — *Biblioteka Pisarzy Kaszubskich*.

Literatura

Breza 2006 – E. Breza. Pisownia kaszubska. In: J. Treder (red.). *Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny. Wyd. 2. popr. i poszerz*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 194–198.

Ceynowa 2007 – F. S. Ceynowa. *Rozmòwa Pòlôcha z Kaszëbą. Rozmòwa Kaszëbë z Pòlôchã*. Oprac., wstęp i przypisy J. Treder. Gdańsk: Instytut Kaszubski.

Cybulski 1999 – M. Cybulski. Fleksja czasowników w „Żëcym i przigòdach Remùsa" A. Majkowskiego a powstawanie znormalizowanego kaszubskiego języka literackiego. In: T. Linkner (red.). *„Życie i przygody Remusa". Powieść regionalna czy arcydzieło europejskie*. Słupsk: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Słupsk, 169–173.

Cybulski 2006 – M. Cybulski. Praktyczne aspekty Ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym. In: J. Treder (red.). *Kaszubszczyzna w przeszłości i dziś*. Warszawa: Retro-Art, 63–72.

Cybulski 2011 – M. Cybulski. Normalizacja języka kaszubskiego w przygotowywanym wydaniu dramatów Jana Karnowskiego. *Zeszyty Łużyckie* t. 45, cz. I. 71–81.

Cybulski 2012 – M. Cybulski. O normie morfonologicznej w kaszubszczyźnie. *Studia Slavica* XVI, 195–202.

Cybulski 2013 – M. Cybulski. Standaryzacja kaszubszczyzny – zakres, historia, przykłady. *Polszczyzna Mazowsza i Podlasia* t. XVII, 93–103.

Cybulski 2014a – M. Cybulski. Język utworów Franciszka Sędzickiego i zasady jego standaryzacji. Nota wydawnicza. In: F. Sędzicki. *Utwory kaszubskie*. Oprac. i przypisy Marek Cybulski, wstęp Marek Cybulski, Joanna Schodzińska, Daniel Kalinowski. Gdańsk: Instytut Kaszubski, XCV–CIX.

Cybulski 2014b – M. Cybulski. Nota wydawnicza. In: F. Sędzicki. *Utwory kaszubskie*. Oprac. i przypisy Marek Cybulski, wstęp Marek Cybulski, Joanna Schodzińska, Daniel Kalinowski. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 471–473.

Cybulski 2016 – M. Cybulski. *Nota wydawnicza*. In: J. Drzeżdżon. *Twórczość kaszubska*. Oprac. M. Cybulski, D. Kalinowski. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 587–590.

Gołąbk 1997 – E. Gołąbk. *Wskôzë kaszëbsczégó pisënkù*. Gduńsk: Oficyna Czec.

Gołąbk 2005 – E. Gołąbk. *Kaszëbsczi słowôrz normatiwny*. Gdańsk: Oficyna Czec.

Hilferding 1862 [1989] – A. Hilferding. *Resztki Słowian na południowym wybrzeżu Morza Bałtyckiego*. Gdańsk: Zrzeszenie Pomorsko-Kaszubskie.

Makurat 2012 – H. Makurat. Właściwości języka utworów lirycznych młodokaszubów, redakcje zbiorków poetyckich i wyznaczniki standaryzacji przyjęte w obecnej edycji. In: A. Majkowski, J. Karnowski, L. Heyke. *Poezja młodokaszubów*. Gdańsk: Instytut Kaszubski.

Makurat 2013 – H. Makurat. Charakterystyka utworów lirycznych zrzeszyńców. In: J. Trepczyk, A. Labuda, J. Rompski, S. Bieszk, F. Grucza, F. Marszałkowski. *Poezja zrzeszyńsców*. Oprac. i przypisy H. Makurat, wstęp J. Borzyszkowski, D. Kalinowski, H. Makurat. Gdańsk: Instytut Kaszubski.

Makurat 2015 – H. Makurat. Cechy języka utworów poetyckich klëkowców. In: J. Ceynowa, L. Roppel, K. Derc, J. Bianga, P. Szefka, F. Szroeder, *Poezja twórców z kręgu „Klëki”*. Oprac. i przypisy H. Makurat, wstęp J. Borzyszkowski, A. Kuik-Kalinowska, H. Makurat, Gdańsk: Instytut Kaszubski.

Majkowski 2010 – A. Majkowski. *Żëcé i przigòdë Remùsa*. Oprac. i przypisy J. Treder, wstęp J. Borzyszkowski, A. Kuik-Kalinowska, J. Treder. Gdańsk: Instytut Kaszubski.

Pisarek – Reczek 1992 – W. Pisarek, J. Reczek. Norma językowa. *Encyklopedia języka polskiego*. Wrocław: Ossolineum, 226.

Pomierska 2012 – J. Pomierska. Biblioteka Pisarzy Kaszubskich – Oni zasłużyli na Nobla. In: G Różańska (red.). *Polscy Nobliści w dyskursie dydaktycznym, literackim i kulturowym.* Słupsk: Instytut Naukowo-Wydawniczy „Spatium”, 397–423.

Popowska-Taborska 1958 – H. Popowska-Taborska. Poemat H. Derdowskiego „Ò panu Czôrlińsczim, co do Pùcka pò secé jachôł” jako próba stworzenia kaszubskiego języka literackiego. *Język Polski* XXXVII, z. 1, 21–27.

Rogowska-Cybulska 2006 – E. Rogowska-Cybulska. Poliwalencja kaszubszczyzny a kultura masowa (Przyczynek do roli gatunków tekstów jako argumentu w dyskusji nad statusem językowym kaszubszczyzny). In: J. Treder (red.). *Kaszubszczyzna w przeszłości i dziś*. Warszawa: Retro-Art, 73–98.

Rzetelska-Feleszko 2001 – E. Rzetelska-Feleszko. Rozwój kaszubszczyzny i jej odrębność. In: E. Breza (red.). *Kaszubszczyzna / Kaszëbizna*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 99–106.

Synak 2001 – B. Synak. Współczesne funkcjonowanie kaszubszczyzny. In: E. Breza (red.). *Kaszubszczyna / Kaszëbizna*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 295–316.

Szultka 2001 – J. Szultka. Szkic dziejów Kaszubów ze szczególnym uwzględnieniem przemian językowych. In: E. Breza (red.). *Kaszubszczyzna / Kaszëbizna*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 11–41.

Treder 1999 – J. Treder. Język, piśmiennictwo i kultura duchowa Kaszubów. In: J. Borzyszkowski, J. Mordawski, J. Treder. *Historia, geografia, język i piśmiennictwo Kaszubów*. Gdańsk: M. Rożak, 126–185.

Treder 2005 – J. Treder. *Historia kaszubszczyzny literackiej*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Treder 2006a – J. Treder. Ceynowa Florian Stanisław Wenancjusz. In: J. Treder (red.). *Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny*. Gdańsk: Oficyna Czec, 35–41.

Treder 2006b – J. Treder. Derdowski Hieronim. In: J. Treder (red.). *Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny*. Gdańsk: Oficyna Czec, 35–46.

Treder 2006c – J. Treder. Języki lechickie. In: J. Treder (red.). *Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny*. Gdańsk: Oficyna Czec, 103–105.

Treder 2006d – J. Treder. Język kaszubski. In: J. Treder (red.). *Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny*. Gdańsk: Oficyna Czec, 102–103.

Treder 2007a – J. Treder. Wstęp. In: F. S. Ceynowa. *Rozmòwa Pòlôcha z Kaszëbą. Rozmòwa Kaszëbë z Pòlôchã*. Oprac., wstęp i przypisy J. Treder. Gdańsk: Instutut Kaszubski, 7–75.

Treder 2007b – J. Treder. Język poematu Derdowskiego. In: H. J. Derdowski. *Ò panu Czôrlińsczim, co do Pùcka pò secé jachôł. Zełgôł dlô swòjëch druchów kaszubsczich Jarosz Derdowski*. Oprac. J. Samp, J. Treder, E. Gołąbek. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 37–62.

Treder 2010 – J. Treder. Normalizacja języka w reedycjach dzieł literatury kaszubskiej (na marginesie nowego wydania dramatów Bernarda Sychty). *Acta Cassubiana* XII, 163–174.

Zieniukowa 2001a – J. Zieniukowa. Ewolucja poglądów na status kaszubszczyzny. In: E. Breza (red.). *Kaszubszczyzna / Kaszëbizna*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 61–70.

Zieniukowa 2001b – J. Zieniukowa. O nowych badaniach, wprowadzonych pod koniec XX wieku form komunikacji w języku kaszubskim. In: J. Borzyszkowski, C. Obracht-Prondzyński. *Badania kaszuboznawcze w XX wieku*. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 260–271.

Zielonka 1994 – Z. Zielonka. *Geografia życia literackiego polskiego kręgu kulturowego na Śląsku*. Słupsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna.

Breu Walter
Universität Konstanz
Konstanz, Deutschland

Судьба местного падежа в трех говорах молизско-славянского микроязыка (под влиянием итальянского языка)

Южнославянские языки – молизско-славянский микроязык – совпадение падежей – языковой контакт – адвербиализация – диалектология – локатив

1. Введение

Настоящее исследование посвящено особенностям развития унаследованного местного падежа (локатива) в языке славянского меньшинства южно-итальянского региона Молизе, в последующем называемом молизскославянский (микро)язык, сокр. МСЯ.[1] На протяжении вот уже 500 лет этот южнославянский микроязык находится в интенсивном языковом контакте с романскими диалектами, в основном с молизанским диалектом, и уже в течение приблизительно 150-ти лет — с итальянским литературным языком. В настоящее время, вследствие поголовного двуязычия носителей

1 За исключением некоторых уточнений, данная статья основывается на более обширной немецкой версии (Breu 2008a), в которой, однако, основную роль играло теоретическое описание изменений в системе категории падежа вследствие преобразования местного с помощью формализованных диахронических правил.

языка, контакт с итальянским языком можно назвать «абсолютным (тотальным) языковым контактом». Как видно по икавско-штокавской основе языка, а также другим унаследованным языковым особенностям, предки молизских славян, с наибольшей вероятностью, прибыли из далматинско-герцеговинского материкового региона, расположенного западнее реки Неретва. Ближайшим родственным языком МСЯ, генетически относящегося к диалектному континууму сербохорватского языка (боснийский-сербский-хорватский = БСХ), является хорватский литературный язык. Вследствие длящегося столетиями языкового контакта, молизскославянский стал «отстоящим языком под чужим языком-крышей». В настоящее время он употребляется только в трех деревнях, в **Аквавиве** (итал. *Acquaviva Collecroce*), **Монтемитро** (итал. *Montemitro*) и **Сан Феличе** (итал. *San Felice del Molise*), далее в тексте сокр. АК, ММ, СФ. Местные наименования: *Kruč, Mundimitar, Filič.* В Сан Феличе, правда, осталось совсем немного носителей языка.[2]

1-1. Общая характеристика молизско-славянского языка

Как известно, молизско-славянский микроязык в целом характеризуется двумя главными критериями икавизма (напр. *dvi* ≠ *dve, dvije*) и штоканья (*što?* ≠ *ča?, kaj?*). В звуковой области необходимо особо упомянуть вокализирование *l* > *a* (≠ *o* в БСХ), напр., **nosil* > **nosia* > *nosija* или **rekal* > **rekaa* > *rekā* (≠ БСХ *nosio, rekao*).

В именной системе следует назвать утрату среднего рода как категории существительного под романским влиянием, в то время как он сохранился у субстантивированных прилагательных и наречий, а также исчезновение женского *i*-склонения. В итоге возникает двойная система склонения, определяемая родом, без учета фонетически или лексически обусловленных вариантов окончаний в им. и вин. падежах единственного и множественного числа (Брой 2013). В отличие от БСХ, молизско-славянский обладает грамматикализированным неопределенным артиклем (Breu 2008б).

2 Об исторической ситуации молизских славян можно узнать из классического труда (Rešetar 1911), о лингвистической аргументации по поводу их прародины ср. также Ivić (1958: 248–269). Демографическое развитие в молизско-славянских селах с 1861 г. представлено в Breu (2017б: 204–205).

В глагольной системе МСЯ, под сильным влиянием итальянского языка, выделяется не имеющей аналога в стандартных славянских языках, оппозицией перфекта и имперфекта (при одновременном отсутствии аориста). Имперфект, в отличие от БСХ, образуется также от глаголов совершенного вида и, кроме того, выполняет модальную функцию ирреальности (Брой 2014). К этому следует добавить новое разграничение двух граммем будущего времени, характеризующихся модальностью, а именно, будущее вероятности, образующееся с помощью вспомогательного глагола хотеть и будущее необходимости, образующееся с вспомогательным глаголом иметь. Такое же различие встречается и в новообразованном «будущем в прошедшем». И наконец, необходимо отметить образование плюсквамперфекта с помощью грамматических частиц, добавленных к перфекту.[3]

В области синтаксиса следует назвать проклитики и энклитики, которые, по аналогии с итальянским, непосредственно примыкают к глаголу, в отличие от позиции «на втором месте в предложении», свойственной БСХ, а также постпозицию прилагательных (за существительными), например, *žena stara* ‘старая жена’ (Breu в печати).

1-2. Внутренняя дифференциация

Каждое молизско-славянское село обладает своим собственным говором. Между ними наблюдаются различия на всех языковых уровнях. В области лексики они касаются как унаследованного состава, так и заимствований.[4] Часто различия состоят в том, что в лексическом составе одного говора сохраняется исконно славянское

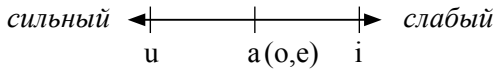
3 Об этих и целом ряде других грамматических особенностях, возникших под влиянием языкового контакта, и, в том числе, об их диалектальных различиях, ср. также Breu (2017a: 16–72). Об особенностях говора Монтемитро осведомляет, кроме того, Sammartino (2004). О новейших тенденциях в только что возникшей собственно молизско-славянской литературе ср. Breu (2017б), а о прежних письменных попытках ср. Дуличенко (2003: 128–177) и Breu (2018).

4 О лексике говора Аквавивы ср. Breu, Piccoli (2000), о лексике Монтемитро ср. Piccoli, Sammartino (2000). О роли заимствований во всех трех говорах ср. Breu (2017a: 67–71).

слово, в то время как другие говоры заменяют его заимствованным. В этой связи местные приписывают особенную консервативность говору самого маленького села ММ. Необходимо, однако, заметить, что такие типичные заимствования в ММ, как *galo* ‘петух’, *skrivit* ‘писать’, *tarela* ‘дедушка’ не употребляется в селе АК. Этим словам соответствуют в говоре АК исконные славянские понятия *pivac, pisat* и *did*. Далее, для ‘рот’ в АК встречается только славянское существительное *usta,* в ММ, тем временем, в этом значении употребляется *gvandža*, которое хотя и существует в АК, но означает здесь ‘щека’, так же, как и его итальянская модель *guancia.* И наоборот, ‘отец’ обозначается в ММ и СФ исконно славянским *otac*, устаревшим в АК, где употребляют только *tata*. Среди слов, схожих по звучанию, но имеющих разные значения, можно назвать, напр., *bak,* которое обозначает в АК только ‘бык’, а в ММ, наряду с этим понятием (а в представлении жителей Аквавивы — исключительно), оно обозначает ‘незрелый фрукт, помидор’, а также — ‘свинья’ (Piccoli, Sammartino 2000: 7), или *kaša,* которое в АК имеет значение ‘земля, глобус’, а в СФ и ММ — ‘грязь’.

В звуковой области говор деревни Монтемитро характеризуется сохранением изначального качества гласных, в то время как для Аквавивы и Сан Феличе, в особенности в безударных конечных слогах, характерно «молизскославянское аканье», т.е. понижение безударных кратких гласных *е* и *о* до *а*. Кроме того, все безударные изначально краткие гласные обоих говоров перешли в абсолютном конце слова в глухие шепотные гласные, имеющие тенденцию к выпадению различной степени выраженности, как видно по следующей «шкале устойчивости».

Шкала устойчивости гласных:



В соответствии с этой шкалой, шепотное *u̯* сохраняется в большинстве случаев, в то время как для шепотных невысоких гласных свойственна тенденция к выпадению.

Выявляются, например, следующие различия в произношении: *sundze* ‘солнце’, *guvno* ‘гумно’ (ММ) в сравнении с *sundzạ, guvnạ* (АК, СФ) с шепотным гласным *ạ* или *je rivalo* ‘оно прибыло’ (ММ) в сравнении с *je rivalạ* (АК, СФ). Историческое краткое *i* всегда выпадает на абсолютном конце слова в говорах АК и ММ, в то время как в СФ оно факультативно сохраняется. Таким образом, выявляется, например, следующая тройная оппозиция с признаками [±аканье] и [±i]: *sma kupil* ‘мы купили’ (АК): *smo kupil* (ММ): *sma kupil(i)* (СФ).

Для системы падежей говора ММ характерно выпадение первоначального гласного *-i* у существительных ж. рода в дат. падеже ед. числа, напр., *žen (< ženi)* ‘жена’ дат. ед., а в СФ всё еще слышится *ženi*. В Аквавиве употребляется форма *ženu* дат. ед., которая происходит от формы винительного падежа (см. ниже).[5] В синтаксическом контексте появление изначального *-i* возможно во всех говорах, а именно, если оно, вследствие присоединения клитики, больше не находится на абсолютном конце слова, ср., напр., в говоре АК: *kū́p (< kū́pi)* ‘купи!’, но *kū́p**i**-ga* ‘купи его!’.[6]

Среди морфологических различий в глагольной системе трех говоров следует назвать, напр., часто используемый в ММ для образования вторичного несовершенного вида суффикс *-ilja-*. В СФ он употребляется реже, а в АК появляется исключительно *-iva-*, напр., *vam**ilja**t* (ММ) ‘брать’: *vam**iva**t* (АК, СФ). В качестве частицы для образования плюсквамперфекта в АК употребляется *bi*, в ММ *ba* и в СФ вариативно *bi ~ be ~ ba,* напр.: *ja sa bi poša* (АК), *ja se ~ si ba poša* (ММ), *ja sa bi ~ be ~ ba poša* (СФ) ‘я [уже до того] пошел’. Из этого примера видно, что в ММ 1-ое лицо ед. числа вспомогатель-

5 Строго говоря, вин. и дат. падежи ед. числа *ženu* звучит в АК как *žḗnụ* с факультативным шепотным гласным на конце слова, долгим ударным гласным и восходящей интонацией, а соответствующий им. падеж *žena* — как *žḗnạ*. Но для морфологических исследований в области местного падежа достаточна упрощенная запись, представленная в последующих примерах, без указания просодии, а также шепотного произношения. Аканье, напротив, будет учитываться, так как оно важно для дальнейшей аргументации.

6 О синхронном описании фонетики говора Аквавивы ср. Breu, Piccoli (2000: 385–389), Breu (2017a: 16–21); об историческом развитии фонологической системы ср. Breu (1999).

ного глагола *bit* ‘быть’ может вариативно звучать *se* или *si* (совпадая по форме со 2-ым лицом!), в то время как в обоих других говорах употребляется *sa (<sam).* Наконец, следует еще указать на то, что супплетивные формы превосходной степени в ММ и СФ образуются при помощи приставки *naz-*, а в АК — *na-,* напр*., nazbolji* ‘самый лучший, наилучший’ (ММ, СФ): *nabolji* (АК) (ср. БСХ *najbolji*). Существенным здесь оказывается то, что в ММ превосходную степень продуктивного аналитического способа образования совершенно невозможно отличить от сравнительной степени, так как в этом говоре отсутствует градуирующее наречие превосходной степени, соответствующее наречию *naveče* ‘более всего’, которое все еще употребляется в АК. Итак, в АК можно различить между *veča lipi* ‘красивее’ и *naveče lipi* ‘самый красивый’, в то время как в ММ для обоих вариантов существует только конструкция *veče lipi.*[7]

2. Местный падеж в молизско-славянском праязыке

Местный падеж является граммемой, сохранившейся почти во всех славянских языках. Что касается литературных языков, то его полное исчезновение наблюдается только в балканославянских языках, где он пропал в рамках исчезновения всей системы падежей существительного. Даже в серболужицких языках местный падеж хорошо сохранился, в том числе в разговорной разновидности верхнелужицкого языка, несмотря на его отсутствие в контактном немецком языке (Scholze 2008: 76–77). Ввиду того, что во всех литературных языках местный падеж употребляется исключительно с предлогами, эта консервативность, безусловно, связана с тем фактом, что он, как форма управляемая этими предлогами, в некотором роде, «окаменел».

В таблице 1 показана реконструированная полная система падежей молизско-славянского праязыка (за исключением звательного) того времени, когда местный являлся еще продуктивным падежом. При этом считается, что тогда еще не было диалектальных различий

7 О системе степеней сравнения в АК под влиянием языкового контакта ср. Breu (2009).

в системе падежей. Примерами послужат существительные *grad* ‘деревня, местность’ м., *put* ‘улица, дорога’ м. (особенное мн. число на *-e*), *misto* ‘место’ м. (существительное бывшего ср. рода) и *glava* ‘голова’ ж. рода. В связи с дальнейшим развитием местного падежа интересна будет только выделенная серым часть падежей, а именно: дательного, винительного и местного (локатива).[8]

*	**ед. число мужского рода**	**ед. число женского рода**	**мн. число всех родов, главные окончания**
им.	*grad, put, misto*	*glava*	*gradā, pute, mistā, glave*
род.	*grada, puta, mista*	*glavē*	*gradī, putī, mistī, glavamī*
дат.	*gradu, putu, mistu*	*glavi*	*gradī, putī, mistī, glavamī*
вин.	*grad, put, mista*	*glavu*	*gradā, pute, mistā, glave*
твор.	*gradem, putem, mistem*	*glavōm*	*gradī, putī, mistī, glavamī*
мест.	***gradu, putu, mistu***	***glavi***	***gradī, putī, mistī, glavamī***

Таблица 1: Реконструкция системы падежей «прамолизско-славянского»

3. Выражение функций местного падежа в молизско-славянском

Устойчивость местного падежа объясняется в особенности тем, что он употребляется с предлогами, для которых характерно двойное управление, служащее для различения выражения местоположения, в дальнейшем упрощенно называемое «местом», от выражения

8 Хотя и в данной таблице окончания дательного и местного падежей совпадают, но необходимо предположить наличие формальной оппозиции между этими падежами на основе просодических средств выражения так же, как и в современном БСХ, в примерах типа *hlâdu: hládu* ‘тень’ дат. ед. м.: местн., *zîdu: zídu* ‘стена’ дат. ед. м.: местн. Об общей исторической ситуации склонения сербохорватского до эмиграции молизских славян ср. Svane (1958: 25–84). В противоположность интонации в таблице 2 учитывается оппозиция долготы, так как длинные гласные в дальнейшем развитии ни в каком говоре МСЯ не подвергаются аканью.

движения к месту, в дальнейшем упрощенно называемого «направлением». В первую очередь это касается управления праславянских предлогов **vъ(n)* и **na,* как в оппозиции предложного (= местного) и винительного падежей в русском языке в примерах (1) и (2):

(1) *Иван был в школе.* (место) ≠ *Иван пошел в школу*. (направление)

(2) *Иван лежал на диване.* (место) ≠ *Иван лег на диван.* (направление)

Исключениями из этого правила являются, наряду со славянскими языками балканского типа, болгарским и македонским, также и некоторые сербохорватские диалекты, независимо от того, существует ли у них еще система падежей (зетско-рашки) или была утрачена (торлакский).[9] С другой стороны, хорватский литературный язык и большинство его диалектов ведут себя как русский язык. Однако в близко родственном молизско-славянском языке осуществилась полная утрата оппозиции между указаниями места и направления. Причиной этой утраты является контакт с итальянским языком и его диалектами, в которых выражение места и направления совпадают, ср., например, *in Italia* ‘в Италии = в Италию’.

В сегодняшнем МСЯ, бывший местный падеж (локатив) функционально так сильно изменился, что, собственно говоря, больше не соответствует этому названию. Но по историческим причинам в настоящем исследовании мы будем все же употреблять термин «локатив», хотя и в кавычках, когда речь идет о падеже управления предлогов *u (< *vъ)* и *na* в современных молизско-славянских говорах.[10]

9 Ср., напр., Ivić (1958: 125–216), Rešetar (1907: 212). Надо отметить также, что у Zima (1887: 231–241) в старом говоре Дубровника и за его пределами с предлогами *u* и *na* встречаются случаи употребления винительного падежа вместо местного, но и наоборот, местного вместо винительного. Таким образом, можно предположить, пожалуй, некоторое ослабление оппозиции в части сербохорватского континуума ко времени переселения, в числе в говорах прибрежных районов, но ни в коем случае не возможность полной ее утраты различия уже на первоначальной герцеговинской родине молизских славян.

10 Безусловно, было бы также возможно ввести более точное название типа «аллатив-локатив», чтобы не перепутать его с истинным славянским локативом (местным падежом). Несмотря на омонимию указаний места и направления в этой форме, грамматика (Sammartino 2004), основанная

3-1. Управление предлогов **u** *и* **na** *в говоре Аквавивы*

3-1-1. Единственное число существительных мужского рода

На примерах в (3) и (4) из говора Аквавивы с помощью «минимальных оппозиций» одного и того же существительного продемонстрировано упомянутое совпадение места (3а, 4а) и направления (3б, 4б) в управлении обоих предлогов при существительных мужского рода без определения:[11]

(3а) ***U grad*** *tuna jimahu jena sopranom.* (вин. ед. м. место)
'В деревне у всех было прозвище.'

(3б) *Aje si sa vrnija jopa oda* ***u grad****?* (вин. ед. м. направление)
'Почему ты снова вернулся сюда в деревню?'

(4а) *Ovu ženu ju gredaša jiskat* ***na Filič*** *o* ***na Mundimitar****.* (вин. ед. м. место)
'Эту женщину он пошел искать в Сан Феличе или в Монтемитро.'

(4б) *Priji dan ka je poša* ***na Mundimitar****...* (вин. ед. м. направление)
'В первый день, когда он пошел в Монтемитро...'

Во всех примерах представлена форма винительного падежа ед. числа с нулевым окончанием, обычным для существительных, оканчивающихся на согласный, как большинство исконных существительных м. рода и бывших существительных ср. рода (*ср.), не сохранивших их изначальное вокалическое окончание.[12] Но и во

на говоре Монтемитро, использует термин *locativo* (без кавычек), что, ожидаемо, приводит к несколько противоречивым утверждениям, напр. «Il locativo individua una collocazione nello spazio e nel tempo» (Местный падеж обозначает расположение в пространстве и времени; с. 159) ≠ «Le preposizioni **u** e **na** che reggono il locativo, non distinguono lo stato in luogo e il moto a luogo». (Предлоги **u** и **na**, управляющие местным падежом, не различают местоположение и движение к месту; с. 131).

11 Примеры в этой статье взяты, большей частью, из записанных устных текстов, ср. Adamou и др. (2013), Breu, Piccoli (2011/12) и Breu (2017а), или из литературных произведений, ср. перечисление в Breu (2017б). Кроме того, некоторые из них приводятся из дискуссий с носителями языка.

12 Вокалическое окончание исчезло, например, у существительного бывшего ср., а теперь м. рода *mor (< more)* 'море'. Совпадение указаний места и направления в винительном падеже показывает здесь следующая оппозиция примеров: ***U mor*** *jesu ribe* 'В море есть рыбы' (вин. ед. м. *ср. место): *Ja učer sa poša* ***u mor*** 'Я вчера поехал на море' (вин. ед. м. направление).

всех других случаях существительные м. рода употребляют форму винительного падежа для указания места и направления. Ср., напр., бывшие существительные ж. рода исконного *i*-склонения, вторично перешедшие в категорию существительных мужского рода по модели их итальянских эквивалентов как *peč* м. (< **peč*ь ж.) ‘печь, пекарня’ (итал. *forno* м.) в (5а). То же самое происходит и в случаях вокалического окончания, возникшего вследствие нормативного выпадения согласного *l* в конце слова, как у *vrta* ‘сад’ (род. ед. *vrtla)* в (5б), и бывших существительных ср. рода, перешедших в м. род, но сохранивших свое изначальное вокалическое окончание [Брой 2013: 96]. При этом в АК действует правило аканья *-o, -e* > *-a*; ср. указание места (5в) *mista* м. (< **město* ср.) и указание направления (5г) *grla* м. (< **grlo* ср.):

(5а) *Sir friški kuhan* ***u peč*** *utra povaču biša na stvara ka ne bi zabija maj.* (вин. ед. м. направление)
‘Свежий сыр, запеченный в печи в пицце, был тем, что он никогда бы не забыл.’

(5б) *Ga držahu* ***u vrta****, utra na rečind.* (вин. ед. м. место)
‘Они держали его в саду, в заборе (= в огороженном месте).’

(5в) *Mahu stat* ***na mista****.* (вин. ед. м. *ср. место)
‘Они должны были оставаться на месте.’

(5г) *Medik mu sluša pulac, mu gleda* ***u grla****.* (вин. ед. м. *ср. направление)
‘Врач слушает ему пульс, смотрит ему в горло.’

В фонологическом отношении интересен ряд звуковых особенностей, указывающих на особо тесную связь между предлогом *u* и отдельными существительными. Для них характерен переход ударения на предлог, как в *u-žap* ‘в кармане ~ в карман’, напр., при определении места в (6)*,* наряду с *u žep* с ударением на существительном. В случае, если корень существительного начинается с гласного *-o*, вставляется согласный *-j-* как, напр., *u-jač* ‘в глазу ~ в глаз’ (< *u oč*), *u-jaganj* ‘в огне ~ в огонь’ (< *u oganj*). Во всех этих случаях неударные *o* и *e* под влиянием аканья*,* конечно, превращаются в *a.*

(6) *On jimaša nož u-žap. ~ u žep* (вин. ед. м. место)
‘У него был нож в кармане.’

Добавление определения к существительным м. рода, также не ведет к изменению управления вин. падежом; ср. примеры в (7).

(7а) *Biša nu votu* ***na jena grad nadugi****... na pigurar.* (вин. ед. м. атриб. место)
‘Жил-был однажды в одной далекой деревне... пастух.’

(7б) *Nebišaga vrima za snit* ***na ovi sfit naka trdi****.* (вин. ед. м. атриб. место)
‘Не было времени для того, чтобы мечтать в этом жестоком мире.’

(7в) *Ono ka sa rabi čuda* ***na vi grad*** *je za či žita.* (вин. ед. м. атриб. место)
‘Над чем в этой деревне много работают, это над продукцией пшеницы.’

Во фразеологических сочетаниях адвербиального характера некоторые существительные все еще употребляются в форме бывшего местного падежа, напр., *put* ‘улица, дорога’ в (8а); непродуктивный способ образования обозначен здесь и ниже с помощью дефиса. Дословный перевод в (8а) точно передает значение направления, несмотря на окончание *-u* исконного местного падежа. Указание места лежит в основе устойчивого выражения в (8б). При указании на реально существующую улицу, как в (8в), используется нормативная форма винительного падежа.[13]

(8а) *Je ma vrga* ***na-putu***. (ед. м. адв.)
‘Он мне очень помог советом.’ Дословно: «Он посадил меня на дорогу»

(8б) *Ja ta čekam* ***na-putu***. (ед. м. адв.)
‘Я подожду тебя на улице.’

(8в) ***Na put*** *su čil fose.* (вин. ед. м. место)
‘На улице наделали канав.’

Некоторые носители языка иногда употребляют фразеологическое словосочетание с окончанием бывшего местного падежа и у бывших существительных ср. рода; ср. *na-sundzu* ‘на солнце’ наряду со значительно чаще встречающимся вин. падежом *na sundza*. Особенно интересна форма обстоятельства *naramu* ‘на плече’ в (9) с окончанием бывшего ср. рода, которая ввиду исчезновения лежащего в его основе существительного ср. рода (ср. БСХ *rame* ‘плечо’), не поддается синхронному анализу и поэтому пишется слитно.

13 Rešetar (1911: 190) фиксирует «устойчивую формулу» *pri ógńi*^{e} ‘при огне’, которая, как и сам предлог *pri*, больше не существует.

(9) *Šuma je teška* ***narami***.
‘Хворост тяжелый на плече.’

Во всех случаях употребления старой формы местного падежа во фразеологических оборотах добавление определений принципиально невозможно.

3-1-2. Единственное число существительных женского рода

Представленные отношения у существительных м. рода, в принципе, также применимы и к существительным ж. рода, что в свою очередь будет показано с помощью двух пар предложений с обоими предлогами, находящимися практически в минимальной оппозиции относительно указания места и направления. Они равным образом требуют винительного падежа; ср. существительные ж. рода *postalja* ‘постель, кровать’ в (10) и *funaštra* ‘окно’ в (11).

(10а) *Alor, aje stojiš* ***u postalju****?* (вин. ед. ж. место)
‘Вот, почему ты [находишься] в кровати?’

(10б) *Sa poša, sa sa vrga* ***u postalju*** *di moja nona.* (вин. ед. ж. направление)
‘Я пошел, улегся в кровать у моей бабушки.’

(11а) *Što činiš tota* ***na funaštru****?* (вин. ед. ж. место)
‘Что ты делаешь там у окна?’

(11б) *Je pola sa vrč* ***na funaštru.*** (вин. ед. ж. направление)
‘Она пошла, чтобы встать у окна.’

Добавление определений также не приводит к изменениям, как показано в следующих примерах с тем же окончанием вин. падежа *-u*:

(12а) *Sfiraša veramend* ***na jenu maneru lipu.*** (вин. ед. ж. атриб. место)
‘Он играл (= музицировал) действительно прекрасным образом.’

(12б) *Nonda riva pošta, pa mam po* ***na drugu banu***. (вин. ед. ж. атриб. направление)
‘Туда прибывает автобус, затем я должен переходить **на другое место**.’

(12в) *U crikvu žene sidahu* ***na jenu banu*** *e ljuda* ***na drugu***. (вин. ед. ж. атриб. место)
‘В церкви женщины сидели на одной стороне, а мужчины — на другой.’

Для сравнения с положением в ММ следует заранее указать на то, что и такие существительные как *misa* ‘месса’ или *voda* ‘вода’, управляемые предлогами *u* и *pa* как в (13а–г), всегда имеют окон-

чание *-u*. Формальное совпадение с винительным падежом непосредственно распознается в (13б), где *misu* во втором предложении этого примера является прямым дополнением. (дословно: «мессу, в который час ее говорят?») В (13в) показано параллельное поведение форм управления существительных *crikva* и *misa* в АК (в противоположность ММ; см. ниже):

(13а) *Di je Marija? Ju moraš nakj* ***na misu***. (вин. ед. ж. место)
‘Где Мария? Ты можешь найти ее на мессе.’

(13б) *Nelju jistru greš* ***na misu*** *ti? Misu ki uru ju govaru?* (вин. ед. ж. направление)
‘Ты пойдешь на мессу в воскресенье утром? Когда состоится месса?’

(13в) *Je pola jopa* ***u crikvu na misu***. (вин. ед. ж. направление)
‘Она снова пошла в церковь, на мессу.’

(13г) *Divojka gredaša* ***na vodu****, na fundu*. (вин. ед. ж. направление)
‘Девочка пошла к воде (= набрать воды), к колодцу.’

Название языка *na-našu* «молизско-славянский» в адвербиальной функции следует также причислить к области «локатива», в смысле управления предлога *na*. В этом случае можно предположить, что речь идет об эллиптической конструкции с утраченным существительным ж. рода *manera* ‘вид, способ’; ср. также *na jenu maneru* в (12а). И здесь мы имеем дело со стандартным замещением местного винительным падежом.

(14) *Sa nikor več ta pita* ***na-našu*** *(maneru)*. (вин. ед. ж. адв.)
‘Теперь тебя больше никто не спрашивает по-молизско-славянски.’
Дословно: «на молизско-славянский (способ)»

В выбранном здесь изложении, положение у существительных мужского и женского родов кажется параллельным. Но до сих пор не был учтен важный факт, согласно которому — как упоминалось во введении — в говоре Аквавивы дат. падеж ед. числа существительных ж. рода формально совпадает с винительным и имеет окончание *-u*. Поэтому у существительных ж. рода можно было бы с тем же основанием предположить управление дательным падежом вместо постулируемого управления винительным. Это, на первый взгляд, абсурдное предположение можно было бы обосновать внутридиалектно, а именно поведением «локатива» у существительных ж. рода в говоре ММ, см. ниже.

Ввиду формального совпадения винительного и дательного (исторически омонимичного местному) падежей у существительных ж. рода в Аквавиве в форме *-u*, неудивительно, что в этом говоре, по-видимому, отсутствуют фразеологические реликты с особой формой местного падежа существительных ж. рода. В текстах был, однако, зафиксирован единичный случай окаменения формы дательного-местного *a*-склонения, а именно, не формы с *-u*, а с первоначальным нулевым окончанием, возникшим вследствие исчезновения конечного *-i* > *Ø*. В синхронии эта форма полностью изолирована:

(15) *Mu gre* ***naruk****. (< na *ruki < na *ruci)*
‘Ему это идет на пользу.’ Дословно: «Ему идет на руке»

3-1-3. Множественное число обоих родов

Во множественном числе молизско-славянского языка отсутствует согласование по роду. Несмотря на то, что род отдельных существительных ед. числа, а также предпочтение определенных окончаний при склонении могут способствовать появлению вторичных морфологических отражений рода, сама эта морфосинтаксическая категория во мн. числе не существует, также как, напр., в русском и в отличие от БСХ. Поэтому учитывать отражения родовой дифференциации при описании отношений «локатива» ни в одном из трех говоров не имеет смысла. В частности, характерные окончания *-ami* и *-i*, которые можно было бы приписать бывшему местному падежу (совпадающие с окончаниями творительного и дательного падежей),[14] могут возникать в обоих родах. В винительном падеже окончание *-a* ограничивается м. родом, в то время как *-e* встречается в обоих родах. В отличие от ед. числа ж. рода оба окончания здесь отличаются от окончаний дательного падежа. Таким образом, во мн. числе, в целом, не возникает проблем толкования, связанных с родом.

В примерах (16) продемонстрировано совпадение падежных форм, выражающих с помощью предлогов *u* и *na* указания места и направления, в форме винительного падежа также и во мн. числе. Ср. (16а–в) с существительными без определений, включая суще-

14 Изначально *-ami*, конечно, являлся окончанием творительного падежа *a*-склонения, которое распространилось на дательный и местный падежи.

ствительное плюралия тантум *usta* ‘рот’, в котором вновь появляется инфиксация согласного *-j-* в хиатусе, и *Bošča* ‘рождество’, и (16г–д) — с определениями:

(16а) *Sinoč sa poša* ***na vrtla*** *a sa naša ružice.* (вин. мн. направление)
‘Вчера вечером я пошел в сады и нашел розы.’

(16б) *Pa mu gleda* ***u-justa*** *e mu čini arčetu.* (вин. мн. направление)
‘Потом он смотрит ему в рот и выписывает ему рецепт.’

(16в) ***Na Bošča*** *sa jidu frite.* (вин. мн. место)
‘На рождество едят испеченное.’

(16г) ***Na ove ruke*** *je proša čuda tega.* (вин. мн. место)
‘В этих руках (= через эти руки) прошло много работы.’

(16д) ***Na ove pute*** *jesu stine.* (вин. мн. место)
‘На этих улицах камни.’

Во мн. числе существительные с окончанием *-ami* встречаются в качестве фразеологических реликтов, которые, также как и формальные пережитки местного падежа ед. числа м. рода, с синхронической точки зрения можно отнести и к дательному падежу; ср. (17). Они таким же образом носят адвербиальный характер.

(17а) *Su si ga bižal tuna* ***na-nogami****.* (мн. адв.)
‘Они все убегали на своих двоих.’ Дословно: «на ногах»

(17б) *Maša treskat* ***na-rukami****?* (мн. адв.)
‘Ты должен был молотить вручную?’ Дословно: «на руках»

3-1-4. Обзор форм управления предлогов **u** *и* **na** *в Аквавиве*

В заключении будут обобщенно представлены формы «локатива» в говоре Аквавивы в виде таблицы. Этот обзор еще раз ясно показывает, что регулярные формы управления обоих предлогов в АК всегда совпадают с винительным падежом, независимо от того, имеем ли мы дело с указанием места или направления.[15] Фразеоло-

15 Здесь не принимаются во внимание указания места, образованные при помощи творительного падежа, как, напр., *putam* тв. ед. ‘по улице’, *škalami* тв. мн. ‘по лестнице’. Они выражают движение по поверхности и могут приравниваться к итальянским оборотам с локальным предлогом *per*; ср. *grem putam* = *vado per la strada* ‘я иду по улице’ или *sa sa skinija škalami* = *sono sceso per le scale* ‘я спустился вниз по лестнице’.

гические пережитки чаще всего синхронно совпадают с дательным падежом. Только форма *naruk,* представляющая собой последний формальный пережиток изначального местного падежа *а*-склонения, выпадает из системы, и должна быть отнесена к неразделимым наречиям.

	ед. число м. рода	**ед. число ж. рода**	**мн. число всех родов**
дат.	*gradu, putu, mistu*	*glavu, ruku*	*gradi, puti, misti, glavami, rukami*
вин.	*grad, put, mista*	*glavu, ruku*	*grada, pute, mista, glave, ruke*
***локатив** ⇒ **вин.** ⇒ **дат.**	 *na grad, mista, put* *na-putu*	*(naruk)* *na glavu, ruku* (вин. =дат.)	 *na grada, pute, mista, glave, ruke* *na-rukami*

Таблица 2: Противопоставление падежей в Аквавиве

3-2. Управление предлогов u *и* na *в Сан Феличе*

В Сан Феличе определения места и направления, управляемые предлогами *u* и *na* выражаются, так же как и в Аквавиве, при помощи винительного падежа. Приведем в (18а–й) несколько примеров для иллюстрации употребления, а именно в (18а–в) ед. число м. рода, в (18г–е) ед. число ж. рода, в (18ж–з) мн. число и в (18и–й) остатки бывшего местного падежа ед. и мн. чисел в адвербиальном употреблении.

(18а) *Sa si kupija pur pošt* ***na kamisand***. (вин. ед. м. место)
‘Я купил себе также место на кладбище.’

(18б) *Sa hi činu* ***u peč***. (вин. ед. м. место)
‘Теперь они делают их в печи.’

(18в) *Parparahma doma, jijahma* ***u peč***. (вин. ед. м. направление)
‘Мы приготовляли (их) дома, ходили в пекарню.’

(18г) *Ma ostanahu di masarija,* ***u postalju***. (вин. ед. ж. место)
‘Они меня оставляли на ферме, в кровати.’

(18д) *Mahma po saku jistru* ***na misu***. (вин.ед. ж. направление)
‘Мы должны были каждое утро ходить на мессу.’

(18е) *Ka bitaš* ***na jenu banu****, tuna tvoje stvare jimaš oda. Ti, za po* ***na drugu banu****, maš jami tuna!* (вин. ед. ж. атриб., 1: место — 2: направление)
‘Когда ты живешь на одном месте, все твои вещи тут. Ты, для того чтобы пойти на другое место, должен все отнять.’

(18ж) *Ma jesu čuda ka pa jimaju pur* ***na druge bane***. (вин. мн. место)
‘Но есть многие, которые также имеют (газ) в других местах.’

(18з) *Čekaša so ka ona maša verč* ***na pumadora***. (вин. мн. направление)
‘Она ждала соль, которую она должна была положить в помидоры.’

(18и) *Mbača dicov malihi, njim kjikjarijam* ***na-našu***. (ед. ж. адв.)
‘С маленькими детьми, [им] я говорю по-молизско-славянски.’

(18й) *Prije da lu-čingvanda sa treskaša još* ***na-nogami***. (мн. адв.)
‘До 1950 молотили еще ногами.’ Дословно: «на ногах»

Вместо таблицы с собственной парадигмой для СФ, из-за полного совпадения продуктивного выражения места и направления в форме винительного падежа, можно ограничиться указанием на приведенную выше таблицу 2 для АК. Однако надо обратить внимание на то, что в СФ — как упоминалось выше — сохранилась первичная форма на *-i* в дат. падеже ед. числа типа *glavi, ruki,* которая никогда не выражает функцию «локатива».

3-3. Управление предлогов u *и* na *в Монтемитро*

В то время как в АК и СФ происходит систематическое замещение бывшего местного падежа винительным падежом, за исключением определенных адвербиальных пережитков, ситуация в говоре Монтемитро выглядит намного сложнее. Однако и здесь также отсутствует местный падеж в первоначальном смысле, т.е. как самостоятельный падеж для выражения статичного определения места, так как мы вновь имеем дело с полным формальным совпадением указаний места и направления при управлении предлогов *u* и *na,* вызванным языковым контактом с итальянским.

3-3-1. Единственное число мужского рода

У существительных м. рода в ММ мы в обоих случаях обнаруживаем стандартное требование винительного падежа. Приведем сначала

некоторые примеры с нулевым окончанием винительного падежа в его первоначальной функции указания направления (19а–ж). Среди них в (19в) вновь приведено мужское существительное *peč* ‘печь’ бывшего *i*-склонения ж. рода. Из-за отсутствия аканья в говоре ММ те бывшие существительные ср. рода, которые не утеряли своего окончания винительного (и именительного) падежа при переходе к м. роду, сохранили первоначальное качество соответствующего гласного, ср. *grlo* в (19д) и *trsje* в (19е). Сюда также относится более не поддающаяся синхронному анализу адвербиальная форма *narame* в (19ж), которая в противоположность указанной выше для АК форме *naramu* образует именно нормальный винительный падеж.[16]

(19а) *E su s’ga pol zdolo* ***na most***. (вин. ед. м. направление)
‘И они пошли вниз на мост.’

(19б) *Vičeras doj s menom* ***u grad***! (вин. ед. м. направление)
‘Сегодня вечером, приходи со мной в деревню!’

(19в) *Činahu kruh jutrim, a-li-set dža vržahu kruh* ***u peč***. (вин. ед. м. направление)
‘Я делал хлеб утром, в 7 я уже засовывала хлеб в печь.’

(19г) *A na večer svak maše si ga pokj* ***na njegov put***. (вин. ед. м. атриб. направление)
‘А вечером каждый должен был уйти по своей дороге.’

(19д) *Je ma rivalo propjo* ***na grlo***. (вин. ед. м. *ср. направление)
‘Это меня совершенно взяло за горло.’

(19е) *Nije poša mang* ***u trsje***. (вин. ед. м. *ср. направление)
‘Он также не пошел в виноградник.’

(19ж) *Maše po vazet* ***narame*** *e maše po vaze na-nogami.* (мн. адв.)
‘Он должен был [пойти] взять (это) на плечо и должен был [пойти] забрать (это) пешком.’

С другой стороны существительные мужского рода в (20), также стоящие в винительном падеже, исполняют первоначальную функцию местного падежа указания места. Здесь мы вновь сталкиваемся

16 Обе формы двух говоров употребляются практически синонимично конструкции *na pleče* (в АК вследствие аканья *na pleča*), образованной по правилам от существительного бывшего ср., а теперь м. рода *pleče* (АК *pleča*) ‘спина, плечо, верхняя часть руки до локтя’.

в (20в), на примере *brdo,* с бывшим существительным среднего рода, сохранившим окончание *-o,* в этом случае с определением.

(20а) *Pa, je mi činilo* ***u san*** *kano ke je me zva otac.* (вин. ед. м. место)
'Затем мне показалось во сне, как будто бы меня позвал отец.'

(20б) *Biše* ***u naš grad, u Mundimitar***,[17] *biše jena ljud čuda boati.* (вин. ед. м. место)
'Это было в нашей деревне, в Монтемитро, это был очень богатый мужчина.'

(20в) *Čuvahmo krave onamo* ***na ni brdo***. (вин. ед. м. *ср. атриб. место)
'Мы пасли коров там на том холме.'

Однако в отличие от обеих других деревней, в ММ окончание *-o* (в других деревнях оно вследствие аканья соответствовало бы шепотному *-a*) в отдельных устойчивых (адвербиальных) конструкциях встречается также и у исконных существительных м. рода, а не только у бывших существительных ср. рода. Примерами являются *na-sfito* — от *sfit* 'мир' — в (21а) и *na-puto* — от *put* 'дорога, улица' — в (21б). Как показывают эти примеры, и адвербиальные формы также совпадают при указаниях места (21а) и направления (21б). Это значит, что и здесь, несмотря на особую форму, мы имеем дело не с собственным (статичным) местным падежом.

(21а) *Su grube čeljade, one,* ***na-sfito*** *nimahu sišti.* (*-o* ед. м. адв. место)
'Это плохие люди, те, они не должны были бы существовать на свете.'

(21б) *Odja-mi ovo* ***na-puto****!* (*-o* ед. м. адв. направление)
'Забери это у меня на улице!' (= то, что там лежит на полу)

Окончание *-o* у истинных существительных м. рода, ограниченное говором Монтемитро, встречается только в ед. числе и только без определения. При дополнении указательного местоимения *na-puto* обязательно приняло бы форму винительного падежа, то есть, к примеру, *na ni put* 'на той улице'. Поскольку в отличие от АК и СФ

17 В словаре (Piccoli, Sammartino 2000: 26) под словом *di* встречается следующий небольшой диалог: *Di živiš? U Mundimitru.* 'Где ты живешь? В Монтемитро'. Это, по всей вероятности, опечатка, так как носители языка употребляли бы в этом случае только *u Mundimitar*. И в самом деле, в грамматике (Sammartino 2004: 131) употребляется только форма вин. падежа без окончания: *Jesu u Mundimitar* 'Я в Монтемитро'; *Grem u Mundimitar* 'Я иду в Монтемитро'.

в Монтемитро отсутствуют реликтовые адвербиальные формы на *-u*, между обоими окончаниями, пожалуй, существует какая-то взаимосвязь. В дательном падеже говора ММ соответствующие существительные м. рода оканчиваются так же, как и в обоих других говорах, а именно: *sfitu, putu.*

3-3-2. Единственное число женского рода

Существует еще одно отклонение говора Монтемитро от обоих других, а именно, в управлении предлогов *u* и *na* в ед. числе ж. рода. Как можно увидеть в (22), они имеют нулевое окончание, в отличие от винительного падежа, оканчивающегося, как в АК, так и СФ, на *-u*. Существующая и здесь омонимия при указании места и направления показана при помощи соответствующей минимальной оппозиции у существительного *rika* ‘река’ в (22б) в сравнении с (22в). Нулевое окончание соответствует форме *-i* бывшего местн. = дат. падежа ед. числа *a*-склонения, ср. БСХ *ženi* ‘жена’, *ruci* ‘рука’ ж. местн. / дат. ед., которое регулярно отпадает согласно описанной во введении шкале устойчивости конечных кратких гласных.[18] Итак, в отличие от Аквавивы и Сан Феличе форма бывшего местного падежа ж. рода, омонимичная дательному падежу, в Монтемитро не была заменена формой винительного падежа на *-u*.

(22а) *Optaj jutrim je ga naša* ***na zemlj.*** (*местн. = дат. ед. ж. место)
‘Снова он нашел ее (= стену) на земле.’

(22б) *Je ba pa most tamo dol* ***na rik****.* (*местн. = дат. ед. ж. место)
‘Упал [плюсквамперфект] мост там внизу на реке.’

(22в) *Mam ujahat, če ma poni dol* ***na rik****!* (*местн. = дат. ед. ж. направление)
‘Я должен сесть в седло, она (лошадь) доставит меня вниз к реке.’

Однако как показывают примеры в (23), отличающиеся по структуре от примеров в (22) наличием определения, система управления ММ еще более сложная, в том смысле, что и в ед. числе ж. рода

18 Стандартное окончание *местн. / дат. ед. ж. рода в ММ имеет единичное соответствие в АК в вышеупомянутой адвербиальной форме *naruk* ‘в пользу’ (ср. ММ *na rukØ* ‘в руке’).

(независимо от места или направления) *u* и *na* в действительности управляют винительным падежом, если управляемое существительное обладает атрибутом. При этом необходимо вспомнить, что в отличие от Аквавивы, где соответствующее окончание -*u* для вин. и дат. падежей звучит одинаково, речь здесь идет однозначно о форме вин. падежа.

(23а) *Smo pol na kambisand,* ***na nu vručinu***. (вин. ед. ж. атриб. место)
‘Мы пошли на кладбище, при такой жаре.’

(23б) *Mi jimahmo drugu masariju tote zdola,* ***na tu dzonu***. (вин. ед. ж. атрив. место)
‘У нас был другой двор там внизу, в той области.’

(23в) Se dola ***na vu hižu novu.*** (вин. ед. ж. атриб. направление)
‘Я пришел в этот новый дом.’

В качестве дальнейшего усложнения мы встречаем у некоторых существительных ж. рода уже обнаруженное у существительных м. рода и необъяснимое с точки зрения падежной парадигмы окончание -*o*. Примерами являются (24а) в качестве указания места и (24б) для указания направления. В противоположность ‘мессе’ соответствующие указания с ‘церковью’, однако, требуют стандартной нулевой формы.

(24а) *Bihu* ***na-miso*** *onu noču do mrci.* (-*o* ед. ж.) ≠ ***u crikv*** ‘в церкви’ (*местн. / дат. ед. ж. место)
‘Они были на мессе [в ту] ночь мертвых.’

(24б) *Čto po* ***na-miso***. (-*o* ед. ж.) ≠ ***u crikv*** ‘в церковь’ (*местн. / дат. ед. ж. направление)
‘Мы пойдем на мессу.’

В обоих случаях соответствующие формы *na-miso* или, соответственно, *u crikvØ* абсолютно устойчивы, т.е. замена окончания невозможна ни в каком направлении. Форма на -*o* представляет собой, также как и в м. роде, фразеологизированную адвербиальную форму, возможную только у сравнительно небольшого числа существительных, но являющуюся для них абсолютно обязательной. С другой стороны, существительное *glava* ‘голова’ показывает, что в принципе, у одного и того же существительного также возможны оба управления, хотя и с использованием разных предлогов;

ср. оппозицию *u-glavo: na glav* в (25). Фразеологизированная форма *u-glavo* в (25а), очевидно, относится к ‘голове’ как к абстрактному существительному в смысле ‘ума’, в то время как *na glav* в (25б) ссылается на конкретную физическую ‘голову’.

(25а) *Kada je mu dola **u-glavo**, je s’ga poša.* (*o-* ед. ж. направление)
‘Когда ему это пришло в голову, он ушел.’

(25б) *Ke je ba buška pur nu skedžu **na glav**.* (*местн. = дат. ед. ж. направление)
‘Так как он также получил [плюсквамперфект] в голову осколком.’

В связи с этим рассмотрим ещё раз положение в Аквавиве на примере предложения (26), в котором как *misa,* так и *crikva* употребляются в единственно возможной форме на *-u*, являющимся изначальным окончанием винительного падежа, вторично выражающим также дательный падеж. То же самое можно было бы наблюдать и при статичном указании на место.

(26) *Ja pa grem **na misu**, slušam.* = ***u crikvu*** ‘в церковь’ (АК вин. ед. ж. направление)
‘И я хожу **на мессу**, слушаю.’

Хотя образование формы на *-o* ограничивается относительно немногими существительными, ее тем не менее можно встретить и у заимствованных существительных, как показывает пример с *jurnata* ‘рабочий день, день’ (ср. итал. *giornata*) в (27), опять с отчетливым абстрагированием от конкретного значения.

(27) *Nam dojaše nami **na-jurnato**.* (*o-* ед. ж. адв.)
‘Он [нам] пришел к нам на поденную зарплату.’ Дословно: «на день»

К формам на *-o* относится в Монтемитро также адвербиальное обозначение языка *na-našo* ‘молизско-славянский’ в (28), которое — как и выше описанную общепринятую в АК и СФ форму *na-našu* — можно понять как эллиптическую редукцию с утраченным существительным ж. рода *manera* ‘способ’.

(28) *Man-man su divendal ove tri grada ke govorimo **na-našo**.*
‘Постепенно стали эти три села, где мы говорим по-молизско-славянски.’

Наконец, имеется еще одна сложность, как видно из синонимичной пары конструкций с существительным ж. рода *zemblja* ‘земля’ без

определения, но, тем не менее, с управлением винительным падежом во втором случае в (29).[19]

(29) *Dajem vodu* ***na zemblj***. (*местн. / дат. ед. ж. направление) = *Dajem vodu* ***u-zemblju***. (вин. ед.)
'Я даю (=лью) воду на землю.'

Поиски причины этой особенности натолкнули на характерное свойство конечного звука *lj* [ʎ], а именно на его палатальную артикуляцию, свидетельствующую об изначальной принадлежности к «мягкому» *ja*-склонению. Интересно, что в ММ ни у одного существительного ж. рода с мягкой основой не было выявлено формы на *-o,* а наоборот, ни у одного существительного ж. рода (без определения) с твердой основой − управления винительным падежом. Это значит, по всей вероятности, что окончание *-u* винительного падежа у мягкой основы соответствует как раз окончанию *-o* у твердых основ.

3-3-3. Множественное число обоих родов

Во множественном числе мы вновь имеем более простую картину. Как и в обоих других говорах, указание места и направления (с определением или без) также регулярно требует здесь винительного падежа, как, напр., в (30).

(30а) *E jimaše crno sve ode,* ***na ruke*** *oš pur* ***na noge****!* (вин. мн. место)
'И у него здесь все было черное, на руках и также на ногах!'

(30б) *Ti čini joj ga držat, daj joj ga* ***u ruke****!* (вин. мн. направление)
'Ты дай ей держать его (= ребенка), дай ей его в руки!'

(30в) *Sve žito ke biše* ***na sve larga****, se ponesaše na jenu banu.* (вин. мн. атриб. место)
'Вся пшеница, которая была на всех полях, сносилась на одну сторону.'

Фразеологические пережитки во мн. числе также не отличаются от других говоров. И здесь возникает формально совпадающее с дательным падежом и перенесенное на бывший местный падеж окончание *-ami*.

---

19 Адвербиальная конструкция *u-zemblju* соответствует в Аквавиве вариантам *uzamlju* и *uzljamu*, подвергшимся слиянию вследствие аканья и метатезы. Но винительный падеж здесь объясняется, конечно, общим правилом этого говора.

(31а) *Se ženjaše* ***na-rukami.*** (*местн. / дат. мн. адв.)
'Косили рукой.' Дословно: «Косилось на руках»

(31б) *Ke jijaše* ***na-nogami*** *Lakručeta vazet poštu.* (*местн. / дат. мн. адв.)
'Потому что он (обычно) шел пешком к Лакручете, (чтобы) забрать почту.'

3-3-4. Обзор форм управления предлогов и и па в Монтемитро

Морфологические характеристики падежей, важных для обсуждения области «локатива», вновь представлены в виде обзорной таблицы. При этом, запутанность в говоре Монтемитро правил управления предлогов *па* и *и,* с формальным чередованием между существительными ед. ж. рода без определения, с одной стороны, и существительными ед. м. рода, существительными ед. ж. рода с определением и множественным числом в целом — с другой, требует добавления дополнительного падежа, по сравнению с Аквавивой и Сан Феличе. Для сравнения он будет и далее условно обозначаться как «локатив» (в кавычках), причем не следует упускать из виду, что он и в ММ как раз не служит для выражения отличия статичного места от направления. К этому «локативу» можно отнести непродуктивное окончание *-о*, не совпадающее ни с одним другим падежом, и, может быть, окончание *-и* в адвербиальных конструкциях образованных на основе существительных ж. рода мягкого класса без определения.

В целом, включая адвербиальные конструкции, выделяются три различные формы управления предлогов *и* и *па* в ед. числе ж. рода, в то время как мн. число и ед. число м. рода обходятся двумя чередующимися формами:

	ед.число м. рода	**ед.число ж. рода**	**мн.число всех родов**
дат.	*gradu, putu, grlu*	*mis, ruk*	*gradi, puti, grli, misami, rukami*
вин.	*grad, grlo*	*misu, ruku*	*grada, pute, grla, mise, ruke*
«лок.»	*na-puto*	*na-miso, u-zemlju*	*na-rukami* (=дат.)
= дат.	—	*na ruk*	—
= вин.	*na (naš) grad, grlo, put*	*na* ***moju*** *ruku*	*na grada, pute, grla, mise, ruke*

Таблица 3: Оппозиции падежей в Монтемитро

4. Диахроническое развитие сегодняшних конструкций «локатива»

На диахроническом плане необходимо описать два различных процесса развития управления предлогов *u* и *na* в молизско-славянском языке:[20] с одной стороны, возникновение самих диалектных различий, а, с другой — возникновение сложного управления в Монтемитро. Важную роль при этом, вне всяких сомнений, играет обусловленная языковым контактом потеря различия между определением места и направления. Однако она, разумеется, не является непосредственной причиной различного развития в говорах, поскольку характерна для них всех.

4-1. Диахронические этапы доминирования винительного падежа в трех говорах

На основе современного положения дел в трех говорах МСЯ можно предположить, что формы винительного падежа сначала вторглись на территорию существительных мужского рода ед. числа и всего мн. числа. Тот факт, что существительные женского рода в говоре ММ оставались стабильно при своем исходном окончании бывшего местного падежа *Ø (< -i)*, можно, с одной стороны, объяснить исконной омонимией местного и дательного падежа, а, с другой стороны, самой нулевой формой, которая совпадает с формой вин. падежа м. рода. Таким образом, образовалось единое для всех родов нулевое окончание в качестве формы управления предлогов *u* и *na,* которое мы называем здесь «локативом», в ед. числе в целом, независимо от рода, ср. *na rikØ* («лок.» = дат. ед. ж.) и *na gradØ* («лок.» = вин. ед. м.).

Затем окончание винительного падежа, по всей вероятности, распространилось на атрибуты, перейдя из м. рода также на ж. род. Естественно следствием этого стало то, что и существительные женского рода, имеющие определение, тоже переняли окончание

---

20 Необходимо добавить, что эти процессы касаются не только *u* и *na,* но также и предлоги *po* и *niz,* вторично присоединяющиеся к ним по правилам управления и адвербиализации. Об этом и, в особенности также о специфических правилах говора ММ, ср. Breu (2008a: 86–89).

винительного падежа.[21] Последним шагом развития являлся полное доминирование винительного падежа и у ж. существительных без определения, достигнутое в АК и в особенности в СФ. В последнем говоре окончание дательного (и бывшего местного) *-i* ведь тоже отличается от *-u* винительного,[22] точно так же как в ММ, но все-таки предлоги *-u* и *-na* им никогда не управляют.

Итак, из данных современных говоров молизско-славянского, можно реконструировать диахроническое протекание доминирования винительного падежа в области «локатива» существительных, резюмированное в трех правилах в таблице 4.[23]

(А)	Совпадение указаний место и направления в управлении предлогов *-u, -na* = **«локатив»**
(Б)	**«Локатив»** ⇒ **винительный,** хронология: м. род = мн. ч. < ед. ж. атриб. < ед. ж. род
(В)	**Дательный / местный** ⇒ **винительный:** только в ж. роде ед. ч. в говоре АК

Таблица 4: Протекание доминирования винительного падежа в области «локатива»

21 Текстовый пример одной пожилой носительницы языка подтверждает состояние, при котором определение ж. рода уже употребляется с окончанием *-u* винительного падежа, а сочетающееся с ним существительное все еще имеет нулевое окончание: *Se dola u* ***hižØ*** («лок.» = дат.) ***novu*** («лок.» = вин.). ‘Я пришла в новый дом’. Она настаивала на правильности этой формы, но допускала и возможность конструкции *u hižu novu* с формой винительного на *-u* у существительного.

22 В более подробном разборе в Breu (2008a) немаловажную роль играет еще и тот факт, что в СФ иногда можно услышать также окончание *-u* винительного падежа в дательном как вариант первоначального *-i*. Результаты новейших исследований текстов этого, находящегося под сильной угрозой вымирания говора, однако, показывают, что такие случаи очень редки и являются, может быть, адаптацией к говору жителей этой деревни, происходящих из АК. Во всяком случае ясно, что «локатив» СФ обладает полным замещением окончаний бывшего местного окончаниями винительного падежа, независимо от того совпадает ли вин. падеж с дат. или нет.

23 В этих правилах знак < употребляется в смысле «до», а стрелка ⇒ обозначает «форма *x* заменяется формой *y*».

Исходной причиной всеобщего развития является, конечно, полное совпадение указания местоположения и направления согласно правилу (А), которое наблюдается во всех трех говорах, независимо от конкретного падежа, который его выражает. Оно действительно даже во всех адвербиализованных конструкциях, сохранивших более непродуктивные формы бывшего местного падежа.

Говор ММ остановился на предпоследней ступени хронологии (Б), в то время как говор СФ прошел все ее этапы. В принципе, «локатив» говора АК показывает его полное совпадение с винительным падежом точно так же, как говор СФ, но нельзя забывать, что это, может быть, только вторичный эффект морфологического совпадения (В) дательного с винительным падежом, распространенного также и вне области «локатива». Проблема, на первый взгляд, в том, что временная реализация правила (В) относительно ступеней хронологии (Б) нам неизвестна.

Но различные результаты развития «локатива» в трех говорах можно также объяснить тем, что на предпоследней ступени правила (Б), на котором ММ остановился, СФ и АК выбрали разные решения типологической проблемы, что форма падежа (или тип синкретизма) зависела от того, было ли у существительного ж. рода определение или нет. СФ выбрал решение дальнейшего распространения окончания винительного в «локативе» в смысле последнего этапа правила (Б), в то время как АК заменил окончание дательного падежа винительным и таким образом «автоматически» решил и проблему особенной формы «локатива». В этом случае правило (В) осуществилось немедленно до последней ступени правила (Б), которая, следовательно, для говора АК больше не была нужна.

4-2. Возникновение окончания **-о** *«локатива» в Монтемитро*

Осталась еще задача объяснить возникновение окончания *-о* в реликтовых фразеологических формах говора Монтемитро. Ввиду адвербиального характера большинства из этих непродуктивных образований, происхождение окончания следует искать именно в области наречия.

Наряду с второстепенным адвербиальным сочетанием *na-našo* для обозначения языка, существует другое однозначно адвербиаль-

ное новообразование без существительного в форме отыменного производного *na-vrho* ‘наверху’, дословно «на вершине» от существительного мужского рода *vrh;* ср. пример (32). Эта форма используется также в качестве эквивалента предлога ‘на’. В Аквавиве ей соответствует *na-vrhu*, с сохранением исходной формы местного падежа, в синхронном рассмотрении, как уже было упомянуто, интерпретируемой как дательный падеж.

(32) *One jimaju na čerkj do gozja okolo* ***na-vrho.***
‘У них железное кольцо вокруг наверху.’

В поисках основания для принятия такими образованиями окончания *-o*, мы сразу наталкиваемся на образованные от прилагательных наречия, которые также обладают формой на *-o*, что соответствует историческому среднему роду «неопределенной» краткой формы прилагательного, к примеру, *dobro, grubo* и др. Эти распространенные в языке формы могли послужить моделью для второстепенных образований *na-vrho*, а также впоследствии и для других фразеологических образований типа *na-našo, u-glavo, na-miso*.

И все же непосредственный переход окончания наречия в систему словоизменения существительного вряд ли возможен, даже если речь идет о непродуктивном подклассе. Здесь отсутствует связующее звено из области словоизменения существительного. Итак, как можно объяснить окончание *-o* в *na vrho*?

При подробном анализе системы склонения МСЯ обнаруживается, что окончание *-o* в действительности существует, а именно, у существительных бывшего ср., а теперь м. рода, в винительном падеже, т.е. как раз в том падеже, который у существительных м. рода перенял и функцию местного падежа. Итак, в часто встречающихся сочетаниях существительных исконного м. рода с существительными бывшего ср. рода, должно быть, и состоялся перенос формы с функцией наречия, как, напр., у *na-vrho* в (33), учитывая упомянутый факт, что окончание *-o* также используется и в самих наречиях.

Поэтому в таких сочетаниях, как в (33а), адвербиальное выражение *na-vrhu* приняло форму *na-vrho*, хотя вследствие доминирования окончания винительного падежа оно должно было бы принять форму *na-vrh*, а именно, под влиянием антонима *na-dno,*

который, как относящийся первоначально к среднему роду, в винительном падеже всегда имел окончание *-о*. В (33б) мы наблюдаем схожий перенос под влиянием конструкции *na-brdo*, синонимичной *na-vrh(u)*, с существительным исконного ср. рода *brdo*, также ставшим существительным м. рода:

(33а) *Kjapahu* ***na-dno*** (*dno* м. *ср.)*, *jizajahu* ***na-vrho*** *(< na vrh(u))*
‘Они начинали снизу, а выходили сверху.’

(33б) *Biše gor* ***na-vrho*** *(< na vrh(u))*, ***na-brdo*** (*brdo* м. *ср.)*, *prva hiža*.
‘Это было вверху на вершине, на горе, первый дом.’

Если для существительных ср. рода форма на *-о* в «локативе», вследствие доминирования форм винительного падежа, совершенно естественна, то в м. роде, который вместе с бывшим ср. родом образует в МСЯ единый родовой класс, форма на *-о* появляется там, где ввиду адвербиального значения конструкции существующие наречия с их окончанием *-о* способствуют такому развитию.[24]

Особенно важно то, что в Монтемитро (и только здесь) окончание *-о* в винительном падеже имеется не только у существительных исконного ср. рода, но и у многих интегрированных с таким же окончанием итальянских заимствований м. рода, ср. *tetto* → *tito* ‘крыша’ (АК *tit*), *gallo* → *galo* ‘петух’ (АК *pivac*) или *largo* ‘ширина’ → *largo* ‘поле’ (АК *larg* ‘ширина’). Таким образом, позиция окончания *-о* в вин. падеже м. рода (и одновременно в «локативе») еще более укрепилась.

После внедрения формы на *-о* в класс существительных м. рода у адвербиальных конструкций типа *na-sfito, na-puto* это окончание смогло распространиться и на существительные ж. рода со схожей адвербиальной функцией. Произошло это, как только появилась какая-то тенденция к изменению изначального нулевого окончания «локатива», по всей вероятности вследствие совпадения

24 Помимо основных наречий необходимо принимать в расчет и изолированные предложные обороты, в которых лежащее в основе, более несуществующее в МСЯ существительное до своей утраты еще успело подвергнуться доминированию винительного падежа в «локативе», напр., *na-vidilo* ‘видимый, на свету / на свет’, ср. в хорватском *na vidjelu* ≠ *na vidjelo*.

«локатива» регулярных существительных ж. рода с определениями с винительным падежом. Итак, во фразеологических предложных оборотах стало употребляться не окончание винительного падежа *-u*, а именно окончание *-o,* свойственное наречиям, как в *na-miso*, *na-vodo*, где происходит абстрагирование от конкретного значения ‘богослужения’ или ‘воды’, в противоположность первоначальным конструкциям *u vod* или *na crkv*, без наречного значения, в которых остается синкретизм «локатива» с дательным падежом.

В сочетании с мягкой основой перенос окончания среднего рода *-o* в адвербиальном значении, по-видимому, не осуществился. Как было показано выше, в адвербиальной области здесь появляется окончание *-u* винительного падежа, также и у существительных ж. рода без определения, ср. *na-zemblju.* И для этого ограничения распространения окончания *-o* имеется четкое обоснование, вновь касающееся ср. рода. В говоре Монтемитро, где нет аканья, окончание *-o* у существительных ср. рода с твердой основой и окончание *-e* у существительных с мягкой основой четко различаются между собой. Поскольку только окончание *-o* было типичным для наречий, соответствующий перенос окончания *-e* на существительные с мягкой основой исключался.

Следует подчеркнуть, что окончание *-o* в роли маркера адвербиализации, опирающегося на средний род, было возможно только в Монтемитро, так как только здесь безударное *o* полностью сохранило свое звуковое качество, в то время как в обоих других говорах звуковая оппозиция *a* и *o* вследствие аканья стерлась. Многофункциональное окончание *-a* в АК и СФ, в противоположность четко ограниченному *-o* в Монтемитро, конечно, не могло послужить основой для особой морфологической функции,[25] что исключило развитие «локатива» на *-o* в этих говорах.

---

25 С другой стороны, в АК аканье повлияло на переход некоторых прежних существительных ср. рода в ж. род, между тем как в Монтемитро все эти существительные без исключения перешли в м. род, к примеру, *ova neba* АК: *ovi nebo* ММ ‘это небо’, *ova sreba* АК: *ovi srebro* ММ ‘это серебро’; ср. Брой (2013: 94–99).

5. Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что главным образом вследствие вызванного языковым контактом совпадения указания места и направления и ряда морфологических правил в системе падежей возникли изменения, касающиеся первоначального местного падежа молизско-славянского микроязыка. Из-за различий в последовательности внедрения этих морфологических правил «локатив» говора Монтемитро стал заметно отличаться от обоих других говоров, где он полностью совпал с винительным падежом. В особенности следует обратить внимание и на то, что с типологической точки зрения зависимость управляемого падежа существительного (ж. рода) от наличия определения, которая существует в говоре Монтемитро, весьма необычна.

Предлоги *u* и *na,* тесно связанные с этим дифференцированием, и вне адвербиальных конструкций в значительной степени утратили свою продуктивность. Старые предлоги постепенно замещаются локальными наречиями, которые управляют родительным падежом, за единственным исключением *unutra~utra* ‘в, внутрь’, управляющего (по крайней мере в Аквавиве) винительным падежом. Особенно стабильными предлоги *u* и *na* являются при указаниях на населенные пункты и другие топонимы, где они своеобразным образом чередуются друг с другом, а также с беспредложными вариантами, напр. *na Tavalu* АК, *na Tavel* (MM) ‘в Тавенне / в Тавенну’, *u Guašt* ‘в Васто (место и направление)’, *Ø Kambavaš* АК, *Ø Kambovaš* (MM) ‘в Кампобассо (место и направление)’; ср. Breu (1993: 36–38) и Sammartino (2004: 131–132). В Монтемитро, кроме того, можно встретить прямое заимствование итальянского предлога *a*, напр., *a Pescara* ‘в Пескаре, в Пескару’.

Кроме того, для обозначения места, с указанием направления или без него, закрепился, вызванный влиянием местного романского диалекта продуктивный способ выражения с вопросительным местоимением *di* ‘где’ + им. падеж, напр. *di bar* ‘в баре / в бар’; ср. Breu (1993: 38–39). Ввиду описанных обстоятельств «локатив», как важный критерий внутреннего дифференцирования молизско-славянских говоров, может полностью исчезнуть, возможно, за исключением реликтовых форм, употребляемых в функции наречия.

Библиография

Брой 2013 – В. Брой. Языковой контакт как причина перестройки категорий рода и склонения в молизско-славянском языке. В: Вяч. Вс. Иванов (ред.). *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов)*. Санкт-Петербург: Алетейя, 81–112.

Брой 2014 – В. Брой. Функции настоящего и имперфекта совершенного вида и перфекта несовершенного вида в молизско-славянском микроязыке. *Scando-Slavica* 60, 2, 321–350.

Дуличенко 2003 – А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. I. Образцы текстов.* Тарту: Издательство тартуского университета.

Adamou – Breu – Drettas – Scholze 2013 – E. Adamou, W. Breu, G. Drettas, L. Scholze. *Base de données électronique de variétés slaves menacées dans des pays européens non slavophones*: http://lacito.vjf.cnrs.fr/archivage/index.htm#europe

Breu 1993 – W. Breu. Verben der Fortbewegung im Italokroatischen in vergleichender Sicht (Morphologie, Funktionen, Entlehnungen, Rektion). In: S. Kempgen (ed.). *Slavistische Linguistik 1992*. München: Otto Sagner, 9–41.

Breu 1999 – W. Breu. Phonologie und Verbkonjugation im Moliseslavischen. In: R. Rathmayr, W. Weitlaner (eds.). *Slavistische Linguistik 1998*. München: Otto Sagner, 47–76.

Breu 2008a – W. Breu. Der slavische Lokativ im Sprachkontakt. Ein Beitrag zur Binnendifferenzierung des Moliseslavischen. In: P. Kosta, D. Weiss (eds.). *Slavistische Linguistik 2006/2007.* München: Otto Sagner, 59–102.

Breu 2008б – W. Breu. Развитие систем артиклей при полном контакте славянских меньшинств с немецким и итальянским языками. In: S. Kempgen et al. (eds.). *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008*. München: Otto Sagner, 75–88.

Breu 2009 – W. Breu. La comparazione nello slavomolisano. Un risultato tipico del contatto linguistico assoluto. In: P. Desideri et al. (eds.). *Alloglossie e comunità alloglotte nell'Italia contemporanea. Teorie, applicazioni e descrizioni, prospettive*. Roma: Bulzoni, 9–36.

Breu 2017a – W. Breu. *Slavische Mikrosprachen im absoluten Sprachkontakt. Band I. Moliseslavische Texte aus Acquaviva Collecroce, Montemitro und San Felice del Molise*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz.

Breu 2017b – W. Breu. Neues aus Süditalien: Das Moliseslavische auf dem Weg zur Mikroliteratursprache? In: K. Hanshew, S. Koller, Ch. Prunitsch (eds.). *Texte prägen. Festschrift für Walter Koschmal*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 201–224.

Breu 2018 – W. Breu. Die Moliseslaven und ihre Sprache zwischen Sprachkontakt und Verschriftlichung. In: A. A. Kretschmer, G. Neweklowsky, S. Newerkla, F. Poljakov (eds.). *Mehrheiten – Minderheiten. Sprachliche und kulturelle Identitäten der Slavia im Wandel der Zeit* (= Philologica Slavia Vindobonensia 4). Berlin: Peter Lang, 37–58.

Breu в печати – W. Breu. Morphosyntactic Change in Slavic Micro-languages: the Case of Molise Slavic. In: A. Danylenko, M. Nomachi (eds.). *Slavic on the Language Map of Europe: Historical and Areal-Typological Dimensions.* Berlin: de Gruyter.

Breu – Piccoli 2000 – W. Breu, G. Piccoli. *Dizionario croato molisano di Acquaviva Collecroce.* Campobasso: Naš Grad.

Breu – Piccoli 2011/2012 – W. Breu, G. Piccoli. *Südslavisch unter romanischem Dach. Die Moliseslaven in Geschichte und Gegenwart im Spiegel ihrer Sprache*. *Teil I. Texte gesprochener Sprache aus Acquaviva Collecroce.* 2011 / *Teil II. Texte gesprochener Sprache aus Montemitro und San Felice del Molise.* München: Otto Sagner.

Ivić 1958 – P. Ivić. *Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung. Erster Band.* The Hague: Mouton & Co.

Piccoli – Sammartino 2000 – A. Piccoli, A. Sammartino. *Dizionario dell'idioma croato-molisano di Montemitro*. Montemitro: Fondazione „Agostina Piccoli".

Rešetar 1907 – M. Rešetar. *Der štokavische Dialekt.* Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.

Rešetar 1911 – M. Rešetar. *Die serbokroatischen Kolonien Süditaliens*. Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.

Sammartino 2004 – A. Sammartino. *Grammatica della lingua croatomolisana*. Montemitro: Fondazione „Agostina Piccoli".

Scholze 2008 – L. Scholze. *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt.* Bautzen: Domowina-Verlag.

Svane 1958 – G. O. Svane. *Die Flexionen in štokavischen Texten aus dem Zeitraum 1350–1400 (Sprachgeschichtliche Untersuchungen über älteres Serbokroatisch).* Aarhus: Universitetsforlaget i Aarhus.

Zima 1887– L. Zima. *Njekoje, većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine.* Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Nomachi Motoki
Hokkaido University
Sapporo, Japan

The Gorani People in Search of Identity: The Current Sociolinguistic Situation Among the Gorani Community of the Former Yugoslavia[1]

Gorani – Kosovo – Yugoslavia – Serbo-Croatian – Bosnian – language planning

Introduction

With the dissolution of the former Yugoslavia, one of its official languages, the former Serbo-Croatian, has also now become four state- or ethnicity-oriented standard languages: Bosnian, Croatian, Montenegrin, and Serbian. Each of the four polities, i.e., Bosnia and Herzegovina, Croatia,

1 This article is a significantly revised and expanded version of my article entitled "Is a New Slavic Language Born? The Ethnolect of the Kosovan Gorans" published in *A Jubilee Collection: Essays in Honor of Professor Paul Robert Magocsi*, pp. 441–452 (2015). While writing this article, I received useful suggestions, important materials, and considerable help for my field research, particularly from the following colleagues: Prof. Victor Friedman (Chicago), Prof. Ranko Bugarski (Belgrade), Prof. Sadik Idrizi (Prizren), Prof. Jouko Lindstedt (Helsinki), Mr. Avnija Bahtijari (Priština), Mr. Šukrija Haljilji-Šuko (Globočica), Dr. Maurizio Montipò (Madrid), Mr. Fergap Zaimi (Priština), Mr. Tairi Lokman (Urvič), Mr. Serif Mustafa (Jelovjane), Mr. Ishak Slezović (Novi Pazar), Mr. Sait Ibiši (Fayetteville), Mr. Nuhija Tairovci (Prizren), Prof. Senahid Halilović (Sarajevo), Dr. Biljana Sikimić (Belgrade), Prof. Tomasz Kamusella

Montenegro, and Serbia, has its own language policy and language planners to codify each post-Serbo-Croatian language. Particularly, language planners of Bosnian, Croatian, and Montenegrin tend to be engaged to distance it from the others (cf. Voss 2011: 762–774, Bugarski 2012: 50–51).[2]

This splitting of Serbo-Croatian is not only a matter of creating or re-standardizing languages with new names; it has also required new interpretations or re-interpretations of existing fields related to the former Serbo-Croatian language. For instance, today, "Serbian dialectology" deals only with those dialects that Serbs speak (Ivić 2009: 7);[3] almost the same can be said for Croatian dialectology (Lisac 2003: 9. See also Greenberg 1996).[4] According to Jahić et al. (2000: 34), the Bosnian language has five dialects spoken by Bosniaks or former South Slavic "Muslims or so-called *Muslimani* 'Muslims' with a capital letter M," all within the former Bosnia Eyalet of the Ottoman Empire that included the present-day Sandžak region, divided between Serbia and Montenegro.[5] Some Montenegrin scholars, such as Čirgić (2011), have established Montenegrin dialectology as a part of Montenegrin studies

---

(St Andrews), Prof. Tomasz Wicherkiewicz (Poznań), Prof. Xhelal Ylli (Jena), Dr. Bojan Belić, Prof. Laada Bilaniuk (Seattle), Prof. Wayles Browne (Ithaca), Dr. Veselinka Labroska, Prof. Marjan Markovikj, and Mr. Davor Jankuloski (Skopje). Also, I would like to express the sincerest gratitude to the late Mr. Ramadan Redžeplari and his family, who supported my research in all possible respects.

2 As is pointed out by Bugarski (ibid), Serbian is an exception in this case because its speakers did not feel any necessity or desire to prove that the language is different from other varieties of the former Serbo-Croatian.

3 According to Ivić (ibid.), *...srpskim možemo smatrati one dijalekte kojima govore Srbi, odnosno populacije koje svoj govor nazivaju srpskim* '...we can regard as Serbian those dialects which Serbs speak or the population which calls its own dialect Serbian'.

4 In his book entitled *Croatian Dialectology*, Lisac writes: *u ovoj knjizi obrađeni su štokavski i torlački idiomi kojima govore Hrvati* 'in this book the Štokavian and Torlak idioms that Croats speak are wrought.'

5 Thus, the subject and nature of this "new" dialectology is not identical with that of the traditional dialectology that studies the dialects in the territory of Bosnia and Herzegovina.

(*montenegrinistika*), and have reinterpreted past works as achievements of the Montenegrin dialectology, bringing them within this tradition.[6] Probably, the same story has played out in literary studies as well (cf. Čirgić 2011: 13).

The effect of this type of re-interpretation is not limited to scholarly fields. On the contrary, such re-interpretation urges community members to reframe their ethnic and linguistic positioning in new political circumstances, which can then be, as a natural consequence, reflected in language and language education policy in both top-down and bottom-up directions, based on their new and old identities.[7]

In this context, of particular interest to us, in various respects, is the case of the Gorani ethnolect, particularly in Kosovo.[8] Gorani people are South Slavic Muslims "who speak Serbo-Croatian" (Garde 2004: 265) within Kosovo,[9] whose political and social situations have changed drastically after the series of wars in the 1990s in the former Yugoslavia and Kosovo's independence. In light of these changes, one may wonder, first, what corresponding changes have there been in Gorani people's

---

6 The term "Montenegrin dialectology" can be understood in two ways: the study of dialects in the geographical area of Montenegro, or the study of the dialect complex of the newly established Montenegrin language. Needless to say, targets of analysis can naturally overlap, but the two notions are different. In his introduction to the translation of Milan Rešetar's *Der štokavische Dialekt* (1907) into Montenegrin, Čirgić wrote that Rešetar occupies one of the head-most places in Montenegrin studies. See Rešetar (2010: 28).

7 It is also important to note that there are resistances to such a top-down "language identity planning." Here we could mention various conferences and declarations concerning the unity of the former Serbo-Croatian: http://jezicina-cionalizmi.com/konferencije/. As the most recent declaration one can mention *Deklaracija o zajedničkom jeziku* "Declaration of the Common Language" (2017) signed by various intellectuals from Croatia, Bosnia and Herzegovina, Serbia, Montenegro and others. For details, see Bugarski (2018).

8 For the sociolinguistic situation of the Gorani ethnolect in Albania, see Steinke (2016: 360–375) and Steinke (in this volume).

9 As will be discussed discussed in Section 3, views on the linguistic affiliation of the Gorani ethnolect varies. For instance, Brozović and Ivić (1988) regard it as a dialect of the Macedonian languages.

linguistic identity and in their closely related national, ethnic, religious, and other identities. Second, what have been the concrete forces and mechanisms driving these changes? Third, given that the results of these changes are not monolithic in the Gora region in general, why? On the last point, Gorani people in Macedonia may provide interesting material for comparison, because they belonged to a different political entity on a micro-level, although roofed by a common political entity, the former Yugoslavia, on a macro-level.

Against the abovementioned background, in what follows I will analyze the current sociolinguistic situation of the Gorani ethnolect, with particular attention to language planning among the Gorani community. First, I will provide basic information about the Gorani people and their language (Section 1). Then, changes in the Gorani population will be analyzed, because they could be key to understanding the dynamics of the Gorani people's identity both in Kosovo and in Macedonia (Section 2). In the next two sections, the main streams of Gorani national/ethnic and linguistic identities—pro-Bosniak orientation (Section 3) and pro-Gorani orientation (Section 4)—will be discussed, with special attention to aspects of their language planning. After that, I will proceed to a summary discussion and conclusion.

1. Brief Characteristics of the Gorani People and Their Language

The Gorani people are a Slavic people who inhabit one town and 29 villages in the mountainous area called Gora (MAP 1) in the Balkan Peninsula; this area is today divided among three countries: Albania (9 villages), Macedonia (2 villages) and Kosovo (1 town and 18 villages).

The Gora region was divided in 1923 between Albania and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes; then, when the Republic of Macedonia was established within the Socialist Federal Republic of Yugoslavia after World War II, there appeared internal borders within Yugoslavia, which have now become state borders.

Today, the Gorani people are all Muslim, having converted from Christianity during Ottoman rule. The process of Islamization lasted

Map 1: Major Settlements of Gorani People

approximately from the 16th to the 19th century (Seliščev 1929: 406).[10]

Kosovan Gorani are typically multilingual: bilingual (Gorani ethnolect and former Serbo-Croatian, mostly its Ekavian variety of Neo-Štokavian or Serbian variant), trilingual (plus Albanian), or quadrilingual (plus Turkish, particularly those Gorani people who live in Prizren, out of the Gora region). Although there are no exact data, according to my interview with Sadik Idrizi, a scholar and writer of Gorani origin, the most typical situation of Gorani in Kosovo was Gorani-former Serbo-Croatian bilingualism. To be more precise, the languages are in a situation of diglossia in which the former Serbo-Croatian functions as a high variety used in official situations, while the Gorani ethnolect is a low variety used in private situations.

Among themselves, Gorani people call themselves *našinci* 'our people'. In addition, two ethnonyms are also used: *Gorani* and *Goranci* (plural)—the former particularly by Gorani people and the latter often by outsiders.[11] In a similar manner, their ethnolect is called by locals *naški* or *našinski* 'in our way/in our language', or *goranski* (cf. Lutovac 1955: 54), and in Albanian *gorançe* and *shkenisht* (Dokle 2007: 11). The Gorani ethnolect can be linguistically characterized as a Balkanized South Slavic variety whose linguistic affiliation is disputable (For details, see Section 3).

2. How Many Are They? Variable and Invariable Identity Among the Gorani People

2-1. Kosovo

According to the 2011 Census of the Republic of Kosovo, there are 10,265 Gorani in Kosovo.[12] For the first time in history, this census officially

10 The estimate of the beginning and end of the period of Islamization varies. For instance, Dokle (2011: 233) regards it that the Islamization of the Gorani people started in the 14th century and continued until the mid-19th century. For an overview of the different opinions on Islamization, see Mladenović (2011: 53–56).

11 According to Dokle (2007: 11), Albanians characterize Gorani people *potur*. There are various opinions on the etymology of this word. One of the possible interpretations is 'Turkified, converted to a Muslim'.

12 At 0.6% of Kosovo's population, the Gorani people are the seventh-largest

included the Goran ethnic option as a recognized minority, under the *Law on the Protection and Promotion of the Rights of Communities and Their Members in Republic of Kosovo* (2008).[13] Before the dissolution of Yugoslavia, there was no option to choose "Gorani" as a separate ethnic group. The situation is complicated by the fact that, when the Gora region was part of the Ottoman Empire, all Muslims were counted as "Turks," but that meant Muslims, not ethnic Turks (cf. Garde 2004: 148), according to the systems of *millet*s of the Ottoman Empire, as religion was the primary source of identity (Friedman 1999: 5). Therefore, it is impossible to follow exact demographic changes among Gorani people even up into the 20th century. However, based on the census results one may estimate their number at least over the last 100 years, as their ethnic/national identity has shifted. There have been significant migrant waves from the Gora region to various Balkan countries, Turkey and Western Europe (cf. Hasani 2012: 314, Idrizi 2012: 36), but one can still observe unnatural dynamics in the population of the area where Gorani people have been dominant. Let us take a close look at the results of each national census from the establishment of the Kingdom of the Serbs, Croats, and Slovenes up to today.[14] The national censuses can be classified into five

---

ethnic group in size, after Albanians (1,616,869, 92.9%), Bosniaks (27,533, 1.6%), Serbs (25,532, 1.5%), Turks (18,738, 1.1%), Ashkali (15,436, 0.9%), and (Balkan) Egyptians (11,524, 0.7%). See the 2011 Census results: http://ask.rks-gov.net/media/1615/stanovnistvo-prema-polu-i-nacionalnosti-na-nivou-naselja.pdf

13 For details, see http://www.assembly-kosova.org/common/docs/ligjet/2008_03-L047_en.pdf

14 The census data are taken from the website of the Statistical Office of the Republic of Serbia, except for the 1921 Census, which are taken from *Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31 januara 1921 god*, published in Sarajevo in 1932. For the 1931 Census: http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1931/pdf/G19314001.pdf; For 1948: http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1948/pdf/G19484001.pdf; for 1953: http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1953/pdf/G19534001.pdf; for 1961: http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1961/pdf/G19614001.pdf; for 1971: http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1971/pdf/G19714001.pdf; for 1981: http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1981/pdf/G19814001.pdf; for 1991: http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1991/pdf/G19914026.pdf. The data for the 2011 census are taken from the website of the Kosovo Agency of Statistics: http://ask.rks-gov.net/

groups, depending on the method of making a census in which political changes are reflected.

2-1-1. 1921 and 1931 Censuses

Table 1. 1921 Census (Gora District)[15]

Total in the Region	Religion			Mother tongue[16]		
	Orthodox	Catholic	Muslim	Serbs or Croats	Albanians	Turks
12,817	4	1	12,812	6,224	6,375	218

Table 2. 1931 Census (Gora District)

Total in the Region	Religion			Mother tongue		
	Orthodox	Catholic	Muslim	Serbian, Croatian, Slovenian, Macedonian	Albanian	Other
14,127	228	22	13,877	7,484	6,630	12

In both the 1921 and 1931 Censuses, Gorani people are to have declared Islam as their religion, since, as noted, they were entirely Islamized by the mid-19th century. At the same time, they may have had very little reason to declare as Albanians who are also mostly Muslims, even though some of them might have spoken Albanian, because their language or affiliation to the Slavic linguistic family is one of the most salient elements of their ethnic identity in relation to Albanians (cf. Antonijević 1995: 26. For details, see Section 3).[17] That is, the combination of Islam

15 This is a translation of *Srez Gorski*.

16 In the 1921 Census, mother tongue was defined explicitly by ethnic affiliation.

17 In this respect we may consider the observation made by a Russian diplomat and ethnographer, Ivan Jastrebov, in the 1870s. According to Jastrebov (1909: 95), "*Žiteli Gory vse govorjat po serbski...Gorane ne ljubjat govorit' po arnautski*" (All inhabitants of the Gora region speak Serbian...Gorani people do not like speaking Albanian). The first part does not mean the linguistic identification of locals, because the local people or *poturčennye serby* 'Turkified Serbs' called their language "the Bosniak language" (Jastrebov 1899: ix). However,

and Slavicness is the basis of the identity of Gorani people, though it is not clear to which ethnicity/nationality they belonged more concretely than "Slavic." With regard to the "Turks" in the 1921 Census, it is not clear if they were "authentic" Turks or if some or all were Gorani people who being Turkish-speakers declared themselves as Turks, because in the last quarter of the 19th century, the Ottoman government established schools in the Gora region to teach the Turkish language to the locals (Jastrebov 1909: 95. See also Idrizi 2012: 38).

2-1-2. 1948 Census

Table 3. 1948 Census (Gora District)

Total in the Region	Unspecified Muslims	Montene-grins	Albanians	Turks	Macedo-nians	Serbs
20,140	6,697	18	12,048	0	0	1,375

Neopredeljeni muslimani 'Unspecified Muslims' is a category for those South Slavic people who do not identify themselves as either Serbs or Croats, not to mention Montenegrins or Macedonians. In the Gora region they are most probably Gorani people; however, one cannot deny that there might also be Gorani people among those who declared their nationality as Serbs. Also, it is interesting to note that there was no one who declared themselves as a Turk, under which category Gorani were recognized until the beginning of the 20th century, although, first, mother tongue was not a criterion for choosing an ethnicity in the 1948 Census, and second, Turks had been officially recognized as an ethnic minority group in Yugoslavia in 1946.[18]

---

the second part does indicate Gorani people's attitude toward Albanian, which could be reflected in the results of the censuses. This situation has continued into the present. According to Victor Friedman (in personal communication), he saw pro-Milošević graffiti in Kukuljane. And there were 2 mosques in Brod: one for Albanians and one for Gorans.

18 According to Lutovac (1955: 54), who conducted ethnographic research in the Gora region in 1936, 1937, 1948, 1949, 1951, and 1953, "the older generation of Gorani people did not call their language 'Serbian' because they are 'Turks'. The younger generation did not call it Serbian either, since the Gorani ethnolect is not identical with the Serbian literary language."

2-1-3. 1953 and 1961 Censuses

Table 4. 1953 Census (Gora District)

Total in the Region	Unspecified Yugoslavs	Macedonians	Albanians	Turks	Serbs
20,147	2,735	144	9,319	7,367	448

Table 5. 1961 Census (Municipality of Dragaš)[19]

Total in the Region	Yugoslavs	Macedonians	Albanians	Muslims	Turks	Serbs
21,028	2,515	26	9,346	3,464	5,454	150

As seen in Table 4, a new category, *Jugosloveni neopredeljeni* 'Unspecified Yugoslavs', was introduced in the 1953 Census. They are presumably Gorani people, but this category seems not to have been a "popular" choice among Gorani people in comparison with 'Unspecified Muslims' in 1948. There may be two reasons for this. First, it is unclear with regard to ethnic and cultural/traditional affiliation. Second, in this period, according to Idrizi (2012: 45), many Gorani people prepared to migrate to Turkey, because the economic situation after World War II did not improve and Gorani people were not satisfied with the policies of the Serbian government in general. As further pointed out by Idrizi (ibid.), religious solidarity with Turks and nostalgia for Turkish rule might have helped drive this ethnographic change, but the most important reason might have been a practical one, the pursuit of better life conditions.

In the 1961 Census, the new category of *Muslimani jugoslovenskog porekla* 'Muslims of Yugoslavian origin', in short, Muslims, was introduced. The term is used to mean those South Slavs who feel that they are Muslims as an *ethnic* affiliation, but not necessarily a *religious* one.[20] One may not be sure if these differences were clear enough to

19 This is a translation of *Opština Dragaš*.

20 According to the *Methodological Explanations* (page 5) of the 1961 Census. http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1961/Pdf/G19614001.pdf

induce Gorani people to choose this "Muslim" identity, but this new category seems to have been more familiar to their sense of identity than "Yugoslavs."[21]

2-1-4. 1971, 1981 and 1991 Censuses

Table 6. 1971 Census (Municipality of Dragaš)

Total in the Region	Yugoslavs	Macedonians	Albanians	Muslims	Serbs
26,850	50	13	13,867	11,076	139

Table 7. 1981 Census (Municipality of Dragaš)

Total in the Region	Yugoslavs	Macedonians	Albanians	Muslims	Serbs
35,054	99	17	18,623	15,942	93

Table 8. 1991 Census (Municipality of Gora)[22]

Total in the Region	Yugoslavs	Macedonians	Albanians[23]	Muslims	Serbs	Turks
17,102	188	0	687	16,088	53	60

Tables 6, 7, and 8 show basically the same tendency: Gorani people identify themselves as Muslims. The most striking difference between the 1961 and 1971 Censuses consists in the fact that in the latter *Muslimani* 'Muslims' with a capital letter M were recognized as a nationality, due to a decision of the League of Communists of Yugoslavia, the national

21 In the 1961 Census, those who declared a "regional" affiliation as their national affiliation, such as *Bošnjak*, *Hercegovac*, *Dalmatinac*, *Bokelj*, *Istranin*, *Goranin*, *Bunjevac*, *Šumadinac*, etc., were classified into the category "Yugoslavs."

22 The Municipality of Gora was formed in 1990 and abolished in 1992. This municipality was one of the parts of the former Municipality of Dragaš, together with the Municipality of Opolje.

23 Most Albanians in the Gora region boycotted the 1991 Census.

communist party and ruling party, in 1968. It is important to note that the new category was created particularly for Muslims who spoke Serbo-Croatian in Bosnia and Herzegovina.[24]

In the data available to me, there was no definitive information about the number of Turks in the Gora region. According to the data shown in Idrizi (2012: 47), in 1971 and 1981, there were, respectively, 1,238 and 176 people in the region who declared themselves to be Turks. This rapid decrease in the catgory "Turks" can be explained by the fact that in the 1960s people became able to go out from Yugoslavia to Western Europe as Gastarbeiters; therefore, Gorani people now had a range of possible destinations in addition to Turkey, but better than Turkey particularly for economic reasons, and there was no practical necessity for them to be Turks any longer.

2-1-5. 2011 Census

Table 9. Ethnic and cultural affiliation (Municipality of Dragaš), 2011 Census[25]

Total in the Region	Gorani people	Bosniaks	Albanians	Turks	Serbs
33,997	8,957	4,100	20,287	202	7

Table 10. Mother tongue, 2011 Census

Total in the Region	Serbian	Bosnian	Albanian	Turkish	Other
33,997	1,975	4,693	20,194	109	6,978

In the 2011 Census there was no difference between ethnic and national affiliations; the census was conducted according to ethnic and/or cultural affiliation, with results shown in Table 9. "Bosniaks" here are Gorani

24 A Muslim communist from Bosnia and Herzegovina who was involved in this issue, Salim Ćerić (1968), called Muslims *Muslimani srpskohrvatskog jezika* 'Muslims of the Serbo-Croatian language'.

25 The Municipality of Dragaš includes the former Municipality of Gora and Municipality of Opolje.

people who have modified their identity from "Muslim" to "Bosniak," as was the case in Bosnia and Herzegovina and elsewhere in the former Yugoslavia (cf. Idrizi 2012: 51).

It is important to note an important discrepancy in the 2011 Census, as seen in Table 10. Although Gorani people are recognized as an ethnic/cultural group, their language is not recognized in the Census.[26] As a result, those classified as "Other" presumably include some portion who declared "Gorani" as their mother tongue. It is also important to note that there are 1,975 people who have declared Serbian as their mother tongue. Considering the fact that there are only 7 Serbs in Gora according to the census data, most of these Serbian-speakers must also be Gorani people.[27]

Thus, as shown in the various censuses, Gorani people have declared their nationalities in various and shifting ways, most often as a reflection of the political situations they have been facing. However, this does not mean that their ethnic identity has been weak. On the contrary, it has been strong, as shown by the fact that they have not been assimilated by the majority Kosovan Albanians. In general, Gorani people can be characterized as those who clearly differentiate political (variable) and ethnic (invariable) identities.[28] However, the relationship between the two identities is nested within a broader Serbo-Croatianness, because, with the exceptional option to be "Turks" in 1950s and 1960s that they took up for various reasons including political and economic ones, most Gorani people in Kosovo always identified themselves as part of the

26 For the status of the Gorani language, see Section 3.

27 According to Serbian scholar Mitra Reljić (2013: 97), 72/108 (67%) of her informants declared that their mother tongue was Serbian or some version of it such as Old Serbian, Old Štokavian Serbian, etc. One may wonder if there was any influence of the interviewer's nationality on interviewees' answers in her research.

28 The political variability may be explained by their traditional way of being ruled. Gorani people have been traditionally loyal to their rulers–to the Ottoman Empire and then to Yugoslavia. According to a local teacher of Gorani origin, there is a saying in the Gora region: *Ako z'naš da nekoj radi protif država a ti ne go kažuješ i ti si ka njego* 'If you know that someone is doing [something] against the country, but you do not tell it, then you are just the same as him'. (Haljilji-Šuko 2014: 83).

Serbo-Croatian-speaking ethnic/national group. The long, continuous educational tradition particularly among Gorani elites in Kosovo is key to explaining this. In the beggining of the 20th century, Serbian-language schools opened in major villages such as Vranište (1918), Brod (1920), Restelica (1922), Rapča (1929) and others (cf. Idrizi 2012: 36. See also Haljilji-Šuko 2014: 12), and have continued to operate up until today.[29] Thus, being in a milieu where Serbian/Serbo-Croatian was functioning as the High language, Gorani people accepted it as their written language and mastered it in the school curriculum.

2-2. Macedonia

It is hard to determine the concrete number of Gorani people in Macedonia, as in Kosovo. First, Gorani people have not been recognized as a minority group in the country. Second, they are scattered in Tetovo or Skopje rather than having a particular area of residence, and they often identify as Torbeš or Macedonians-Muslims in those towns. However, there are two villages in Macedonia where Gorani people are a majority: Urvič and Jelovjane, situated in the municipality of Bogovinje (See Map 1). These Gorani people moved from villages in the Prizren Gora, such as Kruševo, Leštan, Brod, Restelica (in present-day Kosovo), Borje (in present-day Albania), and others in the 18th and 19th centuries (cf. Vidoeski 1973: 22, Trifunoski 1976: 386–388).

2-2-1. Dynamics of Ethnic/National Structure in Census Data for Urvič and Jelovjane (1953–2002)[30]

According to Trifunoski (ibid.), in Urvič there are inhabitants of both Slavic and Albanian origin, while Jelovjane has a few inhabitants of Turkish origin (three houses, one family name only). However, as Tables 11 and 12 show, the most striking feature is that, unlike the situation in Kosovo (judging from the census data), the Gorani or Slavic people in these villages in most cases declared themselves to be Turks and did not

29 There are also schools where Bosnian is taught, but linguistically, the difference between two languages is small even where the formal standards are considered and for locals, negligible. For details, see Section 3.

30 All the Macedonian demographic data are provided by the State Statistical Office of the Republic of Macedonia via e-mail, by my request.

Table 11. Urvič

Year	Total	Macedonians	Albanians	Turks	Bosniaks/Muslims	Others
1953	1,027	9	3	1015	—	3
1961	770	0	8	761	—	1
1971	747	0	33	712	—	1
1981	830	7	74	634	—	115
1991	774	1	106	656	—	11
1994	811	1	95	699	0	0
2002	756	17	113	640	0	2

Table 12. Jelovjane

Year	Total	Macedonians	Albanians	Turks	Bosniaks/Muslims	Others
1953	1,067	60	9	997	—	5
1961	687	3	24	658	—	2
1971	743	10	18	713	—	1
1981	892	32	14	648	—	197
1991	845	0	15	781	—	48
1994	719	2	18	670	—	25
2002	599	5	40	439	8	7

change their identification as such over the years, although they could have chosen to be Muslims since 1961 or Bosniaks after the collapse of Yugoslavia. Locals might have declared themselves as Muslims, Bosniaks or even Gorani people and been included as "Others," as locals do know that they are Gorani people, but in reality this has not happened, which shows the depth of their ethnic/national affiliation to Turkishness.[31]

31 It is important to note that there are various varieties of their identification, though many locals identify themselves as Turks in the end. Here are a few patterns found in interviews conducted in May, 2018. 1. Gorani people only in the past: According to an imam in Jelovjane, locals were Gorani people because their ancestors came from Prizren Gora, but now they have become Turks. 2. Turks, not Gorani people at all: they are Turks, not Gorani people at all by denying the fact that their ancestors came from Prizren Gora. 3. Gorani people, but also Turks: Another way of identification is that local people in those villages are indeed Gorani people, but it is a local identity (such as Skopjans), which is not an ethnic identity. In the latter sense, they are Turks.

2-2-2. Mother Tongues in 2002 Census

Table 13. Mother tongues in Urvič and Jelovjane (2002)

	Total	Macedonian	Albanian	Turkish	Bosnian	Serbian	Other
Urvič	756	2	113	640	0	0	1
Jelovjane	599	48	30	512	5	2	5

It is also important to note that most Gorani people in these two villages declare Turkish as their mother tongue, as Table 13 shows. However, in reality, most Gorani people here do not speak Turkish;[32] instead, they speak Gorani dialect and Standard Macedonian.[33] In their village school, Gorani people do not learn Turkish either.[34] Their logic is: Turks' mother tongue should be Turkish, even though they do not speak it in reality.[35]

Why these striking differences within the same ethnic group? The main reasons seem to be the following: first, unlike in the Kosovan part of the Gora region, in Macedonian Gora the Serbian/Serbo-Croatian language was not introduced into the educational curriculum until the 1980s. Even in the 80s, Serbo-Croatian was not taught on a regular basis; instead, locals learned the Macedonian language as the official

32 According to locals, there are indeed people who speak Turkish, but they learned it as a foreign language, not as a mother tongue.

33 According to Trifunoski (1976: 384–387), the local populations in two villages have accepted Macedonian and speak it, but at the same time he calls the language *torbeški jezik* 'a language of Torbeši (= Macedonian Muslims)'. It is not always clear exactly what he means, but Trifunoski seem to identify the Gorani ethnolect as Macedonian.

34 According to Tairi Lokman, a local historian and teacher from Urvič, the application to invite a teacher of Turkish at the local school was declined by the local government a couple of times. However, the course will possibly be implemented from September 2018.

35 According to Serif Mustafa, one of my informants from Jelovjane. Also, Victor Friedman (in personal communication), stated that the same attitude is already seen in Marko Cepenkov's ethnic anecdotes from the 19th century. It is also important to note that some local people deny the Turkish identity, because they indeed do not speak Turkish at all and their mother tongue is a dialect of Macedonian. Such people argue that they are Macedonians and, to be more precise, "Macedonian Muslims."

language of Macedonia, introduced in the school curriculum as an obligatory language after WWII. Thus, Gorani people were not simply "Muslims of the Serbo-Croatian language," on the one hand. On the other hand, the category "Macedonian" is difficult for Gorani people to identify with, because they have had a tradition of viewing themselves as Turks for centuries, and the notion of the Macedonian nationality is, first, historically foreign to them and, second, fairly closely associated with Orthodoxy. In addition, some local people believe that they are Slavicized Turks, which justifies their identification with Turks.[36] Thus, it is not surprising that there is no movement in favor of official status for the Gorani language nor much desire to standardize it in Macedonia,[37] unlike the case among Kosovan Gorani people, as will be shown in the following sections.

3. Into Bosniaks and the Bosnian Language: Beginning of New Incorporation?

As we have seen in 2-1-5, in Kosovo more than 30% of Gorani people regard themselves as Bosniaks and their mother tongue as Bosnian. It is notable that these Gorani people of Bosniak orientation, together with other South Slavic Muslims in Kosovo, succeeded in introducing Bosnian as an official language at the municipal level, as confirmed by the Assembly of Kosovo in 2006 and then by the Constitution in 2008. Why do these Gorani people choose Bosnian ethnic/national identity, even though given the chance to declare themselves in a different way? There seem to be multiple explanations for this phenomenon.

36 For instance, the abovementioned Tairi Lokman from Urvič.

37 This situation is parallel to that of the West Polessian dialects and local speakers' linguistic identity of the Western Polessia. In the Belarusian West Polessia, local activists tended to regard their subdialect as too different from Belarusian (and Russian) to include their subdialect into Belarusian, which was one of the driving forces to create a separate West Polessian literary language in the late 1980s in Belarus. On the other hand, in the Ukrainian West Polessia, their subdialect is close to standard Ukrainian, therefore local activists did not see a reason to create a separate West Polessian literary language, but rather regarded their own subdialect as a part or a dialect of Ukrainian. For details, see Nomachi (2017).

3-1. Religion and its Cultural Tradition

According to Joseph (2004: 163), both ethnic and national identities are focused on or justified by a common cultural heritage. The cultural heritage is often related to a religious tradition, which means that religious and ethnic identities are often closely connected. In the Western Balkans, after the dissolution of Yugoslavia, in this territory religion has become the most salient feature of national identity and functions as an ethnic/national symbol (cf. Mønnesland 2013: 257). Thus, roughly speaking, today in the territory of the former Yugoslavia, it is often regarded almost automatically that Serbs are Orthodox, Croats are Catholic, Bosniaks are Muslim, and vice versa, and then, behind the nationality, a given national cultural heritage is taken for granted.[38]

Discussing Bosnian identity at the turn of the 20th century, Alexander says, "Bosnian identity, in its Bosniak form, was based on the historical amalgamation of Slavic and Islamic elements into a unique blend of culture, which was enriched by the best of Arabic, Persian and Ottoman Turkish cultural contribution but which remained quintessentially Balkan" (Alexander 2013: 414); similarly, as has been pointed out by Mønnesland (2013: 258), Bosniaks, as a nation, are defined according to their Oriental cultural background. These statements can be applied to Gorani people's identity as well, which can then be regarded as a natural continuation of their Muslim identity developed and shared with the Muslims in Bosnia and Herzegovina (now under the name of Bosniaks) since the 1960s.[39] One striking difference between Gorani people and

38 It is important to note that the majority of Albanians in Kosovo are Muslims. Thus, language is still at issue.

39 In addition, it is noteworthy that in the Post-Yugoslav era Slavic Muslims in the Sandžak region have embraced the Bosniak identity, which is a clear parallel and remote cause for Gorani people to become Bosniaks. For Bosniaks in Bosnia, in turn, there is no established common view on this topic. According to Senahid Halilović (in personal communication), Bosniaks do not know much about Gorani people and do not have close contact with them, although he himself respects Gorani people's declaration of their ethnic/national affiliation. On the other hand, Vajzović (2012: 71) opines that it is difficult to accept the declaration of Gorani people to be Bosniaks, because except for Slavic origin and religion, they have nothing in common from geopolitical, ethnic, cultural, linguistic viewpoints.

Bosniaks, however, is that among Gorani people the category of "Serbian Muslims" never gained popularity, which makes it easier for Gorani to identify themselves as Bosniaks.[40]

Of course, Gorani people can also be viewed as closer to Macedonian Muslims, and indeed there have been various actions to justify the integration of the Gorani people into Macedonians by *Sojuz na Makedoncite so islamska religija* 'the Alliance of Macedonians of the Islamic religion,' headed by Ismail Bojda, who is originally from Brod and now lives in Skopje. However, these efforts have not had any visible success, as can be seen in the results of the latest Census.

3-2. Language

One might think that, being Bosniaks, those Gorani people who identify as such would naturally take the Bosnian language as their mother tongue. In that light, however, if they in fact regard the Gorani ethnolect as a part of the Bosnian language, then it might be a bit complicated, though the census data do not reveal this situation.

From a purely linguistic viewpoint, the fact is that the Gorani ethnolect is situated in the periphery of Balkan Slavic and has been formed with a mixture of linguistic features of the North Macedonian dialects and Serbian dialects of the Šar Mountain area and of Metohija (Mladenović 2001: 518), whose oldest layer belongs to Serbian (Mladenović 1995: 111).[41] In addition, authoritative linguists from the former Yugoslavia such as Pavle Ivić (1991: 216) and Božidar Vidoeski (1998: 312) regard the Gorani dialect as a West Macedonian dialect. In any case, the Gorani ethnolect's linguistic structure is much closer to the Macedonian than the Serbian standard language, considering the presence of a series of typical Balkanisms (Mladenović 2001: 536). One reason why Gorani people in Kosovo do not regard their mother tongue as Macedonian is that the

40 Indeed, there are scholars such as Harun Hasani (2011: 312–313) who regard Gorani as Islamized Serbs and argue that their dialect belongs to the Serbian language.

41 Mladenović (2012: 129) opines that the Gorani dialect is a peripherial dialect of the West Macedonian dialect with infiltration of Serbian features. See also Vidoeski (1998: 312).

standard Macedonian language has never become an official language of Kosovo and Gorani people have never learned it in school. Instead, as indicated above, they learned Serbian/Serbo-Croatian in school, which was sufficient to perform all administrative functions in Yugoslavia. Thus, one might wonder if there is any good reason to link the Gorani ethnolect with Bosnian or treat it as a Bosnian dialect. Idrizi (personal communication) justifies the link as follows:[42]

> I want to emphasize that the Gorani dialect is equally far both from Serbian and Bosnian that existed almost 150 years as a single language (Serbo-Croatian/Croato-Serbian). The differences between them are rather of political than of linguistic nature.[43] The Gorani dialect can be Bosnian in the same degree as Serbian dialects in Sirinićka Župa or Vranje.

On the other hand, it is worth noting that in Yugoslavia, Gorani people learned only the Ekavian variety of Serbo-Croatian, which today underlies one of the two forms of the Serbian standard language, but not Bosnian, whose standard variety is Ijekavian based. Thus, the variant of the former Serbo-Croatian that Gorani people speak is in essence nothing but Serbian.[44] However, this fact does not always mean much for Gorani people. During my field research conducted in Zlipotok in the Gora region with the late Ramadan Redžeplari in 2012, I showed six local Gorani people coming to mosque a notice written in Ekavian using the Latin alphabet (Picture 1) on one of the walls of the mosque and asked

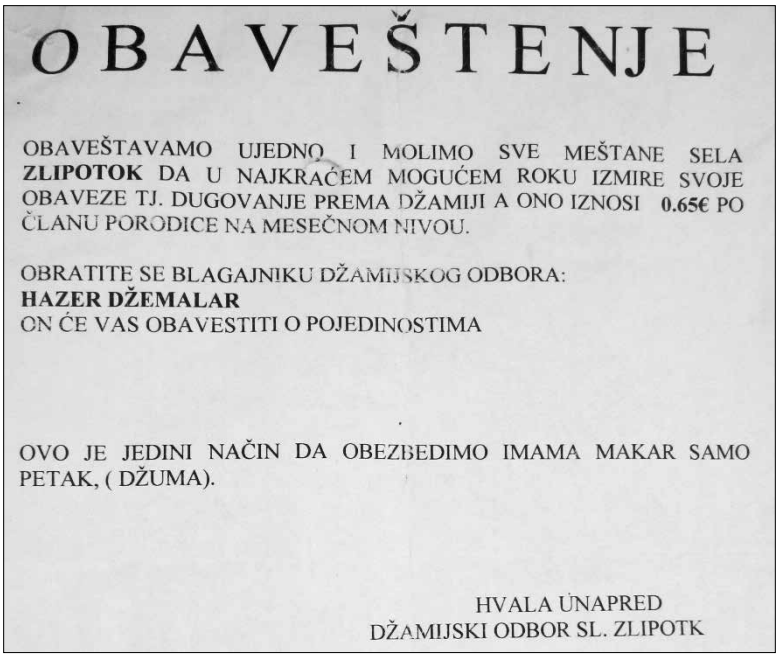
---

42 *Želim naglasiti da je goranski govor podjednako udaljen i od srpskog i od bosanskog jezika koji su gotovo 150 godina egzistirali u okviru jednog jezika (srpskohrvatski/hrvatskosrpski) i razlike među njima su više političke nego lingvističke prirode. Goranski može biti bosanski u onoj mjeri u kojoj mogu biti srpski govori Sirinićke Župe i Vranja.*

43 However, the Ekavian–Ijekavian difference is not always marginalized. For instance, the school textbooks include works that were originally in Ekavian (for instance, Hamid Isljami's literary works), but have been rendered in the textbooks in Ijekvian in order to make them sound more Bosnian.

44 Thus, it comes as no surprise that a significant number of Gorani people have declared Serbian as their mother tongue in the latest census. Indeed, one has to note that *Muslimani* cannot be automatically identified with Ijekavians, though the portion of the Ekavian *Muslimani* is rather small.

Picture 1: Notice at the entrance of the Mosque in Zlipotok



OBAVEŠTENJE

OBAVEŠTAVAMO UJEDNO I MOLIMO SVE MEŠTANE SELA **ZLIPOTOK** DA U NAJKRAĆEM MOGUĆEM ROKU IZMIRE SVOJE OBAVEZE TJ. DUGOVANJE PREMA DŽAMIJI A ONO IZNOSI **0.65€** PO ČLANU PORODICE NA MESEČNOM NIVOU.

OBRATITE SE BLAGAJNIKU DŽAMIJSKOG ODBORA:
HAZER DŽEMALAR
ON ĆE VAS OBAVESTITI O POJEDINOSTIMA

OVO JE JEDINI NAČIN DA OBEZBEDIMO IMAMA MAKAR SAMO PETAK, (DŽUMA).

HVALA UNAPRED
DŽAMIJSKI ODBOR SL. ZLIPOTK

them for the name of the language in question. All of them replied to me, *bosanski jezik* 'the Bosnian language', or simply *bosanski* 'Bosnian.'[45]

For them, the correct name of the former Serbo-Croatian used among Gorani people should be Bosnian, as a language of Muslims.[46] On

45 In Bosnian standard, the following forms should be used: *obav**je**štenje* 'notice,' *obav**je**štavamo* 'we inform,' *m**je**štane* 'locals,' *m**je**sečni* 'monthly,' *obezb**ije**dimo* 'we assure,' *unapr**ije**d* 'in advance.'

46 The same reasoning can be found among some Bosnian linguists. For instance, Jahić et al. (2000: 39) count the Gorani dialect as a dialect of Bosnian, though Jahić (1999) does not include any Gorani dialect among the Bosnian dialects. By the way, one of my informants Nuhija Tairovci who uses only the Ekavian variety told me that his idiolect should be called Bosnian because it contains many lexemes of Turkish origin that are shared more with Bosnian than with Serbian.

the other hand, they differentiate Bosnian from the Gorani dialect by the fact that the Gorani dialect is just for colloquial use. This is one reason why they use the Qur'an in Bosnian translation and do not really need a Gorani translation of the Qur'an.[47]

In addition, preference for the Bosnian language is motivated by a practical reason, particularly for leaders working on Gorani people's cultural heritage. One of the school curriculum developers in the Bosnian language, Sadik Idrizi (2014), explains as follows:[48]

> In the instruction of the Bosnian language, in almost all grades, contents and texts are taken from local literature of the Gora region and texts of famous authors and creators of the region... Only in the frame of school curricula in Bosnian can Gorani people express and affirm their own linguistic, folkloristic, cultural and other specialties.[49]

---

47 According to Hadži Muharem, an imam in Prizren, it is difficult to develop a Gorani translation of the Qur'an because the Gorani ethnolect does not have an established standard variety, which means that such a translation could spoil the holiness of the Qur'an and cause wrong interpretation of it.

48 This citation is taken from Sandžak Press: http://sandzakpress.net/afirmacija-jezika-i-kulture-gorana. The translation is: *U nastavi na bosanskom jeziku, gotovo u svim razredima, planirani su sadržaj i tekstovi iz narodne književnosti Gore, te tekstovi poznatih pisaca i stvaralaca iz ove regije...Jedino u okviru školskih programa na bosanskom jeziku Gorani mogu iskazati i afirmisati svoje jezičke, folklorne kulturološke i druge posebnosti*.

49 According to Idrizi (ibid.), the following authors' works are introduced in the textbooks. II grade: *Dolapče* (Hamid Isljami); III grade: *Šamar* (Sadik Idrizi), IV grade: *Amidah Bream* (Hamid Isljami), *Persijski ćilim* (Sadik Idrizi); V grade: *Paket za djecu* (Hamid Isljami), Gorani folklore songs and stories, *Čekmedže* (Ramadan Redžeplari);VI grade *Azil* (Sadik Idrizi), *Pismo iz Gore* (Hamid Isljami), *Haiku* (Vejsel Hamza), Gorani folklore stories; VII grade: *Nevjesta* (Vejsel Hamza), *Murat i Razija* (Jonus Koljo); VIII grade: *Majka* (Vejsel Hamza), *Lopovčić* (Hamid Isljami), Gorani balade *Jusuf i Džemilja*; IX grade: Poems (various authors), proses (Sadik Idrizi); X grade: *Hasanaginica, Omer i Merima, Đerzelez Alija* in Gora folkore epic and liric poetry, Gorani folklore prose taken from Nazif Dokle; XI grade: some works by Gorani poet Zejnel Abedin Ferhat. It is also important to note that the textbooks include works of Bosniaks from other parts of Kosovo, Montenegro, and Serbia in addition to literary works from Bosnia and Herzegovina. In this context, it is worth

3-3. Politics

It goes without saying that Bosniaks are today the largest and most influential national group among Slavic Muslims in the Balkans. There are also Slavic Muslims such as Torbeši (Macedonia, Albania), Pomaks (Bulgaria, Greece, Turkey) and others, but none of them is strong or numerous enough in a political sense to serve as an alternative center of gravity and there are no close historical links between them and the Gorani either. To save oneself or one's group from domination and aggression, it can be useful to be a part of a larger group, as long as their identity does not contradict one's own established identity too much. Hence, it is not surprising that neither Bulgarian nor Macedonian political campaigns to incorporate Gorani people into Bulgarians or Macedonians were that successful,[50] even though Bulgaria offered more useful passports than the Kosovan or Serbian and even though there would have been chances for schooling under better conditions in the "mother country."

Thus, one can conclude that the new "integration" of Gorani people into the Bosniaks and the Gorani ethnolect into the Bosnian language are not a case of involuntary assimilation, and are not "anti-Gorani" phenomena at all. On the contrary, this on the one hand is an evolution of the Gorani people's traditional identification based on the linguistic, historical, and cultural backgrounds they share with Bosniaks in Bosnia, keeping their national and ethnic identities in a nested form; then too, on the other hand, Gorani people are aware of their political weakness as they have become a minority in the new political milieu, which forces Gorani people to struggle for their existence. For this purpose, being Bosniaks could be the best choice for them.

---

noticing that these textbooks include literary works in Ekavian if the writers are Muslims. As such an example, one can mention Rabija Šaronjić, a writer born in Montenegro and her poem entitled *Dobar čovek* (not *čovjek*) 'A Good Man,' included in the text book of VII grade.

50 The number of the Gorani people who desire a Bulgarian passport (which, of course, is an EU passport) has been growing, thus in a sense it could be a success. Bulgarians also established *Udruženje Bugara Kosova* 'The Association of Kosovan Bulgarians' in Priština in 2012 in cooperation with the State Security for Bulgarians Abroad. However, it is not clear if the number of Bulgarians would ever become larger, because the Kosovan government permits multiple citizenship.

In this context, it is important to note that being a Bosniak does not automatically mean not being a Gorani. According to Mangalakova (2008: 29), many Gorani people recalled that the abovementioned Sadik Idrizi regarded himself as Gorani as late as 1999 but that after that he became a "greater Bosniak than the Bosniaks." However, this is not correct; in fact, Idrizi's intention has been to keep a Gorani micro-identity within the Bosniak macro-identity, because, according to him, the micro-identity is not enough for the Gorani to preserve themselves as a distinct group in the Balkan context.[51]

4. Continuing Dissolution? Gorani People and Gorani Ethnolect as Independent Entities

As can be seen in the results of the latest 2011 Census, the most popular ethnic/national identification of Gorani people is simply—"Gorani people" (ca. 69%). This result is also understandable because Gorani people were Muslims (with a capital letter M) in the sense of nationality until the 1991 census, but they were not until recently "Bosniaks," a notion most closely linked geographically and politically with Bosnia, where the Gorani people are not collectively from.[52] As pointed out by Billig (1995: 9, citation after Mønnesland 2013: 10), "Having a national identity also involves being situated physically, legally, socially, as well as emotionally: typically, it means being situated within a homeland, which itself is situated within the world or nations."

Those who are against the identification of Gorani people as Bosniaks tend to be sensitive about the difference of language varieties in question and criticize its "unnaturalness" in terms of asserting the Bosnian language to be their language (see also Section 3-2). One can

51 This is according to my personal communication with Sadik Idrizi, dated October 21, 2017.

52 Haljilji-Šuko (2014: 11) criticizes those who claim the Bosniak identity, on the basis of the principle that it is logically impossible for parents to be Gorans but children to be Bosniaks. In reality, however, this often happens. One of my informants from Zlipotok told me that he declared himself as Gorani, but his sister declared herself as Bosniak.

find such a statement, for instance, in Haljilji-Šuko (2014: 12) who claims as follows:[53]

> Now in some schools children learn Bosnian. I do not know whether such schools have qualified teachers...Now the school has the name *Svetlost* 'Light', but if their instruction is in Bosnian, then why it is not written as *Svijetlost*.[54]

For non-Bosniak-oriented Gorani people, their separateness is expressed mostly on the linguistic level; however, they are also conscious that they do not have their own normative grammar and writing system, which would be needed for education in Gorani (cf. Haljilji-Šuko 2014: 12). As another reason, one may mention the fact that the Bosnian literary language as a successor of Serbo-Croatian is a relatively new phenomenon, because of which, its prestige is not necessarily high among Gorani people.

Thus, it comes as no surprise that there has appeared a kind of language planning to establish a codified and standardized Gorani language as an official language. Two different ways of pursuing this ultimate goal have been utilized, as the next section will discuss in detail.

4-1. Status Planning: Collaboration with International Organizations

In 2006, "[b]ased on the International Covenant on Civil and Political Rights, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols, the Framework Convention for the Protection of National Minorities and the European Charter for Regional or Minority Languages, and taking into account the

53 *Sega vo nekuje škole deca učet na bošnjački. Neznm a imaje ovja škole stručni kadar...Sega škola nosi ime „Svetlost", pa ako je nastava na bošnjački, zašto neje napišano „Svijetlost"*. The correct form should be *Svjetlost*, which itself also shows that Gorani people are indeed not familiar with Ijekavian forms.

54 In addition, their Gorani accent makes it difficult for Gorani people to be accepted as Bosniaks. According to Haljilji-Šuko (2014: 11), some Gorani people who have lived in Bosnia for their entire life are treated as Albanians there. He does not specify the reason, but one could speculate that this is due to their softened pronunciation of *l* like *lj*, which is shared with Albanian, and is, moreover, taken as emblematic of an Albanian accent in former Serbo-Croatian.

Hague Recommendations regarding the Education Rights of National Minorities and the Oslo Recommendations regarding the Linguistic Rights of National Minorities, the Guidelines on the use of Minority Languages in the Broadcast Media, and with the intention to regulate the use of languages," the *Law on the Use of Languages* was adopted by the Assembly of Kosovo.[55] This law guarantees the right to use of minority languages, in Article 2, which is quoted in part here:[56]

> 2-3. In municipalities inhabited by a community whose mother tongue is not an official language, and which constitutes at least five (5) percent of the total population of the municipality, the language of the community shall have the status of an official language in the municipality and shall be in equal use with the official languages. Notwithstanding the foregoing, exceptionally, in Prizren Municipality the Turkish language shall have the status of an official language.
>
> 2-4. In municipalities inhabited by a community whose mother tongue is not one of the official languages of Kosovo and which represents above 3 (three) percent of the total population of the municipality, the language of the community shall have the status of a language in official use in the municipality in accordance with the provisions specified in Article 8. In addition, a community whose language has been traditionally spoken in a municipality shall also have the status of a language in official use within that municipality. Pursuant to Article 35, municipalities shall adopt detailed regulations on this issue within six months of the promulgation of this law.

Theoretically, Gorani could and still can have official status in the municipality of Dragaš, because Gorani people comprise more than 26% of the whole population of the municipality (8,987/33,997), but not elsewhere.

The *Law on the Use of Languages* also required the Kosovo government establish a Language Commission to supervise the *Law*'s implementation (Article 32); this was accomplished in 2007. However, the Language Commission did not function effectively, and as a result the implementation of the *Law on the Use of Languages* was not

55 http://www.assembly-kosova.org/common/docs/ligjet/2006_02-L37_en.pdf
56 http://www.assembly-kosova.org/common/docs/ligjet/2006_02-L37_en.pdf

Picture 2: Appointment of representatives of each linguistic community to the Language Policy Board

REPUBLIKA E KOSOVËS-REPUBLIKA KOSOVO-REPUBLIC OF KOSOVO
ZYRA E PRESIDENTIT-UREDI PREDSEDNIK-OFFICE OF THE PRESIDENT
Nr. Prot.: 528 Date: 24.04.2012
PRISHTINË/A

REPUBLIKA E KOSOVËS – ZYRA E PRESIDENTIT

REPUBLIC OF KOSOVO – OFFICE OF THE PRESIDENT

REPUBLIKA KOSOVA – URED PREDSEDNIKA

KËSHILLI KONSULATIV PËR KOMUNITETE
CONSULATIVE COUNCIL FOR COMMUNITIES
KONSULTATIVNO VEĆE ZA ZAJEDNICE

PËR	**Kryeministrin e Republikes së Kosoves, z. Hashim Thaçi**	**DATË DATUM DATE**	**23.04.2012**
		Reference	**Nr. 001/2012**
CC	• **Presidentes së Republikes së Kosoves znj. Atifete Jahjaga,** • **Zyrës për Çështje të Komuniteteve, z. Srđan Popović,** • **Zyrës Ligjore të Kryeministrit, z. Besim Kajtazi**		
NGA	**Keshilli Konsultativ Për Komunitete**		
SUBJEKTI	**Vendimi për emërimin e përfaqësuesve për anëtarë të Bordit për politika të gjuhëve**		

Në mbështetje të nenit 60 të Kushtetutës së Republikës së Kosovës, duke u bazuar në nenin 2 paragrafi 1. i Statutit të Këshillit Konsultativ Për Komunitete, si dhe në nenin 7 paragrafët 3 dhe 5 të Rregullores nr. 07/2012 për Zyrën e Komisionerit për Gjuhët, Këshilli Konsultativ Për Komunitete, në mbledhjen e mbajtur më 23 prill 2012, mori:

V E N D I M

PËR EMËRIMIN E PËRFAQËSUESVE PËR ANËTARË TË BORDIT PËR POLITIKA TË GJUHËVE

1. Nga një (1) përfaqësues për secilin nga komunitetet gjuhësore në vijim:

1. Lulzim Canaj – për gjuhën shqipe
2. Petar Miletić – për gjuhën serbe
3. Ćerim Bajrami – për gjuhën boshnjake
4. Ercan Kasap – për gjuhën turke
5. Kujtim Paćaku – për gjuhën rome
6. Josip Blaško – për gjuhën kroate
7. Snežana Karadžić – për gjuhën malazeze
8. Ramadan Redžeplari – për gjuhën gorane

2. Vendimi hyn në fuqi ditën e nënshkrimit.

Ćerim Bajrami

Zv. Kryesuesi i Këshillit Konsultativ Për Komunitete

successful. The problem was recognized not only by national minorities but also by the Kosovo government and the international community. Thus, considering a range of international experiences and best practices, the Office of the Prime Minister and the International Civilian Office, with the support of national minority groups, agreed to establish a new administrative unit of the Office of the Language Commissioner in 2012, funded by the Budget of Kosovo; the Office of the Prime Minister also agreed to provide a separate budget for the Office of the Language Commissioner.[57]

Under the auspices of Article 6 in *Regulation No. 07/2012 on the Office of the Language Commissioner*, where the "Gorani language" is mentioned as one of the languages of linguistic communities of Kosovo together with Albanian, Serbian, Bosnian, Turkish, Romani, Croatian, and Montenegrin, the Language Policy Board was established (Picture 2).[58]

The inclusion of the Gorani language was due to the efforts of Avnija Bahtijari, who is of Gorani origin and who worked in the secretariat of the Communities Committee within the Presidency of the Republic of Kosovo, and on the legal side, to the Office of the Prime Minister, Legal Office, and Office for Communities. Ramadan Redžeplari (1944–2016), a local writer and self-taught ethnographer, was appointed as the first representative of the Gorani language on the Language Policy Board (for details on Redžeplari, see 4-2.). Bahtijari expected that the Language Policy Board would function for standardizing the Goran ethnolect under Redžeplari's guidance as well; however, because of his illness and age, Redžeplari stepped down from the position of the representative of the Gorani language without any significant work having been done toward this goal.

The activity of the Language Policy Board continues in cooperation with The Mission in Kosovo of the Organization for Security and

57 This information has been provided by Mr. Maurizio Montipò, who worked for the International Civilian Office, and to whom I am extremely grateful for his help and discussion with me.

58 See p. 6 and p. 9 in *Regulation No. 07/202 on the Office of the Language Commissioner*.

Cooperation in Europe (OSCE), protecting and promoting Human rights including minority language rights as one of the goals. However, according to Zaimi Fergap, the representative who took over Redžeplari's role, the Language Policy Board has a merely decorative function, to create the appearance for foreign officials that language rights are respected and minorities were given enough attention in the frame of law.[59]

There is also a political party, *Pokret za Gora* 'Movement for Gora,' organized by the abovementioned Avnija Bahtijari that has declared the standardization of the Gorani language as one of the party's priorities in its manifesto,[60] but, to the best of my knowledge, there has been no concerted effort to standardize the Gorani language in a top-down manner.[61]

4-2. Corpus Planning and Ramadan Redžeplari

It was not coincidental that Ramadan Redžeplari became the first representative of the Gorani language on the Language Policy Board, because he was one of the first Gorani people who had tried to develop a written form of the Gorani ethnolect. While there have been many poets and writers in Gorani both before and after Redžeplari, using the Serbian Cyrillic script or the Latin script of the Gajica type, it was Redžeplari who set up a unique writing system for his mother tongue.

Redžeplari, who was born in Zlipotok in Gora and lived in Prizren, actively published Gorani folklore texts and songs, including originals by him, written in several Gorani dialects, and compiled a "Great Gorani-Serbo-Croatian-Bosnian Dictionary" (over 110,000 entries) (Redžeplari 2016: 73). Unfortunately, the dictionary has not been published, as the author passed away before finalizing it.

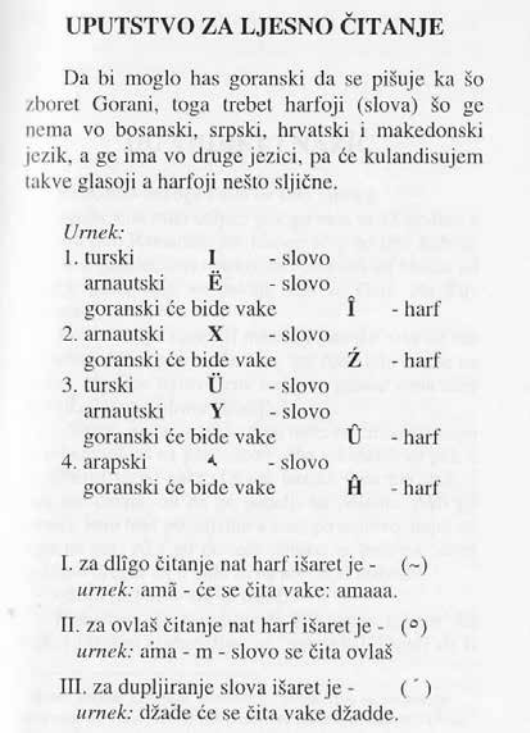
---

59 According to my interview with Zaimi Fergap.

60 This document is entitled *Program političke stranke „Pokret za Gora—PG"* 'Program of the political party "Pokret za Gora—PG."' The document was provided to me by Avnija Bahtijari.

61 It is interesting to note that there are a range of opinions among Gorani people with regard to standardization of their language. For instance, the abovementioned Zaimi Fergap thinks that standardization of the Gorani language could be harmful because such a linguistic unification may cause the loss of diversity of the Gorani dialects.

Picture 3: Redžeplari's *Instruction for a Good Reading*



UPUTSTVO ZA LJESNO ČITANJE

Da bi moglo has goranski da se pišuje ka šo zboret Gorani, toga trebet harfoji (slova) šo ge nema vo bosanski, srpski, hrvatski i makedonski jezik, a ge ima vo druge jezici, pa će kulandisujem takve glasoji a harfoji nešto sljične.

Urnek:
1. turski **I** - slovo
arnautski **Ë** - slovo
goranski će bide vake **Î** - harf
2. arnautski **X** - slovo
goranski će bide vake **Ź** - harf
3. turski **Ü** - slovo
arnautski **Y** - slovo
goranski će bide vake **Û** - harf
4. arapski ه - slovo
goranski će bide vake **Ĥ** - harf

I. za dlîgo čitanje nat harf išaret je - (~)
urnek: amã - će se čita vake: amaaa.

II. za ovlaš čitanje nat harf išaret je - (°)
urnek: åma - m - slovo se čita ovlaš

III. za dupljiranje slova išaret je - (´)
urnek: džaďe će se čita vake džadde.

At first, Redžeplari did not have any intention to codify the Gorani language; he wrote in Gorani because *jen miljet ako ne pišuje, on neće ima zajedničko pamtenje; će zabrava* '[i]f a nation does not write, it will not have a common memory and it will forget (one's root)' (Redžeplari 2014: 33) and *da bi moglo has goranski da se pišuje ka šo zboret Gorani, toga trebet harfoji šo ge nema vo bosanski, srpski, hrvatski i makedonski jezik* 'what is written just like Gorani people speak should be authentic Gorani, some letters that do not exist in Bosnian, Serbian, Croatian or Macedonian are needed' (Redžeplari 2005: 13)

For that purpose, Redžeplari introduced a few new letters and diacritics into the Latin alphabet of Serbo-Croatian (Picture 3).

Traditionally, even though Gorani people are Muslims, they were not against the Cyrillic alphabet, whereas other Balkan Muslims may not prefer to use as the Cyrillic alphabet is a symbol of Orthodox Church; for example, one of the most productive Gorani poets and writers, Hamid Isljami (1959–2013), used Cyrillic for most of his works in the Gorani ethnolect. Obviously, Redžeplari took the Latin script as a way to be closer to the Bosnian, Turkish and Albanian languages, all of which he was familiar with and had mastered impeccably.[62]

62 In this context it is noteworthy that sometimes Redžeplari calls the former

Redžeplari's view on the Gorani ethnolect gradually evolved, however, as that can be seen in the content of his publications. In the introduction to his first book, *Čekmedže* 'A Treasure Box,' published in 2005, he wrote as follows:

> Since until now nobody has tried to write such a book in Gorani (at least I do not know any), I will try to create it as the first touchstone (Čekmedže, p. 11)[63]

However, by the time Redžeplari published the third volume of *Čekmedže* (2011), his intention seems to have changed. In the introduction of the volume, he wrote as follows:

> Since until now nobody has tried to write such a book in the Gorani language (at least I do not know any)...I expect that I have done the first touchstone for the step-forward Gorani grammar (Čekmedže 3, p. 9)[64]

Thus, unlike in the first, 2005 volume, by 2011 the author was explicitly using the word *jezik* 'language' for the Gorani ethnolect, and mentioned a future grammar of the Gorani language.[65]

Redžeplari introduced three more letters to the Latin alphabet in *Čekmedže 3* to make his writing system more adequate for the Gorani language (Picture 4).

Serbo-Croatian *sîrpsko-bosanski jezik* 'Serbo-Bosnian language' (Redžeplari 2014: 98). This implies that Serbian and Bosnian are the same language for him and it is these languages that matter for Gorani people.

63 *Deka du sega, na goranski nikoj vake ne pokušaf, (bare mene ne mi je poznato) ja će se obidem da parajim pîrva sîbica.*

64 *Deka du sega, na goranski jezik nikoj vake ne se obidef, (bare mene ne mi je znîto)...pa hesapim da som zapraif pîrva sîbica za vo goranska natamošna gramatika.*

65 The word *gramatika* 'grammar' itself does not mean a normative grammar. However, in my interview with Redžeplari in Prizren in 2012, he clearly told me that he meant a normative grammar for a future standard variety of the Gorani language. In addition, when we visited Nazif Dokle (1945–2014) in Albania, Redžeplari suggested to Dokle that they work together to establish a standard variety of the Gorani language, but Dokle did not agree with Redžeplari. The reason was that before standardizing their language, Gorani people have to make efforts to save the language, particularly in Albania.

Picture 4. Modified writing system in *Čekmedže 3*

Za tija moj predlog je da tija nove slova (harfoji ili grateme) bidet između sḷične i srodne slova, ka šo ge naznačujem zdola, da između:

Č – i – **Ć** - bide i vakof harf: **Ç** ;

pa između harfoji:

L – i – **Lj** – da bide i vakof harf: **Ḷ**

i između harfoji:

N – i – **Nj** - da bide i vakof harf: **Ṇ**.

However, he himself could not master what he had invented, and indeed one can find many inconsistencies in his publications.[66] Nevertheless, his writing system was welcomed by some Gorani people, one of whom, Ćemal Asani, makes the following comment:

> Let me repeat, it would be very nice if all Gorani people would accept those letters, of course with certain modifications, in which case, I think, we would help standardization of our dearest Gorani language spoken and passed on down to us by our ancestors (Ćemal Asani's review of Redžeplari's last book *Gorske kajnaci* published in (2014)).[67]

Notwithstanding the efforts of Avnija Bahtijari to promote Redžeplari's activity, including distribution of his publications among pupils to let them know that the Gorani ethnolect could have a written form and help them learn Redžeplari's writing system and read his

66 For instance, Redžeplari has registered the lexeme *deḷikanḷija* 'a young man' in his glossary of *Čekmedže 3*, but he uses forms such as *deljikanḷija* and *delikanlija* as well.

67 *Jope veljim mlogu ubavo bi bilo ka bi sme ge ukabulile sve Gorani harfojiti, tabi i so nekuje korisne izmene biduje, samo toga mene mi se čini, mlogu bi sme prinesle za standardizacija za naš najmif goranski, šo ni go zborile i ostajlje ka amanet našete stare.*

works, as far as I know, there are not many Gorani people who follow this orthography.[68] One of the major reasons is that this writing system remained a personal language tool and was not actively shared, and there is no significant difficulty to using other writing systems such as Albanian (as Nazif Dokle and others do, particularly in Albania[69]) or Bosnian (as Sadik Idrizi and many others do, particularly in Kosovo) with only a few modifications if one wishes to write in Gorani, though any necessity of doing so is rather rare in their everyday life.

To conclude, the Gorani ethnolect in Kosovo is *de jure* an independent language, and can serve as a good threshold case of Kamusella's definition of a language: "a language is a politically (in the broadest meaning of this term) empowered lect, a direct reflection of the actual political situation of the speech community—that is a (ethnic) group which speaks (and writes) this lect." (Kamusella 2015: 19). On the other hand, it does not implicate the visible presence of any standardization of the Gorani language, which might be unusual in the Balkans, where 'a language' is expected to be standardized (cf. Radovanović 2003: 202).[70] At this stage, Gorani is not even a literary microlanguage, but remains on the level of a so-called literary dialect (cf. Duličenko 2015: 574). However, this does not mean that there is no potential to develop a standard variety. According to Bahtijari, there are Gorani people who indeed long to have a standardized variety of the Gorani language.[71] In this context, it may be worth noting that there are two local radio stations that have religious and cultural (including folkloristic topics) programs

68 Another reviewer of the book, Sait Ibiš, let me know when I interviewed him that he actively uses the earlier version of Redžeplari's writing system.

69 It is important to note that Nazif Dokle compiled his monumental *Reçnik goranski (nashinski)—Allbanski*, using the Albanian writing system.

70 For instance, Bošnjaković and Sikimić (2013: 190) assert that the Bunjevac ethnolect can only be called *govor* 'a lect', not *jezik* 'a language', because it does not possess a standardized form.

71 This is according to my interview with Avnija Bahtijari, who told me that for Gorani people not to be assimilated, a standardized language with its own script is imperative.

in the Gorani ethnolect, and thus there is a sphere of Gorani usage other than in colloquial communication.[72]

Conclusion

In this article, analyzing the current sociolinguistic situation and background of the Gorani people and their ethnolect in the former Yugoslavia, what I have shown can be summarized as follows:

1. Throughout their history, Gorani people in Kosovo have changed their avowed national identity depending on the political situations that they were facing. Gorani people in Kosovo almost always regarded themselves as Serbian/Serbo-Croatian-speakers with Muslim religious orientation, except for their Turkish identification in the 1950s and 1960s, which happened most probably for a pragmatic purpose based on historical reasoning. This can be explained by the political milieu, in which Gorani people all learned Serbian/Serbo-Croatian in their school curriculum as a state language. In contrast, Gorani people in Macedonia still tend to regard themselves as Turks—a general Gorani tradition, on one hand, as suggested above, whose persistence in Macedonia can be explained by the different school system, with instruction in Macedonian and no schooling in Serbian/Serbo-Croatian.

2. Today, most of the Gorani people in Kosovo identify themselves either as Gorani people or as Bosniaks. The former is a reinterpreted

72 They are Radio Gora (http://radiogora.org) and Radio Bambus (https://bambus-radio.it.gg/Po%26%23269%3Betna.htm). According to Nuhija Tairovci, the present director of Radio Gora, the radio station was established in the early 1990s with financial support from the then municipality of Gora. After the war in Kosovo, he started to work for OSCE and then he came to the idea to broadcast in the Gorani ethnolect. There were various obstacles and his idea was realized only in 2002. In addition, it is worth mentioning here that between 2003 and 2008 *Radio Sto Plus* in Novi Pazar had a program in Gorani *Gora u srcu* 'Gora in Heart' for those Gorani people who left Gora for Novi Pazar after NATO's bombardment of Kosovo in 1999. They discontinued the program as many of the target audience ultimately left Novi Pazar for Western European countries. This information was provided by Ishak Slezović, the director of the radio station.

reiteration of their identity as a separate ethnic group, while the latter is a "rephrase" of their identity caused by political changes in the 1990s, but basically a continuation of their identification as South Slavic Muslims who speak Serbian/Serbo-Croatian. Thus, the "new" integration of the Gorani people into "Bosniakdom," in terms of both ethnic and linguistic identities, has been a perpetuation of their twofold identity in a nested form. While the Gorani identity has been stable as a homogeneous and specific micro-identity of Gorani people, the Bosniak identity is instead a political macro-identity with Muslim religious orientation. Their new "mother tongue," Bosnian, is chosen as a renamed recasting of the former Serbo-Croatian into a language spoken by South Slavic Muslims.

3. A new departure of the Gorani people and their ethnolect from the traditional "South Slavic Muslims who speak Serbo-Croatian" characterization has begun as a result of a new political context in which the Gorani ethnic identity can appear as an independent one, which means a reshaping of the traditional nested way of Gorani self- and group identification. This has been accelerated by the presence of various international organizations in Western Europe who monitor minority rights in Kosovo by crafting laws and implementing them in cooperation with the Kosovan government. Taking advantage of this situation, the Gorani ethnolect is recognized as a separate minority language by the *Regulation on the Office of the Language Commissioner*. However, in reality, this status does not function effectively, at least, at this stage because the Gorani language has not yet been standardized on the one hand and because the *Law on the Use of Languages* is not respected enough, on the other. In this context, Ramadan Redžeplari's works are innovative: the first effort to challenge the task of codifying the Gorani language. However, at this stage, one has to admit that Redžeplari's written variety of the Gorani ethnolect remains only Redžeplari's idiolect.

References

Alexander 2013 – R. Alexander. Language and Identity: The Fate of Serbo-Croatian. In: D. Roumen, M. Tchavdar (eds.). *Entangled Histories of the Balkans. Volume One: National Ideologies and Language Policies.* Leiden and Boston: Brill, 341–417.

Antonijević 1995 – D. Antonijević. Etnički identiteti Goranaca. In: A. Dragoslav, M. Radovanović (red.). *Šarplaninske župe Gora, Opolje i Sredska: antolopogeografsko-entnološke, demografske, sociološke i kulturološke karakteristike.* Beograd: Geografski institut "Jovan Cvijić" SANU, 76–88.

Bošnjaković – Sikimić 2013 – Ž. Bošnjaković, B. Sikimić. *Bunjevci: etnodijalektološka istraživanja 2009.* Subotica/Novi Sad: Nacionalni savet bunjevačke nacionalne manjine/Matica srpska.

Brozović – Ivić 1988 – D. Brozović, P. Ivić. *Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod Miroslav Krleža.

Bugarski 2012 – R. Bugarski. *Portret jednog jezika.* Beograd: Biblioteka XX vek.

Bugarski 2018 – R. Bugarski. *Govorite li zajednički?* Beograd: Biblioteka XX vek.

Čirgić 2011 – A. Čirgić. *Crnogorski jezik u prošlosti i sadašnjosti*. Podgorica: Matica crnogorska.

Ćerić 1968 – S. Ćerić. *Muslimani srpskohrvatskog jezika*. Sarajevo: Svjetlost.

Dokle 2007 – N. Dokle. *Reçnik goranski (nashinski) allbanski.* Sofija: Peçatnica naukini akademiji "Prof. Marin Drinov."

Dokle 2011 – N. Dokle. *Bogomilizam i etnogeneza torbeša kukske Gore.* Prizren: Alem.

Duličenko 2015 – A. D. Duličenko. *Vvedenie v slavjanskuju filologiju*. Moscow: Flinta.

Friedman 1999 – V. A. Friedman. *Linguistic Emblems and Emblematic Languages: On Language as Flag in the Balkans.* Columbus: Department of Slavic and East European Languages and Literatures, The Ohio State University.

Garde 2014 – P. Garde. *Le discours balkanique: Des mots et des hommes.* Paris: Fayard.

Haljilji-Šuko 2014 – Š. Haljilji-Šuko. *Da se kažuje da ne se zabraji.* Globočica: Private edition.

Greenberg 1996 – R. Greenberg. The Politics of Dialects among Serbs, Croats, and Muslims in the Former Yugoslavia. *East European Politics and Societies* 10, 393–415.

Hasani 2012 – H. Hasani. Goranies: a respected minority in Serbia, a persecuted minority in present-day Kosovo. In: D. T. Bataković (ed.). *MINORITIES in the Balkans: State Policy and Interethnic Relations (1804–2004).* Belgrade: Balkanološki institut SANU, 311–322.

Idrizi 2012 – S. Idrizi. *Jezik i stil Narodne poezije Gore.* Prizren: Ministria e Arsimit, Shkencës dhe e Teknologjisë.

Ivić 1991 – P. Ivić. *Iz srpskohrvatske dijalektologije: Izbrani ogledi* III. Niš: Prosveta.

Ivić 2009 – P. Ivić. *Srpski dijalekti i njihova klasifikacija. Priredio Slobodan Remetić.* Sremski Karlovci/Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.

Jahić – Halilović – Palić 2000 – Dž. Jahić, S. Halilović, I. Palić. *Gramatika bosanskogo jezika.* Zenica: Dom štampe.

Jahić 1999 – Dž. Jahić. *Bosanski jezik u 100 pitanja i 100 odgovora*. Sarajevo: Ljiljan.

Jastrebov 1889 – I. S. Jastrebov. *Obyčai i pesni tureckix Serbov v Prizrene, Ipeke, Morave i Dibre*. Sanktpeterburg: Tipografija V. S. Balaševa.

Jastrebov 1909 – I. S. Jastrebov. *Stara Serbija i Albanija: Putevye zapiski*. Spomenik SKA, XLI. Beograd: Srpska kraljevska akademija.

Joseph 2004 – J. E. Joseph. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious.* New York: Palgrave Macmillan.

Kamusella 2015 – T. Kamusella. *Creating Languages in Central Europe during the Last Millennium*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Lisac 2003 – J. Lisac. *Hrvatska dijalektologija* 1. *Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja*. Zagreb: Golden marketing/Tehnička knjiga.

Lutovac 1955 – M. Lutovac. *Gora i Opolje: Antropogeografska proučavanja*. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti.

Mangalakova 2008 – T. Mangalakova. *Našenci v Kosovo i Albanija.* Sofija: NIBA Konsult.

Mladenović 1995 – R. Mladenović. Goranski govor. In: D. Antonijević, M. Radovanović (red.). *Šarplaninske župe Gora, Opolje i Sredska: antolopogeografsko-entnološke, demografske, sociološke i kulturološke karakteristike*. Beograd: Geografski institut "Jovan Cvijić" SANU, 109–148.

Mladenović 2001 – R. Mladenović. Govor šarplaninske župe Gora. In: *Srpski dijalektološki zbornik* XL. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti i Institut za srpski jezik SANU, 1–606.

Mladenović 2012 – R. Mladenović. V poiskax etničeskogo opredelenija: slavjanskie muslmanskie gruppy na jugo-zapade Kosovo i Metoxii. *Slavic Eurasian Studies* 25, 115–148.

Mønnesland 2013 – S. Mønnesland. *National Symbols in Multinational States: The Yugoslav Case*. Oslo: Sypress Forlag.

Nomachi 2017 – M. Nomachi. Another Look at the Rise and Fall of the West Polessian Literary Microlanguage (with a Glance toward Less Discussed Ukrainian Factors). In: Lj. Popović (ed.). *Ukrainian Studies and the Slavic World*. Belgrade: University of Belgrade, 264–283.

Radovanović 2009 – M. Radovanović. *Sociolingvistika*. Sremski Karlovci/Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.

Redžeplari 2005 – R. Redžeplari. *Čekmedže: Meseljina Masali Prikažne (Istiniti događaji Mitski događaji Priče i basne).* Prizren: Alem.

Redžeplari 2011 – R. Redžeplari. *Čekmedže 3: Meseljina Masali– Prikažne (Istiniti događaji Mitski događaji Priče i basne).* Prizren: Alem.

Redžeplari 2014 – R. Redžeplari. *Gorske kajnaci: hakikatne goranske lafoji (umne đumljina so bejiti).* Dragash: Omladinski Savez Gore OSG.

Redžeplari 2015 – R. Redžeplari. *Ogrijana mesečina.* Prizren: İmza Yayınevi.

Reljić 2013 – M. Reljić. *Srpski jezik na Kosovu i Metohiji danas (sociolingvističke i lingvokulturološki aspekt)*. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti.

Rešetar 2010 – M. Rešetar. *Štokavski dijalekat.* Podgorica: Matica crnogorska.

Seliščev 1929 – A. M. Seliščev. *Polog i ego bolgarskoe naselenie: istoričeskie, etnografičeskie i dialektologičesie očerki severo-zapadnoj Makedonii*. Sofija: Makedonskij naučnyj institut.

Steinke 2016 – K. Steinke. Identity Problems of the Gorani in Eastern Albania and Kosovo. In: T. Kamusella, M. Nomachi, C. Gibson (eds.). *The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders.* Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 360–376.

Trifunoski 1976 – J. F. Trifunoski. *Polog: Antropogeografička proučavanja.* Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti.

Vajzović 2012 – H. Vajzović. Jezik i identitet slavenskih muslimana: Bošnjaci između lingvistike i politike. *Slavic Eurasian Studies* 25, 65–114.

Vidoeski 1973 – B. Vidoeski. Govorot na pološkite torbeški sela Urvič i Jelvjane. In: P. Kiroski, H. Polenakovikj, T. Stomatoski (red.). *Kiril Pejčinovikj i negovoto vreme.* Tetovo: Opštinsko sobranie na grad Tetovo.

Vidoeski 1998 – B. Vidoeski. *Dijalektite na makedonskiot jazik*. T. 1. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite.

Voss 2011 – Ch. Voss. Multilingual States and Empires in the History of Europe: Yugoslavia. In: B. Kortmann, J. van der Auwera (eds.). *The Languages and Linguistics of Europe. A Comprehensive Guide*. Berlin: De Gruyter Mouton, 762–774.

III. О ситуации со славянскими микроязыками

Дуличенко Александр Дмитриевич
Тартуский университет
Тарту, Эстония

О ситуации со славянскими микроязыками

Международная комиссия по славянским микроязыкам при Международном Комитете славистов

В 2008 г. на XIV Международном съезде славистов в Охриде (Македония) Международный Комитет славистов предложил и утвердил «Комиссию по славянским микроязыкам».

I

Поскольку проблематика, которой занимается Комиссия, все еще недостаточно хорошо известна широкому кругу славистов, сообщим сначала кратко некоторые сведения о ней.

Славянское языкознание конца XX – начала XXI вв. представляет собою сформировавшуюся научную дисциплину классического типа, где достаточно четко обозначено содержательное пространство, а для исследования его проблем разработаны (в содружестве с другими дисциплинами) определенные приемы и методы. Ядром славянского языкознания, как известно, является лингвистическая палеославистика, т. е. наука о праславянском языке, в то время как другие его разделы так или иначе связаны со этим первоисточником, постоянно получая от него различного рода импульсы. В отличие от исторической фонетики и грамматики, история славянских литературных языков — это дисциплина, сформировавшаяся позднее на основе учета очевидных неязыковых (письменность) и собственно

языковых (норма и стиль) фактов. Как история, так и теория литературного языка развивались преимущественно в течение XX в. с главной опорой на вопросы нормирования литературно-языковой страты (разновидности), уже наличествовавшей к тому времени у всех крупных славянских народов. Список в 12 славянских языков, каждый из которых выступал также в виде литературного языка, стал привычным, войдя во все справочники, энциклопедии и университетские учебники. Правда, здесь нужно сделать некоторое пояснение: в одних изданиях в этот список включается литературно-письменный старославянско-церковнославянский язык — тогда серболужицкий выступает в таких классификациях как один язык, в других — без учета старославянско-церковнославянского, но тогда серболужицкий делится на верхе- и нижнелужицкий. Добавим также, что как литературный язык лишь с середины XX в. формируется македонский.

В целом в XX в. в славянском языкознании и в лингвистике вообще возобладало мнение о том, что языковая Славия достаточно плотно покрыта литературными языками (как, впрочем, и неславянские регионы Европы). Однако при пристальном взгляде выяснилось, что «крыша» в виде литературного языка не везде одинаково плотно покрывает соответствующее ей этноязыковое пространство и что вообще плотность языковой Славии не абсолютна, что она еще дает некоторые возможности для появления новых «ростков» в виде литературно-языковых образований, т. е. литературных языков. И хотя все это стояло на периферии в географическом смысле и в плане внимания исследователей, все же возникало ощущение неполноты славянской литературно-языковой картины (картины уровня литературного языка). В середине XX в. о «теневых» литературно-языковых образованиях, формировавших такую неполноту, в научной литературе практически ничего нельзя было прочесть.

Категория славянских микроязыков (на социолингвистическом уровне — славянских литературных микроязыков) стала разрабатываться с середины 70-х гг. XX в. и получила свое более или менее цельное оформление лишь в начале 80-х гг., знаменуя собою новое направление в славянском языкознании, реализуемое в основном в рамках формировавшейся к тому времени «Тартуской школы

славянской микролингвистики». Первоначально объектом исследования был югославо-русинский (южнорусинский) литературный микроязык в бывшей Югославии, через посредство которого постепенно открывалась и другая часть Микрославии. В ту пору был собран, описан и типологически проанализирован материал 12 литературных микроязыков и их проектов, т. е. в том же количестве, что и число традиционно включаемых в генетическую классификацию славянских языков.

К феномену славянских литературных микроязыков был отмечен интерес широких славистических кругов. Достаточно сказать, что на монографию автора настоящего сообщения «Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)» 1981 г., посвященную этой категории языков, в разных странах в научных изданиях было опубликовано более десятка рецензий. Однако потребовалось примерно четверть века для того, чтобы категория славянских литературных микроязыков заняла свое место в славянском языкознании. Так, эта проблема была озвучена уже на XI Международном съезде славистов в Братиславе в 1993 г. На XII съезде в Кракове в 1998 г. работал специальный блок по малым славянским языкам. Проблематика микроязыков широко была представлена также и на славистическом съезде в Любляне в 2003 г. Специальный тематический блок «Малые славянские языки (микроязыки): статус, проблемы нормы и функционирования», собравший огромную аудиторию, работал и на XIV съезде славистов в Охриде в 2008 г. В ряде стран молодыми исследователями написаны или же пишутся диссертации, посвященные тем или иным микроязыкам. Эти языки представлены теперь в лекционных курсах ряда европейских университетов — например, такой курс систематически читается десятки лет в Тартуском университете для тех студентов и докторантов, кто специализируется по славистике; соответствующие курсы читались или читаются также в Уппсальском (Швеция), Геттингенском, Тюбингенском, Трирском, Дрезденском и других университетах Германии и ряда других стран. Есть сведения о микроязыках и в университетских учебниках. Данной проблематикой успешно занимаются и многие крупные слависты Белоруссии, Словакии, Сербии, Хорватии, Словении, Германии,

Швеции, Австрии, Польши, Италии, Канады и др. стран. Эту категорию языков стали включать в справочники и энциклопедии. В 2005 г. кафедра славянской филологии Тартуского университета и Королевская Шведская Академия литературы, истории и древностей провели в Тарту международную конференцию под эгидой «Международного Комитета славистов» на тему «Славянские литературные микроязыки и языковые контакты».

Микроязыки характерны не только для Славии. В Романии роль самостоятельных микроязыков играют аромунский (македонорумынский) в Греции, Болгарии, б. бывшей Югославии и в Албании, мегленорумынский в Греции и сильно славянизированный истрорумынский. Литературно-языковая практика имеется на сардинском и фриульском. В Швейцарии бытует близкий к итальянскому ретороманский, состоящий из сурсельвского, сутсельвского, сурмиранского, верхнеэнгадинского и нижнеэнгадинского,мюнстерского, — каждый со своим культурным центром. В германском мире известны фарерский, фризский, так наз. швейцарско-немецкий (лингвоним Schwitzerdütsch) и т. д. В Европе в целом изменилось соотношение больших и малых языков, что также является немаловажным фактором для формирования, функционирования и вообще перспектив развития литературных микроязыков.

Мы делим славянские литературные микроязыки на четыре группы на основе учета ареально-географического принципа в сочетании с этнолингвогенетическим и литературно-языковым. Вот как выглядит состав современных славянских микроязыков: микроязыки, страна, регион / культурный центр статистические данные.

1. Автономные

верхнелужицкий: Германия, земля Саксония, ист. обл. Верхняя Лужица / Будышин, в.-луж. Budyšin (нем. Bautzen). 40 тыс.

нижнелужицкий: Германия, земля Бранденбург, ист. обл. Нижняя Лужица / Коттбус, н.-луж. Chóśebuz (нем. Cottbus). Ок. 20 тыс.

кашубский: Польша, Гданьское воев., ист. обл. Поморье Гданьское и вост. часть Западного / Картузы, Гданьск (польск. Kartuzy, Gdańsk). От 200–367 тыс.

2. Островные

югославо-русинский (**южнорусинский**): Сербия — Автономная обл. Воеводина, Хорватия / Руски Керестур (серб. Руски Крстур), Нови Сад / Загреб (хорв. Zagreb). Ок. 25 тыс.

градищанско-хорватский: Австрия, земля Бургенланд / Эйзенштадт, град.-хорв. Željezno (нем. Eisenstadt). 35–45 тыс.

молизско-славянский: Италия, обл. Молизе, пров. Кампобассо (итал. Molise, Campobasso). Ок. 4–4,5 тыс. (?)

резьянский: Италия, пров. Венеция-Джулия (итал. Venezia-Giulia), долина Резья. Ок. 3 тыс. (?)

банатско-болгарский: Румыния (ист. обл. Банат) и Сербия (ист. обл. Банат); в XIX в. центр — Винга (румын. Vinga) / Стар Бешенов (румын. Dudeştii Vechi). 18–22 тыс.

3. Периферийно-островные

(**карпато**)**русинский**: Украина — Закарпатская обл. (Подкарпатская Русь); Вост. Словакия (Пряшевская Русь); Польша, Венгрия, (Румыния) / разные данные противоречивы.

эгейско-македонский: Греция, Эгейская Македония. От 110 до 160 тыс.

помакский: Греция, номы Ксанти, Родопи, Эврос, ист. Зап. Фракия / Комотини (?). 36–39 тыс.

венецианско-словенский: Италия, обл. Фриули — Юлийская Краина, Терская и Недижская долины. Ок. 9 тыс.

4. Периферийные (региональные)

чакавский: Хорватия, Адриатическое побережье и острова / Сплит, Риека (хорв. Split, Rijeka).

кайкавский: Хорватия, северо-запад и средняя часть / Загреб, Вараждин (хорв. Zagreb и Varaždin (?)).

прекмурско-словенский: Словения, обл. Прекмурье / Мурска Собота (словен. Murska Sobota (?)).

ляшский: Чехия, Силезия / Фридек-Мистек (чеш. Frýdek-Místek).

восточнословацкий: Восточная Словакия.

западнополесский: Белоруссия (част. Украина) / Минск (?).

Литературно-языковой феномен под названием «Микрославия» переживает на рубеже XX–XXI вв. подъем. Активизировалось функционирование не только литературных микроязыков с длительной письменной традицией, но и возникших недавно. Более того, мы сами являемся свидетелями начальных ростков литературных образований, которым в будущем суждено стать литературными микроязыками. А это значит, что «природная» речь, на которой они основываются, сохранит свое существование. Это также значит, что усиливается связь с малой родиной и как-то удовлетворяется ностальгия нынешнего поколения по языку своих предков, и т. д. Современная Славия еще располагает некоторыми потенциальными возможностями для возникновения новых ростков в виде литературных микроязыков, которые будут сосуществовать и функционировать в согласии и в гармонии с литературными языками крупных славянских (и не только славянских) народов.

Действительно, на рубеже XX–XXI вв. наблюдаются процессы создания новых литературных микроязыков. Так, например, в Воеводине (Сербия), буквально на наших глазах рождается так наз. буневский литературный микроязык. Буневцы проживают в исторической области Бачка — Суботица, Сомбор, Чентавир, Баймок, Чонопля и др., а также незначительно — в исторических областях Баранья и Банат. Часть их поселений оказалась также в Венгрии. В бывшей Югославии их насчитывалось примерно 80 тыс. человек, в Сербии по переписи 2002 г. — 20 тыс. Вероятно, их предки являются выходцами из Далмации. В Сербии буневцы квалифицируются, как национальное меньшинство; иногда о них пишут, как о народности, имевшей в качестве предков сербов-католиков. Тем не менее часть буневцев относит себя к хорватам, другая часть считает себя самостоятельным этносом. Как бы то ни было, но у них уже существует общество «Национальный Совет буневского национального меньшинства» и даже «Буневская Матица» («Bunjevačka Matica»).

Одной из задач возрождения ставится создание буневского литературного языка. Вводятся уроки буневского в некоторых начальных школах. Издающийся «Буневский журнал (-ая газета)» («Bunjevačke novine») уже печатает тексты по-буневски.

В эти же годы в Польше возникло и ныне активно развивается движение за создание силезского, а также гуральского (подгальского) литературных микроязыков. Несмотря на разобщенность инициаторов и обществ, участвующих в этом движении, по-силезски и по-гуральски уже появляются печатные тексты. Так, издан в форме книги перевод на гуральский «Евангелия», выходит некоторая периодики и другие издания, в том числе в электронном виде в интернете. Такие эксперименты можно назвать литературными микроязыками in statu nascendi, т. е. «в состоянии рождения». Очевидно, что здесь еще предстоит большая работа по унификации как графики и орфографии, так и грамматики и словаря. Однако таково начало почти любого литературного языка. Будущее покажет, сформируется ли и как будет развиваться в Силезии литературно-языковой процесс по созданию указанных микроязыков. Появляются и другие попытки оформить литературные языки для небольших этнических и культурно-языковых групп.

Развитие литературных микроязыков небеспроблемно, однако оно объективно. Литературные микроязыки — факт современной Славии и, шире, Европы. На социолингвистическом уровне феномен литературных микроязыков разнообразит и обогащает и Славию, и Европу в целом. Не случайно в 1992 г. в Страсбурге была принята «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», согласно которой государства, в которых имеются такие языки, обязуются проявлять заботу об их поддержании и развитии. Некоторые недоразумения в связи с этой категорией языков могут быть сняты при понимании сказанного выше и при осознании того непреложного факта, что не существует и не может существовать запретов на свободу языкового выражения и свободу на языковое различие, тем более если для того имеются объективные предпосылки и возникает общественная необходимость.

Таким образом, есть все основания говорить о новой славистической дисциплине, названной в 2005 г. на международной конфе-

ренции в Тарту «Славянские литературные микроязыки и языковые контакты» славянской микролингвистикой.

II

В состав Комиссии были предложены следующие слависты:

1) Prof. Dr. Roland Marti (Universität Saarlandes): славист и социолингвист, специалист по верхнее- и нижнелужицким языкам в Германии, ретороманскому — в Швейцарии, автор монографий

2) Dr. John Dunn (University of Glasgow): славист, исследования по проблемам малых языков Европы

3) Prof. Dr. Gerd Hentschel (Universität Oldenburg): специалист в области славянского языкознания, исследования по малым языкам Польши (кашубский, силезский и др.)

5) Проф. др. Геннадий Афанасьевич Цыхун (Институт языкознания им. Я. Коласа Белорусской АН): славист и социолингвист, специалист по лингвоэкологии малых языков, автор монографий

6) Prof. dr. Paul Robert Magocsi (University of Toronto): историк, социолингвист, украинист, автор исследований, в том числе ряда монографий, (карпато)русинского языка в Украине, Словакии, Польше, Венгрии, Сербии и др. стран

7) Проф. др. Јулијан Рамач (Универзитет у Новом Саду): специалист по югославо-русинскому микроязыку, автор многочисленный статей и монографий

8) Проф. др. Јулијан Тамаш (Универзитет у Новом Саду): специалист в области южнорусинистики, автор многочисленных книг и статей

9) Prof. dr. Sven Gustavsson (Uppsala Universitet): славист, исследует вопросы микролингвистики и южнорусинского микроязыка в Сербии и Хорватии в частности

10) Кандидат филол. наук Федор Данилович Климчук (Институт языкознания им. Я. Коласа Белорусской АН): историк, социолинг-

вист и славист, автор публикаций по западнополесскому микроязыку и диалектам Белоруссии

11) Prof. dr hab. Jerzy Treder (Uniwersytet Gdański): славист, социолингвист, полонист, специалист в области кашубского микроязыка, автор монографий

12) Prof. dr hab. Tadeusz Lewaszkiewicz (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu): славист и социолингвист, специалист по серболужицким языкам в Германии, автор монографий

13) Prof. dr. Walter Breu (Universität Konstanz): славист и романист, исследует молизско-славянский микроязык в Италии, автор монографий

14) Prof. dr. Klaus Steinke (Universität Erlangen): славист, исследует социолингвистические аспекты помакского, кашубского и др. микроязыков

15) Dr. Roberto Dapit (Università di Udine): славист, словенист, занимается исследованием резьянского микроязыка в Италии, автор монографий

16) Prof. dr. Michael Moser (Universität Wien): славист, украинист, историк и социолингвист, исследует русинский региональный язык

17) Prof. dr. Holger Kusse (Technische Universität Dresden): славист и социолингвист, автор публикаций по серболужицким языкам

18) Dr. Mihály Káprály (Nyíregyháza Főiskola): славист, исследует карпаторусинский региональный язык Венгрии, Закарпатской Украины, автор статей и книг

19) Dr. Darja Markoja (Univerza v Ljubljani): славист, пишет диссертацию по прекмурско-словенскому микроязыку в Словении

20) Маг. Ромаш Романчик (Tartu Ülikool/Тартуский университет): славист, исследует кашубский, работает над диссертацией по кашубскому языку

21) DrPh. Ирина Валерьевна Абисогомян (Tartu Ülikool/Тартуский университет): славист, интересы в области богемистики, славянской микролингвистики

22) Mag. Katharina Tyran (Freie Universität Berlin): работает над диссертацией по бургенландско-хорватскому микроязыку

23) Prof. dr. Han Steenwijk (Università di Padova): славист, специалист по словенскому языку и по резьянскому микроязыку в Италии, автор монографий

24) Dr. Artur Czesak (Instytut Języka Polskiego PAN): славист, автор работ по малым языкам Польши (силезский, гуральский, кашубский и др.)

25) Prof. dr. Rosanna Benacchio (Università di Padova): славист, культуролог, социолингвист (резьянский микроязык в Италии), автор монографий

26) Проф. др. Александр Дмитриевич Дуличенко (Tartu Ülikool/Тартуский университет): специалист по общему языкознанию, славист и социолингвист, автор различных монографий, в т. ч. и по славянским микроязыкам

Большая часть из представленного списка славистов согласилась стать членами Комиссии, некоторые выразили желание сотрудничать, участвовать в конференциях и т. д.

III

В начале 2009 г. председатель Комиссии и член ее Dr. John Dunn (University of Glasgow) разработали проект международной научной конференции «Славянские микроязыки в европейском лингвокультурном пространстве» (Slavic Literary Microlanguages in the European Linguocultural Field) и послали заявку на его финансирование в «European Science Foundation». В аннотации этой заявки-проекта говорится:

«Актуальность проблематики подчеркнута принятой Советом Европы в Страсбурге Европейской Хартией о региональных языках и языках меньшинств (1992). На основе интердисциплинарного подхода планируется впервые в социолингвистике и в особенности в евролингвистике обсудить проблему славянских микроязыков (сер-

болужицкие, кашубский, югославо-русинский, резьянский, молизско-славянский, бургенландско-хорватский, банатско-болгарский и др.) в контексте европейского лингвокультурного пространства, что подразумевает обсуждение этно-исторического, лингвистического, социокультурного, социолингвистического аспектов, контактов их с крупными и малыми соседними языками. Конечной целью является разработка динамической модели, которая даст возможность исторического видения соотношения больших и малых языков и проецировать ее (модель) на проблему сосуществования таких языков в современной Европе». Однако заявка, к сожалению, не была удовлетворена ни в первый, ни во второй раз. По существу представленного проекта никаких замечаний сделано не было; «важнейшая» причина отказа — недостаточное участие в проекте женщин. Наконец-то стало понятно, в каком направлении должна развиваться европейская наука: весь ее прогресс теперь зависит от «второй половины» человечества...

IV

За прошедшие годы члены Комиссии выступали на научных конференциях с докладами и публиковали статьи по славянской микролингвистике в различных журналах и сборниках.

V

1. В сентябре 2011 г. проведена конференция «Норма и антинорма в больших и малых языках современной Славии» (Norma i antynorma w wielkich i małych językach współczesnej Slavii): Опольский университет — Instytut Filologii Polskiej, Katedra Slawistyki и «Международная комиссия по славянским микроязыкам» при «Международном Комитете славистов» (Międzynarodowa Komisja Mikrojęzyków Słowiańskich przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów).

Опубликовано: Studia Slavica, Opole — Ostrava, 2012, с. 9–220.

Из преамбулы: «Powszechnie wiadomym jest, że jedną z podstawowych cech języka literackiego (standardowego) jest jego norma, która na poziomie socjolingwistycznym zapewnia komunikacyjną jedność społeczeństwa. W praktyce norma poddana jest intensywnemu oddziaływaniu różnych czynników (w tym także negatywnych), wskutek czego rozmaite odstępstwa od normy czy też jej naruszenia stają się zjawiskami o charakterze powszechnym. Ma to miejsce na wszystkich poziomach języka literackiego. Zasób czynników przeciwstawiających się normie literackiej stopniowo rozszerza się, tworząc w efekcie zjawisko, które wstępnie proponujemy nazwać antynormą. W związku z powyższym za cel naszej konferencji stawiamy sobie wykrycie metodologicznych korzeni antynormy oraz wprowadzenie powyższego pojęcia do ogólnej teorii języka literackiego (standardowego). Wstępnie zatem możemy powiedzieć, że antynormą jest wszystko to, co stoi poza normą kodyfikacyjną. Na naszej konferencji chcielibyśmy zająć się problematyką normy i antynormy zarówno w odniesieniu do tak zwanych wielkich, jak i małych języków (mikrojęzyków) słowiańskich. Wstępne ustalenia wskazują, że stosunek normy i antynormy w małych językach wyznacza się nie tylko określonymi ogólnymi cechami, ale także cechami charakterystycznymi dla tego typu języków. Dlatego też porównanie normatywnych oraz antynormatywnych wykładników w językach wielkich i małych może stać się perspektywicznym kierunkiem współczesnej typologii języków słowiańskich».

1. В 2011 г. в Тартуском университете под эгидой «Международной комиссии по славянским микроязыкам» прошла международная конференция «Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков». Материалы конференции опубликованы: Slavica Tartuensia IX, Тарту, 2011, 443 с.
2. В том же году вышел двухтомник А.Д. Дуличенко «Основы славянской филологии» (тт. I–II, Opole, 526 + 640 с.).
3. В 2013 г. издан 10-й выпуск серии «Slavica Tartuensia» под общим названием «Славистика в Эстонии и за ее пределами» (289 с.).

Linnamägi Madis
Tartu Ülikool
Tartu, Estonia

Содержание 10 томов научной серии «Slavica Tartuensia» (1985–2013)

Со второй половины 70-х гг. и особенно с середины 80-х гг. XX в. в Тартуском университете начинает активно развиваться общее языкознание и славистика, до этого представленная лишь работами в основном по русистике. Так, с 1982 г. выходит сначала общелингвистическая (интерлингвистическая), конкретно — серия «Interlinguistica Tartuensis» (содержание ее отражено в публикации: Дуличенко 2017: 212–223), а с 1985 г. — еще одна серия под общим названием «Slavica Tartuensia». Как первая, так и вторая серии носят международный характер.

В серии «Slavica Tartuensia» находят отражение работы по направлениям и концепциям в современной славистике, по общему, историческому и сравнительно-типологическому языкознанию, языковым контактам, истории славистики и славянским древностям и т.д.

Особое место занимают работы по славянским литературным микроязыкам — южнорусинскому (Сербия, Хорватия) и вариантам русинского в различных странах (Украина, Словакия, Польша, Америка и др.), кашубскому (Польша), верхне- и нижнелужицкому (Германия), резьянскому (Италия), ляшскому (Чехия), градищанско-хорватскому (Австрия), банатско-болгарскому (Румыния, Сербия), эгейско-македонскому (Греция), чакавскому и кайкавскому (Хорватия), прекмурско-словенскому (Словения) и др. Можно ска-

зать, что это единственное в своем роде продолжающее издание, посвященное, помимо общих вопросов славистики, категории славянских литературных микроязыков. С каждым годом увеличиваются попытки писать на родном диалекте.

Кроме того, в серии нашли отражение исследования по истории славистики в Тарту. Читатель может также найти материал по созданию Кафедры славянской филологии Тартуского университета (хроника событий, программы курсов, научные семинары, библиографии публикаций сотрудников, защищенные диссертации и т.д.).

В серии «Slavica Tartuensia», кроме тартуских и таллинских авторов, выступают также представители разных университетов мира — Московского, Московского областного, Ленинградского/Петербургского, Белорусского, Львовского, Новосадского, Ростовского, Гданьского, Падуанского, Тулузского, Мюнхенского, Саарбрюкенского, Глазговского, Торонтского, Уппсальского, Дрезденского и др. Кроме того, авторами тех или иных выпусков серии являются сотрудники различных научных академий — АН СССР/России, Украины, Белоруссии, Югославии/Хорватии, Словении, Сербии, Чехословакии/Чехии и Словакии и проч.

В составе редакционной коллегии, помимо ответственного редактора А.Д. Дуличенко, входили также В.М. Мокиенко (С.-Петербург), С.В. Смирнов (Тарту), А.Е. Супрун (Минск), Н.И. Толстой (Москва), М.А. Шелякин (Тарту), позднее С.Б. Евстратова (Тарту), В. Лефельдт (Геттинген), М. Мозер (Вена), Н.А. Нечунаева (Таллин), О.В. Никитин (Москва), Г. Хентшель (Ольденбург), И.В. Абисогомян (Тарту).

Здесь мы приводим содержание каждого тома серии «Slavica Tartuensia».

Slavica Tartuensia I: Исследования по истории славянского языкознания. Посвящается 150-летию отечественного университетского славяноведения. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 710). Тарту, 1985, 144 с.

К 150-летию отечественного университетского славяноведения [А.Д. Дуличенко] 3–5

Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Некоторые проблемы организации изучения зарубежных славянских языков и литератур в вузах СССР (к 150-летию начала преподавания славяноведения в университетах России и СССР) 6–14

Мечковская Н.Б. Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточно-славянских грамматик XVI–XVII вв.) 15–24

Венедиктов Г.К. К начальной истории изучения в России памятников новоболгарской письменности 25–44

Минералов Ю.И. Внутренняя форма как проявление стиля (к концепции А.А. Потебни) 45–62

Каупуж А.В. «Докладная записка» (1873) И.А. Бодуэна де Куртенэ об изучении резьянских говоров 63–69

Смирнов С.В. А.С. Будилович как лингвист 70–81

Лаптева Л.П. Пребывание у лужицких сербов русского ученого Льва Владимировича Щербы 82–87

Мокиенко В.М. Л.В. Щерба, Б.А. Ларин и филология будущего 88–100

Криль М.М., Моторный В.А., Трофимович К.К. Неизвестные документы о серболужицко-восточнославянских 101–107

Дуличенко А.Д. Становление русинской филологии в Югославии 108–142

Slavica Tartuensia II: Славянские литературные языки и историография славяноведения (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 811). Тарту, 1988, 171 с.

О серии «Slavica Tartuensia» [А.Д. Дуличенко] 3–4

Тошович Б. Литературно-языковая политика в Боснии и Герцеговине (СФРЮ) 5–24

Дуличенко А.Д. К функциональной стратификации современных славянских литературных микроязыков 25–45
Удвари И. К вопросу о морфологической адаптации венгерских заимствований в русинском языке 46–58
Смирнов Л.Н. О начальном этапе формирования литературного словацкого языка 59–68
Моисеенко В.Е. Словенско-чешские лексические связи эпохи славянского национального возрождения и их отражение в лексикографической практике 30–80-х г. г. XIX в. 69–79
Андел В.П. Из истории чешских лексических заимствований в восточнославянских языках 80–89
Минералов Ю.И. Грамматика и стиль. (Традиции нормализации литературного языка в России и поэтический слог) 90–107

* * *

Смирнов С.В. К 150-летию со дня рождения академика И.В. Ягича 108–129
Никулина М.В. Из истории изучения славянских языков нового времени в России в первой трети XIX в. 130–152
Каупуж А.В. К вопросу о поездках И.А. Бодуэна де Куртенэ в Литву 153–159
Дуличенко А.Д. Матица Словацкая и «Словаки за рубежом»160–169

Slavica Tartuensia III: Славяно-славянские и славяно-финно-угорские сопоставления / Slovensko-slovenska i slovensko-ugrofinska poređenja (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 932). Tartu, 1991, 206 с.

Предисловие / Predgovor [А.Д. Дуличенко] 3–4

I. Славяно-славянские сопоставления и связи / Slovensko-slovenska poređenja i veze

Мокиенко В.М. (Ленинград). Из истории славянских фразеологизмов. Какими вилами пишут по воде? 5–11
Тошович Бранко (Сараево). Русские и сербохорватские глагольные метаплазмы 12–19

Дуличенко А.Д. (Тарту). Хорватскосербский и градищанско-хорватский: теоретические аспекты сопоставительного анализа 20–31

Стенвийк Хан (Амстердам). Аналогические развития акцентного типа *góra, gorǫ̑* в словенских диалектах 32–47

Алова О.Г. (Тарту). Наблюдения над дистрибутивными качествами общеславянского суффикса *-tel'* в русском и сербскохорватском языках 48–54

Донэ Александр (Сараево). Двучленные сочетания согласных с единой артикуляцией в современной русской речи 55–62

Моисеенко В.Е. (Львов). Неизвестные страницы западноукраинско-чешских культурно-языковых связей эпохи славянского национального возрождения 63–72

Катнич-Бакаршич Марина (Сараево). Градационные конструкции с союзом *a kamoli/nekmoli* в сербохорватском языке и их соответствия в русском языке 73–79

Тошич Борисав (Сараево). Паронимы русского языка и их эквиваленты в сербскохорватском языке 80–88

Кешо Сафет (Сараево). Глагольная метафора в художественных приемах К.Г. Паустовского и Бранко Чопича 89–96

Тошович Ядранка (Сараево). Функционирование сослагательного наклонения русского и сербохорватского языков в простом предложении 97–113

II. Славяно-финно-угорские сопоставления и связи

Васильченко Э.П. (Тарту). Аспектуальность в эстонском языке в сопоставлении с русским (на материале глаголов речи) ... 114–129

Ромет А. (Таллин). Зоонимы в составе фразеологических единиц русского и эстонскогоязыков 130–136

Кудрявцев Ю.С. (Тарту). Сопоставительная характеристика мягких согласных фонем в сербскохорватском, болгарском, русском и эстонском языках 137–148

Кюльмоя И.П. (Тарту). О внеимперативном употреблении форм повелительного наклонения в русском и эстонском языках .. 149–157

Мельцер С.Б. (Тарту). Временные конструкции действительных причастий в русском и эстонском языках 158–166

Щаднева В.П. (Тарту). Русские безглагольные предложения через призму другого языка 167–176

Костанди Е.И. (Тарту). Некоторые закономерности функционирования односоставных предложений в русском и эстонском языках 177–183
Ткачев С.В. (Тернополь). Страница к истории украинско-эстонских культурных связей 184–186

III. Обзоры и рецензии

Дуличенко А.Д. О словаре старого прекмурско-словенского литературного языка 187–190
Дуличенко А.Д. Арабо-персидско-греческо-сербская учебная книга XV века как источник для истории сербского языка (в издании Вернера Лефельдта) 191–194
Вайгла Э.А. Чешско-эстонский разговорник 195–197
Дуличенко А.Д. Сербскохорватско-русинский фразеологический словарь 198–200

* * *

Авторы сборника 201–203

Slavica Tartuensia IV: Языки малые и большие. In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. Tartu, 1998, 317 с.

Слово редактора о Н.И. Толстом [А.Д. Дуличенко] 7–8
Мокиенко Валерий Михайлович (С.-Петербург / Greifswald). Значение труда Н.И. Толстого «Славянские древности» для исторической фразеологии славянских языков 13–25

I. Языки малые...

Дуличенко Александр Дмитриевич (Tartu). Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания 26–36
Рамач Юлиян (Нови Сад / Коцур). Деклинация заменовнїкох *кельо/-лї*, *тельо/-лї* и числовнїкох *вельо/-лї*, *даскельо/-лї* у литературним язику югославянских Руснацох 37–48
Matičetov Milko (Ljubljana). Iz rezijanske leksike 49–62
Steenwijk Han (Chośebuz / Cottbus). Resianisch *jëru* ‘Priester’ 63–75
Benacchio Rosanna (Padova). К вопросу об определенном артикле в славянских языках: резьянский говор 76–88

Cybulski Marek (Gdańsk). Fazowé czasniczi w kaszëbiznie . 89–94
Popowska-Taborska Hanna (Warszawa). Słowińskie krzywanie jako jeszcze jeden przykład przeciwieństw binarnych 95–98
Marti Roland (Saarbrücken). Wuwiśe dolnoserbskego pšawopisa w 20. stoléšu 99–110

Приложение 1

Ондра Лысогорский и литературный ляшский язык. К выходу сочинений поэта на ляшском и немецком языках (А.Д. Д[уличенко]) 111–115

II. Языки новые...

Nikčević Vojislav (Цетиње / Cetinje). Crnogorski jezik.... 116–127
Šustek Zbyšek (Bratislava). Otázka kodifikace spisovného moravského jazyka 128–142
Udvari István (Nyíregyháza). Языковое отражение русинско-венгерского сожительства. (На материале романа Василия Петровая «Русины») 143–148
Jabur Vasil (Prešov). Systém slovesných tvarov v rusínskom jazyku v porovnaní s ukrajinským 149–156

Приложение 2

О попытке кодификации русинского литературного языка в Закарпатье (с приложением образцов текста и факсимиле изданий) (А.Д. Д[уличенко]) 157–164

Приложение 3

Вичский и гал(ь)шанский: два новых славянских литературных микроязыка в Литве? (С образцами текстов) (А.Д. Д[уличенко]) . 165–173

III. Языки большие...

Тошовић Бранко (Москва / Graz). Русско-сербохорватско-немецкие корреляции в категории рода 174–185
Кюльмоя Ирина Павловна (Tartu). О семантике видо-временных форм глаголов в полипредикативных конструкциях 186–196
Костанди Елизавета Ильмаровна (Tartu). Текстовая функция подлежащего 197–206

Туровская Светлана Николаевна (Tallinn). Высказывания о формировании намерения: функция связки 207–212

IV. Языки древние...

Кудрявцев Юрий Сергеевич (Tartu). Значение морфонологии старославянских глагольных классов для и.-е. реконструкции 213–235

Нечунаева Наталья Алексеевна (Tallinn). Корпус минейных текстов болгарского происхождения (XI–XIII вв.) 236–246

Франчук Віра Юрєвна (Київ). Давньоруські і церковнослов'янські риси в мові Київського літопису 247–253

Супрун Адам Евгеньевич (Мінск). К изучению древянополабской фразеологии (*jajmăt rajbaj*<** *jьmati ryby*) 254–260

Künnap Ago (Tartu). Возможный финно-угорский субстрат в славянских языках 261–267

V. Из истории славистики

Смирнов Савватий Васильевич (Tartu). Николай Иванович Греч (1787–1867) 268–275

Spinozzi Monai Liliana (Udine). Tra gli slovcni del Friuli sulla scia di J. Baudouin de Courtenay 276–288

Magocsi Paul Robert (Toronto). The icon-breaker: Aleksei L. Petrov as historian 289–300

Vaigla Eda (Tartu). Пауль Аристэ и собрание материалов 20–30 гг. по русским диалектам и фольклору в Литературном музее Эстонии 301–309

Приложение 4

Из серии «Рукописи Дерпта (Тарту)». I. Тартуский список 1712 г. словаря Епифания Славинецкого «Dictionarivm latinosclavonicvm ex latino idiomate tradvctvm...» (с факсимиле титульного листа) (А.Д. Д[уличенко]) 310–313

Приложение 5

Из серии «Рукописи Дерпта (Тарту)». II. Находка рукописи Г. Корбута «Deutsche Lehnwörter im Polnischen...» (1890) (с факсимиле титульного листа) (А.Д. Д[уличенко]) 314–317

SlavicaTartuensia V: 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Tartu, 2003, 431 с.

«200 лет русско-славянской филологии в Тарту» (1802–2002). Юбилей, конференция, программа 9–13

I. Этапы развития славянской филологии в Тарту

Исаков Сергей Геннадьевич (Tartu). Основные этапы развития русского литературоведения в Тартуском университете (1802/03–1950 годы) 14–30

Дуличенко Александр Дмитриевич (Tartu). Славянское языкознание в Тарту в XIX–XX веках 31–68

II. И.А. Бодуэн де Куртенэ: проблемы общетеоретического и славянского языкознания (бодуэнологические исследования)

Алпатов Владимир Михайлович (Москва). И.А. Бодуэн де Куртенэ и лингвистика XX века 69–78

Вельмезова Екатерина Валерьевна (Москва). Языковая эволюция в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ 79–90

Гаспаров Борис Михайлович (New York). Идея фонемы в евразийском контексте: Бодуэн и Ильминский 91–100

Пахолок Зинаида Александровна (Луцьк). Роль И.А. Бодуэна де Куртенэ в становлении и развитиинаучного таланта Н.В. Крушевского 101–111

Золтан Андраш (Budapest). Взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ на палатализацию заднеязычныхв работах О. Ашбота 112–118

Романчик Ромаш Эрленд / [Романчик Элена Васильевна](Tartu). И.А. Бодуэн де Куртенэ и кашубский языковой вопрос 119–133

Лилич Галина Алексеевна (С.-Петербург). Профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ как экзаменатор 134–138

III. Направления и концепции в истории тартуской славистики

Кюннап Аго (Tartu). Михкель Веске и субстратные прибалтийско-финские топонимы Северной России 139–147

Рагрина Светлана Ивановна (Tallinn). «Руська мова» Великого Княжества Литовского и русинский язык (к развитию концепции Тартуской школы славистики) 148–158

Абисогомян Ирина Валерьевна (Tartu). Славянская филология в Тартуском университете в последнее десятилетие (1992–2002 годы) 159–169

Кюльмоя Ирина Павловна (Tartu). О некоторых вехах в развитии тартуской русистики 170–176

Костанди Елизавета Ильмаровна (Tartu). О некоторых вопросах синтаксиса в трудах тартускихисследователей 177–182

Франчук Вера Юрьевна (Київ). Вопросы языка и культуры в эпистолярном наследии тартуских и харьковских славистов .183–191

Королева Елена Евгеньевна (Daugavpīls). О Балтийской экспедиции Института этнографии АНСССР 50-х гг. XX в. и диалектологических исследованиях Тартуского университета 192–201

Досталь Марина Юрьевна (Москва). Проблемы истории российского славяноведения в «Ученыхзаписках Тартуского университета» 70–80-х гг. XX в. 202–212

Нечунаева Наталья Алексеевна (Tallinn). Славянские гимнографические рукописи из коллекции Научной библиотеки Тартуского университета 213–222

IV. Слависты и воспитанники Тартуского университета: вклад в развитие славянского языкознания

Никитин Олег Викторович (Москва). В.И. Григорович и развитие славянской филологии в России XIX в. (Предварительные замечания) 223–227

Treder Jerzy (Gdańsk). Piotr I. Prejs i Izmael I. Sriezniewski a Kaszuby 228–244

Несколько замечаний по поводу статьи Е. Тредера «Piotr I. Prejs i Izmael I. Sriezniewski a Kaszuby». А.Д. Дуличенко 245–247

Рябова Людмила Александровна (Tartu). В.Н. Полевой: один из первых опытов создания сравнительной грамматики славянских языков 248–255

Дуличенко Людмила Васильевна (Tartu). О забытых словах и значениях (на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля) 256–261

Чуркина Искра Васильевна (Москва). А.С. Будилович 262–273

Евстратова Светлана Борисовна (Tartu). Отражение представлений первобытных славян о природе в работах А.С. Будиловича и в современной этнолингвистике 274–284

Кудрявцев Юрий Сергеевич,Щаднева Валентина Петровна (Tartu). Л.Г. Мазинг как преподаватель и ученый 285–294

Антушева Елена Викторовна (Tartu). Ильинский-этимолог (тартуский период) 295–300

Паликова Оксана Николаевна (Tartu). «Русско-эстонский словарь» (1940–1947) П. Арумаа, Б. Правдина, Й.В. Вески 301–310

V. Русское литературоведение в Тарту

Салупере Малле (Tartu). В.М. Перевощиков – профессор русского языка и словесности Дерптского университета 311–324

Лаптева Людмила Павловна (Москва). Российский филолог-славист Е.В. Петухов и его деятельность в Юрьевском (Тартуском) университете (1895–1918) 325–335

Киселева Любовь Николаевна (Tartu). Ю.М. Лотман – заведующий кафедрой русской литературы Тартуского университета..336–349

Пильд Леа (Tartu). О генезисе русского символизма в трудах З.Г. Минц 350–358

VI. Из истории преподавания славистических курсов

Шор Татьяна Кузминична (Tartu). Курс славянских литератур в Тартуском университете (1875–1918) 359–377

Алликметс Кира Павловна (Tartu). Способы предъявления социокультурной информации в учебниках русского языка для эстонцев 378–389

Виссак Хелле (Tartu). Тартуская традиция создания пособий и словарей по специальности «правоведение» 390–398

Хааг Эрика-Оксана (Tartu). О синтаксисе в учебном процессе в Дерпте в XIX веке 399–403

Пономарева Галина Михайловна (Tartu). Студенты славянского отделения Тартуского университета (1919–1944) 404–414

* * *

Памяти проф. С.В. Смирнова. (С приложением библиографии его трудов). (А.Д. Дуличенко) 415–430

SlavicaTartuensia VI: Славянские языки: от прошлого к настоящему. К XIII Международному съезду славистов (Любляна, 15–21.08.2003). Tartu, 2003, 338 с.

I. Доклады эстонской делегации к XIII Международному съезду славистов (Любляна, 15–21.08.2003)

Нечунаева Наталья Алексеевна (Tallinn). Рукопись из собрания А.Ф. Гильфердинга Q.П.I.25 и рукопись Q.П. I.28 «Листки Амфилохия» – болгарская Минея праздничная, май – июнь XII–XIII вв..9–18

Дуличенко Александр Дмитриевич (Tartu). Неизвестная рукопись 1773 г. о словенском языке Юрия Япеля 19–42

Евстратова Светлана Борисовна (Tartu). Национально-культурная специфика фразеологизмовв аспекте славяно-финно-угорских взаимоотношений 43–53

Дуличенко Людмила Васильевна (Tartu). Русская антрополексическая парадигма: некоторые вопросывнутрисистемных семантических отношений 54–66

II. Социолингвистические аспекты славянских языков в диахронии и синхронии

Рагрина Светлана Ивановна (Tallinn). Анализ пересекающихся фрагментов при календарно-циклическом исследовании славянских рукописей 67–80

Мечковская Нина Борисовна (Мінск). Какие даты в истории письменно-литературных традицийнаиболее значимы для социолингвистической типологии славянских языков? 81–96

Никитин Олег Викторович (Москва). Дневник русского моряка Николая Протопопова 1770-х гг. как памятник литературного языка XVIII в. (предварительные наблюдения) 97–103

Абисогомян Ирина Валерьевна (Tartu). Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: борьба концепций 104–111

* * *

Самсонов Николай Георгиевич (Якутск). О функционировании русского языка как государственного языка Российской Федерации в Республике Саха (Якутия) 112–118

Бушуй Анатолий Михайлович (Самарканд). Русский язык в современном Узбекистане 119–132

Шайбакова Дамина Дисенгалеевна (Алматы). О русском языке в Казахстане 133–139

Okuka Miloš (München). Kud plovi bosanski (bošnjački) jezički brod? (O uspostavljanju i propagiranju bosanskog književnog jezika) 140–173

III. Некоторые интралингвистические аспекты современных славянских языков

Comtet Roger (Toulouse). La singularisation des morphèmes grammaticaux dans le russe contemporain 174–183

Кудрявцев Юрий Сергеевич, Щаднева Валентина Петровна (Tartu). Взаимосвязь семантики и формообразования в современном русском глаголе быть 184–193

Cybulski Marek (Gdańsk). Kaszëbsczé czasniczi o znaczenim b'i 194–198

Покровская Елена Александровна (Ростов-на-Дону). Синтаксис модернистского дискурса 199–207

* * *

Журавлев Анатолий Федорович (Москва). Учитель (Памяти акад. Н.И. Толстого) 208–213

IV. К 10-летию Кафедры славянской филологии Тартуского университета (1992–2002)

Несколько слов о создании Кафедры славянской филологии в Тартуском университете. А.Д. Дуличенко 214–217

Хроника Кафедры славянской филологии Тартускогоуниверситета (1992–2002). Сост. И.В. Абисогомян 218–247

Программы курсов Кафедры славянской филологии Тартуского университета (1992–2002) 248–295

Научный семинар Кафедры славянской филологии Тартуского университета (доклады за 1999–2002 гг.) 296–297

Библиография научных трудов сотрудников Кафедры славянской филологии Тартуского университета (1992–2002)

Библиография печатных научных трудов проф. С.Г. Исакова за 1992–2002 гг. 298–307

Библиография печатных научных трудов проф. А.Д. Дуличенко за 1992–2002 гг. 308–321

Публикации преподавателей Кафедры славянской филологии (1996–2002) 322

Публикации студентов и магистрантов Кафедры славянской филологии (1996–2002) 323–324

Магистерские диссертации, защищенные по Кафедре славянской филологии Тартуского университета (1996/97–2002)...325–326

Дипломные/бакалаврские сочинения по Кафедре славянской филологии Тартуского университета (1978–1991, 1992–2002) 327–335

Приложение 1

Факсимиле л. 5 / об рукописи Ю. Япеля 1773 г. 336

Приложение 2

Фото сотрудников Кафедры славянской филологии Тартуского университета 337

SlavicaTartuensia VII: Славянские литературные микроязыки и языковые контакты, Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Под ред. А.Д. Дуличенко и С. Густавссона (при участии Дж. Данна). Тарту, 2006, 412 с.

Предисловие/Foreword [Александр Д. Дуличенко, Свен Густавссон] 11–16

1. Общетеоретические аспекты малых языков (микроязыков) и контактная лингвистика

Хентшель Герд (Oldenburg). О работе Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов 17–21

Дуличенко Александр Дмитриевич (Tartu). Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки 22–46

Цыхун Генадзь (Мінск). Славянские литературные микроязыковыепроекты в эколингвистической перспективе 47–54

Dunn John (Glasgow). What do you do if you haven't got an army and a navy? Some observations on the standardisation of regional and minority languages 55–63

Никитин Олег Викторович (Москва). О языковых контактах, языковых сближениях и языковых отталкиваниях (в связи со славянскими микроязыками) 64–72

Алпатов Владимир Михайлович (Москва). Что делать с малыми языками? 73–81

Gustavsson Sven (Uppsala). The Framework Convention for the Protection of National Minorities, the European Charter of Regional or Minority Languages, Euromosaic and the Slavic Literary Microlanguages 82–101

2. Вопросы нормализации и эволюции славянских литературных микроязыков

Marti Roland (Saarbrücken). (Nje)pśijaśelne wobojmjeśa: położenje serbšćiny a dolnoserbskeje rěcy 102–121

Tyran Katarina (Wien / Eisenstadt). Der Streit um die Standardsprache bei den Burgenländischen Kroaten/Der Weg zur Standardisierung der burgenländischkroatischen Sprache in der 2. Helfte des XX Jahrhundert 122–137

Романчик Ромаш Эрленд (Тарту). Кашубско-польские дилеммы в лексикографическом аспекте (или лексикографические методы языковой сепарации) 138–165

Dapit Roberto (Udine). The Resian dialect and its evolution as a literary language 166–175

Markoja Darja (Ljubljana). Рукописная грамматика прекмурского литературного языка (начало XX века) 176–187

Lončarić Mijo, Kekez Stipe (Zagreb). Čakavština i kajkavština kao književni jezici i danas u književnosti 188–206

3. Проблемы русинистики / русинологии

Magocsi Paul Robert (Toronto). Русинский язык: достижения последнего времени и предстоящие задачи 207–222

Тамаш Юлин (Нови Сад). Правни аспект статуса русинского язика / русинских язикох – дияхрония, синхрония и телеологія 223–235

Moser Michael (Wien). Die karpatoruthenische sprachliche und kulturelle Identität aus einer galizischen Perspektive (1772–1850) 236–264

Падяк Валерій Іванович (Ужгород). Закарпатье (Подкарпатская Русь): проблемы и особенности функционирования русинского литературногоязыка в контексте национального возрождения 265–284

Рамач Юлиян (Нови Сад). Пременки у руским язику без цудзих уплївох 285–307

4. На путях к нормализации и кодификации

Steinke Klaus (Erlangen). Anmerkungen zur sprachlichen Vitalität der slavischen Minderheiten in Albanien und Griechenland 308–325

Voss Christian (Erlangen / Freiburg i. Br.). Toward the comparability of Slavic-speaking Balkan Muslims in the light of the ‘microlanguage’ concept 326–339

Клімчук Фёдар Данілавіч (Мінск). К истокам письменной традиции Берестейско-Пинского Полесья и о западнополесском литературном микроязыке в частности 340–359

Czesak Artur (Kraków). Góralski i śląski – mikrojęzyki literackie in statu nascendi? 360–385

Приложения

Славянские литературные микроязыки: грамматики, учебники, словари, очерки, периодика в библиографическом представлении. Составитель А.Д. Дуличенко 386–408

Программа международной конференции «Славянские литературные микроязыки и языковые контакты» (Тарту, 15–17 сентября 2005 г.) 409–411

SlavicaTartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV межународному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Тарту, 2008, 406 с.

1. Доклады делегации Эстонии

Нечунаева Наталья Алексеевна (Таллин). Минея: история текста и списков XI–XIV вв. 9–23

Евстратова Светлана Борисовна (Тарту). Диалекты и их значение в воссоздании фрагментов славянского мира (некоторые замечания об истоках славянской этнолингвистики) 24–32

Романчик Ромаш Эрленд (Тарту). К вопросу о стандартизации кашубского языка: между лингвистическим императивом и языковой практикой 33–53

2. Доклады по тематическому блоку «Малые славянские языки»

(микроязыки): статус, проблемы нормы и функционирования (руководитель блока проф. др. А.Д. Дуличенко)

Gustavsson Sven (Uppsala). Slavenski književni mikrojezici, regionalni jezici i manjinski jezici 54–62

Дуличенко Александр Дмитриевич (Тарту). Статус и проблемы развития славянских микроязыков в контексте современной Микрославии 63–95

Steinke Klaus (Erlangen). Über Sinn und Unsinn der Kodifizierung von Kleinschriftsprachen (Am Beispiel des Pomakischen, Kaschubischen und Banater Bulgarischen) 96–106

Voss Christian (Berlin). Balkanische Kleinsprachigkeit – Mikroliteratursprachlichkeit? 107–122

Moser Michael (Wien). Slavische Regional- und Minderheitensprachen auf dem Gebiet der Republik Polen 123–153

Marti Roland (Saarbrücken). Вопросы кодификации и реформы правописания в микроязыках (на примере нижнелужицкого языка)154–177

Капраль Михаил / Káprály Mihály (Nyíregyháza). Языковая ситуация в Подкарпатье 1938–1944 гг. 178–195

Czesak Artur (Kraków). Sytuacja językowo-polityczna etnolektów górnośląskiego i podhalańskiego wśród (obok) slowiańskich mikrojęzyków literackich 196–208

3. Общие вопросы славянского языкознания

Климчук Федор Данилович (Мінск). Славянские этноязыковые пограничья 209–224

Шайбакова Дамина Дисенгалеевна (Алма-Ата). Межкультурное взаимодействие в русскоязычном пространстве Казахстана .225–243

Никитин Олег Викторович (Москва). Деловая письменность в перекрестке традиций XVIII в. (К вопросу о формировании национальнойосновы русского литературного языка) 244–271

Дуличенко Александр Дмитриевич (Тарту). От «книжной справы» к «типологии рефлексии», или об общем славянском литературном языке 272–290

Щаднева Валентина Петровна (Тарту). К вопросу о лингвистическом статусе понятия «интенсивность» 291–313

4. Из славянской лексикологии и фразеологии

Мокиенко Валерий Михайлович (Greifswald / С.-Петербург). Из истории фразеологических германизмов в чешском языке (культурологема *pověsit co nahřebík*) 314–321

Абисогомян Ирина Валерьевна (Тарту). Значение первых словарей эпохи чешского национального Возрождения и роль их авторов в процессе становления чешской лексикографии 322–353

Табакова Ирина Юрьевна (Тарту). Лексические сокращения в польской лексикографии 354–363

Дуличенко Людмила Васильевна (Тарту). Заметки о жаргонной этнонимии русского языка 364–370

Малиновский Евгений (Самарканд). Окказиональные отфразеологические неологизмы в русском языке последней трети XX века 371–378

Штейнгольд Анжелика Вадимовна (Тарту). Мантический компонент семантики русских паремий типа «Из одного места не одни вести» 379–392

* * *

Международный Комитет славистов (МКС)

Руководство МКС 393

Национальные комитеты славистов 393–398

Почетные члены МКС 398–399
Члены Национального Комитета славистов Эстонии (НКСЭ) 399–403
Международные комиссии при МКС 404–405

Slavica Tartuensia IX: Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Тарту, 2011, 443 с.

Предисловие 9

I. О юбиляре

Кузнецов Сергей Николаевич (Москва). Дороги, которые мы выбираем 11–24
Рамач Юлиян (Нови Сад). Проф. др Александер Д. Дуличенко и руска (южноруска) микрофилологиа 25–32
Ressel Gerhard (Trier). Laudatio anlässlich der feierlichen Verleihung der Ehrendoktorwürde (dr. phil. h. c.) der Universität Trier an Prof. Dr. Aleksandr Dmitrievič Duličenko 33–38
Поздравление из села Гара Векил (Туркмения) 39–40
Поздравление из Самаркандского университета 40–41
Бушуй Анатолий Михайлович (Самарканд). Из воспоминаний о самаркандском периоде деятельности профессора А.Д. Дуличенко (1968–1970 гг.) 42–44
Публикации проф. др. А.Д. Дуличенко за 2006–2011 гг. (с дополнениями з 2004–2005 гг.) 45–54

II. Вопросы общего, исторического и сравнительно-типологического языкознания

Мокиенко Валерий Михайлович (Санкт-Петербург). Бисер или розы? 55–68
Ухлик Младен / Uhlik Mladen (Ljubljana / Lausannes). Проблема языкового родства и смешанных языков в свете трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф.Ф. Фортунатова 69–85
Kuße Holger (Dresden). Jan Baudouin de Courtenay und die korrelative Sprachbeschreibung 86–102

Шайбакова Дамина Дисингалеевна (Алма-Ата). Вариативность в языке и варианты языка 103–112

Zeman Jiří (Hradec Králové). Jazyky v kontaktu – transfonemizace 113–120

Künnap Ago (Тарту). Под каким языковым влиянием образовался русский партитив на *-у*? 121–123

Lewaszkiewicz Tadeusz (Poznań). Tendencje integrafcyjne / unifikacyjne i dezintegracyjne w historii języków slowiańskich 124–136

Bierich Alexander (Heidelberg). Kultursemantische Aspekte des slavischen Wortschatzes (am Beispiel des Polnischen, Tschechischen, Russischen, Kroatischen / Serbischen) 137–149

Zoltan Andras (Budapest / Nyíregyháza). Почему Witebsk, а не *Wiciebsk, или почему поляки называют белорусские города по-украински? 150–154

Темчин Сергей Юрьевич (Vilnius). Кирилло-мефодиевская переводная гомилия на праздник Преполовения Пятидесятницы 155–166

Нечунаева Наталья Алексеевна (Таллин). Рукопись Минеи Соф. 203 XII в. из собрания РНБ как текст и список 167–175

III. Микроязыки современной Славии: (социо)лингвистические аспекты формирования и развития

Dunn John (Glasgow / Bologna). Славянские языки и «Европейскаяхартия региональных языков и языков меньшинств» ... 176–184

Герд Александр Сергеевич (Санкт-Петербург). Миноритарныеязыки в свете тенденций современного этноязыкового развития 185–191

Тамаш Юлин (Нови Сад). Поетика и индивидуални розлики ґенерациї. (Одвит на питанє «чийо ви дзеци») 192–204

Рамач Юлиян (Нови Сад). Прикметнїки зоз суфиксом *-ов*(*и*) у южноруским язику 205–212

Фейса Михайло (Нови Сад). Мена и презвиска войводянских Руснацох 213–221

Рамач Янко (Нови Сад). Рукописни хронїки Руского Керестура з 18. и 19. вика 222–230

Moser Michael (Wien). Прощання з українством: декілька завваг про мовну історію русинів за влади Міклоша Гортія 231–251

Капраль Михал /KáprályMihály(Nyíregyháza). Русинская лек-

сикография XXI века. (К становлению и развитию литературных микроязыков) 252–267

Климчук Федор Данилович (Минск). Берестюки-загородцы: численность в мире 268–279

Романчик Ромаш Эрленд (Тарту). Анализ отклонений как инструментвыявления нормы. На материале проекта кашубского литературного языка Ф. Цейновы 280–287

Kamusella Tomasz /Tōmasz, Roczniok Andrzej / Andrzyj (Kraków). Sztandaryzacyjo ślōnski godki / Standaryzacja języka śląskiego .288–294

Steinke Klaus (Erlangen / Krakow). Goranisch (Idiom einer slavischen Minderheit in Albanien) 295–301

Колева Красимира (Шумен). Культурно-языковое пространство горанов в Косово 302–311

IV. Культурно-историческое пространство больших языков Славии

Čmejrková Světla (Praha). Česká jazyková situace a teorie diglosie 312–323

Абисогомян Ирина Валерьевна (Тарту). Национально-языковаяситуация в Чехии эпохи национального Возрождения и способыее отражения в словаре 324–333

Ondrejovič Slavomír (Bratislava). Jazyková norma z pohl'adu slovenskej sociolingvistiky 334–341

Табакова Ирина Юрьевна (Тарту / Narva). Звуковые аббревиатурыпольского языка: анализ производящих синтаксических структур 342–352

Torkar Silvo (Ljubljana). Rebusi v slovenski onomastiki ..353–362

Богданова Наталья Николаевна, Бурдакова Ольга Николаевна (Тарту / Narva). О современном состоянии одного из непродуктивных морфологических классов глаголов 363–375

Щаднева Валентина Петровна, Паликова Оксана Николаевна(Тарту). Труд в системе социально-религиозных представленийстароверов Западного Причудья (на материале говора) 376–389

Ильясова Светлана Васильевна, Руденко Ольга Юрьевна (Ростов-на-Дону). Феномен иноязычности в современном русском языке. (На материале языка современных российских СМИ) 390–397

Евстратова Светлана Борисовна (Тарту). Речевые особенностирусскоязычных телепередач в Эстонии 398–408
Костанди Елизавета Ильмаровна (Тарту). Иноязычные вкрапленияв разговорной речи диаспоры 409–418
Бушуй Анатолий Михайлович (Самарканд). Устойчивые словесныекомплексы в русских переводах узбекских волшебных сказок 419–426

* * *

Базылев Владимир Николаевич (Москва). Синэстемичность русской литературы 427–431
Королева Инна Александровна (Смоленск). Польское шляхетство в истории Смоленского края 432–443

Slavica Tartuensia X (Acta Slavica Estonica III): Славистика в Эстонии и за ее пределами. Тарту, 2013, 289 с.

От редактора. А.Д. Дуличенко 7–13

I. Доклады делегации Национального Комитета славистов Эстонии на XV Международный съезд славистов в Минске

Дуличенко Александр Дмитриевич (Tartu). Феномен славянских микрофилологий в современном славяноведении 17–30
Абисогомян Ирина Валерьевна (Tartu). Лингвопрагматический подход к становлению литературного языка в условиях двуязычия. (На примере формирования и фиксации лексики чешскогоязыка в эпоху Национального Возрождения) 31–43
Нечунаева Наталья Алексеевна (Tallinn). Славянская минея: «местные» особенности списков и типология текста 44–58
Евстратова Светлана Борисовна (Tartu). Имя Бог и душа в языковой картине мира староверов эстонского Причудья и Белоруссии 59–69
Богданова Наталья Николаевна, Бурдакова Ольга Николаевна (Narva). О параметрах оценки современного состояния и развития системы русского глагольного словоизменения 70–83
Паликова Оксана Николаевна (Tartu). Неофициальная географическаялексика как лингвистический признак территориальной

общности людей. (На материале городского сленга и островного говора) 84–97

II. Славянская лексикология и лексикография

Темчин Сергей Юрьевич (Vilnius). Упоминание Ефрема Сирина в граффито XI века Новгородской Софии 101–108

Мокиенко Валерий Михайлович (С.-Петербург). Význam díla Václava Flajšhanse pro evropskou paremiologii 109–123

Lewaszkiewicz Tadeusz (Poznań). Hasła kwalifikowane w górnołużycko-niemieckim słowniku Jakubaša (1954) 124–139

Никитин Олег Викторович (Москва). «Энциклопедический словарь» Брокгауза-Ефрона как terra incognita русской лингвистики. (Взгляд из XXI века) 140–148

Капраль Михаил / Káprály Mihály (Nyíregyháza). Русинские периодические издания Подкарпатья (1939–1944 гг.) 149–166

Фейса Михайло (Нови Сад). Заступеносц церковнославянских елементох у духовней сфери рускей народносци 167–178

Чекада Алисия (Tartu). К вопросу об истории создания эстонско-польских и польско-эстонских лексикографических изд. 179–193

III. Вопросы славянского синтаксиса и переводоведения

Kuße Holger, Шарлай Марина (Dresden). Немецко-русский русский – от игры к языку? 197–210

Кару Катрин (Tartu). Язык диаспоры или интерференция в переводе? 211–220

Žele Andreja (Ljubljana). Medpropozicijskost v slovenščini . 221–234

Костанди Елизавета Ильмаровна (Tartu). Прагматика синтаксических связей: проблемы анализа 235–246

Вельман-Омелина Елена Михайловна, Щаднева Валентина Петровна (Tartu).

Сложное слово и словосочетание в свете внутри- и межъязыкового взаимодействия. (На материале переводов деловых текстов) 247–258

Указатель имен 259–265

Kokkuvõtted 269–287

Литература

Дуличенко 2017 – А.Д. Дуличенко. Содержание 10 томов «Interlinguistica Tartuensis» (1982–2017). – Interlinguistica Tartuensis 10: Языкознание и интерлингвистика / Lingvoscienco kaj interlingvistiko. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 212–223.

Приложение

Из рецензий на сборник «Славянская микрофилология» (под редакцией А.Д. Дуличенко и Мотоки Номати), Тарту – Саппоро, 2018.

Сборник, подготовленный к изданию двумя крупными славистическими центрами — Тартуским университетом Эстонии (ответственный редактор проф. А.Д. Дуличенко) и Университетом Хоккайдо Японии (ответственный редактор проф. Мотоки Номати), посвящен проблеме славянских литературных микроязыков, привлекающей внимание славистов уже более полувека. В преддверии очередного Международного конгресса славистов в Белграде предпринятая в сборнике попытка осмысления состояния и перспектив этой области славистики представляется весьма актуальной...

Рецензируемый том отличается богатым научным содержанием, обилием нового материала, интересными подходами к его изучению. Он будет с благодарностью принят славистами разных специальностей (в том числе и благодаря огромной новой литературе по большинству малых славянских языков).

Заведующая Отделом этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН
Академик Светлана Михайловна Толстая

Под названием «Славянская микрофилология» сборник публикуется впервые, хотя разрабатывается данная проблематика уже давно и прежде всего Тартуской школой славянской микрофилологии, а также японской и другими, прежде всего европейскими, славистическими традициями. Сначала идет раздел «Общетеоретические вопросы славянской микрофилологии», затем следует основной из них — «Из мира современных славянских микроязыков» и завершает книгу небольшой раздел «О ситуации с современными славянскими микроязыками».

В первом разделе представлены сведения о славянских микрофилологиях вообще, впервые приводится перечень всех известных к настоящему времени славянских микроязыков, составляющих

современные микрофилологии, рассматриваются микроязыки в европейском контексте и т.д. Далее следует основной раздел, в котором с разных позиций исследуются такие славянские микроязыки, как: карпаторусинский, западнополесский, югославо-русинский, верхне- и нижнелижицкие, кашубский, молизско-славянский, попытки создания на основе горанского диалекта нового литературного микроязыка.

Lehrstuhl für Slavische Philologie, Universität Trier
Univ.-Prof. Dr. Alexander Bierich